

Америка. История

Роберт Маккензи

A M E R I C A.

A History.

I.—THE UNITED STATES.
II.—DOMINION OF CANADA.
III.—SOUTH AMERICA, &c.

By ROBERT MACKENZIE

London:

T. NELSON AND SONS, PATERNOSTER ROW.
EDINBURGH; AND NEW YORK.

1882.

[All Rights Reserved.]

Проект "Электронная книга Гутенберга" об Америке: история

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Америка: История

Автор: Роберт Маккензи

Дата выхода: 18 октября 2016 г. [Электронная книга № 53314]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Шарлин Тейлор, Адриан Мастронарди и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" АМЕРИКА: ИСТОРИЯ " ***

АВТОР ТОТ ЖЕ.

Десятая тысяча.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ век. История. Роберт Маккензи. Корона 8vo, ткань антикварная. Цена 7 шилл. 6долларов.

Представляя в удобной форме историю великих событий и движений нынешнего столетия в нашей собственной стране, по всей Британской империи, на Европейском континенте и в Америке.

THE TIMES.— “Ценное дополнение к библиотеке”.

ШОТЛАНДЕЦ.— “Центральная идея произведения и главная цель писателя проявляются в его весьма очевидном замысле проследить рост свободных институтов в различных государствах Европы, и особенно в Англии.... Более поучительной и полезной книги нельзя было бы дать в руки подрастающему поколению наших дней. Книга написана кратким и заостренным стилем. Движение повсюду стремительное; и хотя сцена часто меняется, его центральная мысль — о воспитании расы в духе свободы — никогда ни на мгновение не упускается из виду”.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.— “Написанная с редкой силой и мастерством; от начала до конца книга в высшей степени интересна и поучительна. Это путеводитель не только по истории, но и по политике, и нелегко найти более безопасный путеводитель с более увлекательной манерой изложения”.

"Т. НЕЛЬСОН И СЫНОВЬЯ", ЛОНДОН, ЭДИНБУРГ И НЬЮ-ЙОРК.

Америка. История.

I.— СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

II.— ДОМИНИОН КАНАДА.

III.— ЮЖНАЯ АМЕРИКА И Т.Д.

РОБЕРТ МАККЕНЗИ

Лондон:

Т. НЕЛЬСОН И СЫНОВЬЯ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.

ЭДИНБУРГ; И НЬЮ-ЙОРК.

1882 год.

[Все права защищены.]

Содержание.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.	ОТКРЫТИЕ,	11
II.	КОЛОНИЗАЦИЯ,	18
III.	ВИРДЖИНИЯ,	22
IV.	НОВАЯ АНГЛИЯ,	28
Против	ПРЕСЛЕДОВАНИЙ В НОВОЙ АНГЛИИ,	38
VI.	КОЛДОВСТВО В НОВОЙ АНГЛИИ,	43
VII.	ИНДЕЙЦЫ,	46

VIII.	НЬЮ-ЙОРК,	48
IX.	ПЕНСИЛЬВАНИЯ,	51
X.	ДЖОРДЖИЯ,	54
XI.	РАБСТВО,	58
XII.	РАННЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО,	64
КНИГА ВТОРАЯ.		
I.	ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН,	67
II.	БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН,	71
III.	ДОЛИНА РЕКИ ОГАЙО,	73
IV.	АМЕРИКА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ,	81
Против	БАНКЕР-ХИЛЛ,	96
VI.	НЕЗАВИСИМОСТЬ,	104
VII.	НА ВОЙНЕ,	107
VIII.	СОЧУВСТВИЕ ЗА МОРЕМ,	112
IX.	ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ,	114
X.	КАПИТУЛЯЦИЯ В САРАТОГЕ,	117
XI.	ПОМОЩЬ ИЗ ЕВРОПЫ,	119
XII.	МАЙОР АНДРЕ,	123
XIII.	ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ,	127
XIV.	ТРИНАДЦАТЬ ШТАТОВ СТАНОВЯТСЯ НАЦИЕЙ,	132
XV.	ВОЙНА С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ,	141
КНИГА ТРЕТЬЯ.		
I.	КИНГ КОТТОН,	154
II.	РАБСТВО,	158
III.	МИССУРИ,	164
IV.	НАДЕЖДА ДЛЯ НЕГРОВ,	166
Против	ТЕХАСА,	170
VI.	ВОЙНА С МЕКСИКОЙ,	173
VII.	КАЛИФОРНИЯ,	176
VIII.	КАНЗАС,	179
IX.	ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА,	183
X.	ДЖОН БРАУН,	186
XI.	ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ,	190
XII.	ОТДЕЛЕНИЕ,	196
XIII.	ДВА ПРЕЗИДЕНТА,	200
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.		
I.	НАНЕСЕН ПЕРВЫЙ УДАР,	204

II.	БИТВА При БУЛЛ-РАН,	211
III.	“НА РИЧМОНД”,	213
IV.	СВОБОДУ ПЛЕННОМУ,	224
Против	УСПЕХОВ КОНФЕДЕРАЦИИ,	228
VI.	ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ,	231
VII.	ГЕТТИСБЕРГ,	236
VIII.	ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ,	242
IX.	УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА,	256
X.	ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВОЙНЫ,	259
XI.	ПОСЛЕ ВОЙНЫ,	262
XII.	КАК АМЕРИКАНЦЫ ЗАБОТИЛИСЬ О СВОИХ СОЛДАТАХ,	267
КНИГА ПЯТАЯ.		
I.	ВОССОЕДИНЕННАЯ АМЕРИКА,	270
II.	АНГЛИЯ И АМЕРИКА,	278
III.	ИНДУСТРИАЛЬНАЯ АМЕРИКА,	283
IV.	ОБРАЗОВАНИЕ В АМЕРИКЕ,	293
Против	ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ,	299
	ПОСТСКРИПТУМ—ПРЕЗИДЕНТ ГАРФИЛД,	303
ДОМИНИОН КАНАДА.		
I.	НА ЗАРЕ КАНАДСКАЯ ИСТОРИЯ,	311
II.	СЭМЮЭЛЬ ДЕ ШАМПЛЕН,	317
III.	ИЕЗУИТЫ В КАНАДЕ,	324
IV.	ДОЛИНА МИССИСИПИ,	333
Против	АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА, ЗАВОЕВАННОГО АНГЛИЧАНАМИ,	337
VI.	КОЛОНИЗАЦИЯ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ,	348
VII.	ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ,	354
VIII.	КАНАДА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ,	361
IX.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО,	364
X.	ВОЙНА 1812 ГОДА,	368
XI.	ВНУТРЕННИЕ РАЗДОРЫ,	373
XII.	КАНАДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ,	380
XIII.	КОНФЕДЕРАЦИЯ,	394
XIV.	ПРИМОРСКИЕ ПРОВИНЦИИ,	399
XV.	ПРОВИНЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА,	409
XVI.	ПРОГРЕСС КАНАДСКОЙ НАЦИИ,	426
ЮЖНАЯ АМЕРИКА.		
I.	ОТКРЫТИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ,	439

II.	ИНДЕЙЦЫ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ,	466
III.	ИСПАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НОВОГО СВЕТА,	479
IV.	РЕВОЛЮЦИЯ,	494
Против	НЕЗАВИСИМОСТИ,	511
VI.	РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ,	534
VII.	БРАЗИЛИЯ,	544

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Книга первая.

ГЛАВА I.

ОТКРЫТИЕ.

Это было на позднем этапе мировой истории, прежде чем Европа и Америка стали известны друг другу. В течение первых пятнадцати веков христианской эры Европа не подозревала об огромном континенте, лежащем за морем. Азия перестала оказывать на нее влияние. Африка еще не начиналась. Ее история ждала могущественного влияния, которое Америка должна была оказывать в своих делах на протяжении всех будущих эпох.

Люди не спешили полностью устанавливать свое господство на море. Они очень рано научились строить корабли. Они очень рано воспользовались удивительной властью, которую рулевой оказывает на движение корабля. Но на протяжении многих веков они не находили более надежного ориентира в бездорожье, чем положение солнца и звезд. Когда набежали облака, чтобы лишить их этого неопределенного направления, они оказались беспомощны. Таким образом, они были вынуждены держать землю в поле зрения и довольствоваться тем, что робко крались вдоль берега.

Но в конце концов был обнаружен камень, который мудрый Создатель наделил странными свойствами. Было замечено, что игла, однажды соприкоснувшаяся с этим камнем, всегда впоследствии указывала строго на север. Люди увидели, что с помощью иглы, находящейся под таким воздействием, они могут ориентироваться на море так же уверенно, как и на суше.

Компас моряков развязал путы, которые привязывали моряков к берегу, и дал им свободу выходить в море.

Как раз в то время, когда моряки постепенно учились доверять своему компасу, в Европе возникло неистовое желание открыть неизвестные страны. Внезапно возник интерес ко всему далекому и неизведанному. Станные басни, рассказываемые путешественниками, принимались с жадностью. Человеческий разум начал сбрасывать оцепенение средневековья. По мере роста интеллекта люди все больше стремились выяснить форму и масштабы мира, в котором они обитали, и познакомиться с теми неизвестными расами, которые были их собратьями-обитателями.

Португалия и Испания, смотревшие на бескрайнее море, были сильно взволнованы новым импульсом. Дворы Лиссабона и Мадрида кишели авантюристами, совершившими открытия или желавшими иметь средства для их совершения. Среди них выделялся энтузиаст, который в течение восемнадцати лет не переставал докучать недоверчивым монархам кораблями и людьми, чтобы они могли открыть ему тайны моря. Это был высокий мужчина с серьезными и мягкими манерами и благородным, хотя и опечаленным взглядом. У него были серые глаза, “способные загораться”, когда он говорил о тех открытиях, в совершении которых он чувствовал себя избранником Небес. В юности он познал трудности и печали, и в тридцать лет его волосы были седыми. Он был сыном генуэзского гребенщика шерсти, и звали его Христофор Колумб. В нем всеобщая страсть к открытиям возросла до уровня вдохновения.

Ни один моряк нашего времени не пересек бы Атлантику на таких кораблях, какие были даны Колумбу. По размерам они напоминали меньшие из наших речных и каботажных судов. Только одно из них было палубным. Остальные были открыты, за исключением носа и кормы, где были построены каюты для команды. Матросы отправились туда неохотно и в большом страхе — по приказу короля. С такими кораблями и такими людьми Колумб оставил землю позади себя и отправился в эти неизведанные воды. Для него не существовало ни опасностей, ни трудностей — Бог, избравший его для выполнения этой работы, поддержал бы его в ее выполнении. Он отплыл 3 августа 1492 года. 12 октября, в тусклом свете раннего утра, он смотрел с палубы своего маленького корабля на берега нового мира. Его победа была одержана; его работа была выполнена. Насколько это было здорово, он сам никогда не знал. Он умер в уверенности, что просто открыл более короткий путь в Индию. Он никогда не наслаждался тем, что было бы лучшей наградой за весь его тяжкий труд, — сознанием того, что он присоединил огромный континент к владениям цивилизованных людей.

Открытие Колумбом удивительного факта, что за великим океаном существуют земли, населенные странными расами человеческих существ, пробудило в нем страстную жажду новых открытий. Великолепию новообретенного мира действительно было трудно противостоять. Говорили, что для собравшихся можно было получить богатство, превосходящее самые смелые мечты алчности. Пески каждой реки сверкали золотом. Сам цвет земли свидетельствовал о том, что золота здесь было в избытке. Самый скупой из индейцев украшал себя золотом и драгоценными камнями. Стены домов сверкали жемчугом. Там был фонтан, если только можно было его найти, воды которого даровали вечную молодость купальщику. Самые безумные романы принимались с жадностью, и Старый Мир с его знакомыми и болезненными реалиями казался подлым и ненавистным по сравнению с легендарной славой Нового.

Европа тогда наслаждалась сезоном необычного затишья — короткой передышкой от привычного военного труда, — как будто для того, чтобы дать людям время вступить в свои новые владения. Последний из мавров бросил свой последний взгляд на Гранаду, и Испания отдохнула от восьмивековой войны. В Англии Войны Алой и Белой розы прекратились. После тридцати лет ожесточенных боев и огромной потери жизней и имущества удачливые англичане смогли определить, какая ветвь определенной древней семьи будет править ими. Генрих VII, с его ясной, холодной головой и тяжелой рукой, довольно настойчиво вел свой народ к победам мира. Даже Франция вкусила радость покоя. Близилась Реформация. Пока Колумб прокладывал свой неуверенный путь через великую Атлантику, мальчик по имени Мартин Лютер посещал школу в маленьком немецком городке. Время было не за горами, но пока что умы Европы не были поглощены теми религиозными распрями, которые вскоре должны были потрясти ее.

Люди, чьим ремеслом было сражаться, с радостью обращались в это праздное время к миру, где несметные богатства можно было вырвать из рук невоинственных варваров. Англия и Франция упустили великолепный приз, который Колумб завоевал для Испании. Теперь они поспешили заполучить все, что могли. Бристольский купец Джон Кэбот получил разрешение от короля Англии совершить открытия в северных частях Америки. Кэбот должен был взять на себя все расходы, а король должен был получить пятую часть прибыли от этой авантюры. Взяв с собой своего сына Себастьяна, Джон Кэбот поплыл прямо на запад через Атлантику. В 1497 году нашей эры он достиг американского континента, несомненным первооткрывателем которого был. Результат его разочаровал. Он высадился на побережье Лабрадора. Находясь на той же широте, что и Англия, он рассудил, что должен найти такой же благоприятный климат. К своему удивлению, он наткнулся на область невыносимого холода, покрытую льдом и снегом. Джон Кэбот никогда не слышал о Гольфстриме и его чудесном влиянии. Он не знал, что западные берега северной Европы спасены от вечной зимы и прогреты до приятной температуры, которой они обладают, огромной рекой с горячей водой, текущей между берегами с холодной водой к востоку от Мексиканского залива. Впоследствии Кэботы совершили множество путешествий и исследовали американское побережье от крайнего севера до крайнего юга.

Французы обратили свое внимание на северные районы Нового Света. Их привлекли богатые рыбные запасы Ньюфаундленда. Француз поднялся вверх по великой реке Святого Лаврентия. После нескольких неудач там было основано французское поселение, и в течение полутора столетий французы населяли Канаду, пока англичане не освободили их от этой собственности.

Испанские авантюристы никогда не отдыхали в своих страстных поисках сокровищ нового континента. Пожилой воин по имени Понсе де Леон снарядил экспедицию за свой счет. Он слышал о чудесном источнике, воды которого вернут ему годы его растроченной юности. Он искал напрасно. Источник не открывался глупому старику, и ему приходилось без облегчения нести бремя своих бесполезных лет. Но он нашел страну, доселе невиданную европейцами, которая была покрыта великолепными лесами и, казалось, цвела вечными цветами. Он назвал ее Флоридой. Он попытался основать колонию в открытом им раю. Но туземцы напали на него, убили многих из его людей, а остальных загнали на их корабли, унося с собой своего вождя, смертельно раненного стрелой индейца.

Фердинанд де Сото был вместе с Писарро в его экспедиции в Перу и вернулся в Испанию, обогащенный своей долей награбленного. Он не сомневался, что на севере были города столь же богатые, а варвары столь же доверчивые. Под его командованием была организована

экспедиция для открытия новых регионов и грабежа их жителей. Никто не сомневался, что успех, равный успеху Кортеса и Писарро, сопутствует этому новому приключению. Испанская молодежь страстно желала, чтобы ей разрешили уехать, и они продавали дома и земли, чтобы купить необходимое оборудование. Из толпы претендентов были выбраны шестьсот человек врасцвете сил, и экспедиция отправилась в путь, преисполненная мужества, великолепного вида, безграничных ожиданий. 1539 год н.э. Они высадились на побережье Флориды и начали свой поход в дикую местность. У них были кандалы для индейцев, которых они намеревались взять в плен. У них были ищейки, чтобы эти пленники не сбежали. Лагерь кишел священниками, и пока они маршировали, благочестиво соблюдались праздники и процессии, предписанные Церковью.

С самого начала это было трудное и опасное предприятие; но для испанца того времени опасность была радостью. Индейцы были воинственны и, как правило, враждебны. Де Сото предстояло сражаться в битвах и нести тяжелые потери. Он всегда побеждал, но не мог позволить себе платить за многие такие победы. Пленные индейцы развлекали его рассказами о регионах, где изобиловало золото. Они поняли, что невежество в этом вопросе очень опасно. Де Сото расширил их знания, сжигая заживо тех, кто отрицал существование золота в этой стране. Испанцы медленно продвигались на север. Они с нетерпением искали какой-нибудь великий город, разграбление дворцов и храмов которого обогатило бы их всех. Они не находили ничего лучше, чем иногда попадавшийся индийский городок, состоящий из нескольких жалких хижин. Это было все, что они могли сделать, чтобы раздобыть необходимую пищу. Наконец они подошли к великолепной реке. Европейские глаза до сих пор не видели такой реки. Она была около мили в ширину, и ее водная масса устремлялась вниз, к морю, с течением удивительной силы. Это была Миссисипи. Испанцы построили суда и переправились на западный берег.

Там они возобновили свои странствия. Де Сото все еще не хотел признавать, что потерпел неудачу. Он все еще надеялся, что разграбление богатого города вознаградит его за труды. В течение многих месяцев испанцы блуждали среди болот и густых лесов этого унылого региона. Поначалу туземцы проявили некоторую склонность к оказанию помощи. Но испанцы, к своему разочарованию, были безжалостны и свирепы. Они развлекались тем, что причиняли боль пленным. Они отрубали им руки; они охотились на них с ищейками; они сжигали их на кострах. Индейцы стали опасны. Де Сото надеялся внушить им благоговейный трепет, заявив, что он один из богов, но обман был слишком очевиден. “Как может человек быть Богом, если он не может добыть хлеба на пропитание?” - спросил проницательный дикарь. Прошло три года с тех пор, как Де Сото высадился в Америке. Полный провал экспедиции больше нельзя было скрывать, и люди пожелали вернуться домой. Сломленный духом и телом, Де Сото подхватил лихорадку и умер. Его солдаты срубили дерево и расчистили в его стволе место для тела злополучного искателя приключений. Они не могли похоронить своего вождя на земле, чтобы индейцы не обесчестили его останки. В тишине полуночи грубый гроб был погружен в Миссисипи, и первооткрыватель великой реки уснул под ее водами. Испанцы немедленно решили отправиться на Кубу. У них были инструменты, и дерева было в избытке. Они убивали своих лошадей ради мяса; они грабили индейцев ради хлеба; они срывали оковы со своих пленников, чтобы пополнить свой скудный запас железа. Они построили достаточно кораблей, чтобы сплавить их вниз по Миссисипи. Триста оборванных и обескураженных людей были всем, что осталось от блестящего отряда, на который возлагались такие большие надежды, чьей удаче так завидовали.

ГЛАВА II. КОЛОНИЗАЦИЯ.

В течение многих лет европейские авантюристы продолжали прибывать на побережье Америки в надежде найти путь к немедленному обогащению. Были предприняты некоторые слабые попытки колонизации. Тут и там было высажено несколько семей, но голод или индейцы всегда уничтожали эти зарождающиеся поселения. Великая идея колонизации Америки медленно овладевала умами европейцев. Испанец искал индейцев для грабежа. Англичанин верил в золотые прииски и северо-западный проход в Индию. Только после того, как Америка была известна сто лет назад, люди начали задумываться о том, чтобы найти дом за Атлантикой.

Мужество и выносливость первых путешественников вызывают у нас восхищение. Немногие из них плавали на кораблях грузоподъемностью более ста тонн. Торговые суда того времени были очень маленькими. Королевские военно-морские силы Европы содержали большие суда, но торговля была слишком бедна, чтобы использовать какие-либо, кроме самых маленьких. В торговле императорского Рима использовались корабли, которые даже сейчас считались бы большими. Святой Павел потерпел крушение на корабле водоизмещением более пятисот тонн. Иосиф Флавий отплыл на корабле водоизмещением почти в тысячу тонн. Европа пока довольствовалась судами совсем другого класса. Отважные искатели приключений, стремившиеся достичь Земли Обетованной за великим морем, сочли достаточным корабль водоизмещением в сорок или пятьдесят тонн. Иногда использовались игрушечные кораблики водоизмещением в двадцать или двадцать пять тонн. Брат сэра Уолтера Рэли пересек Атлантику на таком корабле и погиб на нем при попытке вернуться в Англию.

Это был не самый приятный мир, в котором мужчинам и женщинам Европы приходилось жить в шестнадцатом веке. Борьба была постоянным занятием королей того времени. Мирный год был редким и несколько утомительным исключением. Короли обычно, по собственному желанию, собирали своих подданных и отправляли их убивать и грабить соседей. Гражданские войны были частым явлением. В этих запутанных раздорах люди убивали своих знакомых и друзей как единственный известный им способ решить, кто займет трон. Слабая коммерция была раздавлена железной пятой войны. Не ожидалось такой вещи, как безопасность жизни или имущества. Поля земледельца были вытоптаны марширующими армиями. Распущенные или дезертировавшие солдаты бродили по стране как “люди без хозяина”, грабя и убивая по своему желанию. Разбойников с большой дороги было предостаточно, хотя вряд ли можно было сказать, что шоссе существуют. Эпидемические заболевания странного типа, возникшие в результате недостаточного питания, ядовитого воздуха неосушенных земель и грязных улиц,

опустошили все европейские страны. В каких лишениях и невзгодах проводили свои дни люди шестнадцатого века, мы сейчас едва ли можем себе представить.

Английский парламент однажды напомнил Якову I. о некоторых "несомненных правах", которыми они обладали. Король сказал им в ответ, что ему "не нравится такой стиль разговора, но он предпочел бы услышать, как они скажут, что все их привилегии были получены по милости и разрешению суверена". Европа в шестнадцатом веке разбиралась в этом вопросе не лучше, чем Джеймс. Не предполагалось, что король был создан для народа; скорее, считалось, что люди были созданы для короля. То тут, то там какой-нибудь человек мудрее обычного понимал столь знакомую нам истину, что король - это всего лишь великий чиновник, назначенный народом для выполнения определенной работы за него. В те мрачные дни был профессор из Глазго, который учил, что власть короля исходит от народа и должна быть использована для его блага. Двумя его учениками были Джон Нокс-реформатор и Джордж Бьюкенен - историк, которые ясно воспринимали и твердо придерживались этой доктрины, такой великой и в то же время такой простой. Но огромной массе человечества казалось, что король обладает божественной властью распоряжаться своими подданными и их имуществом по своему усмотрению. Бедное терпеливое человечество все еще склонялось в смиренном почтении перед своими Королями и сносило, не удивляясь и не ропща, все, что им заблагорассудится причинить. Никакое более странное суеверие никогда не овладевало человеческим разумом, чем это безграничное средневековое почитание короля — почитание, которое не могли погасить самые низменные безумства, самые чудовищные пороки.

Но по мере того, как этот несчастливый век подходит к концу, ясно видны элементы самых благотворных перемен. Библия была широко прочитана. Библия - это книга всех эпох и при любых обстоятельствах. Но, несомненно, с тех пор, как она была впервые подарена человеку, ни в одной эпохе она не была так нужна, как в той, которая сейчас с удивлением и восторгом приветствует ее восстановление. Это глубоко завладело умами людей. Это оказало скрытое влияние, которое постепенно изменило облик общества. Повествовательные части Священного Писания были особенно приемлемы для неискушенного интеллекта того времени; и поэтому Ветхий Завет предпочитался Новому. Это предпочтение привело к некоторым ошибкам. Правила, которые были даны древним азиатским народам, применялись в обстоятельствах, для которых они никогда не предназначались. Легко улыбнуться этим ошибкам. Но невозможно переоценить социальное и политическое благо, которым мы сейчас наслаждаемся в результате этого непрерывного чтения Библии людьми шестнадцатого века.

Почти во всех европейских странах король утверждал, что регулирует религиозные убеждения своих подданных. Даже в Англии на эту власть все еще претендовали. Люди начинали подозревать, что они имеют право думать самостоятельно, — подозрение, которое переросло в возмущенную уверенность, ширилось и углублялось, пока не свергло с трона несчастный Дом Стюартов.

Немного позже, в семнадцатом веке, Америка стала прибежищем для тех, кто не захотел принять свою веру по приказу короля. Лучшая часть американской колонизации была результатом глупого и наглого угнетения Европы. Однако вначале это было не так. Именно из порыва бродячего мерзавства возникла первая американская колония.

ГЛАВА III. ВИРДЖИНИЯ.

Сэр Уолтер Рейли потратил большое состояние на попытки колонизировать Виргинию. Ему удалось привлечь внимание своих соотечественников к региону, который разжег его собственный энтузиазм, но его колонии никогда не процветали. Иногда колонисты возвращались домой, испытывая отвращение к тяготам дикой природы. Однажды они были вырезаны индейцами. Когда из Англии пришла помощь, зарождающееся поселение лежало в руинах. По полям валялись кости непогребенных людей; среди необитаемых домов бродили дикие олени. Однажды колония полностью исчезла. По сей день ее судьба неизвестна.

Сэр Уолтер терпел свое долгое заточение в тауэре, писал свою “Всемирную историю” и жалобно стонал по поводу опустошения, которое тюремная сырость нанесла его красивому телу. Время пришло, и его труды вот-вот должны были принести плоды. История Вирджинии вот-вот должна была открыться. Она началась со скудных обещаний. 1606 г. н.э. Королевской грамотой была учреждена Компания, в функции которой входила колонизация, а привилегией — торговля. Компания отправила экспедицию, которая плавала на трех небольших судах. Она состояла из ста пяти человек. Из них половина были джентльменами с разбитым состоянием; некоторые были торговцами, другие - лакеями. Лишь очень немногие были фермерами, или механиками, или людьми, в какой-либо мере приспособленными для жизни, к которой они стремились. Моральный аспект экспедиции был еще более обескураживающим. На борту кораблей находилось “сто развратных личностей”. Респектабельная часть экспедиции, должно быть, занимала очень мало места.

Но, к счастью для Виргинии, с этими нечестивыми основателями новой империи плыл человек, которого Провидение в высшей степени одарило способностями управлять своими собратьями. Его звали Джон Смит. Ни один писатель-романист не дал бы своему герою такого имени; но, несмотря на свое имя, этот человек был поистине героическим. Ему все еще не исполнилось тридцати, это был мужчина с сильными руками и ногами, широкой грудью и массивным телосложением. С детства он был солдатом — странствовал по миру в поисках приключений, везде, где происходил обмен тяжелыми ударами. Он был силен в единоборстве. Однажды, на глазах у противостоящих армий, он победил трех турок и, подобно Давиду, отрубил им головы и отнес в свой шатер. Вернувшись в Англию, когда страсть к колонизации была в самом разгаре, он сразу же уловил преобладающий импульс. Он присоединился к Виргинской экспедиции; в конечном итоге он стал ее руководителем. Его пригодность была настолько очевидна, что никакое нежелание с его собственной стороны, никакая зависть со стороны его товарищей не

могли помешать ему занять самое высокое место. В древности люди становились королями благодаря тому же процессу, который теперь сделал Смита вождем.

“Распутные личности” поплыли на своих кораблях вверх по реке Джеймс. Высадившись там, они приступили к строительству небольшого городка, который называли Джеймстауном в честь короля. Это была первая колония, пустившая корни на американской земле. Колонисты были очарованы климатом и роскошной красотой дикой природы, на границах которой они поселились. Но пока это была всего лишь дикая местность. Лес должен был быть расчищен, чтобы можно было выращивать пищу. Изгнанные джентльмены мужественно трудились, но испытывали сильное разочарование. “Топоры так часто натирали их нежные пальцы, что часто каждый третий удар сопровождался громким ругательством, заглушавшим эхо”. Смит был человеком, в душе которого царил благоговение к священным вещам. Он придумал, как пронумеровать клятвы каждого человека, “а ночью за каждую клятву выливать ему в рукав канистру воды”. При таком обращении зло утихало.

Эмигранты высадились ранней весной. Наступило лето с его палящей жарой; запасы продовольствия иссякли. “Если бы мы были так же свободны от всех грехов, как от обжорства и пьянства, - писал Смит, - нас могли бы причислить к лику святых”. Колонисты заболели и умерли. Из этих бедных покрытых волдырями пальцев выпал навсегда непривычный топор. До наступления осени погиб каждый второй человек. Но жаркое солнце Вирджинии, которое оказалось столь губительным для поселенцев, позволило созреть пшенице, которую они посеяли весной, и избавило выживших от нужды. Зима принесла им более здоровую температуру и обильные запасы дичи.

Когда благосостояние колонии было в какой-то мере обеспечено, Смит с несколькими спутниками отправился исследовать внутренние районы страны. Он и его последователи были схвачены индейцами, а последователи были без промедления перебиты. Самообладание Смита не изменило ему даже в самой крайней ситуации. Он достал свой карманный компас и заинтересовал дикарей, объяснив его свойства. Он написал письмо у них на глазах — к их бесконечному изумлению. Они пощадили его и выставили напоказ во всех окрестных поселениях. Он был для них непостижимой загадкой. Он явно был сверхчеловеком. Принесет ли его сила им добро или зло, они были не в состоянии определить. После долгих колебаний они выбрали путь, который, по-видимому, подсказывало благоразумие. Они решили уничтожить столь грозные силы, относительно использования которых они не могли получить никаких гарантий. Смит был связан и распростерт на земле, его голова покоилась на большом камне. Могучая дубинка была поднята, чтобы вышибить ему мозги. Но Смит был человеком, который завоевал всеобщее мнение. У индейского вождя была дочь Покахонтас, девочка десяти или двенадцати лет. Ей было невыносимо видеть, как уничтожают приятного англичанина. Пока Смит лежал в ожидании смертельного удара, она подхватила его на руки и встала между ним и дубинкой. Ее заступничество возобладавало, и Смит был освобожден.

Пять лет спустя “честный и сдержанный” молодой англичанин по имени Джон Рольф полюбил эту молодую индианку. У него была мучительная душевная борьба по поводу объединения с “человеком варварского происхождения и проклятой расы”. Но любовь восторжествовала. Он трудился над ее обращением и имел счастье видеть, как ее крестили в маленькой церкви Джеймстауна. Затем он женился на ней. Через некоторое время он увез ее домой, в Англию. Ее внешность была приятной; ум острым; набожность искренней; манеры красноречиво

свидетельствовали о ее лесном воспитании. Английский король и двор относились к ней с живейшим интересом, как к первенцу дикой природы. На этот союз двух рас возлагались большие надежды. Она — самая яркая личность - эта молодая виргинская жена и мать, — которую представляет нам история обреченных коренных рас. Но она не дожидаясь до того, чтобы вновь посетить свою родину. Смерть очень рано разлучила ее с мужем и ребенком.

Когда Смит вернулся из плена, колония была на грани вымирания. Осталось всего тридцать восемь человек, и они готовились к отъезду. Со Смитом к отчаявшимся поселенцам вернулась надежда. Они возобновили свою работу, уверенные в способностях своего начальника. Свежие прибывшие из Англии люди приободрили их. Характер этих подкреплений еще не улучшился. “Джентльмены-бродяги” по-прежнему составляли подавляющее большинство поселенцев — многие из них, как нам говорят, “уехали, чтобы избежать худшей участи дома”. Созданная таким образом колония уже приобрела очень плохую репутацию: настолько плохую, что некоторые, вместо того чтобы быть отправленными туда, “предпочли быть повешенными, и *были повешены*”. Над этими наиболее нежелательными субъектами Смит правил с властью, которую ни один человек не осмеливался или не желал подвергать сомнению. Но он был тяжело ранен в результате случайного взрыва пороха. Хирургической помощи в колонии не было. Смиуту пришлось отправиться в Англию, и на Виргинию снова обрушилась голодная разруха. 1610 Год н.э. За шесть месяцев пятьсот человек, которых оставил Смит, сократились до шестидесяти. Они уже погрузились на корабли и отчаливали, когда их встретил лорд Делавэр, новый губернатор. И снова колония была спасена.

Последовали годы спокойного роста. Эмигранты — теперь уже не совсем распутные — постоянно прибывали. Плохие люди правили Англией большую часть семнадцатого века, а хороших людей они продали в рабство в Виргинию. Жертвы жестокого судьи Джеффриса — шотландские ковенантеры, захваченные на Босуэлл—Бридж, - были отправлены на этот прибыльный рынок. В 1688 году население Вирджинии увеличилось до 50 000 человек. Маленькая деревянная столица разрасталась. Возникли другие маленькие деревянные городки. Глубоко в неизведанной дикой местности выросли хижины предприимчивых поселенцев, в уединенных уголках, на берегах безымянных виргинских ручьев. Подобие дорог соединяло молодые общины. Индейцев безжалостно подавляли. Виргинцы не покупали землю; они брали то, что им требовалось — убивали или изгоняли бывших жителей. Возможно, ошибки были с обеих сторон. Однажды индейцы спланировали резню так хитро, что погибло более трехсот англичан, прежде чем удалось остановить кровавую руку дикарей.

Первые исследователи Вирджинии обнаружили, что табак широко использовался индейцами. Это было главное лекарство дикарей. Предполагалось, что его достоинства — иначе необъяснимые — исходят от духовного присутствия, дом которого находился на этом растении. Табак быстро попал в Англию, где быстро завоевал популярность. Люди, которые до сих пор курили только коноплю, знали, как ценить табак. Король Яков яростно выступал против этого. Он издал прокламацию против торговли товаром, который разлагал разум и тело. Он обложил это тяжелым налогом, когда не мог исключить. Папа отлучил от церкви всех, кто курил в церквях. Но, вопреки закону и здравому смыслу, спрос на табак продолжал расти.

Виргинцы нашли свое самое прибыльное занятие в удовлетворении этого спроса. Они были настолько нетерпеливы, что табак выращивали на площадях и улицах Джеймстауна. В отсутствие денег валютой Вирджинии стал табак. Счета велись в табаке. Жалованье членов

Собрания, стипендии священнослужителей выплачивались табаком; правонарушения карались штрафами, выраженными в табаке. Отсутствие в церкви обошлось преступнику в пятьдесят фунтов; отказ крестить своего ребенка - в две тысячи фунтов; прием у себя квакера - в пять тысяч фунтов. Когда запасы табака были чрезмерно велики, валюта обесценивалась, что приводило к большим неудобствам. Виргинцы исправили это зло в своей денежной системе, заставив каждого плантатора сжечь определенную часть своих запасов.

Через несколько лет после поселения у виргинцев была письменная конституция, в соответствии с которой они управлялись. У них был парламент, выбранный бургами, и губернатор, присланный им из Англии. Среди них была основана Епископальная церковь, а колония разделена на приходы. Был построен колледж, в котором обучались не только англичане, но и наиболее многообещающие молодые индийцы. Но они так и не стали образованными людьми. Население было широко разбросано, так что школы были практически невозможны. В плане образования Вирджиния сильно отставала от своих сестер на Севере.

ГЛАВА IV. НОВАЯ АНГЛИЯ.

Немногим более двух столетий назад Новая Англия представляла собой один огромный лес. Кое-где было расчищено небольшое пространство, выращено немного кукурузы; несколько индейских семей устроили себе временное пристанище. Дикие обитатели этой земли тратили свою бесполезную жизнь только на охоту и сражения. Реки, которые сейчас дают жизнь столь многочисленной веселой промышленности, бесполезно текли к морю. Провидение уготовило дом, в котором мог бы уместиться великий народ. Давайте посмотрим, откуда и как были взяты люди, которым суждено было стать обладателями этого богатства.

Реформация учила, что каждый человек имеет право читать Библию самостоятельно и руководствоваться в своей жизни светом, который он из нее черпает. Но урок был слишком важным, чтобы его можно было быстро усвоить. Протестантские князья не больше, чем паписты, могли позволить своим подданным думать самостоятельно. Яков I только что взошел на английский трон. У него были голова дурака и сердце тирана. Он никому не позволил бы отделить себя от Установленной Церкви. Он “изгонял бы с лица земли” всех, кто пытался бы это сделать; и он сдержал свое слово. Люди отделялись от Церкви, и король простирали свою безжалостную руку, чтобы сокрушить их.

На северной границе Ноттингемшира стоит маленький городок Скруби. Здесь было несколько серьезных и пользующихся хорошей репутацией людей, для которых праздные церемонии Официальной Церкви были оскорблением. Они тайно встретились в доме одного из них, джентльмена по имени Брюстер. Пастор по их выбору, мистер Робинсон, мудрый и хороший человек, служил им во всей простоте Писания. Но их тайные собрания были выданы властям, и их жизни стали горькими из-за обрушившихся на них преследований. Они решили покинуть свою собственную землю и искать среди чужаков той свободы, в которой им было отказано дома.

Они отплыли со всем своим добром в Голландию. Но когда корабль был готов к отплытию, на них напали солдаты, разграбили и выгнали на берег. Их вывели на общественную площадь Бостона, и там Отцы Новой Англии претерпели такие унижения, какие только могла учинить неверующая толпа. После нескольких недель пребывания в тюрьме им разрешили вернуться домой.

Следующей весной они снова попытались сбежать. На этот раз на борту было довольно много людей, а остальные ждали возвращения лодки, которая доставила бы их на корабль. Внезапно были замечены драгуны, мчащиеся по пескам. Шкипер поднял якорь и вышел в море с теми своими пассажирами, которые у него были. Остальных отвели в тюрьму. Через некоторое время их отпустили, и небольшими группами они отправились в Голландию. Мистер Робинсон и его прихожане воссоединились, и первый этап утомительного паломничества из Старой Англии в Новую был наконец завершен.

В Голландии было проведено одиннадцать спокойных и небезуспешных лет. Пилигримы терпеливо трудились над своими различными ремеслами. 1609 год н.э. Они быстро завоевали репутацию людей, честно и эффективно делающих все, за что они себя выдавали, и таким образом нашли много работы. Мистер Брустер установил типографию и печатал книги о свободе, которые, как он имел удовлетворение узнать, сильно разгневали глупого короля Якова. Время от времени маленькая колония пополнялась по мере того, как угнетение в Англии становилось все более невыносимым.

Инстинкт отделения был силен в сердцах пилигримов. Им была невыносима мысль о том, что их маленькой колонии предстоит смешаться с голландцами и потерять свое независимое существование. Но их сыновья и дочери уже заключали союзы, которые угрожали такому результату. Отцы долго и с тревогой размышляли о том, как можно предотвратить опасность. Они снова решили отправиться в паломничество. Они искали бы дом за Атлантикой, где могли бы жить порознь, и нашли бы Государство, в котором могли бы свободно мыслить.

1620 год н.э. Солнечным июльским утром паломники преклоняют колени на берегу моря в Дельфтвавене, в то время как пастор молится за успех их путешествия. На берегу сверкающего моря ждет маленький корабль. Не нашлось денег на пересадку всей колонии, и было отправлено только сто штук. Остальные последуют, когда смогут. Эта сотня отбывает среди слез, молитв и нежных прощаний. мистер Робинсон отпустил их с советами, которые дышали чистой и возвышенной мудростью. Он призвал их всегда держать свой разум открытым для восприятия новых истин. “У Господа, - сказал он, - есть еще больше истины, которая может вырваться из его святого Слова. Я не могу достаточно оплакивать состояние реформатских

Церквей, которые вступили в определенный период в религии и в настоящее время не пойдут дальше инструментов своей реформации. Лютер и Кальвин были великими и сияющими светилами в свое время, однако они не проникли во весь замысел Божий, но, будь они сейчас живы, были бы так же готовы принять дальнейший свет, как и тот, который они получили впервые. Я умоляю вас, помните, что вы должны быть готовы принять любую истину, которая станет вам известна из написанного Слова Божьего”.

Шестьдесят восемь лет спустя состоялось еще одно знаменитое отплытие от берегов Голландии. Это был приезд Уильяма, принца Оранского, чтобы освободить Англию от тирании и дать новый ход английской истории. С принцем отправились в плавание мощный флот и армия. Знатные люди страны провожали его на корабли. Во всех церквях были вознесены публичные молитвы о его безопасности. Незначительным по сравнению с этим на первый взгляд кажется незамеченный отъезд сотни рабочих мужчин и женщин. Однако на самом деле это было не менее, а даже более запоминающимся событием. Ибо эти бедные люди отправились в путь, чтобы основать великую империю, которой суждено оставить такой же глубокий и непреходящий след в мировой истории, как это сделал Рим или даже как это сделала Англия.

"*Мэйфлауэр*", на котором паломники совершили свое путешествие, был кораблем водоизмещением в сто шестьдесят тонн. Погода выдалась штормовой и холодной, путешествие оказалось неожиданно долгим. Когда они отплыли, было начало сентября; только 11 ноября "*Мэйфлауэр*" бросил якорь в водах залива Кейп-Код.

Перед ними лежал унылый и обескураживающий берег. Ничто не бросалось в глаза, кроме невысоких песчаных холмов, поросших низкорослым лесом вплоть до кромки моря. Теперь паломникам предстояло выбрать место для своего поселения. По этому поводу они колебались так долго, что капитан пригрозил высадить их всех на берег и оставить одних. На разведку были отправлены небольшие экспедиции. Сначала не удавалось найти подходящего населенного пункта. Мужчинам приходилось терпеть большие трудности. Холод был таким сильным, что брызги замерзали на их одежде, и они напоминали людей, закованных в доспехи. Наконец место было выбрано. Почва оказалась хорошей и изобиловала “нежными источниками” воды. 23 декабря паломники высадились на берег, ступив на огромный гранитный валун, который до сих пор благоговейно хранится их потомками. Здесь они решили основать свое поселение, которое договорились назвать Нью-Плимутом.

Зима была суровой, и молодая колония была очень близка к вымиранию. На борту "*Мэйфлауэра*" их плохо кормили, и в течение некоторого времени после высадки на берег укрытие от непогоды было очень плохим. Болезнь тяжело обрушилась на измученных паломников. Каждый второй день приходилось рыть могилу в мерзлой земле. К тому времени, когда пришла весна, в живых осталось всего пятьдесят человек, и они, к сожалению, ослабли и пали духом.

Но всю эту унылую зиму Паломники трудились над своей тяжелой работой. Уход за больными, погребение мертвых, к сожалению, мешали их работе; но строительство их маленького городка продолжалось. Они обнаружили, что девятнадцать домов вместят их уменьшившееся количество. Они построили их. Затем они окружили их частоколом. На возвышенности рядом со своим городом они возвели сооружение, которое служило двойной цели. Вверху это был форт, на котором они установили шесть пушек; внизу - их церковь. До сих пор индейцы вызывали беспокойство, но не причинили им никакого вреда. Теперь они чувствовали себя в

безопасности. На самом деле особого риска никогда не было. Недавняя эпидемия унесла девять десятых индейцев, населявших этот регион, и обескураженные выжившие едва ли могли позволить себе навлечь на себя враждебность своих грозных гостей.

Пилигримы позаботились о том, чтобы обеспечить себе правительство. Они составили и подписали в салоне *"Мэйфлауэра"* документ, формирующий их политическую организацию и обещающий подчиняться всем законам, установленным для общего блага. Согласно этой конституции, они назначили Джона Карвера своим губернатором. Они покорно признали короля Якова, но не оставили большого места для его власти. По сути, они были самоуправляющимся народом. Они знали, что такое деспотизм, и были совершенно уверены, что демократия ни в коем случае не может быть настолько плохой.

Наконец наступила долгожданная весна, и "птицы запели в лесу очень приятно". Здоровье колонии начало несколько улучшаться, но предстояло еще много страданий. Лето прошло небезоблачно. Они овладели пустынными полянами индейцев и без труда добывали себе пропитание. Но осенью пришел корабль с новой группой паломников. Это было очень обнадеживающе; но, к несчастью, корабль не привез провизии, а запасов колонистов оказалось недостаточно для такого неожиданного пополнения. В течение шести месяцев каждому выдавалась только половина пособия. В течение первых двух-трех лет такие затруднения часто повторялись. Часто колонисты ночью не знали, "где перекусить утром". Раз или два своевременное прибытие корабля спасло их от голодной смерти. Они много страдали, но их жизнерадостная вера в Провидение и в свой собственный окончательный триумф никогда не колебалась. Они с бесстрашием встречали трудности своего положения. Медленно, но верно маленькая колония пустила корни и начала расти.

Годы, следовавшие за прибытием пилигримов, были годами, в течение которых хорошим людям в Англии было горько жить. На троне находился Карл I. Лауд был архиепископом Кентерберийским. Фанатизм, столь слепой и почти такой жестокий, какого Англия никогда не видела, таким образом, восседал на ее высоких постах. Несогласие с папистскими обычаями, которые все больше и больше преобладали в Церкви, было сопряжено с опасностью для жизни. Перемены были близки. Джон Хэмпден обрабатывал свои земли в Бакингемшире. Человек более великий, чем он, — его двоюродный брат Оливер Кромвель — вел свою тихую сельскую жизнь в Хантингдоне, не без многих тревожных и возмущенных мыслей о пороках своего времени. Джон Мильтон мирно сочинял свои второстепенные поэмы и наполнял свой разум знаниями древних. Пришли Люди, и Час был близок. Но пока что король Карл и архиепископ Лауд поступали по-своему. Они штрафовали и сажали в тюрьму каждого человека, который осмеливался думать иначе, чем они хотели, чтобы он думал: они отрезали ему нос, они отрезали ему уши, они приговаривали его к долгим часам у позорного столба. Они приказали, чтобы люди не покидали королевство без разрешения короля. Когда был отдан этот приказ, в Темзе стояли восемь кораблей с пассажирами на борту. Солдаты очистили корабли, и бедные эмигранты были вынуждены вернуться в нищету и отчаяние, чтобы терпеть лишения, от которых они так стремились спастись.

Новая Англия была убежищем, к которому стремились измученные жертвы этой бессмысленной тирании. Паломники писали своим друзьям домой, и каждое письмо рассматривалось с интересом, подобающим "священному письму". Сначала им было о чем рассказать; затем они обрели процветание и комфорт; всегда у них была свобода. Новая Англия казалась раем людям,

которым было отказано в разрешении поклоняться Богу так, как они считали правильным. Каждое лето отправлялось несколько кораблей для поселений. Приезжало много молчаливых священников. Многие из их прихожан пришли сюда, радуясь возможности освободиться, какими бы ни были жертвы, от тирании, которая опозорила их родную землю. Регион вокруг Нью-Плимута стал слишком тесным для проживания. Время от времени отправлялся небольшой отряд во главе со священником. С женами, детьми и багажом они медленно пробирались через заболоченный лес. Через неделю или две утомительного путешествия они достигли какой-то точки, которая понравилась их воображению или к которой, по их мнению, их послало Провидение. Там они построили свой маленький городок с его деревянными хижинами, частоколом, фортом, на котором в конце концов установили одну или две пушки. Так были основаны многие города Новой Англии.

В течение нескольких лет трудности, с которыми столкнулись колонисты, были почти непреодолимыми. Временами казалось, что даже существует опасность того, что голодная смерть положит конец всему предприятию. Но они были мужественными, терпеливыми, трудолюбивыми людьми, и труд постепенно приносил утешение. Целина начала приносить им обильные урожаи. Они ловили рыбу с таким успехом, что удобряли свои поля урожаем моря. Они пряли и ткали. Они рубили древесину в своих бескрайних лесах. Они строили корабли и отправляли в чужие страны древесину, рыбу, меха, которые не требовались дома. 1643 год н.э. Много лет назад построенный в Массачусетсе корабль отплыл в Лондон, сопровождаемый “многочисленными молитвами церквей”. Их зарождающаяся торговля не обошлась без проблем. У них было мало монет или их вообще не было, и индийская кукуруза стала законным платежным средством. Пули были легализованы вместо фартингов, которые вместе с другими монетами исчезли для оплаты иностранных товаров. Но никакая трудность не могла долго противостоять их упорному, неослабевающему труду.

Они были благородным народом, который, таким образом, пустил свои корни в бескрайних лесах Новой Англии. Их особенности действительно могут нас позабавить. Ветхий Завет был их сводом законов, и они считали, что институты Моисея были лучшей моделью для институтов Новой Англии. Они сделали посещение общественных богослужений обязательным. Они крестили своих детей ветхозаветными именами. Они регулировали женскую одежду законом. Они считали, что длинные волосы противоречат Писанию, и проповедовали против вуалей и париков.

Наименее мудрые из нас могут улыбнуться ошибкам, в которые впали Отцы-пуритане Новой Англии. Но самые мудрые из всех эпох будут глубоко почитать чистоту, серьезность, чудесную просвещенность этих людей. Из своего непрерывного изучения Библии они почерпнули непревзойденную по глубине и пылкости любовь к человеческой свободе. Выйдя из-под деспотического правления, они сразу же установили абсолютно свободное правительство. Они чувствовали — то, чего Европа еще даже не осознала в полной мере, — что граждане государства должны быть способны управлять делами этого государства, не будучи беспомощными в зависимости от нескольких знатных семей; что члены Церкви должны управлять делами этой Церкви, не ожидая санкции ни от какого покровителя, каким бы благородным и добрым он ни был. Одним из их основных законов было то, что всем иностранцам, исповедующим христианскую религию и изгнанным из своих домов преследователями, должна быть оказана государственная помощь. Образование детей было их едва ли не первой заботой. Пилигримы перенесли с собой через море глубокую убежденность в

том, что их младенческое государство не могло процветать без образования. Через три года после высадки среди друзей, которых они оставили в Лондоне, о них ходили слухи, что “их детей не обучали катехизации и чтению”. Колонисты остро ощутили этот упрек. Они категорически отрицали справедливость этого. Они действительно признавали, что еще не ходили в школу, как бы им этого ни хотелось. Но все родители делали все возможное, каждый в воспитании своих собственных детей. Через несколько лет начали появляться школы. Пожертвования, какие только можно было себе позволить, раздавались бесплатно. Был выбран какой-нибудь брат, обладающий достаточной квалификацией, и его “умоляли стать школьным учителем”. И так постепенно были заложены основы системы благородных школ Новой Англии. Вскоре был принят закон, согласно которому в каждом городе с населением в пятьдесят домовладельцев должна быть общая школа; в каждом городе с населением в сто домовладельцев должна быть средняя школа. Гарвардский колледж был основан через пятнадцать лет после высадки.

Основателями Новой Англии были люди, которые еще дома знали цену буквам. Брюстер привез с собой библиотеку из двухсот семидесяти пяти томов, и это была не самая большая коллекция в колонии. Любовь к знаниям была глубокой и всеобщей. Новая Англия никогда не отказывалась от своей ранней преданности делу образования.

Каждый колонист обязательно был солдатом. Государство снабжало его оружием, если он был беден; требовало, чтобы он обеспечивал себя сам, если был богат. Его оружием были меч, пика и фитильный замок с раздвоенной палкой, на которую опиралась его артиллерия при прицеливании. Люди были тщательно обучены обращению с оружием. В благочестивом духе того времени их учения часто начинались и заканчивались молитвой.

Через двадцать три года после высадки Пилигримов население Новой Англии выросло до двадцати четырех тысяч. Сорок девять маленьких деревянных городков с их деревянными церквями, деревянными фортами и деревянными валами были разбросаны тут и там по всей стране. Существовало четыре отдельные колонии, у которых до сих пор были отдельные правительства. Это были Плимут, Массачусетс, Коннектикут и Нью-Хейвен. Поначалу в сознании пилигримов зародилась склонность широко рассеиваться и оставаться обособленными в небольших самоуправляющихся общинах. В течение нескольких лет каждая маленькая группа, углублявшаяся в дикую местность, создавала независимое государство, не имея никаких политических отношений со своими соседями. Но эта изоляция не могла продолжаться. В дикой местности были и другие обитатели, чье присутствие представляло постоянную угрозу. В пределах “досягаемости удара” было достаточно индейцев, чтобы растоптать уединенные маленькие английские общины. На их границах были французы и голландцы — естественные враги, какими в то время были все люди друг для друга. В 1643 году нашей эры для взаимной защиты и поощрения четыре колонии объединились в Объединенные колонии Новой Англии. Это была первая конфедерация на земле, где впоследствии должны были быть созданы конфедерации беспрецедентного масштаба.

ГЛАВА V. ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В НОВОЙ АНГЛИИ.

Пуритане покинули свою родную Англию и отправились, как они это называли, “за пределы мира”, чтобы наслаждаться свободой поклоняться Богу в соответствии с тем способом, который они считали правильным. Они обнаружили, что сами имеют право на терпимость. Они чувствовали, что ограничения, наложенные на них, были очень несправедливыми и очень прискорбными. Но их свет пока не вел их дальше. Они не обнаружили, что люди, которые отличаются от них, имеют такое же право на терпимость, как и они сами. У нас нет права обвинять их в отсталости. Каким бы простым это ни казалось, но даже пока не все мужчины осознали, что каждый из них имеет полное право думать самостоятельно.

1631 год н.э. И вот так случилось, что еще до того, как паломники много лет наслаждались радостной свободой своего нового дома, среди них подняли голову доктрины, которые они чувствовали себя обязанными подавлять. Однажды февральским днем в Бостоне сошел на берег молодой человек, от прихода которого зависели великие дела. Его звали Роджер Уильямс. Он был священнослужителем — “благочестивым и ревностным” - человеком редкой добродетели и власти. Позднее Кромвель допустил к нему значительную степень близости. Он был другом Джона Мильтона — в светлые дни юности поэта, когда его еще не окружала “вечная тьма”. От него Милтон приобрел свои познания в голландском языке. Он привез с собой в Новый Свет некоторые странные мнения. Долгое размышление убедило его в том, что в отношении религиозной веры и богослужения человек ответственен только перед Богом. Ни один человек, сказал Уильямс, не имеет права принуждать другого человека в отношении религии. Гражданская власть имеет дело только с “телами, имуществом и внешними состояниями” людей; в сфере совести единственным правителем является Бог. Новая Англия не смогла воспринять эти настроения. Уильямс стал министром в Салеме, где пользовался большим уважением. Со временем его взгляды навлекли на него неблагоприятное внимание властей. Общий суд Массачусетса привлек его к суду за ошибки в его вере. Его горожане и прихожане покинули его. Его жена горько упрекала его в том зле, которое он навлек на свою семью. Мистер Уильямс не мог поступить иначе. Он должен до последнего вздоха, если потребуется, свидетельствовать против “угнетения души”, которое он видел вокруг себя. Суд выслушал его, обнаружил ошибку в его мнениях, признал его виновным и вынес ему приговор о высылке.

Вся честь этому доброму и храброму, хотя и несколько эксцентричному человеку. Из всех людей своего времени он яснее всех видел красоту абсолютной свободы в вопросах совести. Он уехал из Салема. Он получил в дар от индейцев землю и основал штат Род-Айленд. Однажды, высадившись из лодки, в которой он исследовал свои новые владения, он поднялся по пологому склону и отдохнул со своими товарищами у источника. Ему казалось, что столица его зарождающегося государства должна быть здесь. Он заложил основы своего города, который

назвал Провиденс, в знак благодарности за Силу, направлявшую его неуверенные шаги. Его поселение должно было стать “убежищем для лиц, страдающих от угрызений совести”. Наиболее примечательно, что так оно и было. Единственный из всех штатов христианского мира Род-Айленд не имеет и намека на преследование ни в своем законодательном акте, ни в своей истории. Массачусетс продолжал изгонять своих еретиков; Род-Айленд принял их. Они могли ошибиться в своей интерпретации Священного Писания. Пожалейте себя, если они это сделают. Но пока они подчинялись законам, они могли толковать Священное Писание в соответствии с тем светом, который у них был. Много лет спустя мистер Уильямс стал президентом основанной им колонии. Соседние штаты в то время сурово наказывали квакеров плетью, клеймами и виселицей. Род-Айленд был приглашен присоединиться к преследованию. Мистер Уильямс ответил, что у него нет закона, по которому можно было бы наказывать кого-либо за их веру “в спасение и вечное состояние”. Он питал отвращение к доктринам квакеров. На семьдесят третьем году жизни он проплыл тридцать миль в открытой лодке, чтобы провести публичные дебаты с некоторыми защитниками системы. Так и только так он мог противостоять распространению мнений, которые считал пагубными. В прекрасной последовательности и завершенности проявляется до последнего часа его долгой жизни верность этого хорошего человека абсолютной свободе человеческой совести.

1651 год н.э. И таким образом, также случилось, что, когда семь или восемь человек начали отрицать, что младенцев следует крестить, Новая Англия никогда не сомневалась, что поступила правильно, насильственно растоптав их ересь. Еретики организовали собственное собрание, где они могли поклоняться Богу отдельно от тех, кто крестил их младенцев. Однажды субботним утром констебль вторгся в их богослужение и силой увел их в церковь. Их поведение там вполне соответствовало манере их прихода. Они дерзко надевали шляпы, пока священник молился, и не скрывали, что считают грехом участвовать в богослужениях тех, кто практикует крещение младенцев. За это “отделение себя от народа Божьего” они предстали перед судом. Их оштрафовали, а некоторых, наиболее упрямых из них, приказали “хорошенько выпороть”. У нас нет причин сомневаться в том, что этот приказ был выполнен как по духу, так и по букве. А затем вышел закон, по которому каждый мужчина, открыто осудивший крещение младенцев, должен был подвергнуться изгнанию. Так непреклонны были добрые люди Новой Англии в том, что правом, ради которого они проделали такой долгий путь, не должен пользоваться никто, кто видит в какой-либо части Божественного Слова смысл, отличный от их собственного.

1656 год н.э. Таким же образом, когда у Массачусетса появились основания опасаться прихода определенных последователей квакерского толка, его охватил сильный страх. Был объявлен постный день, чтобы встревоженные люди могли “обратиться к лику Божьему в связи с обилием ошибок, особенно ошибок рантеров и квакеров”. Пока они постились, к их берегам приближался корабль с несколькими женщинами-квакерками на борту. Эти непрошеные гости были немедленно схвачены и помещены в тюрьму; их книги были сожжены палачом; сами они были отправлены домой на кораблях, которые их доставили. Всем капитанам кораблей было строго запрещено привозить квакеров в колонию. Бедная женщина, жена лондонского портного, оставила своего мужа и детей, чтобы принести, как она сказала, послание от Господа в Новую Англию. Ее беда была лишь напрасной, ибо те, к кому пришло ее послание, вознаградили ее двадцатью ударами и немедленным изгнанием. Изгнанные квакеры воспользовались первой возможностью, чтобы найти дорогу назад. Были приняты законы, обрекающие на смерть всех, кто осмеливался вернуться. Бедный фанатик шел за своим плугом в далеком Йоркшире, когда к нему пришло слово Господа: “Отправляйся в Бостон”. Он ушел, и

неблагодарные жители Бостона повесили его. Всего погибли четыре человека. Многих выпороли, некоторым отрезали уши. 1661 год н.э. Но общественное мнение, которое в Америке всегда было исключительно гуманным, начало осуждать эти глупые жестокости. И у квакеров были друзья дома — друзья, имевшие доступ ко двору. Пришло письмо от имени короля, в котором говорилось, что властям Новой Англии следует “воздержаться от дальнейших действий против квакеров”. Это письмо пришло из рук квакера, которому грозил смертный приговор, если бы он осмелился вернуться. Власти не могли не получить его — не могли не привести в исполнение. Преследование прекратилось, и вместе с ним, можно сказать, прекратилось в Америке всякое насильственное вмешательство в право людей думать самостоятельно.

Квакеры, как они нам известны, из всех сект наименее оскорбительны. Преследование этого спокойного, вдумчивого, сдержанного народа вполне может удивить нас. Но, отдавая должное Новой Англии, следует сказать, что первое поколение квакеров чрезвычайно отличалось от последующих поколений. Это был фанатичный народ — экстравагантный, беспорядочный, отвергающий законную власть. Более несговорчивого народа, более невыносимого для любого правительства, еще не было на свете. Ими руководил “внутренний свет”, который обычно ставил их в противоречие с законами страны, в которой они жили, а также с самыми безобидными общественными обычаями. Джордж Фокс заявил, что “Господь запретил ему снимать шляпу перед кем бы то ни было”. Его последователи вели себя неудобно и вызывающе агрессивно. Они вторглись в общественное богослужение. Они открыто выражали свое презрение к религии своих соседей. Они постоянно приходили с “посланиями от Господа”, слушать которые было неприятно. Они появлялись в общественных местах очень несовершенно одетыми, таким образом символически выражая духовную наготу того времени и порицая ее. Через некоторое время, когда их рвение объединилось с осмотрительностью, они стали самым ценным элементом американского общества. Но вряд ли стоит удивляться, что поначалу они вызывали тревогу. Мужчины Новой Англии смотрели на этот предмет очень просто. Они покупали и платили за каждый акр земли, который они занимали. Их страна была усадьбой, из которой они могли изгнать кого захотят. Они не хотели принимать людей, целью которых было ниспровержение всех их институтов, гражданских и религиозных. Это была ошибка, но самая естественная ошибка. Много лет спустя, когда Новая Англия осознала свою ошибку, она благородно сделала все, что могла, выплатив компенсацию представителям тех квакеров, которые пострадали в те тяжелые времена.

ГЛАВА VI. КОЛДОВСТВО В НОВОЙ АНГЛИИ.

Когда Паломники покидали свою родную землю, вера в колдовство была повсеместной. Англия, охваченная большим страхом, занималась убийством одиноких пожилых женщин, которых подозревали в союзе с сатаной. За несколько лет до этого король Яков опубликовал свою книгу по демонологии, в которой утверждал, что воздерживаться от казни ведьм было “отвратительной изменой Богу”. Англия была не мудрее своего короля. На протяжении всей жизни Джеймса и еще долгое время после того, как он перестал вторгаться в царство сатаны, среднее ежегодное число казней за колдовство составляло где-то около пятисот.

Пилигримы перенесли с собой через Атлантику всеобщее заблуждение, которое их образ жизни был приспособлен для усиления. Они жили на краю обширных и мрачных лесов. Каждую ночь вокруг их хижин раздавались волчий вой и вой пантеры. Коварные дикари прятались в лесах, выжидая время, чтобы грабить и убивать. Все обстоятельства были приспособлены для того, чтобы усилить восприимчивость ума к мрачным и суеверным впечатлениям. Но в течение первой четверти века, пока каждый корабль приносил известия об убийстве ведьм на родине, ни одна сатанинская вспышка не беспокоила поселенцев. Чувство братства было еще слишком сильно среди них. Люди, которые вместе отваживались на большие опасности и переносили большие лишения, не склонны смотреть друг на друга как на союзников и агентов Лукавого.

В 1645 году четыре человека были казнены за колдовство. В течение следующего полувека время от времени происходили единичные случаи, когда какой-нибудь несчастный становился жертвой потаенного суеверия. Это было в 1692 году, когда истребление ведьм приняло форму эпидемии, причем с такой яростью, которую редко можно было наблюдать где-либо еще.

В штате Массачусетс есть небольшой городок, тогда называвшийся Салем, уютно расположившийся на равнине между двумя реками; и в городе Салем в то время жил священник по имени Парис. В феврале месяце заболели дочь и племянница мистера Пэриса. Это было мрачное время для Массачусетса, поскольку колония находилась в состоянии войны с французами и индейцами и жестоко страдала от их опустошений. Врачи провели торжественное совещание над больными девушками и объявили их околдованными. мистер Пэрис, не сомневаясь, что это именно так, приложил все усилия, чтобы найти обидчиц. Подозрение пало на трех пожилых женщин, которые были немедленно схвачены. А затем мания распространилась с поразительной быстротой. Гнев и страх обезумевшего сообщества усилились. Каждый подозревал своего соседа. Дети обвиняли своих родителей; родители обвиняли своих детей. Тюремь едва могли вместить подозреваемых. В городе Фалмут повесили своего священника, человека умного и достойного. Некоторые близкие родственники губернатора были осуждены. Даже звери не были в безопасности. Собака была торжественно предана смерти за участие, которое она принимала в каком-то сатанинском празднестве.

Более двенадцати месяцев эта безумная паника бушевала в штатах Новой Англии. Просто хочу сказать, что к отвратительной жестокости, которая практиковалась в Европе, не прибегали при преследовании американских ведьм. пытки применялись не для того, чтобы вырвать признание у жертвы. Американский тест был более гуманным, а не более глупым, чем европейский. Те подозреваемые, которые отрицали свою вину, были признаны виновными и повешены; те, кто сознался, по большей части были отпущены на свободу. Многие сотни невинных людей, презревших возможность купить себе жизнь ложью, трагически погибли под яростью возбужденного народа.

Огонь разгорелся в одно мгновение; так же внезапно он погас. Губернатор Массачусетса лишь усилил реакцию, возникшую в общественном сознании, когда он резко прекратил все судебные преследования против ведьм, уволил всех подозреваемых, помиловал всех осужденных. Палата Собрания провозгласила пост с мольбой о том, чтобы Бог простил ошибки своего народа “в недавней трагедии, спровоцированной сатаной и его орудиями”. Один из судей стоял в церкви в Бостоне со склоненной головой и скорбным выражением лица, пока читался документ, в котором он просил прихожан помолиться за то, чтобы невинная кровь, которую он по ошибке пролил, не пала ни на страну, ни на него. Жюри Салема попросило прощения у Бога и общества за то, что они совершили под влиянием “сильного и всеобщего заблуждения”. Бедный мистер Пэрис теперь находился в печальном положении. Он публично признал свою ошибку. Но у его дверей лежал источник всей этой резни безобидных. Его роль в трагедии не могла быть прощена. Народ больше не хотел терпеть его служение и потребовал его смещения. Мистер Пэрис сложил свои полномочия и покинул Салем сломленным человеком.

Если ошибка Новой Англии была велика и прискорбна, ее раскаяние было быстрым и глубоким. Спустя двадцать пять лет после того, как она облачилась в мешковину, старых женщин в Великобритании все еще сжигали за колдовство. Год крови никогда не повторялся в Америке.

ГЛАВА VII. ИНДЕЙЦЫ.

Огромный континент, на который высадились пилигримы, был домом для бесчисленных племен индейцев. У них не было постоянного жилья. Вся нация бродила туда-сюда в зависимости от своей фантазии или шансов на успешную охоту. Когда в их окрестностях сгорали дрова или дичи становилось мало, они покидали свои деревни и переселялись в более привлекательные края. У них были свои великие воины, свои великие битвы, свои блестящие победы, свои сокрушительные поражения — все это так же неинтересно человечеству, как войны коршунов и ворон. Это была раса высоких, сильных мужчин — медноглазых, с карими глазами, высокими скулами и жесткими черными волосами. В манерах они были серьезны и не лишены чувства собственного достоинства. У них было мужество, но оно было такого рода, которое проявляется больше в страдании, чем в действии. Они были хитрой, вероломной, жестокой расой, среди которой убийство женщин и детей считалось великим воинским подвигом. У них почти не было законов, а что касается религиозных верований, то это были одни из самых низкопоклоннических суеверий. Они поклонялись дьяволу, потому что он был злым и мог причинить им вред. Цивилизация не могла их остановить. Они быстро научились пользоваться мушкетами белого человека; они так и не научились пользоваться инструментами

промышленности белого человека. Они развили в себе любовь к опьяняющим напиткам, страстную и непреодолимую, превосходящую любой пример. Поселенцы вели себя с ними как подобает мужчинам-христианам. Они не забирали у них землю; ту землю, которая им требовалась, они покупали и за нее платили. Каждый акр земли Новой Англии был приобретен со скрупулезной честностью. Дружба индейцев с тревогой культивировалась — иногда из страха, чаще из жалости. Но ничто не могло остановить их продвижение к вымиранию. Неумеренное пьянство и постепенное ограничение их охотничьих угодий роковым образом сказались на их численности. И время от времени англичанам приходилось выступать в поход против какого-нибудь племени, которое отказывалось жить в мире, и наносить поражение, после которого в живых оставалось мало.

1646 год н.э. В начале истории Новой Англии были предприняты усилия по обращению индейцев в христианскую веру. Губернатор Массачусетса назначил служителей нести Евангелие дикарям. Мистер Джон Элиот, Апостол индейцев, был служителем недалеко от Бостона. Тронутый жалким положением местных жителей, он выучил язык некоторых племен по соседству. Он ходил и проповедовал им на их родном языке. Он печатал для них книги. Дикари восприняли его слова. Многие из них слушали его проповеди со слезами на глазах. Многие исповедовали веру во Христа и были собраны в общины. Он дал им простой свод законов. Была даже предпринята попытка основать колледж для подготовки учителей-туземцев; но от этого пришлось отказаться. Ленивость индийской молодежи и их всепоглощающая страсть к крепким напиткам делали их непригодными для служения. Эти пороки казались неизлечимыми в характере индейцев. Никакие убеждения не могли заставить их трудиться. Их можно было научить отдыхать в субботу; их нельзя было научить работать в остальные шесть дней. И даже лучшие из них продавали все, что у них было, за спиртные напитки. Это были серьезные препятствия; но, несмотря на них, христианство добилось значительного прогресса среди индейцев. Власть, которую он тогда приобрел, никогда не была полностью утрачена. И было замечено, что во всех недоразумениях, возникавших между англичанами и туземцами, новообращенные непоколебимо поддерживали своих новых друзей.

ГЛАВА VIII. НЬЮ-ЙОРК.

В течение первых сорока лет своего существования великий город, который мы называем Нью-Йорком, был голландским поселением, известным среди людей как Новый Амстердам. В 1609 году н.э. Этот регион был открыт для Голландской Ост-Индской компании Генри Хадсоном, который, как и Колумб, все еще искал более короткий путь на Восток. Голландцы никогда не

проявляли склонности к колонизации. Но им не было равных в торговой проницательности, и они основали торговые станции с большим здравым смыслом. Через три или четыре года после того, как Пилигримы высадились в Плимуте, Голландская Вест-Индская компания решила вступить в торговые отношения с индейцами вдоль реки Гудзон. Они отправили туда несколько семей, которые обосновались на южной оконечности острова Манхэттен. Был построен деревянный форт, вокруг которого сгрудилось несколько деревянных домов — точно так же, как в Европе возник замок барона, а рядом с ним приютились хижины его иждивенцев. Индейцы продавали ценные меха за мизерную плату в виде одеял, бус, мушкетов и опьяняющих напитков. Расчетливые голландцы богатели, и их становилось все больше. 1643 год н.э. Но разразилась жестокая и продолжительная война с индейцами. Голландцы, оскорбленные чем-то, сделанным дикарями, выразили свой гнев резней целого племени. Все индейцы этого региона объединились против опасных пришельцев. Все голландские деревни были сожжены дотла. Лонг-Айленд превратился в пустыню. Голландцев оттеснили к южной оконечности острова, на котором стоит Нью-Йорк. Они обнесли остров частоколом по линии того, что сейчас является Уолл-стрит. Сегодня Уолл-стрит является ареной крупнейших денежных операций, когда-либо известных людям. Горячая лихорадка спекуляций бушует там непрерывно, с яростью, неведомой нигде. Но тогда это была линия, в пределах которой обескураженная и уменьшающаяся группа колонистов пыталась выстоять против свирепого врага.

1645 Год н.э. Война подошла к концу, как того требовали войны даже тогда. Двадцать лет колония продолжала процветать под руководством проницательного голландца по имени Петрус Стайвесант. Петрус был солдатом и потерял ногу на войне. Он был храбрым и искренним человеком, но при этом деспотичным. Когда его подданные просили о каком-либо участии в разработке законов, он был поражен их смелостью. Он взял на себя проверку торговых книг. Он преследовал лютеран и “отвратительную секту квакеров”.

Нельзя сказать, что его правительство было безупречным. Однако при нем колония процветала, а продолжающаяся иммиграция из Европы увеличила ее значение. Но в двадцатом году несколько английских военных кораблей приплыли вверх по заливу и, не сказав ни слова объяснения, бросили якорь недалеко от поселения. Губернатора Петруса не было дома, но за ним послали, и он быстро приехал. Он поспешил в форт и выглянул на залив. Там стояли корабли — мрачные, молчаливые, зловеще близкие. Потрясенный присутствием своих неожиданных гостей, губернатор послал спросить, зачем они прибыли. Его тревога была вполне обоснованной, поскольку король Англии Карл II подарил своему брату Джеймсу Йоркскому обширную территорию, включая регион, который голландцы выбрали для своего поселения. Он не имел права отдавать, но это ничего не значило ни для Чарльза, ни для Джеймса. Эти корабли прибыли, чтобы вступить во владение от имени герцога Йоркского. Многие колонисты были англичанами, и им было приятно находиться под властью своего собственного правительства. Они не хотели воевать. Голландцы помнили о тирании губернатора и не хотели воевать. Губернатор Петрус был готов сражаться в одиночку. Он зарядил двадцать пушек форта и был полон решимости открыть огонь по кораблям. Так, по крайней мере, он утверждал. Но жители умоляли его из милосердия к ним воздержаться, и он позволил двум священнослужителям увести себя подальше от заряженных ружей. Впоследствии, к его принижению, утверждалось, что он “позволил министрам и другим малодушным людям убедить себя”. Как бы то ни было, поручение короля Карла было выполнено. Маленький городок с пятнадцатью сотнями жителей и все соседние поселения спокойно перешли под власть англичан. А будущий Имперский город был назван Нью-Йорком в честь одного из самых подлых тиранов, когда-либо позоривших

английский трон. Вместе с поселениями на Гудзоне в руки англичан попали и поселения в Нью-Джерси, отвоеванные голландцами у шведов.

ГЛАВА IX. ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

Только в 1682 году началась небогатая событиями, но тихо процветающая карьера Пенсильвании. Стюарты снова оказались на троне Англии. Они ничему не научились в своем изгнании; и теперь, когда приближался час их окончательного отвержения, они были такими же злобными деспотиками, как всегда.

Уильям Пенн был сыном адмирала, одержавшего победы на благо Англии и пользовавшегося благосклонностью королевской семьи, а также выдающихся государственных деятелей своего времени. Высшие государственные почести в свое время были бы доступны молодому человеку, и его друзья разумно питали самые радужные надежды на его будущее. Ко всеобщему разочарованию, Пенн стал квакером. Это было невыразимым унижением для адмирала с хорошими связями. Он выставил своего сына за дверь, надеясь, что голод усмирит его несговорчивый дух. Однако через некоторое время он смягчился, и юный еретик был восстановлен в благосклонности. Влияние отца не могло защитить его от преследований. Пенн прекрасно пострадал и был заключен в Тауэр за свое мнение.

Вскоре адмирал умер, и Пенн унаследовал его владения. Его глубоко огорчало, что его братья по вере должны терпеть такие обиды, которые им постоянно причинялись. Он ничего не мог сделать дома, чтобы смягчить тяготы, под которыми они стонали, поэтому у него возник великий замысел вывести их в новый мир. Король Карл был должен адмиралу сумму в 16 000 фунтов стерлингов, и это сомнительное вложение перешло от отца к сыну. Пенн предложил платить землей, и король с готовностью даровал ему обширную область, простирающуюся к западу от реки Делавэр. Здесь Пенн предложил основать свободное и самоуправляющееся государство. Это было его благородное стремление “показать людей такими свободными и счастливыми, какими они только могут быть”. Он провозгласил людям, уже обосновавшимся в его новых владениях, что они должны руководствоваться законами, созданными ими самими. “Чего бы ни могли разумно пожелать трезвые и свободные люди, - сказал он им, - для обеспечения своего собственного счастья, я от всего сердца соглашусь”. Он сдержал свое слово. Народ назначил представителей, которые разработали Конституцию. Пенн подтвердил договоренности, которые решил принять народ.

Пенн обходился с индейцами справедливо и по-доброму, и они отвечали ему такой почтительной любовью, какой не проявляли ни к одному другому англичанину. Соседние колонии вели кровопролитные войны с индейцами, которые жили вокруг них, — то нанося поражения, которые были почти истребительными, то продолжая отвратительную резню. Индейцы Пенна были его детьми и самыми верными подданными. Ни одна капля крови квакеров никогда не была пролита рукой индейцев на территории Пенсильвании. Вскоре после прибытия Пенн пригласил вождей индейских племен на конференцию. Встреча состоялась под огромным вязом. Непроходимый лес давно уступил место домам и улицам Филадельфии, но мраморный памятник указывает незнакомцам на место этого памятного интервью. Пенн с несколькими товарищами, безоружными и одетыми по простой моде их секты, встретились с толпой грозных дикарей. Он заверил их, что они встретились как братья “на широком пути добросовестности и доброй воли”. Ни одна из сторон не должна была воспользоваться преимуществом. Все должно было быть “открыто и с любовью”, и Пенн имел в виду то, что сказал. Сильный силой правды и доброты, он подчинил своей воле свирепых дикарей делава. Они поклялись “жить в любви к Уильяму Пенну и его детям до тех пор, пока будут светить луна и солнце”. Они сдержали свою клятву. Много лет спустя они, как известно, с глубоким волнением пересказывали незнакомым людям слова, которые Пенн сказал им под старым вязом в Шакамаксоне.

Слава о поселении Пенна распространилась по всем землям. Люди, уставшие от вульгарной тирании королей, с радостью услышали, что на берегах Делавера установилось царство свободы и спокойствия. Был открыт приют “для добрых и угнетенных каждой нации”. В них не было недостатка. В Пенсильвании не было ничего, что привлекало бы таких “распутных людей”, которые заложили основы Вирджинии. Но серьезные и богобоязненные люди из всех протестантских стран искали дом, где они могли бы жить так, как учила их совесть. Новая колония быстро росла. Ее естественные преимущества были заманчивыми. Пенн описывал это как “хорошую землю с обильными источниками, чистым и свежим воздухом и неисчислимым количеством дикой птицы и рыбы; то, чем были бы вполне довольны Авраам, Исаак и Иаков”. В течение первого года прибыло двадцать два судна, на которых находилось две тысячи человек. Через три года Филадельфия была городом с шестьюстами домами. Прошло полвека с момента его основания, прежде чем Нью-Йорк достиг таких же размеров.

Когда Пенн через несколько лет вновь посетил Англию, он смог искренне рассказать, что “у друзей в Пенсильвании все шло прекрасно; что они преуспели во внешних вещах и в мудрости”.

ГЛАВА X. ДЖОРДЖИЯ.

Тринадцатью штатами, входившими в первоначальный Союз, были Вирджиния, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Гэмпшир, Делавэр, Мэриленд, Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия.

1732 год н.э. Последней из них родилась Джорджия. Прошло всего пятьдесят лет с тех пор, как Пенн основал квакерский штат на берегах Делавэра. Но произошли изменения, которые порой превышают возможности столетий. Революция отстояла свободы британского народа. Дом Стюартов-тиранов был свергнут, и с его падением закончилась эпоха деспотического правления. Реальной руководящей силой был больше не король, а парламент.

Среди членов парламента во времена правления сэра Роберта Уолпола был человек, почти неизвестный нам сейчас, но заслуживший почестей больше, чем большинство людей его времени. Его звали Джеймс Оглторп. Он был солдатом, сражался против турок и в великих войнах Мальборо против Людовика XIV. В преклонном возрасте он стал другом Сэмюэля Джонсона. Доктор Джонсон убедил его написать какой-нибудь отчет о своих приключениях. “Я не знаю никого, - сказал он, - чья жизнь была бы интереснее: если бы у меня были материалы, я был бы очень рад написать об этом”. Эдмунд Берк назвал его “более экстраординарной личностью, чем любая из тех, о ком он когда-либо читал”. Джон Уэсли “благословил Бога за то, что он вообще родился”. Оглторп достиг почтенного возраста девяноста шести лет и умер в 1785 году. За год до своей смерти он присутствовал на распродаже книг доктора Джонсона, и там его встретил поэт Сэмюэл Роджерс. “Даже тогда, — говорит Роджерс, - он был самым красивым мужчиной, которого вы когда-либо видели; но очень, очень старым - кожа его лица была как пергамент”.

Во времена Оглторпа кредитор имел право по своему усмотрению посадить в тюрьму человека, который задолжал ему деньги и был не в состоянии их выплатить. Обычным делом было то, что человека на долгие годы сажали в тюрьму за ничтожный долг. У Оглторпа был друг, на долю которого выпала эта тяжелая участь. Таким образом, его внимание было с болью привлечено к жестокости, которой подвергались несчастные и беспомощные. Он обратился в парламент, и после расследования было получено частичное средство правовой защиты. Великодушные усилия Оглторпа обеспечили свободу множеству людей, которые, если бы не он, могли закончить свою жизнь в плену.

Это, однако, не удовлетворило его. Свобода была неполным даром для людей, которые потеряли или, возможно, едва ли когда-либо обладали способностью зарабатывать себе на жизнь. Оглторп придумал, как он мог бы перевезти этих несчастных в новый мир, где при более счастливых обстоятельствах они могли бы начать новую карьеру. 1732 год н.э. Он получил от короля Георга II. хартия, по которой территория между Саванной и Алатамахой, простиравшаяся на запад до Тихого океана, была преобразована в провинцию Джорджия. Он должен был стать убежищем для достойных бедняков, а рядом с ними - для протестантов, страдающих от

преследований. Парламент проголосовал за выделение 10 000 фунтов стерлингов в помощь гуманному предприятию, и многие доброжелательные люди не скупились на пожертвования. В ноябре произошел первый массовый исход неплатежеспособных. Оглторп отплыл со ста двадцатью эмигрантами, в основном отобранными из тюрем — без гроша в кармане, но с хорошей репутацией. Он обследовал побережье Джорджии и выбрал место для столицы своего нового штата. Он разбил свою палатку там, где сейчас стоит Саванна, и сразу же приступил к разметке линий улиц и площадей.

В следующем году к колонии присоединилось около сотни немецких протестантов, которые в то время подвергались преследованиям за свои убеждения. Колонисты с радостью приняли это пополнение. Для них было выбрано место жительства, которое набожные и благодарные незнакомцы называли Эбenezер. Они были очарованы своим новым жилищем. Река и холмы, по их словам, напоминали им о доме. Они с упорным усердием занимались выращиванием индиго и шелка и процветали.

Слава о предприятии Оглторпа распространилась по Европе. Все борющиеся люди, которым не давала покоя жизненная борьба, смотрели на Джорджию как на землю обетованную. Это были люди, которым острее всего требовалась эмиграция; но они не всегда были людьми, лучше всего приспособленными для преодоления трудностей иммигрантской жизни. Развитие колонии было медленным. Бедняки, из которых она изначально состояла, были честными, но неэффективными, и в Джорджии они могли найти способ обеспечить себя не больше, чем в Англии. Были даны ободрения, которые привлекли из Германии, Швейцарии и Высокогорья Шотландии людей более твердого склада ума, лучше приспособленных к покорению дикой природы и добыванию ее сокровищ.

1736 год н.э. Вместе с Оглторпом в его вторую экспедицию в Джорджию отправились два брата Джон и Чарльз Уэсли. Чарльз стал секретарем губернатора. Джон был уже тогда, хотя и очень молодым человеком, проповедником с необычными перспективами. Он горел желанием распространять Евангелие среди поселенцев и их соседей-индейцев. Он провел два года в Джорджии, и это были неудачные годы. Его характер был несформировавшимся; его рвение было несоизмеримо с его благоразумием. Люди чувствовали, что он проповедовал "личную сатиру" на них. Он ввязывался в ссоры и в конце концов был вынужден тайно покинуть колонию, опасаясь ареста по просьбе тех, кого он оскорбил. Он вернулся, чтобы начать свою великую карьеру в Англии, с чувством, что его пребывание в Джорджии имело большую ценность для него самого, но очень мало для людей, которым он стремился принести пользу.

Как только Уэсли добрался до Англии, его коллега по работе Джордж Уайтфилд отплыл в Джорджию. Теперь в глубине страны появились небольшие поселения, и Уайтфилд посещал их, принося им слово жизни. Он основал Сиротский приют в Саванне и содержал его за счет пожертвований, которые легко получал от людей, находящихся под властью его непревзойденного красноречия. Он очень часто посещал Джорджию, и его любовь к этой колонии оставалась с ним до последнего.

Рабство с самого начала было запрещено в Джорджии. По словам Оглторпа, оно противоречило Евангелию и, следовательно, не должно быть разрешено. Кроме того, он предвидел то, что с тех пор было так горько пережито, - рабство должно было унижить бедного белого рабочего. Но вскоре среди менее щепетильных поселенцев возникло

желание использовать рабов. В течение семи лет после первой высадки корабли с работорговцами разгружали свои грузы в Саванне.

ГЛАВА XI. РАБСТВО.

В декабре месяце 1620 года Отцы-пилигримы высадились с "*Мэйфлауэра*". Их высадка занимает одно из первых мест в нашей истории. Скала, на которую впервые ступили их ноги, является священным местом, к которому граждане великих и могущественных государств совершают благоговейные паломничества. И правильно, что так и должно быть; ибо огромное влияние, которое Новая Англия оказывает и всегда будет оказывать на мировые дела, возросло на фундаменте, заложенном этими болезненными и измученными штормом Паломниками.

Несколькими месяцами ранее произошла еще одна посадка, которой со временем суждено было принести самые странные плоды. В августе месяце голландский военный корабль поднялся вверх по реке Джеймс и высадил двадцать негров на берег Вирджинии. Это было совершенно незамеченным. У этих соболиных незнакомцев не было ни имени, ни родословной. Никого не интересовало, из какого они племени и как сложились их судьбы в их печальном путешествии. И все же эти люди тоже были Отцами-пилигримами. Они были первыми негритянскими рабами в стране, истории которой в течение следующих полутора столетий предстояло приобрести мрачную и, в конце концов, кровавую окраску из-за факта рабства негров.

Негритянская работорговля была ранним результатом открытия Америки. Чтобы использовать огромные владения, которыми Колумб наградил ее, Испания считала, что обязательный труд необходим. Уроженцы страны, естественно, стали первыми жертвами этой необходимости. Среди бедных индейцев царили ужасные опустошения. Гордые и меланхоличные, они не могли примириться со своим рабством. Они тысячами гибли под безжалостной рукой своих новых надсмотрщиков.

1542 год н.э. Карл V. с сожалением узнал об этом уничтожении коренных народов. Рабство в индии было немедленно и безапелляционно запрещено. Но необходимо было нанять рабочих, иначе эти великолепные владения снова превратились бы в дикую местность. Испанские купцы вели торговлю с побережьями Африки, где они покупали золотой песок и слоновую кость на бусы, ленты и алые плащи. Они нашли там безобидных праздных людей, чьи простые потребности удовлетворялись без усилий с их стороны и которые, в отсутствие стимула, не трудились и не сражались. Испанцы думали, что эти люди будут обрабатывать их поля, работать

в их шахтах. Они были кроткими и сговорчивыми; они были язычниками и, следовательно, достойным наследием добрых католиков; крещением и наставлением в вере их души были бы спасены от гибели. К появлению негров побуждали самые разнообразные мотивы. Сначала торговля распространялась только на преступников. Воры и убийцы, которые в противном случае были бы преданы смерти, обогатили своих вождей за счет денег, которые испанцы охотно платили. Но на всем этом побережье никакая строгость закона не могла породить преступников в количестве, достаточном для удовлетворения спроса. Вскоре ограничение прекратилось. Систематически похищались и продавались лица, не совершившие правонарушений. Племена вступили в войну в надежде захватить пленных, которых они могли бы передать испанцам.

Англия с самого начала не была вовлечена в эту торговлю. Вскоре ее руки были так же глубоко запятнаны этой виной, как и руки любой другой страны. Но какое-то время ее сношения с Африкой носили чисто коммерческий характер. И пока это продолжалось, к англичанам африканцы относились с доверием. В 1557 году нашей эры, наконец, некто Джон Лок, шкипер корабля, украл пятерых чернокожих мужчин и привез их в Лондон. Следующий англичанин, посетивший Африку, обнаружил, что эта кража нанесла ущерб доброму имени его соотечественников. Его путешествие оказалось невыгодным, поскольку местные жители боялись его. Когда об этом стало известно в Лондоне, торговый мир встревожился, поскольку торговля с Африкой приносила прибыль. Пятерых похищенных мужчин благополучно доставили домой.

Это было началом нашей африканской работорговли. Тогда, впервые, наши отцы ощутили темное искушение, и поэтому поначалу они нерешительно поддались его силе. Торговля золотым песком и слоновой костью продолжалась. Каждый англичанин, побывавший на африканском побережье, имел возможность узнать, как активно и с какой прибылью Испания, да и Португалия тоже, торговали рабами. Он знал, что на всем этом богатом побережье не было товара, столь прибыльного, как сами несчастные люди. То был не тот век, когда можно было долго противостоять подобным соблазнам. Английские торговцы того времени были не из тех людей, которых можно было удержать от прибыльной торговли из простых соображений гуманности.

1562 год н.э. Сэр Джон Хокинс предпринял первое английское предприятие по работорговле. Он отплыл на трех судах в Сьерра-Леоне. Там, путем покупки или насилия, он завладел тремя сотнями негров. С этим грузом он пересек Атлантику и в Сан-Доминго продал все с большой прибылью. Известность о его достижениях вызвала сенсацию в Англии, и его побудили предпринять вторую экспедицию. Королева Елизавета и многие из ее придворных приняли участие в этом предприятии. После многих трудностей Хокинс собрал пятьсот негров. Его путешествие было трудным. На нем царил штиль; воды оставалось мало, и возникло опасение, что часть груза, должно быть, была выброшена за борт. “Однако всемогущий Бог, ” говорит этот набожный похититель людей, “ который никогда не допускает гибели своих избранников”, привел его в Вест-Индию, не потеряв ни одного человека. Но до него дошел строгий запрет от короля Испании на вход иностранных судов в любой из его вест-индских портов. Хокинс был слишком храбр сердцем, чтобы потерпеть такое крушение своего предприятия. После некоторых бесполезных переговоров он высадил сотню человек с двумя пушками; продал своих негров; заплатил налог, который установил сам; и вскоре в спокойной Англии поделил свою прибыль со своими королевскими и благородными покровителями. Так в Англии

утвердилась работорговля. Три столетия спустя мы с ужасом и раскаянием смотрим на последовавшие за этим результаты.

В большинстве колоний, несомненно, существовало желание ввести негров. Но не прошло и нескольких лет, как колонисты осознали, что они быстро сталкиваются с серьезными трудностями. Рост цветного населения встревожил их. Большие долги, возникшие из-за покупки рабов, привели в беспорядок их финансы. Производство табака, индиго и других товаров, выращиваемых на Юге, превысило спрос, и цены упали до катастрофически низкого уровня. Время от времени выдвигались предложения — хотя и не очень одобрительные — об освобождении. Но сопротивление колонистов африканской работорговле было очень решительным. Очень частые попытки ограничить торговлю предпринимались даже в южных колониях, где рабский труд был наиболее ценным. 1787 год н.э. Вскоре после революции несколько рабовладельческих штатов запретили ввоз рабов. Конституция предусматривала, что Конгресс может пресечь работорговлю по истечении двадцати лет. Если бы не сопротивление Южной Каролины и Джорджии, запрет был бы введен немедленно. 1807 год н.э. И, наконец, при первой же возможности Конгресс отреагировал на общее настроение, приняв закон, “запрещающий ввоз рабов ни в одну из тринадцати Объединенных колоний”.

И почему этого не было сделано раньше? Если колонисты были искренни в своем желании пресечь этот трафик с базы, почему они его не пресекли? Причину найти нетрудно. Англия их не допустила. Англия навязала работорговлю сопротивляющимся колонистам. Английский парламент с отеческой заботой следил за интересами этой отвратительной торговли людьми. В течение первой половины восемнадцатого века парламент постоянно принимал законы на этот счет. Со скрупулезной осторожностью были сняты все ограничения на крупнейшее развитие торговли. Было сделано все, что могла сделать дипломатия для открытия новых рынков. Когда колонисты попытались путем введения налога ограничить ввоз рабов, этот налог был отменен. Земля в Вест-Индии предоставлялась бесплатно при условии, что поселенец должен содержать четырех негров на каждые сто акров. На африканском побережье были построены форты для защиты торговли. Совсем недавно, в 1749 году, был принят Закон, предоставляющий дополнительные льготы работорговцам и решительно утверждающий, что “работорговля очень выгодна Великобритании”. Во всей нашей истории нет более унижительных отрывков, чем эти.

Удивительно, что подобные вещи совершались — сознательно и со всей торжественностью юридической санкции — людьми, знакомыми с христианской религией и гуманными во всех обычных жизненных отношениях. Папская инквизиция не причиняла страданий более варварски жестоких, чем те, которые претерпела жертва работорговца. Сотни мужчин и женщин с цепями на конечностях были тесно заперты в трюмах небольших судов. Там они оставались в течение нескольких недель страданий, перенося жестокую тропическую жару, часто лишены воды и пищи. Все они были молоды и сильны, ибо привередливый работорговец отвергал мужчин старше тридцати как бесполезных стариков. Но сила сильнейших ослабевала под ужасами этого путешествия. Часто случалось, что большую часть груза приходилось выбрасывать за борт. При наиболее благоприятных обстоятельствах ожидалось, что погибнет один раб из каждых пяти. Из каждого груза в пятьсот человек сотню постигла бы мучительная смерть. И общественное мнение Англии полностью санкционировало торговлю, необходимой частью которой были эти ужасы.

Одно время в колониях была распространена идея, что держать крещеного человека в рабстве противоречит Писанию. Колонисты не по этой причине освободили своих рабов. Они избежали трудностей в противоположном направлении. Они воздержались от крещения и религиозного обучения. Англия приложила немало усилий, чтобы прояснить этот вопрос. Епископы Церкви и судебные приставы короны выступили с авторитетными заявлениями, утверждающими всю законность владения христианами. За этим последовали законодательные акты колоний, направленные на достижение того же эффекта. Колонисты, успокоенные таким образом, дали согласие на то, чтобы о душах их несчастных иждивенцев позаботились.

До революции считалось, что триста тысяч негров были завезены в страну непосредственно из Африки. Предполагалось, что все цветное население составляет почти полмиллиона человек.

ГЛАВА XII. РАННЕЕ ПРАВЛЕНИЕ.

С самого начала правительства колоний отличались значительным разнообразием моделей поведения. Со временем разнообразие уменьшилось, и во всех стал заметен один великий тип. Есть губернатор, назначаемый королем. Есть парламент, выбранный народом. Парламент распоряжается денежными средствами. Губернатор запрашивает столько денег, сколько, по его мнению, требуется государственной службе. Парламент, как правило, удовлетворяет его требования; но не без рассмотрения, и при появлении четкого подтверждения своего права на отказ должны появиться основания. По мере приближения Революции функции губернатора постепенно ограничивались давлением Собраний. Когда губернатор, представляющий короля, шел вразрез с волей народа, представители народа брали на себя все управление страной. Самые лояльные из колоний решительно противостояли посягательствам короля или его губернатора. Они испытывали удовольствие и гордость за свою связь с Англией; но в то же время они были, по сути, самоуправляющимся народом. Из правительства, существовавшего до революции, им было легко перейти в федеральный союз. У колонистов были общие интересы и все их обиды. Для них было естественно, когда возникали проблемы, назначать представителей, которые должны были обсуждать их дела. Этим представителям требовалась исполнительная власть для практического осуществления их резолюций. Офицер, который был назначен для этой цели, назывался не королем, а Президентом; и избирался не пожизненно, а на четыре года. Благодаря этому простому и естественному процессу возникло американское правительство.

Сначала Вирджиния управлялась двумя советами, один из которых был английским, а другой колониальным. Оба находились полностью под контролем короля. Всего через несколько лет

была введена представительная система, и дела колонии регулировало народное собрание, за работой которого губернатор сохранял право вето. Вирджиния была наименее демократичной из колоний. Ее склонности всегда были к монархии. Она сохраняла верность Стюартам. Карл II. правил ею в своем изгнании и был коронован в одеянии из виргинского шелка, подаренном преданными колонистами. Сбитые с толку кавалеры искали убежища в Вирджинии отненавистного триумфа республиканизма. Вирджиния отказалась признать Содружество, и ее пришлось подчинить силой. Когда изгнанный Дом был восстановлен, ее радости не было предела.

Штаты Новой Англии отличались характером и управлением. Еще находясь на борту "Мэйфлауэра", Пилигримы, как мы видели, объединились в политическую организацию, избрали своего Губернатора и обязались подчиняться его власти, "полагаясь на его благоразумие, что он не станет предпринимать никаких действий без согласия остальных". Каждый член церкви был избирателем. В течение шестидесяти лет сохранялась эта демократическая форма правления, пока деспотичный Яков II не сверг ее в последние годы своего несчастливого правления. Пилигримы привезли с собой из Англии горькое чувство обиды, причиненной им королями, и прибыли в Америку людьми, полностью готовыми управлять самостоятельно. Они сердечно поддерживали Кромвеля. Кромвель, со своей стороны, так высоко ценил жителей Новой Англии, что пригласил их вернуться в Европу и предложил им поселиться в Ирландии. Они задержались на два года, чтобы провозгласить Карла II. когда он был восстановлен на английском троне. Они приютили цареубийц, бежавших от мести короля. Они приветствовали Революцию, в результате которой Стюарты были изгнаны и в Англии установилась конституционная монархия. Из всех американских колоний Новая Англия была самой демократичной и наиболее нетерпимой к королевскому вмешательству в их свободы.

Нью-Йорк был пожалован герцогу Йоркскому, который на какое-то время назначил губернатора. Пенсильвания была пожалована Пенсильвании, которая пользовалась теми же полномочиями. В конечном счете, однако, во всех случаях назначение губернатора возлагалось на короля, в то время как представители избирались народом.

Книга вторая.

ГЛАВА I.

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН.

В 1740 году разразилась великая европейская война. Были некоторые сомнения в том, кто должен занять австрийский трон. Император только что умер, не оставив ни сына, ни брата,

которые унаследовали бы его достоинство. Его дочь, Мария Терезия, заняла место своего отца и вскоре дала понять, что она достаточно сильна, чтобы продолжать то, что сделала. Два или три короля считали, что у них больше прав на трон, чем у нее. Другие короли расположились по ту или иную сторону. Идея наблюдать, как глупые соседи уничтожают себя в бессмысленной войне, еще не была предложена. Каждый король принимал участие в великой войне и посылал своих людей убивать и быть убитыми, как нечто само собой разумеющееся. Поэтому они собрали великие армии, сражались в великих битвах, сжигали города, опустошали страны, причиняли невыразимые страдания и терпели их, и все это для того, чтобы решить вопрос о троне этой леди. Но эта леди обладала героическим духом, вполне достойным управлять страной, и она стояла на своем, жила и умерла императрицей.

В эти напряженные годы мать из Вирджинии, овдовевшая в молодости, воспитывала своего старшего сына в страхе Божьем, совершенно не подозревая, что, вселяя в его сознание любовь к добру и долгу, она придавала колорит истории своей страны на протяжении всех ее грядущих веков. Этого мальчика звали Джордж Вашингтон. Он родился в 1732 году. Его отец — состоятельный джентльмен с родословной, которая прослеживается после нормандского завоевания, — умер, когда его сыну было одиннадцать лет. Заботу о его воспитании возложила на мать Джорджа. Она была набожной женщиной, обладавшей прекрасным умом и глубокими привязанностями, но строгой приверженкой дисциплины и характером, который не терпел и тени неподчинения. Под ее властью — нежной и в то же время сильной — Джордж научился послушанию и самоконтролю. В детстве он подавал замечательные надежды на те совершенства, которые отличали его зрелые годы. Его школьные товарищи признавали спокойный рассудительный характер его ума, и он становился во всех их спорах арбитром, решение которого не подлежало обжалованию. Он унаследовал любовь своей матери командовать, счастливо смягченную возвышенным бескорыстием и любовью к справедливости, которые, казалось, делали невозможным, чтобы он делал или допускал что-либо несправедливое. Он был крупным и мощным. Его лицо выражало вдумчивость и безмятежную силу его характера. Он преуспевал во всех спортивных упражнениях. Его юношеский восторг от таких занятий до предела развил его физические возможности и придал ему выносливости, чтобы переносить трудности, которые предстояли ему.

Молодые джентльмены Виргинии тогда не получали такого щедрого образования, как с тех пор. Предполагалось, что Вашингтон будет простым виргинским собственником и фермером, каким был его отец; и его образование было не выше, чем требовала тогдашняя должность. Он никогда не изучал никакого языка, кроме своего собственного. Учителем его ранних лет был также приходской пономарь. И даже когда его перевели в учреждение более продвинутого уровня, он не пытался изучать ничего более высокого, чем ведение счетов и копирование юридических и коммерческих бумаг. Несколько лет спустя считалось, что он может поступить на гражданскую или военную службу в своей стране; и его отправили изучать математику и землемерие.

Джордж Вашингтон ничего не делал наполовину. В юности, как и в зрелом возрасте, он тщательно выполнял то, что должен был делать. Его школьные тетради - образец аккуратности. Его планы и измерения, сделанные во время изучения землеустройства, были настолько скрупулезно точными, как будто от них зависели большие денежные интересы. На

восемнадцатом году жизни он был нанят правительством в качестве геодезиста государственных земель. Многие из его опросов были зарегистрированы в окружных офисах и сохраняются по сей день. Многолетний опыт подтвердил их неизменную точность. Во всех спорах, к которым они имеют какое-либо отношение, их доказательства принимаются как решающие. В годы, предшествовавшие революции, он управлял своими поместьями, сам упаковывал и отправлял табак и муку, сам вел бухгалтерию, сам вел переписку. Его книги можно увидеть до сих пор. Возможно, более четкого и точного учета деловых операций в Америке не велось с тех пор, как Отец американской независимости отошел от бухгалтерского учета. Мука, которую он отправлял в иностранные порты, стала известна как "его", а вашингтонская марка обычно не подлежала проверке. Самый надежный человек; его слова и поступки, его профессия и его практика всегда находятся в совершенной гармонии. Некоторые считали его флегматичным, прозаичным человеком, лишенным тех черт характера, которые пленяют умы людей. Это было не так. В прежние времена Джордж Вашингтон был бы настоящим странствующим рыцарем с ненасытной жадой приключений и страстной любовью к битвам. Он в высокой степени обладал теми качествами, которые делают древнее рыцарство живописным. Но более высокие качества, чем эти, господствовали в нем. Он обладал мудростью, превосходящей большинство, что позволяло ему глубоко понимать потребности своего времени. У него было ясное представление о долге, который лежал на его плечах. Сильнейшие порывы его души заставляли его делать то, что он считал правильным. Ему были даны огромный интеллект и железная сила воли, нежное, любящее сердце, бесстрашная отвага, чистота и возвышенность цели. Ему предстояло выполнить работу необычайной сложности. История с радостью признает в нем революционного лидера, против которого никогда не выдвигалось никаких сомнительных обвинений.

История Америки представляет собой в одном важном аспекте очень разительный контраст с историей почти всех более древних стран. В старых странах история вращается вокруг какой-то одной великой центральной фигуры — какого-нибудь судьи, или священника, или короля, — чья биография рассказывает все, что можно рассказать о времени, в которое он жил. Этот единственный доминирующий человек — Давид, Александр, Цезарь, Наполеон — является среди своего народа тем же, чем солнце в планетной системе. Любое движение зарождается и заканчивается в нем, и история народа — это просто запись того, что он решил сделать или заставил быть сделанным. В Америке все было не так. Американская система не оставляет места для доминирующих личностей. Она не допускает ни одной из тех демонстраций уединенного, всепоглощающего величия, которые так живописны и были такими пагубными. Ее история — это история ее народа, а не каких-либо выдающихся личностей. Единственный раз в ее карьере все обстоит иначе. При жизни Джорджа Вашингтона ее история была очень тесно связана с ним; и биография ее великого вождя в очень необычной степени становится историей страны.

ГЛАВА II.

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН.

В то время как детство Вашингтона проходило на берегах Потомака, молодой человек, которому суждено было помочь ему в обретении страной независимости, усердно трудился в городе Филадельфия, чтобы честно заработать на жизнь. Его звали Бенджамин Франклин; его увлечения были разнообразны. Он держал небольшую канцелярскую лавку; он редактировал газету; он был переплетчиком; он делал чернила; он продавал тряпки, мыло и кофе. Он также был печатником, нанимавшим подмастерья для помощи ему в работе. Он был преуспевающим человеком, но ему не было стыдно перевозить по улицам в тачке газету, которую он покупал для целей своего ремесла. Мальчиком он был прилежным и вдумчивым; как мужчина он был благоразумным, проницательным, заслуживающим доверия. Его благоразумие было, однако, несколько сдержанным и земным. Он любил достойную молодую женщину и стремился жениться на ней, которая отвечала ему взаимностью. В те дни его типография задолжала сто фунтов стерлингов. Он потребовал, чтобы отец молодой леди выплатил этот долг. Отец не смог этого сделать. После чего светский Вениамин решительно разорвал предполагаемый союз.

Когда он получил умеренную квалификацию, он перестал заниматься своим бизнесом. С этого момента он трудился, чтобы служить своим собратьям. Филадельфия обязана Франклину своим университетом, своей больницей, своей пожарной командой, своей первой и величайшей библиотекой.

Он заслужил известность как человек науки. Он давно думал, что молния и электричество - это одно и то же; но он не нашел способа доказать истинность своей теории. В 1752 году н.э. Наконец он смастерил воздушного змея, подходящего для его эксперимента. Он улизнул из своего дома во время грозы, не сказав никому, кроме своего сына, который сопровождал его. Воздушный змей был запущен среди грозowych облаков, и встревоженный философ стал ждать. Какое-то время ответа на его нетерпеливый вопрос не последовало, и лицо Франклина омрачилось. Но, наконец, он испытал долгожданный шок, и его сердце затрепетало от высокого сознания того, что он пополнил сумму человеческих знаний.

1766 г. н.э., когда возникли проблемы в связи с Законом о гербовом сборе, Франклина отправили в Англию защищать права колонистов. Сила его интеллекта, зрелая мудрость его мнений обеспечили ему удивительное превосходство над людьми, с которыми он соприкасался. Его экзаменовали в парламенте. Эдмунд Берк сказал, что эта сцена напомнила ему учителя, допрашиваемого группой школьников, настолько очевидным было превосходство свидетеля над его следователями.

1777 год н.э. Франклин был одним из первых сторонников независимости и помогал в подготовке знаменитой Декларации. Во всех советах того богатого событиями времени он играл ведущую роль. Он был первым американским послом во Франции, и здравый смысл и живость старого печатника снискали ему большое расположение в светском мире Парижа. Он жил, чтобы помочь в разработке Конституции, согласно которой Америка наслаждалась столь великим процветанием. 1799 год нашей эры, вскоре после его кончины. За несколько месяцев до своей смерти он написал Вашингтону: “Сейчас мне исполняется восемьдесят четвертый год, и, вероятно, вместе с этим заканчивается моя карьера в этой жизни; но в каком бы состоянии существования я ни находился после этого, если я сохраню хоть какие—то воспоминания о том, что произошло здесь, я сохраню уважение и привязанность, с которыми я долгое время относился к вам”.

ГЛАВА III. ДОЛИНА РЕКИ ОГАЙО.

Экс-ла-Шапельский мир, давший Европе кратковременную передышку, оставил нерешенными спорные претензии Франции и Англии на американскую территорию. 1748 год н.э. Франция владела владениями в Канаде, а также в Луизиане, на крайнем юге, за много сотен миль от Нее. Она претендовала на всю линию реки Миссисипи с ее притоками; и она осуществила свои притязания, возведя через определенные промежутки времени форты, чтобы соединить свои поселения на севере с поселениями на юге. Ее притязания включали долину реки Огайо. Это был обширный и плодородный регион, ценность которого только что открыли англичане. Он еще не был заселен, но его растительность свидетельствовала о богатстве, неизвестном колонистам в восточных поселениях. Французы, чтобы утвердить свои притязания, послали в долину триста солдат и прибили к деревьям свинцовые пластины с королевским гербом Франции. Они стремились подарками и убеждениями расположить к себе туземцев и изгнали английских торговцев, которые с риском для жизни пробрались в эти отдаленные уголки. Англичане, со своей стороны, не бездействовали. Была сформирована крупная торговая компания, которая в обмен на определенные земельные наделы обязалась колонизировать долину, установить торговые отношения с индейцами и содержать компетентные военные силы. Это было в 1749 году. В ту эпоху существовало только одно решение подобных трудностей. Правительства не научились рассуждать здраво; они могли только сражаться. В начале 1751 года обе стороны активно готовились к войне. Эта война закончилась плохо для Франции. Когда в 1759 году меч был вложен в ножны, она потеряла не только Огайо, но и всю Канаду.

1754 год н.э. Когда начались боевые действия, они велись полностью колонистами на стороне Англии. Вирджиния собрала небольшую армию. Вашингтону, тогда еще двадцатидвухлетнему парню, предложили командование, настолько велика была уверенность в его способностях. Пока это была война в миниатюре. Целью Вашингтона в этой кампании было достичь определенного форта на реке Огайо и удержать его в качестве барьера против французского вторжения. Ему нужно было взять с собой артиллерию, и чтобы сделать это возможным, ему пришлось проложить дорогу через дикую местность. Он героически боролся с трудностями своего положения, но не мог продвигаться со скоростью более двух миль в день; и ему не суждено было достичь форта на реке Огайо. После того как он трудился изо всех сил в течение шести недель, он узнал, что французы разыскивают его силами, намного превосходящими его по численности. Он остановился и наскоро соорудил грубый укрепленный пункт, который назвал фортом Необходимости, потому что его люди чуть не умерли с голоду, пока работали над ним. С ним было триста виргинцев и несколько индейцев. Индейцы дезертировали, как только представился случай воспользоваться их услугами. Французское наступление не заставило себя долго ждать. Ранним летним утром прибежал часовой, истекающий кровью от французской пули. Весь тот день продолжался бой. Ночью французы призвали Вашингтон сдаться. Гарнизон должен был выступить с флагом и барабаном, оставив только свою артиллерию. Вашингтон не мог поступить лучше и сдался. Так закончилась первая кампания в войне, которая должна была изгнать Францию из Огайо и Канады. Так началась военная карьера человека, которому предстояло изгнать Англию из самых благородных ее колониальных владений.

Но теперь английское правительство осознало необходимость энергичных мер по спасению находящейся под угрозой исчезновения долины реки Огайо. Была запланирована кампания, целью которой было изгнание французов из Огайо и отвоевание у них некоторых частей их канадской территории. Выполнение этого грандиозного проекта было поручено генералу Брэддоку с силами, которые, как считалось, преодолеют любое сопротивление. Брэддок был ветераном, прошедшим сорокалетние войны. Среди полей, на которых он приобрел свои познания в области войны, был Каллоден, где он принял участие в подавлении восстания шотландцев. Он был храбрым и опытным солдатом и, как считалось, подходил для выполнения порученной ему работы. Но это оказалось печальным просчетом. Брэддок изучил правила ведения войны, но у него не было способности постичь ее принципы. В непроходимых лесах Америки он не мог сделать ничего лучше, чем стремиться буквально претворить в жизнь те принципы, которые он нашел применимыми на хорошо протоптанных полях сражений Европы.

Провал Вашингтона в его первой кампании не лишил его общественного доверия. Брэддок слышал такие отзывы о его эффективности, что пригласил его присоединиться к своему штабу. Вашингтон, стремясь стереть память о своем поражении, с радостью принял это предложение.

1755 год н.э. Войска высадились в Александрии. Колонисты, не привыкшие к присутствию солдат регулярной армии, были очень ободрены их великолепным видом и безупречной дисциплиной и почувствовали, что час окончательного триумфа близок. После некоторой задержки армия с таким подкреплением, какое предоставила провинция, начала свой марш. Целью Брэддока было достичь форта Дю Кен, крупного центра французского влияния на реке Огайо. Это был тот самый форт, которым Вашингтон так мужественно пытался овладеть в своей катастрофической прошлогодней кампании.

Форт Дю Кен был построен англичанами и отнят у них французами. Он стоял на слиянии рек Аллегани и Мононгахела, которые, сливаясь в этом месте, образуют Огайо. Это было грубое укрепление, но обстоятельства не допускали лучшего. Форт был построен из стволов деревьев; его окружали деревянные хижины для солдат. В лесу было расчищено небольшое пространство, и на этой плодородной почве пышно росли несколько грядок пшеницы и индийской кукурузы. Кругом простирался нетронутый лес. Три года спустя маленький форт был отбит англичанами и назван Форт Питт. Затем со временем он вырос в город и стал называться Питсбург. И люди обнаружили в его окрестностях несметные богатства железа и угля. Сегодня там, где столетие назад были единственными обитателями сурового форта с его скоплением суровых хижин, стоит большой и быстрорастущий город. И реки, тогда такие пустынные, бороздит множество судов; и воздух темен от дыма бесчисленных печей. Суждение проницательных англичан, которые сочли, что это местность, которой им не мешало бы овладеть, было полностью подтверждено опытом потомков.

Брэддок не сомневался, что форт сдастся ему, как только он покажется перед ним. Бенджамин Франклин окинул проект своим проницательным, циничным взглядом. Он сказал Брэддоку, что тот, несомненно, взял бы форт, если бы только смог добраться до него; но что длинная стройная линия, которую его армия должна образовать в своем марше, “будет разрезана враждебными индейцами, как нитка, на несколько частей”. Брэддок “улыбнулся своему невежеству”. Бенджамин больше ничего не сказал. Его обязанностью было собирать лошадей и экипажи для экспедиции, и он молча выполнил то, что от него требовалось.

Экспедиция медленно продвигалась вперед, никогда не преодолевая больше трех-четырёх миль в день; останавливаясь, как сказал Вашингтон, “чтобы сравнять с землей каждый кротовый холм, навести мост через каждый ручей”. Он покинул Александрию 20 апреля. 9 июля Брэддок с половиной своей армии был недалеко от форта. Пока не было никаких свидетельств того, что планировалось сопротивление. Врага видно не было; войска шли вперед, как к гарантированной победе. Их вождь был настолько уверен в себе, что отказался нанять разведчиков и не соизволил поинтересоваться, какой враг может скрываться поблизости.

Марш проходил по дороге шириной двенадцать футов, проходившей по оврагу, с возвышенностью впереди и по обеим сторонам. Внезапно из леса донесся боевой клич индейцев. Убийственный огонь уничтожил войска. Провинциалы, не привыкшие к такому описанию боевых действий, укрылись за деревьями и сражались с непоколебимым мужеством. Брэддок, цепляясь за свои старые правила, старался поддерживать боевой порядок на открытой местности. Результатом была резня, самая мрачная и прискорбная. Его беззащитные солдаты были перестреляны невидимым врагом. Борьба длилась три часа; затем люди сломались и бежали в полном беспорядке и панике. Брэддок, тщетно сражавшийся, пал смертельно раненным, и несколько его солдат унесли его с поля боя. Бедный педантичный человек так и не оправился от изумления, вызванного поражением, столь несовместимым с установленными правилами ведения войны. “Кто бы мог подумать?” - пробормотал он, когда его уносили с поля боя. С тех пор он почти не разговаривал и умер через два или три дня. Почти восемьсот человек убитыми и ранеными были потеряны в этом катастрофическом столкновении — примерно половина всех участвовавших в нем сил.

Все это время Англия и Франция номинально жили в мире. Но теперь война была объявлена. Другие европейские державы заняли свои привычные места в борьбе, и пламя войны

распространилось повсюду. На суше и на море европейские народы стремились проливать кровь и уничтожать собственность, и таким образом причинять людям страдания в максимально возможной степени. Поначалу каждая битва приносила Англии поражение и позор. Английские армии под командованием неспособных военачальников были отправлены в Америку и с позором разбиты французами. На европейском континенте равномерный ход бедствий едва ли был прерван хоть одной победой. Даже на море Англия, казалось, утратила свое высокое положение, и ее флоты отвернулись от присутствия врага.

Ярость народа не знала границ. Адмирал, который не сразился с врагом, когда должен был это сделать, был повешен. Премьер-министр начал дрожать за свою шею. Еще одна или две катастрофы, и общественное негодование могло потребовать большей жертвы, чем несчастный адмирал. Министерство ушло в отставку, и к власти пришел Уильям Питт, впоследствии граф Чатем.

А затем, совершенно неожиданно, обстановка изменилась, и началась триумфальная карьера, более блестящая, чем когда-либо знала Англия. Французский флот был уничтожен; французские владения по всему миру были захвачены; французские армии потерпели поражение. Каждая почта приносила известия о победе. В кои-то веки английский народ, как бы жаден он ни был до военной славы, был удовлетворен.

1759 год н.э. Один из самых блестящих успехов администрации Питта был достигнут в Америке. Колонисты начали терять уважение к английской армии и английскому правительству, но Питт быстро вернул им доверие. Они собрали армию в 50 000 человек, чтобы помочь его плану по ослаблению могущества Франции. Были отправлены сильные английские войска, и было организовано грандиозное вторжение в Канаду.

Наиболее заметным из опорных пунктов, удерживаемых французами, был город Квебек. Туда в июне прибыл мощный английский флот с армией под командованием генерала Вульфа. Капитан Джеймс Кук, знаменитый мореплаватель, открывший так много солнечных островов Тихого океана, был капитаном одного из кораблей. Квебек стоит на полуострове, образованном слиянием рек Сент-Чарльз и Сент-Лоуренс. Нижний город находился на берегу моря; верхний - на утесах, которые в этом месте круто вздымаются на высоту двухсот футов. Вульф попробовал произвести эффект бомбардировки. Он очень легко превратил нижний город в руины, но верхний город находился слишком далеко от его батарей, чтобы понести серьезные повреждения. Казалось, что это предприятие окажется непосильным для англичан, и чувствительный Вульф от разочарования и тревоги впал в сильную лихорадку. Но он был не из тех, кого можно сбить с толку. Берег на много миль выше города был тщательно обследован. Было найдено отверстие, откуда тропинка вилась вверх по утесам. Здесь Вульф высадит своих людей и поведет их к высотам Авраама. Оказавшись там, они разгромят французов и возьмут Квебек или умрут на месте.

Звездной сентябрьской ночью солдаты погрузились в лодки, которые спустились вниз по реке к выбранному месту высадки. Когда лодка, на которой Вульф плыл, тихо опускалась на воду, он декламировал своим офицерам "Элегию на сельском кладбище" Грея, недавно полученную из Англии; и в конце он воскликнул: "Я бы предпочел быть автором этого стихотворения, чем завтра брать Квебек". Он был человеком слабого телосложения, но обладал силой, которую

дарует гений в его высших формах. Среди волнений надвигающейся битвы он мог с прежним восторгом ступать по тихим тропинкам литературы.

Солдаты высадились на берег и, как могли, полезли вверх по неровной тропе. Всю ночь вооруженные люди бесшумно выходили из лодок и бесшумно взбирались на эти грозные утесы. Матросы ухитрились втащить наверх несколько пушек. Когда наступило утро, вся армия стояла на высотах Авраама, готовая к битве.

1759 год н.э. Монкальм, французский командующий, был настолько захвачен врасплох, что поначалу отказывался верить в присутствие английской армии. Он, не теряя времени, двинулся навстречу своим неожиданным противникам. Последовавший конфликт был ожесточенным, но недолгим. Французы вскоре потерпели поражение и обратились в бегство; Квебек капитулировал. Но Монкальм не пошел на эту капитуляцию, и Вулф ее не принял. Оба генерала пали в битве. Вулф умер счастливым оттого, что победа была одержана. Монкальм был благодарен судьбе за то, что смерть избавила его от унижения, связанного с отказом от Квебека. Они погибли как враги; но люди нового поколения, думая не столько о случайностях, которые сделали их врагами, сколько о благородном мужестве и преданности, которые их объединяли, поместили их имена вместе на памятнике, который увековечит для потомков место этой решающей битвы.

Франция не смирилась спокойно со своим поражением. В следующем году она предприняла попытку вернуть Квебек. Все было напрасно. В свое время успех англичан привел к заключению мирного договора, по которому Франция уступила Англии все свои претензии на Канаду. Испания в то же время отказалась от Флориды. Англия теперь безраздельно владела западным континентом, от области вечной зимы до Мексиканского залива.

ГЛАВА IV. АМЕРИКА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Прошло полтора столетия с тех пор, как на американской земле была основана первая колония. Колонисты быстро созревали в готовности к независимости. Они увеличивались с поразительной быстротой. Европа никогда не переставала посылать тысячи своих лишних и нуждающихся. Америка широко распахнула свои гостеприимные объятия и гарантировала свободу и комфорт всем, кто приезжал. Население тринадцати колоний теперь составляло около трех миллионов человек.

Они были в высшей степени торговым народом, и их внешняя торговля уже была крупной и прибыльной. Новая Англия строила корабли из древесины своих бескрайних лесов и продавала их за границу. Она ловила рыбу и отправляла ее в Вест-Индию. Она убивала китов и отправляла нефть в Англию. Нью-Йорк и Пенсильвания производили пшеницу, которую охотно покупали Испания и Португалия. Вирджиния цеплялась за табак, без которого Европа тогда, как и сейчас, была недостаточно мудра, чтобы обойтись. Болотистые регионы Каролины и Джорджии производили риса в количестве, достаточном для удовлетворения европейского спроса. Пока хлопок не занимает никакого места в списке экспортных товаров. Но время близко. Даже сейчас Ричард Аркрайт размышляет над усовершенствованиями в искусстве прядения хлопка. Когда они будут доведены до совершенства, выращивание хлопка быстро достигнет превосходства над всеми промышленными занятиями.

Англия так и не научилась признавать равенство своих колонистов со своим собственным народом. Считалось, что колонии существуют не столько для их собственного блага, сколько для блага метрополии. Даже трубочистов, как утверждал лорд Чатем, можно было услышать на улицах Лондона, хвастливо рассказывающих о своих подданных в Америке. Колонии были поселениями, “основанными в отдаленных частях света в интересах торговли”. Как таковые к ним относились наиболее последовательно. Американцы не могли напрямую импортировать какие-либо товары иностранного производства. Все должно быть высажено в Англии и повторно отправлено оттуда, чтобы английский купец мог получить прибыль. Из действия этого закона допускалось только одно исключение — продукты Африки, несчастные негры, переправлялись непосредственно в Америку, и этой торговле оказывалось всяческое поощрение. Несмотря на нелиберальные ограничения правительства метрополии, импорт из Америки до революции вырос почти до трех миллионов фунтов стерлингов.

Новая Англия очень рано создала свою великолепную систему общих школ. На протяжении двух или трех поколений они работали в полную силу. Жители Новой Англии в настоящее время были, вероятно, самыми тщательно обученными людьми в мире. Невозможно было найти человека, родившегося в Новой Англии, который не умел бы читать и писать. Северяне всегда селились в поселках или деревнях, где им было легко получить образование. На Юге этого не было. Там обычные школы не прижились. Это было невозможно среди столь разбросанного населения. Система образования Юга никогда не соответствовала потребностям людей.

В первые годы существования Америки были заложены основы тех различий в характерах и интересах, которые с тех пор привели к результатам такого масштаба. Мужчинам, населявшим Восточные Штаты, приходилось мириться с несколько суровым климатом и сравнительно стерильной почвой. Эти неудобства налагали на них привычку к трудолюбию и бережливости. Только квалифицированный труд мог быть полезен в их обстоятельствах. Таким образом, они были милосердно спасены от проклятия рабства — возможно, благодаря отсутствию искушения, а не превосходству добродетели. Их простая чистота манер долгое время оставалась неиспорченной. Твердый склад ума, который поддерживал их в их ранних трудностях, оставался неизменным. Их любовь к свободе не была извращена в страсть к превосходству. Среди них труд не деградировал, превратившись в функцию презируемой расы. В Новой Англии труд всегда был почетным. Справедливые, полагающиеся на себя, помогающие

себе люди, энергичные в действиях, терпеливые в терпении — с самого начала было очевидно, что они, по крайней мере, не опозорят свою родословную.

Мужчины Юга находились в совершенно иных обстоятельствах. Их климат был восхитительным; их почва - удивительно плодородной; их продукция была желанной на рынках всего мира; неквалифицированный труд был применим при выращивании всех основных продуктов питания. Рабство, будучи чрезвычайно прибыльным, очень рано пустило глубокие корни. Разбогатеть было легко. Колонисты оказались не просто работодателями, но и владельцами своих работников. Они стали аристократичными в чувствах и манерах, напоминая живописных вождей старой Европы, а не простых прозаических производителей табака и риса. У них были рыцарские добродетели, а также их пороки. Они были щедры, распростерты, гостеприимны; но они были надменны и страстны, расточительны, больше преданы удовольствиям и забавам, чем какой-либо другой работе. Живя порознь, каждый на своей плантации, дети часто получали несовершенное образование, а сам плантатор был лишен той благотворной дисциплины в уме и нраве, которую дает проживание среди равных. Два великих разделения государств — те, в которых рабство было прибыльным, и те, в которых оно было невыгодным, — были неравномерно связаны друг с другом. Расхождение в характерах и интересах продолжало увеличиваться, пока не вылилось в одну из величайших из известных войн.

Вплоть до 1764 года американцы питали глубокое почтение и привязанность к метрополии. Они гордились ее великим местом среди наций. Они восхищались великолепием ее военных достижений; они копировали ее манеры и моду. Она была для них образцом во всем. Они всегда говорили об Англии как о “доме”. Быть человеком Старой Англии означало занимать среди них высокое положение. Они с любовью подчинялись ее законам. Ими управляли, как утверждал Бенджамин Франклин, за счет небольшого количества пера и чернил. Когда у их Собраний просили денег, они давали их без всяких возражений. “Их вели за ниточку” — такова была их любовь к земле, которая их породила.

Прошло десять или двенадцать лет. Удивительные перемены произошли в характере американского народа. Они связали себя великой клятвой не использовать никаких предметов английского производства — не участвовать ни в каких сделках, которые могут положить шиллинг в карман любого англичанина. У них выработалась “неудобная привычка возить на телегах”, то есть обмазывать дегтем, перьями и таскать по улицам тех людей, которые открыто заявляют о дружбе с английским правительством. Они сжигают акты английского парламента руками обычных палачей. Они убивают солдат короля. Они отвергают все дружеские предложения. Они навсегда лишают себя королевской власти. Они передают по наследству неприязнь к английскому названию, некоторые следы которой сохранились среди них на протяжении поколений.

С помощью какой неосвященной магии это изменение произошло так быстро? Каким образом за столь несколько лет три миллиона человек научились ненавидеть страну, которую они так любили?

Невежество и глупость английского правительства привели к этому злу. Но причин для сожаления мало. Согласно более глубоким знаниям нашего времени, колониям разрешено прекращать свои связи с метрополией, когда они того пожелают. Было бы лучше, если бы

Америка ушла с миром. Но лучше, чтобы она ушла, даже в гневе и кровопролитии, чем продолжала оставаться в парализующей зависимости от Англии.

В течение многих лет Англия управляла своими американскими колониями жестко и в духе неприкрытого эгоизма. Америкой правили не для ее собственного блага, а для блага английской торговли. Ей не разрешалось экспортировать свои товары, кроме как в Англию. Ни одно иностранное судно не могло заходить в ее порты. Шерстяные изделия запрещалось отправлять из одной колонии в другую. Одно время производство головных уборов было запрещено. Настроенный либерально, парламент отменил этот запрет, но постановил, что ни один производитель шляп не должен нанимать чернокожих рабочих или большее количество подмастерьев, чем два. Металлургические производства были запрещены. Вплоть до последнего часа английского правления Библию не разрешалось печатать в Америке.

Американцы долгое время несли расходы на свое собственное правительство и оборону. Но в тот век небольших доходов и обильных расходов на бессмысленные континентальные войны часто предлагалось обложить Америку налогами в интересах правительства метрополии. Кто-то предложил это сэру Роберту Уолполу в трудную минуту. Мудрый сэр Роберт покачал головой. Должно быть, более смелый человек, чем он, решился бы на это. В свое время был найден человек более смелый, потому что менее мудрый.

1764 год н.э. Семилетняя война закончилась, и Англия добавила сто миллионов к своему национальному долгу. Страна страдала, как это всегда бывает со странами после больших войн, и взвалить новое бремя на плечи государства было нелегко. Голодный глаз лорда Гренвилла искал, где можно было бы установить новый налог. Американцы начали заметно процветать. Их растущее богатство уже было темой завистливых разговоров среди английских купцов. Английские офицеры, воевавшие в Америке, с восторгом отзывались о великолепном гостеприимстве, оказанном им. Больше говорить не нужно. Палата общин приняла резолюцию, подтверждающую их право облагать американцев налогами. Ни один голос не был поднят против этого фатального решения. Сразу после этого был принят Закон, вводящий определенные налоги на шелка, кофе, сахар и другие товары. Американцы возмутились. Они были готовы, по их словам, проголосовать за то, сколько денег потребует от них король, но они яростно отрицали право любого Собрания, в котором они не были представлены, отнимать у них какую-либо часть их имущества. Они были подданными короля, но не были обязаны подчиняться английскому парламенту. Лорд Гренвилл продолжал идти своим путем. Ему сказали, что американцы будут жаловаться, но подчинятся, и он поверил этому. На следующей сессии был принят Закон о введении гербовых сборов в Америке. Эта мера не вызвала интереса. Эдмунд Берк сказал, что он никогда не присутствовал на более вялых дебатах. В Палате лордов вообще не было дебатов. Континент был отделен от Британской империи без особых проблем.

1765 год н.э. Бенджамин Франклин заявил Палате общин, что Америка никогда не подчинится Закону о гербовом сборе и что никакая сила на земле не сможет обеспечить его соблюдение. Американцы сделали так, чтобы правительство не могло ошибиться в их чувствах. Беспорядки, которые день ото дня приобретали все более "грандиозные и тревожные" масштабы, вспыхнули в штатах Новой Англии. Повсюду распространители почтовых марок были вынуждены уйти в отставку. Одного несчастного вывели в Бостон-Коммон и заставили подписать заявление об уходе в присутствии огромной толпы. Другого, находящегося в отчаянном состоянии здоровья,

навелили в его комнате больного и вынудили пообещать, что, если он выживет, он уйдет в отставку. Было принято всеобщее решение о том, что никакие английские товары не будут импортироваться, пока не будет отменен Закон о гербовом сборе. Колонисты “ничего не ели, ничего не пили, не носили ничего из того, что привозят из Англии”, пока продолжалась эта великая несправедливость. Закон должен был вступить в силу 1 ноября. В тот день колокола зазвучали похоронным звоном, и колонисты выглядели как люди, на которых обрушилось какое-то тяжелое бедствие. Но Закон так и не вступил в силу. Ни одна из марок лорда Гренвилла никогда не покупалась и не продавалась в Америке. Часть гербовой бумаги была сожжена толпой; остальную спрятали, чтобы уберечь ее от той же участи. Без марок браки были недействительны; коммерческие сделки перестали быть обязательными; судебные иски были невозможны. Тем не менее, дело человеческой жизни продолжалось. Мужчины женились; они покупали, они продавали; они обращались в суд; незаконно, потому что без штампов. Но вреда от этого не было.

Англия с изумлением услышала, что Америка отказалась подчиняться закону. Были некоторые, кто требовал, чтобы Закон о гербовом сборе был приведен в исполнение мечом. Но английских купцов очень тронуло то, что Америка прекратила импортировать их товары. Уильям Питт — еще не граф Чатем — осудил этот Акт и сказал, что рад, что Америка оказала сопротивление. В 1766 году Питт и торговцы восторжествовали, и Закон был отменен. В ту ночь в городе была иллюминация. Городские колокола звонили от радости; корабли на Темзе переливались всеми своими цветами. Самым печальным сердцем во всем Лондоне было сердце бедного короля Георга, который не переставал оплакивать “роковую отмену Закона о гербовом сборе”. Вся Америка затрепетала от радости и гордости, когда пришло известие о великом триумфе. Они присудили Питту статую; они выделили день для общественного ликования; все заключенные за долги были освобождены. Великое избавление было даровано, и восторгу обрадованных людей не было предела. На данный момент опасность миновала, но тот, кто сейчас управляет Америкой, должен действовать осторожно.

Именно во время волнений, вызванных Законом о гербовом сборе, была выдвинута идея о Всеобщем конгрессе штатов. Раздался громкий призыв к объединению. Преобладающим настроением было “Присоединяйся или умри”. Конгресс собрался в Нью-Йорке. Он занимался немногим большим, чем обсуждением и петициями. Это интересно просто как одно из первых проявлений тенденции к федеративному объединению в стране, судьбу которой на все грядущие времена должна была решить эта тенденция.

Отмена Закона о гербовом сборе лишь ненадолго отсрочила быстро надвигающийся кризис. Было сформировано новое министерство во главе с графом Чатемом. Но вскоре великий граф заболел и стал беспомощным, и бремя управления легло на его неспособные плечи. Чарльз Таунсенд, умный, обаятельный, но крайне нескромный человек, стал фактическим премьер-министром. Настроения в общественном сознании теперь стали более неблагоприятными для Америки. Таунсенд предложил взимать с американцев различные налоги. Самым известным из его налогов был налог в размере трех пенсов за фунт на чай. Все его предложения стали законом.

На этот раз более вдумчивые американцы начали отчаиваться в справедливости. Самые смелые еще едва осмеливались предлагать восстание против Англии, такой могущественной и любимой. Но великое последнее убежище независимости было безмолвно покинуто многими.

Толпа вернулась к своему обычному решению. Произошли крупные беспорядки. Чтобы подавить эти беспорядки, английские войска расположились лагерем на Бостон-Коммон. Город кишел людьми в красных мундирах, каждый из которых был унижением. Их барабаны били по субботам и беспокоили порядочных бостонцев даже в церкви. Время от времени прибывали свежие транспорты с дополнительными солдатами, пока большие силы не заняли город. Раздраженные горожане не могли смириться с тем, что их таким образом обуздали. Министры молили Небеса избавить их от присутствия солдат. Верховный суд Массачусетса настоятельно призвал губернатора удалить их. Губернатор не имел полномочий в этом вопросе. Он призвал двор обеспечить королевские войска необходимыми средствами — просьба, в которой придворным было бесконечно приятно отказать.

1770 год н.э. Всеобщее раздражение выливалось в частые драки между солдатами и народом. Однажды зимней мартовской ночью, при лунном свете, когда улицы Бостона были покрыты снегом и льдом, на отряд солдат было совершено более чем обычно решительное нападение. Толпа думала, что солдаты не посмеют стрелять без приказа магистрата, и была очень смелой в силе этой веры. Это оказалось ошибкой. Солдаты открыли огонь, и кровь одиннадцати убитых или раненых обагрила замерзшие улицы. Это была “Бостонская резня”, которая сильно разожгла антипатию патриотов к метрополии.

Прошло два или три беспокойных года, а никакого прогресса в урегулировании разногласий достигнуто не было. Из всех колоний доносились громкие и непрекращающиеся голоса жалоб и увещаний. Они не достигли невнимательных ушей, ибо Англия была предана. К ее чести, следует сказать, что в конце концов она отдала своих детей не из-за денег. Налог на чай должен быть сохранен, чтобы поддержать авторитет Англии. Но когда чай был отправлен, был допущен такой недостаток, что на самом деле цена в Америке была бы ниже, чем дома.

Американцы, в целом, придерживались своей цели - не ввозить никаких английских товаров, особенно товаров, на которые можно было бы взимать пошлины. Случалось, что патриот с более мирскими взглядами поддавался искушению и тайно отправлял приказ в Англию. Он был прощен, хотя и раскаявался. Если он был непреклонен, его имя было опубликовано, и решение граждан больше не торговать со столь недостойным человеком вскоре образумило его. Но, в основном, колонисты были верны своим узам, и когда они больше не могли заниматься контрабандой, они прекратили импорт. Ост-Индская компания накопила огромное количество непригодного для продажи чая, для которого необходимо было найти рынок сбыта. В 1773 году нашей эры несколько кораблей были загружены чаем и отправлены в Америку.

Более дешевого чая в Америке никогда не видели; но он облагался отвратительным налогом, который утверждал британский контроль над собственностью американцев. Неужели американцы, давно лишенные привычного напитка, поддадутся искушению и променяют свою честь на дешевый чай? Ост-Индская компания никогда в этом не сомневалась; но Компания ничего не знала о нравах американского народа. Корабли прибыли в Нью-Йорк и Филадельфию. Эти города устояли. Корабли были незамедлительно отправлены домой — их люки не были открыты — и должным образом доставили забракованный груз обратно в Темзу.

Когда в бухте показались высокие мачты кораблей, направлявшихся в Бостон, горожане сбежались на совет. Был шаббат, и жители Бостона были строги. Но здесь возникла острая необходимость, в присутствии которой действие всех обычных правил приостанавливается.

Наконец-то наступил кризис. Если этот чай попадет на рынок, его будут продавать, им будут пользоваться, и американская свобода станет притчей во языцех на земле.

Сэмюэл Адамс в то время был настоящим королем Бостона. Это был мужчина средних лет, с развитым умом и безупречной репутацией — сильный оратор и писатель - человек, в чью проницательность и умеренность верили все люди. Он напоминал старых пуритан своей суровой любовью к свободе— своим почитанием субботы, своим искренним, хотя и несколько формальным соблюдением всех религиозных обрядов. Он был одним из первых, кто понял, что в этой борьбе нет другого места для отдыха, кроме как за независимость. “Мы свободны, - сказал он, - и не хотим короля”. Жители Бостона почувствовали силу его решительного духа и мужественно последовали за Сэмюэлем Адамсом.

Была надежда, что агенты Ост-Индской компании согласятся отправить корабли домой; но агенты отказались. Последовало несколько дней волнений и безрезультатных переговоров. Люди стекались сюда из соседних городов. Время было потрачено в основном на общественные собрания; город оглашался страстными разговорами. Но тем временем корабли мирно стояли у своих причалов, и поток патриотических разговоров, казалось, был напрасен. Были явно необходимы другие меры. Однажды состоялось собрание, и возбужденные люди продолжали жаркие дебаты до наступления сумерек. Никакого прогресса достигнуто не было. Наконец Сэмюэл Адамс встал в тускло освещенной церкви и объявил: “Это собрание больше ничего не может сделать для спасения страны”. С суровыми криками собрание разошлось. Пятьдесят человек, переодетых индейцами, поспешили к пристани, у каждого был топор в руке. Толпа последовала за ними. Корабли были взяты на абордаж; ящики с чаем были вынесены на палубу, разбиты и выброшены в залив. Одобрительные горожане молча наблюдали за происходящим. Все чувствовали, что этот шаг был серьезным и насыщенным событиями в высшей степени. Толпа стояла так тихо, что не было слышно ни звука, кроме удара топора и плеска разбитых сундуков, когда они падали в море. Во всяком случае, все вопросы по утилизации этих партий чая теперь решены.

Вот что сделала Америка; следующий шаг должна сделать Англия. Лорд Норт теперь стоял во главе британского правительства. Его светлость был убежден, что смуты в Америке вызваны небольшим числом честолюбивых людей и могут быть легко подавлены при должной твердости. “Американцы будут львами, в то время как мы будем ягнятами”, - сказал генерал Гейдж. Король верил в это, и лорд Норт верил в это. В своем глубоком невежестве он приступил к рассмотрению чрезвычайной ситуации. Он закрыл Бостон как порт для высадки и отправки товаров. Он наложил штраф, чтобы возместить Ост-Индской компании потерю чая. Он отозвал Хартию Массачусетса. Он уполномочил губернатора отправлять политических преступников в Англию для суда. Раздались громкие голоса против этих суровых мер. Лорд Чатем, уже пожилой, если не по годам, и близкий к завершению своей карьеры, умолял принять меры к примирению. Эдмунд Берк оправдывал сопротивление американцев. Их противодействие было бесплодным. Все репрессивные меры лорда Нортона стали законом; и генерал Гейдж с дополнительным отрядом солдат был направлен в Бостон для приведения их в исполнение. Гейдж был авторитетом в американских делах. Он сражался под командованием Брэддока. Среди слепых одноглазый - король; среди глубоко невежественных человек с небольшими знаниями неотразимо убедителен. “Четыре полка, отправленные в Бостон, - сказал обнадеженный Гейдж, - предотвратят любые беспорядки”. Ему поверили; но, к несчастью для его же собственного утешения, его послали в Бостон, чтобы обеспечить исполнение его собственного пророчества.

Он возвел несколько укреплений и залег, как во враждебном городе. Американцы назначили день поста и унижения. Они сделали больше. Они сформировали военные роты; они занимались муштровкой; они запасались боеприпасами. У большинства из них были мушкеты, и они умели ими пользоваться. Тот, у кого не было мушкета, теперь получил его. Они надеялись, что гражданская война будет предотвращена, но не было ничего плохого в том, чтобы быть готовыми.

5 сентября 1774 г. н.э., когда генерал Гейдж возводил свои укрепления в Бостоне, в Филадельфии собрался Конгресс делегатов, присланных Штатами для обсуждения проблем, которые сгущались вокруг них. Были представлены двенадцать штатов. Грузия пока робко остановилась на пороге рискованного предприятия. Это были выдающиеся люди, которые встретились там, и их работа пользуется неизменным почетом. “За подлинную проницательность, за исключительную умеренность, за непоколебимую мудрость, “ сказал великий граф Чатем, - Конгресс Филадельфии не имеет себе равных”. Причудливая старая комната с низким потолком, в которой проводились их собрания, стала одной из святынь, которые с удовольствием посещают американцы. Там был Джордж Вашингтон, и его огромный здравый смысл и обширные знания были высшей направляющей силой. Патрик Генри, тогда еще молодой человек, привнес в совет не по годам мудрость и пламенное красноречие, которые некоторым из его слушателей казались чуть ли не сверхчеловеческими. Он уже доказал свою непригодность к ведению сельского хозяйства и лавок. Теперь ему предстояло доказать, что он может произносить слова, которые разнесутся по всему континенту, будоража сердца людей подобно гласу трубы и побуждая их к героическим подвигам. Джон Ратледж из Южной Каролины помогал ему с красноречием, немногим уступавшим его собственному. Ричард Генри Ли, с его римской внешностью, чарующим голосом, зрелой ученостью, богатыми запасами исторических и политических знаний, украсил бы самые высокие собрания Старого Света. Джон Дикенсон, мудрый фермер с берегов Делавэра, чьи Письма так много сделали для формирования общественного мнения — его восторженная любовь к Англии пересилила чувство несправедливости, — с сожалением, но решительно выступил против тирании английского правительства.

У нас есть заверения Вашингтона, что члены этого Конгресса не стремились к независимости. Пока что они хотели исправить ошибки и остаться британскими подданными. Их действия являются достаточным доказательством этого желания. Они составили отчет о своих ошибках. В качестве средства возмещения ущерба они приняли резолюцию о прекращении всех торговых сношений с Великобританией. Они обратились к королю, умоляя его величество устранить те обиды, которые ставили под угрозу их отношения с ним. Они обратились к народу Великобритании, союз с которым, по их словам, они считают своей величайшей славой и счастьем, добавив, однако, что они не будут рубить дрова и носить воду ни для одной нации в мире. Они обратились к своим братьям-колонистам Канады за поддержкой в их мирном сопротивлении угнетению. Но Канада, недавно отвоеванная у Франции, была почти полностью заселена французами. Француз того времени был доволен тем, что пользовался таким количеством свободы и собственности, какое было угодно разрешить его королю. И вот из Канады не пришло никакого ответа с выражением сочувствия или помощи.

Здесь Конгресс сделал паузу. Некоторые члены Конгресса вместе с Вашингтоном полагали, что их протесты возымеют действие. Другие, менее оптимистичные, не искали иного урегулирования, кроме того, которое мог принести меч. Они отложили заседание, чтобы

встретиться снова в мае следующего года. Пока этого достаточно. Какие дальнейшие шаги могут потребовать новые события наступающего лета, мы будем готовы предпринять с Божьей помощью.

Англия не проявила снисхождения в своем обращении с американцами. Король не дал ответа на обращение Конгресса. Палаты лордов и общин отказались даже разрешить зачитать это обращение в их присутствии. Король объявил о своем твердом намерении привести непокорных колонистов к повиновению. Парламент дал лояльные заверения в поддержке ослепленного монарха. Вся торговля с колониями была запрещена. Все американские корабли и грузы могли быть захвачены теми, кто был достаточно силен для этого. Альтернатива, представленная американскому выбору, была откровенной — американцы должны были бороться за свою свободу или отказаться от нее. В те дни народ Англии не имел никакого контроля над правительством своей страны. Всем этим управляли за них несколько знатных семей. Их уделом было тяжело трудиться, платить налоги и молчать. Если бы им разрешили высказаться, их голос оправдал бы людей, отстаивавших право на самоуправление - право, которым самим англичанам не суждено было воспользоваться в течение многих долгих лет.

1775 г. н.э. генерал Гейдж узнал, что в деревне Конкорд, в восемнадцати милях от Бостона, собраны значительные запасы боеприпасов. Он схватит их именем короля. Поздней апрельской ночью восемьсот солдат отправились с этим поручением. Они надеялись, что их приезд будет неожиданным, поскольку были приняты меры к тому, чтобы эта новость не распространилась за пределы Бостона. Но пока они шли, звон колоколов и ружейная пальба повсюду предупреждали об их приближении. Ранним утром они достигли Лексингтона. За несколько часов до этого их там ждал отряд ополчения. Но утро было холодным, а час неурочным, и патриотам разрешили укрыться в уютной таверне под обещание явиться под бой барабана. Семьдесят из них сделали это, в основном, как нам сказали, “в замешательстве”. Майор Питкэрн приказал им разойтись. Патриоты не сразу подчинились призыву. Было невозможно, чтобы семьдесят добровольцев намеревались сражаться с восьмьюстами британскими солдатами; более вероятно, что они не совсем ясно понимали, что от них требуется. Последовала стрельба. Американцы говорят, что первый выстрел был сделан британцами. Майор Питкэрн всегда утверждал, что он сам видел, как соотечественник открыл первый огонь из-за стены. Никогда нельзя знать наверняка, но теперь стрельбы было достаточно. Британцы стояли и стреляли, в своей постоянной беззаботной манере, по несчастным ошибочным семидесяти. Патриоты быстро бежали. Восемнадцать человек из их числа не присоединились к бегству. Они лежали в своей крови на деревенской лужайке, мертвые или раненые. Так началась война между Англией и ее колониями.

Британцы продвинулись к Конкорду и уничтожили все военные запасы, которые смогли найти. Их было немного, поскольку было время вывезти почти все. К полудню работа была закончена, и измученные войска повернулись лицом к Бостону.

Им не разрешалось маршировать в одиночку. Все то утро йомены с мрачными лицами — типа Айронсайда, каждый с мушкетом в руке — спешили в Конкорд. Марш британцев проходил в основном по дороге, прорубленной через густой лес. По мере их продвижения мстительные йомены наступали им на фланги и тыл. Со всех сторон велся непрерывный убийственный огонь, под которым люди быстро падали. Никакие усилия не могли выбить этих смертоносных, но почти невидимых врагов. В течение всех ужасных часов этого ответного марша огонь

американцев ни разу не ослабевал, и ответить на него удавалось редко. Был закат, когда солдаты, полумертвые от усталости, добрались домой в Бостон. Убитыми, ранеными и пленными эта роковая экспедиция обошлась почти в триста человек. Кровь, пролитая при Лексингтоне, была быстро и глубоко отомщена.

ГЛАВА V.

БАНКЕР-ХИЛЛ.

Столкновения в Лексингтоне и Конкорде глубоко взволновали американский народ. По стране разнеслась весть о том, что пролилась кровь, что уже нашлись мученики за великое дело. По всем дорогам скакали конные курьеры. Над суетой рыночной площади— в тишине тихой деревенской церкви раздался пронзительный крик: “Война началась”. Все люди почувствовали, что час пробил, и они немедленно отложили свои обычные труды, чтобы подготовиться к битве. Северная Каролина в спешке сбросила с себя власть короля и сформировала военные роты. Робкая Джорджия прислала деньги и рис, а также ободряющие письма, чтобы подтвердить смелые намерения жителей Бостона. В аристократической и лояльной Вирджинии произошел всеобщий порыв к оружию. Со всех уголков штатов Новой Англии мужчины спешили в Бостон. Однажды апрельским днем в приятном Коннектикуте старик вспахивал свое поле. Его звали Израэль Патнэм. Теперь он был фермером и трактирщиком — сочетание, частое в то время в Новой Англии, и, как нам говорят, несколько не противоречащее “римскому характеру”. Раньше он был воином. Он сражался с индейцами и чудом избежал опасностей, связанных с такой войной. Однажды он был привязан к дереву, и дикари начали метать свои томагавки ему в голову, когда он неожиданно нашел спасение. Когда суровый старый Израэль пахал свое поле, кто-то рассказал ему о Лексингтоне. В тот день он больше не пахал. Он отправил домой сообщение, что уехал в Бостон. Отвязав лошадь от плуга, через несколько минут он был уже в седле и спешил к лагерю.

Бостон и его пригороды расположены на определенных островках и полуостровах, доступ к которым с материка осуществляется по одному перешейку, который называется Бостонский перешеек, и другому перешейку, который называется Чарльзтаунский перешеек. Город в таких условиях нетрудно взять в блокаду. Американский отряд йоменов блокировал Бостон. В городе находилось пять тысяч солдат, но отступление из Конкорда заставило генерала Гейджа проявить некоторую терпеливость, и он не делал попыток снять блокаду.

Шел май, а генерал Гейдж по-прежнему бездействовал. Американцы-патриоты по-прежнему прибывали в лагерь блокадников. Они были совершенно недисциплинированны и совершенно без формы. Англичане презирали их как сброд, “одетый в ситцевые платья и охотничьи ружья”.

Но они были англосаксами с оружием в руках и твердой целью в голове. Было весьма вероятно, что неразумное презрение их врагов не заставит себя долго ждать.

25-го числа несколько английских военных кораблей бросили якоря в Бостонской бухте. Ходили слухи, что они привели большие подкрепления под командованием Хоу, Бергойна и Клинтона — лучших генералов, которыми обладала Англия. Вскоре стало известно, что Гейдж теперь почувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на своих деревенских осаждающих. Но выбор времени и места для встречи нельзя было оставлять за генералом Гейджем.

На полуострове Чарльзтаун, на расстоянии ружейного выстрела от Бостона, есть два невысоких холма, один из которых, более высокий, называется Банкер-Хилл, а другой Брид-Хилл. На военном совете американцы решили захватить и укрепить одну из этих высот и там выдержать натиск англичан. Нельзя было терять ни минуты. Говорили, что Гейдж намеревался занять высоты в ночь на 18 июня. Но Гейдж, как обычно, опоздал. 16-го, незадолго до захода солнца, тысяча двести американцев были собраны на Кембридж-Коммон для несения особой службы. Командовал полковник Прескотт, ветеран, сражавшийся против французов. Патнэм был с ним, чтобы быть полезным, где мог, хотя и без определенных обязанностей. Были произнесены молитвы; и люди, зная только, что они идут на битву и, возможно, на смерть, выступили в поход. Они шли молча, ибо их путь лежал под орудиями английских кораблей. Они достигли вершины холма, никем не замеченные лежащим врасплох противником. Стояла прекрасная июньская ночь — теплая и тихая. Далеко внизу лежали английские корабли — ужасные, но пока безобидные. За рекой Чарльз Бостон и его гарнизон спали сном ничего не подозревающих. “Все в порядке” часового время от времени мечтательно ползло вверх по холму. А теперь действуй быстро с лопатой и мотыгой, ибо часов в эту летнюю ночь мало и они драгоценны — быстро, но и осторожно, ибо один звонкий удар железа по камню может погубить все!

Когда на следующее утро генерал Гейдж посмотрел на высоты, он увидел мощные укрепления и толпы вооруженных людей там, где несколько часов назад летний ветерок колыхал нехоженую траву. Он долго смотрел в подзорную трубу на это непрошеное привидение. Высокая фигура расхаживала взад и вперед по грубому парапету. Это был Прескотт. “Будет ли он сражаться?” - нетерпеливо спросил Гейдж. “Да, сэр”, - ответил прохожий. “до последней капли своей крови”.

Было необходимо, чтобы работы были начаты, и немедленно был разработан план атаки. Он был достаточно прост. Никто не предполагал, что американцы выдержат удар регулярных войск. Следовательно, англичане должны были двинуться прямо на холм и прогнать американцев. Тем временем американцам было отправлено подкрепление и распределены запасы боеприпасов. Каждому человеку выдали горсть пороха, которую можно было носить в пороховнице или рассыпать в кармане, два кремня и пятнадцать шариков. Чтобы получить хотя бы пятнадцать шаров, им пришлось расплавить органые трубы епископальной церкви в Кембридже.

В полдень английские солдаты численностью до двух тысяч человек переправились из Бостона. Люди на вершине холма смотрели из своих укреплений на великолепное зрелище ярких мундиров, штыков и полевых орудий, сверкающих на солнце. Они смотрели с учащенным пульсом, но непоколебимой целеустремленностью. Людям их расы не дано познать страх на пороге битвы.

Английские солдаты остановились перекусить, когда высадились на полуострове Чарльзтаун. Американцы могли слышать их шумные разговоры и смех. Они видели, как по рядам пронеслись

кувшины с грогом. А затем они увидели, как англичане встали и потянулись к своей мрачной утренней работе. Со шпилей и крыш домов Бостона - со всех высот, окружающих город, — тысячи американцев наблюдали за ходом сражения.

Перед солдатами стояла нелегкая задача. День был “чрезвычайно жарким”, трава высокой и густой, марш в гору был трудным, враг бдительным и решительным. Словно для того, чтобы усугубить трудность, мужчины несли с собой в рюкзаках трехдневный запас провизии. У каждого человека была ноша весом в сто двадцать фунтов - ранец, мушкет и другое снаряжение. С таким грузом они начали свое опасное восхождение.

Находясь еще далеко от противника, они открыли безобидный ружейный огонь. Ответа с американских позиций не последовало. Патнэм приказал своим людям не стрелять до тех пор, пока они не увидят белки глаз англичанина, а затем прицелиться пониже. Англичане были совсем рядом с заводом, когда был дан приказ. Подобно пращникам-левшам из колена Вениамина, американцы могли стрелять на расстояние, близкое к волоску. Каждый человек тщательно прицелился, и когда они дали залп, несколько пуль пролетели впустую. Бойня была огромной. Англичане отступили в некотором замешательстве, безжалостный дождь пуль преследовал их вниз по склону. Они снова приблизились почти к американским укреплениям и снова выдержали кровавый отпор. И теперь, у подножия холма, они сложили свои рюкзаки и сняли шинели. На этот раз они были полны решимости закончить бой штыковым ударом. У американцев закончились боеприпасы, и они могли дать по врагу только один залп. Англичане перелезли через бруствер. У американцев не было штыков, но какое-то время они вели неравную войну камнями и прикладами своих мушкетов. Вскоре их прогнали, и они бежали вниз по холму и через Перешеек к Кембриджу, а английские корабли обстреливали их на бегу картечью.

Они сделали свое дело. Победа, без сомнения, осталась за англичанами. Их целью было захватить американские укрепления, и они их захватили. Гораздо большим, чем это, был выигрыш американцев. Было доказано, что с помощью некоторых незначительных полевых работ недисциплинированные патриоты могли на равных противостоять лучшим войскам, которые Англия могла послать против них. Отныне успех Революции был обеспечен. “Слава Богу, ” сказал Вашингтон, услышав о битве, “ свободы страны в безопасности”. Если бы упрямому королю Георгу довелось увидеть это! Но многие жены должны стать вдовами, а многие дети - сиротами, прежде чем эти тусклые глаза откроются для неприятной правды.

Тысяча шестьсот человек лежали убитыми или ранеными на этом роковом склоне. Англичане потеряли почти тысячу сто человек; американцы - почти пятьсот. Действительно, редко в каком сражении пало столь большое количество сражающихся.

Американцы, которые таким образом взялись за оружие, оказали сопротивление королевским войскам и перебили их, не имели никакого права отвечать за то, что они сделали. Ни один руководящий орган любого профиля не нанял их и не признал. Что было еще более тревожным недостатком, у них не было генерала и достаточного запаса продовольствия и боеприпасов. 1775 год н.э. Конгресс единогласным голосованием утвердил армию и избрал Джорджа Вашингтона главнокомандующим силами патриотов. Они приняли меры по вербовке солдат и сбору денег для их поддержки.

Когда Вашингтон добрался до армии перед Бостоном, он обнаружил, что она состоит из четырнадцати тысяч человек. Они были совершенно недисциплинированы и почти без боеприпасов. Их запасов пороха хватило бы всего на девять выстрелов на каждого человека. Таким образом, они могли бы не использовать свою артиллерию. Их грубые укрепления простирались на расстояние восьми или девяти миль. В любой момент англичане могли обрушиться на них, прорвать их слабые линии и обратить их в безнадежное бегство. Но упрямые провинциалы пока еще были недостаточно опытными солдатами, чтобы осознавать опасность. Полагаясь только на собственное мужество, они укрепили свои позиции и упорно удерживали Бостон.

С удобной вершины холма Вашингтон смотрел на своего врага. Он увидел британскую армию численностью в десять тысяч человек, безупречную по дисциплине и снаряжению. Это был благородный двигатель, но, к счастью для всего мира, им управляли некомпетентные руки. Генерал Гейдж покорно выдержал осаду, не осмелившись нанести ни единого удара по отважным патриотам. Зима в обеих армиях была нелегкой. Англичане страдали от оспы. Их флот не смог обеспечить их достаточным запасом продовольствия. Им приходилось сносить дома, чтобы заготовить дрова для топлива, рискуя быть повешенными, если их обнаружат. Они были подавлены долгим бездействием. Они знали, что в Англии к ним относились с чувством горького разочарования. Разгневанное министерство отозвало беднягу Гейджа и он с позором покинул Бостон, где надеялся на такой успех. Генерал Хоу унаследовал свое командование и свою политику бездействия.

Вашингтон со своей стороны часто впадал в отчаяние. Его войска в основном были зачислены всего на три месяца. Их любовь к родине уступила под тяжестью солдатской жизни. Вашингтон был сторонником строгой дисциплины, и многие свободнорожденные защитники пострадали от удара плетью. Патриотизм оказался более тяжелой службой, чем рассчитывали мужчины. Как только срок их службы истек, они отправились домой. Вашингтон осыпал их патриотическими призывами и даже заставил петь патриотические песни о лагере. Однако не таким образом можно было научить потокающих своим желаниям мужчин Массачусетса и Коннектикута презирать удовольствия и жить тяжелой жизнью. "Такого недостатка общественного духа," пишет Вашингтон, - и такого недостатка добродетели, такого плодородия во всех низких искусстваах я никогда раньше не видел". 1776 Год н.э. Когда наступил январь, у него была новая армия, намного меньшая, чем старая, и тот же утомительный процесс муштры начался заново. Он знал, что Хоу был осведомлен о своем положении. Бездействие английского генерала удивило Вашингтон. Он не мог объяснить это иначе, как верой в то, что Провидение присматривает за свободами американского народа.

В феврале к нему поступили щедрые поставки оружия и боеприпасов. Прибыли также десять полков ополчения. Теперь Вашингтон был достаточно силен, чтобы сделать шаг.

К югу от Бостона находятся высоты Дорчестер. Если американцам удастся захватить и удержать эти высоты, англичанам придется оставить Бостон. На "Энтерпрайз" была назначена ночь на 4 марта. Сильный артиллерийский огонь привлек внимание противника. При свете безоблачной луны сильный отряд рабочих направился к Дорчестер-Хайтс. Их сопровождала длинная вереница фургонов, нагруженных туго спрессованными тюками сена. Они были необходимы для образования бруствера, так как сильный мороз сковал землю, и полагаться только на рытье

было нельзя. Мужчины работали с таким рвением, что к рассвету из тюков сена были сооружены различные редуты и другие оборонительные сооружения самого грозного вида. На высотах лежал густой туман, и в дымке новая крепость выглядела массивной и внушительной.

“Повстанцы, - сказал Хоу, - за одну ночь проделали больше работы, чем вся моя армия сделала бы за месяц”.

И теперь англичане должны сражаться или сдать Бостон. Англичане решили сражаться. Они были в процессе высадки, чтобы напасть на врага, когда начал дуть яростный восточный ветер, рассеяв их транспорты и вынудив отложить атаку. Весь следующий день шторм продолжал бушевать, и англичане, рвущиеся в бой, бездействовали поневоле. Энергичные американцы не переставали копать и строить. На третий день шторм утих. Но теперь генерал Хоу считал американскую позицию неприступной. Возможно, он был мудро осторожен; возможно, он просто боялся. Но он отбросил мысли о битве и приготовился эвакуировать Бостон. 17-го числа последний английский солдат был на борту, и вся Новая Англия была окончательно отбита у короля Георга.

ГЛАВА VI. НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Даже сейчас, после нескольких месяцев боев, идея окончательного отделения от Великобритании была неприятна значительной части американского народа. Для более просвещенных людей давно было очевидно, что другой путь невозможен, но очень многие все еще цеплялись за надежду на дружественное урегулирование разногласий. Некоторые, которые были коренными англичанами, любили страну своего рождения больше, чем страну своего усыновления. Квакеры и моравцы выступали против войны как греховной и удовлетворились бы таким возмещением ущерба, которое можно было бы получить путем увещеваний. Некоторые, глубоко возмущенные притеснениями правительства метрополии, не спешили отказываться от привилегии британского гражданства. Некоторые охотно сражались бы, если бы была надежда на успех, но их не могли убедить в том, что Америка способна защитить себя от колоссальной силы Англии. Этот вопрос обсуждался долго и остро. Разум Америки был за отделение. Все писатели колоний постоянно настаивали на том, что к этому должно прийти. Бесконечные брошюры и статьи в "Газетт" повествуют о притеснениях старой страны и необходимости независимости для благополучия колоний. Среди тех, чьи труды помогли убедить общественное мнение, особо выделяется незапятнанное имя Томаса Пейна безбожника. Пейн пробыл в колониях всего несколько месяцев, но его беспокойный ум живо заинтересовался великим вопросом того времени. Он обладал удивительной силой прямых,

убедительных аргументов. Он написал брошюру под названием “Здравый смысл”, в которой призывал американцев быть независимыми. Его трактат имел, по тем временам, огромное распространение и необычайное влияние.

1776 год н.э. Теперь настало время для рассмотрения Конгрессом великого вопроса о независимости. Это был серьезный и насыщенный событиями шаг, на который ни один мыслящий человек не пошел бы легкомысленно, но от него больше нельзя было уклоняться. 7 июня была внесена резолюция, в которой говорилось, “Что Соединенные колонии являются и должны быть свободными и независимыми”. Палата представителей еще не была готова к столь решительной мере. Многие члены церкви все еще стояли на пороге этих огромных перемен. Пенсильвания и Делавэр недвусмысленно обязали своих делегатов выступить против этого, поскольку квакеры были верны до последнего. Некоторые другие государства не дали никаких инструкций, и, следовательно, их делегаты сочли себя обязанными проголосовать против изменения. Семь государств проголосовали за резолюцию; шесть - против. Необходимо было большее единодушие, чем это. С большой осторожностью было решено, что этот вопрос должен быть отложен на две-три недели.

4 июля при единодушном согласии всех штатов была принята Декларация независимости. В этом знаменитом документе узурпация английского правительства была изложена в беспощадных выражениях. Божественность, которая ограждает короля, не защитила бедного короля Георга от более грубого обращения, чем он когда-либо испытывал прежде. Было сказано, что его характер “был отмечен всеми поступками, которые могут определить тирана”. А затем всему миру было объявлено, что Тринадцать колоний прекратили свои политические связи с Великобританией и начали свою карьеру как свободные и независимые государства.

Энергичные действия Конгресса воодушевили колонистов на их великое предприятие. Парализующая надежда на примирение угасла. Теперь ссора должна быть доведена до конца, и свобода должна быть завоевана со славой или позорно утрачена. Повсюду Декларация была встречена с радостью. Ее зачитали армии под ликующие крики. Солдаты в Нью-Йорке выразили свою присягу на верность, сняв свинцовую статую короля Георга и отлив ее в пули, которые будут использованы против королевских войск. На следующий день Вашингтон на привычном для него величественном языке напомнил своим войскам об их новых обязанностях. “Генерал, - сказал он, - надеется, что каждый офицер и солдат будет стремиться жить и действовать так, как подобает солдату-христианину, защищая самые дорогие права и свободы своей страны”.

ГЛАВА VII. НА ВОЙНЕ.

Англия выделила столько сил, сколько считала необходимым для усмирения своих непокорных колонистов. Она подготовила сильный флот и сильную армию. Она заключила контракты с некоторыми мелкими немецкими князьками на поставку определенного количества солдат. Это был обычный процесс купли-продажи. Англия поставляла деньги по фиксированной ставке; герцог Брауншвейгский и некоторые другие поставляли оговоренное количество людей, которые должны были пролить свою кровь в ссоре, о которой они ничего не знали. Даже в темные времена эти сделки были скандалом. Фридрих Прусский громко выражал свое презрение к обеим сторонам. Когда кто—либо из наемных работников проезжал через какую-либо часть его территории, он взимал с них пошлину, обычно взимаемую за скот, - как за то, что, по его словам, они были проданы!

Как только безопасность Бостона была обеспечена, Вашингтон двинулся со своей армией на юг, к Нью-Йорку. Туда в июне прибыл генерал Хоу. Туда же прибыл его брат, лорд Хоу, с войсками, которые Англия предоставила для этой войны. Эти подкрепления увеличили численность британской армии до двадцати пяти тысяч человек. Лорд Хоу привез с собой поручение короля Георга умиротворить недовольных колонистов. Он предложил им сложить оружие и заверил их в королевском помиловании. Его предложения были на редкость несвоевременными. Только что была опубликована Декларация независимости, и американцы решили стать свободными. Они не искали прощения и с презрением отвергли предложения лорда Хоу. Теперь меч должен сделать выбор между королем Георгом и его отчужденными подданными.

Лорд Хоу разбил лагерь своих войск на Стейтен-Айленде, в нескольких милях от Нью-Йорка. Его мощный флот давал ему бесспорное господство в заливе и позволял выбирать точку атаки. Американцы ожидали, что он высадится на Лонг-Айленде и овладеет высотами близ Бруклина. Тогда его отделял бы от Нью-Йорка только узкий морской рукав, и он мог бы с легкостью превратить город в руины. Вашингтон направил значительные силы для удержания высот и создания укреплений перед Бруклином. Командующим этой армией был назначен генерал Патнэм. Стейтен-Айленд полностью просматривается из Бруклина. За белыми палатками английской армии и грозными английскими кораблями, стоявшими на якорной стоянке, наблюдало множество встревоженных глаз, поскольку было известно, что ситуация полна опасности. Сам Вашингтон не ожидал успеха в предстоящем бою и ни на что так не надеялся, как на то, что победа противника дорого обойдется ему.

Через некоторое время стало видно, что среди англичан началось движение. Палатки исчезали одна за другой. Один за другим корабли расправили паруса по ветру и двинулись через залив. Тогда американцы поняли, что их час испытания близок.

27 Августа 1776 г. н.э. Патнэм вывел своих людей из их рядов навстречу англичанам. На рассвете появился враг. Правое крыло американской армии подверглось нападению, и войска

были отведены из других пунктов, чтобы противостоять тому, что казалось главной атакой. Тем временем сильный английский отряд незамеченным обошел американский левый фланг и расположился между американцами и их укреплениями. Это решило судьбу сражения. Американцы храбро, но безуспешно оборонялись. Они были отброшены вглубь своих позиций, понеся тяжелые потери.

Лорд Хоу мог легко взять штурмом завод и захватить или уничтожить американскую армию. Но его светлость чувствовал, что враг в его власти, и он хотел избавить своих солдат от кровопролития, которое вызвало бы штурм. Он должен был ослабить укрепления противника регулярной осадой. В намерения Вашингтона не входило ждать результатов этих операций. Ночью 29-го он молча вывел свои разбитые войска и благополучно высадил их в Нью-Йорке. Это движение было выполнено так искусно, что последняя лодка отчалила от берега еще до того, как британцы обнаружили, что их враги ушли.

Но теперь Нью-Йорк пришлось оставить. Армия Вашингтона была совершенно деморализована поражением при Бруклине. Солдаты расходились по домам, в некоторых случаях целыми полками. Вашингтон с глубокой озабоченностью признался президенту Конгресса, что у него нет уверенности “в генералитете войск”. Сражаться с хорошо дисциплинированными и победоносными британцами с такими людьми было хуже, чем бесполезно. Он двинулся на север и занял сильную позицию в Харлеме, деревне в девяти милях от Нью-Йорка. Но английские корабли, плывущие вверх по реке Гудзон, оказались у него во фланге и в тылу; английская армия подошла к нему спереди. Выбора, кроме отступления, не было. Вашингтон переправил своих солдат на джерсийский берег реки. Англичане последовали за ним после штурма форта, в котором оставалось около трех тысяч человек, все они были взяты в плен.

Положение восставших колоний теперь было на самом низком уровне. Под непосредственным командованием Вашингтона находилось всего четыре тысячи человек. Они были в жалком состоянии — плохо вооруженные, плохо накормленные и одетые, без одеял, палаток и обуви. Один английский офицер сказал о них без крайнего преувеличения: “Во всем полку едва ли найдется одна пара бриджей”. Это была армия, которой предстояло вырвать континент из рук Англии! Когда они маршировали к Филадельфии, люди с насмешкой смотрели на своих оборванных защитников и со страхом на блестящую армию преследователей. Лорд Хоу повторил свое предложение о помиловании всем, кто согласится подчиниться. На этот раз предложения его светлости привлекли некоторое внимание. Многие из более состоятельных патриотов принесли присягу и заключили мир с правительством, власть которого уже не было никакой надежды сбросить.

Вашингтон успешно отступил к Филадельфии, преследуемый столь яростно, что его арьергард, занятый разборкой мостов, часто попадал в поле зрения британских пионеров, посланных на их наведение. Когда он переправлялся через Делавэр, то запер все лодки на расстоянии семидесяти миль вдоль течения реки. Лорду Хау пришлось остановиться, и он решил подождать на восточном берегу, пока река не замерзнет.

Вашингтон хорошо знал, какие отчаянные шансы у него. Он ожидал, что его выгонят из Восточных Штатов. В таком случае он думал удалиться за пределы Аллегани и в глуши оказывать бессмертное сопротивление английскому игу. Тем временем он стремился, как храбрый сильный человек, вернуть успех делу патриотов. Только сейчас он смог избавиться от зла

коротких призывов на военную службу. Конгресс постановил, что отныне мужчины должны привлекаться к участию в войне.

Наступила зима, но Лорд Хоу бездействовал. Сам он находился в Нью-Йорке; его армия была рассеяна по деревням Нью-Джерси, не опасаясь зла со стороны презираемых американцев. Все это время Вашингтон увеличивал численность своих войск и улучшал их состояние. Но требовалось что-то, чтобы рассеять мрак, парализовавший страну. В десяти милях от Филадельфии находилась деревня Трентон, удерживаемая значительными силами англичан и гессенцев. На закате рождественского вечера Вашингтон выступил из Филадельфии, приготовив сюрприз для беспечного гарнизона Трентона. Ночь была темной и бурной, а погода такой пронизывающе холодной, что двое солдат замерзли насмерть. Марш босоногого войска можно было отследить по кровавым следам, которые они оставляли на снегу. На рассвете они ворвались в ряды изумленных роялистов. Гессенцы сильно напились накануне и были плохо подготовлены к бою. Их командир был убит, когда пытался вывести своих людей навстречу врагу. После его падения солдаты сложили оружие и сдались по собственному усмотрению.

1777 год н.э. Через неделю после этого столкновения три британских полка провели ночь в Принстоне, направляясь в Трентон, чтобы ликвидировать последствия катастрофы, постигшей их союзников в Гессене. Вашингтон совершил еще один ночной марш, рано утром атаковал англичан и после упорного сопротивления разгромил их, нанеся тяжелые потери.

Эти подвиги, какими бы незначительными они ни казались, несказанно подняли дух американского народа. Когда подобные победы были возможны при столь обескураживающих обстоятельствах, не было необходимости отчаиваться в Содружестве. Доверие к Вашингтону было несколько поколеблено поражениями, которые он потерпел. Отныне оно было неограниченным. Конгресс наделил его абсолютной военной властью сроком на шесть месяцев, и общественное мнение подтвердило это доверие. Молодая Республика была избавлена от самой неминуемой опасности благодаря, казалось бы, тривиальным успехам Трентона и Принстона.

ГЛАВА VIII.

СОЧУВСТВИЕ ЗА МОРЕМ.

Франция все еще ощущала, со всей горечью побежденных, свое поражение при Квебеке и потерю Канады. Она всегда лелеяла надежду, что американцы отомстят за нее, сбросив английское иго. Чтобы способствовать его осуществлению, она время от времени посылала к ним секретного агента, чтобы максимально развить их доброжелательность. Когда начались

неприятности, она прислала тайные заверения в сочувствии и тайные предложения коммерческих преимуществ. Она еще не была готова открыто поддержать американское дело. Но всегда было безопасно поощрять неприязнь американцев к Англии и потворствовать снаряжению американских каперов для добычи английской торговли.

Маркиз де Лафайет в это время служил во французской армии. Это был девятнадцатилетний юноша, обладавший огромным состоянием и занимавший видное место среди знати Франции. Восстание в Америке теперь стало темой французских обедов. Лафайет впервые услышал об этом от герцога Глостерского, который рассказал эту историю на обеде, устроенном для него несколькими французскими офицерами. Этот разговор изменил судьбу молодого француза. “Он был бездарным человеком”, - сказал Наполеон. “В его голове нет ничего, кроме Соединенных Штатов”, - сказала Мария-Антуанетта. Эти суждения, возможно, не слишком суровы. Но Лафайет испытывал глубочайшие симпатии к делу свободы человека. Возможно, они не всегда были мудрыми, но они всегда были великодушными и правдивыми. Как только он убедился, что дело Америки - это дело свободы, он поспешил присоединиться к ней. Он оставил свою молодую жену и свое высокое положение и предложил себя Вашингтону. Его военная ценность, возможно, была невелика; но его присутствие было огромным ободрением для отчаявшихся людей. Он был видимой гарантией сочувствия за морем. Америка - самая благодарная из наций; и этот добрый, импульсивный, тщеславный человек всегда заслуженно занимал высокое место в ее любви. Однажды Вашингтон со слезами радости на глазах представил Лафайета своим войскам. В его честь названы округа, города и улицы. Статуи и картины передают последующим поколениям американцев образ их первого и самого верного союзника.

Лафайет был громоотводом, с помощью которого поток республиканских настроений перекинулся из Америки во Францию. Он вернулся домой, когда война закончилась и Америка стала свободной. Он был героем дня. Человек, который помог установить Республику в Америке, был беспокойным элементом, которого старая Франция хотела снова принять в свое лоно. Пользуясь обаянием громкого имени и безграничной популярностью, он повсюду убеждал, что люди должны быть свободными и самоуправляющимися. Не успел он пробыть во Франции долго, как уже вовсю подстрекал к восстанию угнетенных протестантов юга. К счастью, совет Вашингтона, с которым он продолжал переписываться, остановил курс, который мог привести восторженного маркиза на эшафот. Немногие люди со столь умеренными способностями были так заметны или так сильно влияли на ход человеческих дел.

ГЛАВА IX. ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Наступила весна - “время, когда короли выходят на битву”, — но генерал Хоу не был готов. Вашингтон был доволен ожиданием, поскольку он выигрывал от промедления. 1777 год н.э. Конгресс направил ему сообщение, что он должен, не теряя времени, полностью подчинить врага. Теперь Вашингтон мог позволить себе улыбнуться напрасной уверенности, которая так быстро сменилась отчаянием. Рекруты стекались к нему постоянным, хотя и не очень обильным потоком. Старых солдат, срок службы которых истек, щедрыми пожертвованиями и патриотическими призывами побудили вновь записаться на войну. К середине июня, когда Хоу начал кампанию, под командованием Вашингтона было восемь тысяч человек, сносно вооруженных, дисциплинированных и в хорошем боевом духе. Патриотические чувства были сильно подкреплены жаждой отомстить за личные обиды. Немецкие наемники Хоу вели себя в Нью-Джерси очень жестоко — грабили и жгли, не скупясь. Многие американцы были свидетелями таких безобразий, как превращение крови труса в пламя.

Хоу хотел захватить Филадельфию, в то время политическую столицу Штатов. Но Вашингтон лежал поперек его пути, на сильной позиции, с которой его нельзя было соблазнить спуститься. Хоу двинулся к нему, но уклонился от нападения на том месте, где он лежал. Затем он повернул обратно в Нью-Йорк и, посадив на корабль свои войска, отплыл с ними в Филадельфию. Армия была высажена 25 августа, и Хоу, наконец, был готов приступить к летним работам.

Американская армия ждала его на берегу небольшой реки под названием Брендивайн. Численное превосходство британцев позволило им атаковать американцев спереди и с фланга. Американцы говорят, что их правое крыло, на которое обрушилась сокрушительная тяжесть британской атаки, было плохо руководимо. Одним из генералов этой дивизии был некий Уильям Александер, известный себе и стране, в которой он родился, как лорд Стерлинг, храбрый, но глупый воин; “пожилой и немного глуховатый”. Американцы были изгнаны с поля боя, но они храбро сражались и не были смущены своим поражением.

Две недели спустя британские войска во главе с лордом Корнуоллисом вошли в Филадельфию. Роялисты были сильны в этом городе квакеров — особенно сильны среди самих квакеров. В городе царил непривычное оживление. В то сентябрьское утро, когда верноподданные жители смотрели на яркие мундиры и сверкающее оружие королевских войск и слушали давно запрещенные мелодии “Боже, храни короля”, они чувствовали себя так, словно им было даровано великое и окончательное избавление. Патриоты оценили падение города более справедливо. Было видно, что если Хоу намеревался удержать Филадельфию, у него не хватило сил для многого другого. Проницательный Бенджамин Франклин сказал: “Это не генерал Хоу захватил Филадельфию; это Филадельфия захватила генерала Хоу”.

Основные силы британцев расположились лагерем в Джермантауне, охраняя свое новое завоевание. Американцы были так мало обескуражены своими недавними поражениями, что в течение недели после взятия Филадельфии Вашингтон решил атаковать врага. На рассвете 4 октября англичане были неожиданно встречены штыковой атакой сильного американского отряда. Это была полная неожиданность, и поначалу успех был полным. Но густой туман, который сделал возможной внезапность, в конечном счете сорвал замысел нападавших. Наступление нетерпеливых американцев опередило их. Но по мере того, как темнота, усиленная стрельбой, сгустилась над сражающимися, начало возникать замешательство. Полки отстали от своих офицеров. Некоторые полки принимали друг друга за врагов и действовали, исходя из этого убеждения. Замешательство переросло в панику, и американцы бежали с поля боя.

Приближалась зима, и британская армия вернулась на свои позиции в Филадельфии. Хоу хотел снова сражаться, но Вашингтон отказался сдавать сильную позицию, на которую он ушел. Его армия снова оказалась в затруднительном положении, которое угрожало самому ее существованию. Конгресс патриотов убеждал его победить англичан, но его не удалось убедить снабдить своих солдат обувью, одеялами или даже едой. Ему посоветовали отступить в какой-нибудь удобный город, где его солдаты нашли бы удобства, в которых они так нуждались. Но Вашингтон был полон решимости держаться поближе к врагу. Он занял позицию в Вэлли-Фордж, среди холмов, в двадцати милях от Филадельфии. Туда по снегу маршировала его полуголая армия. Бревенчатые хижины возводились с быстротой, на которую ни один солдат не способен так, как американцы. Здесь Вашингтон закрепился. Враг был в пределах досягаемости, и он знал, что его собственные силы будут расти. Завершившаяся кампания сильно воодушевила патриотов. Это правда, что они часто терпели поражения, но они научились безоговорочно доверять своему командиру. Они узнали также, что в храбрости они равны своим врагам, а в активности значительно превосходят их. Все, что им требовалось, - это дисциплина и опыт, которые даст еще одна кампания. Больше не было никаких причин с тревогой смотреть в будущее.

ГЛАВА X. КАПИТУЛЯЦИЯ В САРАТОГЕ.

В июне месяце, когда Хоу начал отвоевывать свой затянувшийся путь к Филадельфии, британская армия выступила из Канады, чтобы завоевать северные части восставшей территории. Командовал 1777 годом генерал Бергойн. Он был полон решимости добиться успеха. “Эта армия не должна отступать”, - сказал он, когда они собирались сесть на корабль. Армия не отступила. На честном поле генерал и солдаты сыграли бы роль, за которую их стране не было бы причин стыдиться. Но это было выше их сил.

Бергойн продвинулся вглубь штатов Новой Англии. Но ему приходилось иметь дело с людьми иного склада, чем жители Нью-Йорка и Филадельфии. При его приближении каждый снял со стены свой мушкет и поспешил вперед. Дисциплины у них было мало, зато была решительная цель. Трудности сгущались вокруг обреченной армии. Наконец Бергойн оказался в Саратоге. Шел октябрь. Шли проливные дожди; провизия становилась все скуднее; враг был в больших силах и очень ободрен успехом. Постепенно стало очевидно, что британцы окружены и что не осталось никакой надежды пробиться с боем. Днем и ночью их окружал огненный круг. Бергойн созвал своих офицеров. Они не могли найти места для своего печального общения вне досягаемости вражеского ружейного огня, так плотно была натянута сеть. Оставалось сделать

только одно, и это было сделано. Британская армия капитулировала. Почти шесть тысяч храбрецов в горе и позоре сложили оружие. Люди, захватившие их, были простыми крестьянами, среди которых не было двух человек, одетых одинаково. Офицеры носили грубые парики, и большинство из них несли мушкеты и большие пороховницы, перекинутые через плечо. Подобного унижения британское оружие никогда не испытывало.

Эти гротескные американские воины вели себя по отношению к своим побежденным врагам с истинным благородством. Генерал Гейтс, американский командующий, держал своих людей строго в строю, чтобы они не могли стать свидетелями складирования британского оружия. Не было ни одной насмешки, ни одного неуважительного взгляда в адрес павших. “Все онемели от изумления и жалости”.

Англия остро ощутила позор этой великой катастрофы. Ее народ привык к победам. На протяжении многих лет она сражалась в Европе, Индии, Канаде и всегда с блестящим успехом. Ее поражение в Америке противоречило всем ожиданиям. Воодушевленному народу было горько слышать, что его ветераны сдались толпе полуруких крестьян. Под удручающим влиянием этого бедствия было решено исправить несправедливость, причиненную Америке. Парламент отказался от всех требований о налогообложении колоний. Каждое досадное постановление было бы отменено; все было бы прощено, если бы Америка вернулась к своей верности. Комиссары были отправлены с оливковой ветвью в Конгресс. Слишком поздно — в целом, слишком поздно! Америка никогда больше не сможет зависеть от Англии. В нескольких словах Конгресс безапелляционно отклонил английские предложения. Америка выбрала свой курс; к добру или ко злу она будет следовать ему до конца.

ГЛАВА XI. ПОМОЩЬ ИЗ ЕВРОПЫ.

Великая война может быть очень славной, но она также и очень несчастной. Двадцать тысяч англичан уже погибли в этой войне. 1778 год н.э. Торговля пришла в упадок, а среди рабочего класса не было работы и, как следствие, продовольствия. Американские крейсера кишели на море и наносили огромные убытки английской торговле. Долг страны увеличивался. И за все эти бедствия не было никакой компенсации. Не было даже слабого удовлетворения от успеха в нашем убыточном предприятии.

Если это было каким-то утешением - причинять еще большие страдания, чем она перенесла, то Англия сражалась не напрасно. Страдания Америки были очень прискорбными. Потери людей в битвах и от болезней, вызванных нуждой и переохлаждением, были велики. Поля во многих

округах были незасеяны. Торговля прекратилась; торговые классы обанкротились. Английские крейсера уничтожили рыбные промыслы и захватили большую часть американских торговых судов. Из страны практически исчезли деньги. Конгресс выпустил бумажные деньги, которые оказались весьма безразличной заменой. Общественность так мало доверяла новой валюте, что Вашингтон заявил: “На целую фуру денег едва ли можно купить целую фуру провизии”.

Но война продолжалась. Не пристало Англии, занимающей высокое место среди наций, отступать побежденной от предприятия, в которое она намеренно ввязалась. Что касается американцев, то после того, как они объявили о своей решимости быть независимыми, они могли умереть, но не могли уступить.

Капитуляция Бергойна принесла американцам важного союзника. Боги помогают тем, кто помогает себе сам. Как только Америка доказала, что она, скорее всего, победит в этой борьбе, Франция предложила прийти ей на помощь. Франция всегда с интересом смотрела на войну; отчасти потому, что она ненавидела Англию, а отчасти потому, что ее пульс уже трепетал от этой новой жизни, чья неверно направленная энергия привела спустя несколько лет к столь плачевным результатам. Даже сейчас люди, борющиеся за свои свободы, пробуждали симпатии Франции. Америка направила трех комиссаров, одним из которых был Бенджамин Франклин, в Париж, чтобы при любой возможности поддерживать дружбу французского правительства. Какое-то время они трудились без видимых результатов. Но когда пришло известие, что Бургойн и его армия сдались, колебаниям пришел конец. Был подписан договор, по которому Франция и Америка обязались действовать сообща против Англии. Король выступал против этого договора до тех пор, пока осмеливался, но был вынужден уступить. Англия, конечно, восприняла это как объявление войны.

Испания не могла упустить возможность отомстить Англии. По его словам, ее король желает жить в мире и видеть, как его соседи делают то же самое. Но он был глубоко заинтересован в свободах молодой Республики и был связан крепкими узами со своим добрым братом Францией. Прежде всего, Англия в различных частях света причинила ему тяжкое зло, вторгшись на его территорию и вмешиваясь в торговлю его подданных. И поэтому он считал правильным растратить скудные средства своего народа на оснащение флотов и армий. Когда его приготовления были завершены, он присоединил Францию и Америку к лиге и объявил войну Англии.

Флоты Франции и Испании появились в Английском Канале, и Англии пришлось столкнуться с опасностями вторжения. Дух ее народа благородно поднялся, чтобы встретить надвигающееся испытание. Южные графства были одним большим лагерем. Добровольные пожертвования со всех частей страны помогли правительству снарядить корабли и солдат. Король должен был возглавить свой воинственный народ, если враг высадится, и разделить с ним опасность и славу. Но черная туча рассеялась, не причинив вреда, и избыточный героизм народа больше не вызывался. Адмиралы-захватчики поссорились. Один из них хотел немедленно высадиться на берег; другой хотел сначала избавиться от английского флота. Они не смогли договориться о курсе и поэтому отплыли домой, каждый в свою страну, ничего не добившись.

Война распространилась на очень широкую территорию. На севере Пол Джонс с тремя американскими кораблями поднял тревогу у побережья Шотландии и уничтожил много судов. Испания осадила Гибралтар, но не смогла вернуть себе столь желанный приз. На африканском побережье французы отняли у англичан Сенегал, а англичане отняли Гори у французов. В Вест-

Индии французы захватили Сент-Винсент и Гренаду. На Американском континенте, от Нью-Йорка до Саванны, безжалостно применялся тот же самый расточительный и кровавый труд.

Оставшиеся годы войны были отмечены несколькими поразительными или решающими предприятиями. Флот, посланный Францией, слабо плавал туда-сюда, ничего не добившись. Когда генералу Хоу стало известно о ее приближении, он оставил Филадельфию и отступил в Нью-Йорк. Вашингтон последовал за ним в его отступлении, но ни тогда, ни некоторое время спустя не смог добиться особого эффекта. Конгресс и американский народ возлагали оптимистические надежды на союз с Францией и прекратили прилагать огромные усилия, которые отличали более ранний период войны. Англичане захватили Джорджию и Каролинские острова. Американцы захватили два или три форта. Война выродилась в серию мародерских вылазок. Несколько городов, бесчисленные фермерские дома были сожжены англичанами. Время от времени происходили массовые убийства. С возрастающей частотой заключенных под различными предлогами предавали смерти. С обеих сторон чувства становились все более ожесточенными. С обеих сторон совершались жестокости самого дикого толка.

До самого конца армия Вашингтона плохо снабжалась и терпела крайние лишения. Конгресс был слабым и, следует добавить, очень неразумным органом. Самые способные люди служили в армии, а Конгресс состоял из двадцати или тридцати человек с небольшим характером или влиянием. У них не было полномочий вводить налоги. Они пытались занять деньги в Европе и потерпели неудачу. У них был только один ресурс — эмиссия бумажных денег, и она была доведена до такого дикого избытка, что в последнее время на жалованье полковника не хватало овса для его лошади. У Вашингтона перестали быть средства для покупок. Неохотно и под давлением крайней необходимости он силой потребовал от соседей поставки мяса и муки. Иначе он не смог бы спасти свою армию от роспуска, а страну - от разорения.

Но было одно обстоятельство, в котором дело постоянно набирало силу. На такой войне, как эта, люди не могут сражаться восемь лет, не научившись ненавидеть друг друга. С глубокой и смертельной ненавистью американский народ ненавидел власть, которая безжалостно причиняла им такие жестокие страдания. Под растущим влиянием этой ненависти люди с возрастающей готовностью становились солдатами. Тяготы солдатской жизни больше не пугали их, пока у них были англичане, которым они могли сопротивляться. Проблемы с короткими призывами прекратились, и Вашингтон, наконец, оказался во главе армии, часто плохо накормленной и всегда плохо одетой, но дисциплинированной и непоколебимо решившей, что их страна должна быть свободной.

У американцев была сильная крепость в Вест-Пойнте, на реке Гудзон. Это было одно из самых важных мест в стране, и англичане страстно желали его приобретения. Овладение Вест-Пойнтом дало бы им господство над Гудзоном, вверх по которому их военные корабли могли бы проплыть более ста миль. Но этот форт, неприступно расположенный на скалах на высоте двухсот футов над уровнем реки, было трудно завоевать; и американцы позаботились о том, чтобы разместить эффективный гарнизон на столь жизненно важной позиции.

В американской армии служил офицер по имени Арнольд, который служил, не без отличий, с начала войны. Он воевал в Канаде, когда американцы безуспешно вторглись в эту провинцию. Его мужество и мастерство проявились в боях, которые привели к капитуляции Бургойна. Однако он был тщеславным, безрассудным, беспринципным человеком. Расточительностью в жизни он влез в долги, которые безнадежно усугубил непродуманными коммерческими спекуляциями. Он имел влияние на Вашингтон, чтобы получить командование Вест-Пойнтом. Нет никаких сомнений в том, что, когда он добивался назначения, у него было твердое намерение продать эту важную крепость врагу. Он сразу же начал переговоры с сэром Генри Клинтоном, в то время командовавшим английской армией в Нью-Йорке.

Клинтон послал майора Андре согласовать условия предполагаемого предательства. Имя этого молодого офицера вызывает скорбный интерес: судьба, постигшая его, была очень печальной. Он был французом по происхождению — энергичным, образованным, любящим, с веселым сердцем. Это была услуга, на которую вряд ли позарился бы человек с высокими принципами. Но Андре страстно желал заполучить Вест-Пойнт и вызвался добровольцем в это опасное предприятие.

Сентябрь 1780 г. н.э. В полночь майор Андре сошел со шлюпки британского военного корабля в уединенном месте, где его ждал Арнольд. Их совещание длилось так долго, что Андре сочли небезопасным возвращаться на корабль. Его отвели в укромное место на американской линии фронта, где он должен был дожидаться наступления темноты. Он выполнил свою договоренность с Арнольдом и получил чертежи преданной крепости. Теперь его миссия была выполнена. Корабль, с которого он прибыл, был как на ладони. Если бы он мог добраться до нее! Но возникли трудности, и было решено, что он должен ехать верхом в Нью-Йорк, расстояние в пятьдесят миль. Замаскировавшись, как мог, Андре неохотно согласился на этот весьма сомнительный способ избежать грозящей ему опасности.

В пределах американских позиций у него было несколько случаев побега, но пас, отданный Арнольдом, помог ему пройти. Наконец он оказался за линией фронта. Теперь можно было

считать, что опасности миновали, и он бодро продолжал свое одинокое путешествие. Он пересекал небольшой ручей — густой лес по правую руку от него и слева усиливал ночную тьму. Трое вооруженных мужчин внезапно вышли из-за деревьев и приказали ему встать. По одежде одного из них Андре решил, что он среди друзей. Он поспешил сказать им, что он британский офицер по совершенно особому делу и его нельзя задерживать. К несчастью для бедного майора Андре, они не были друзьями; и платье, которое его обмануло, было отдано человеку, который носил его, когда был в плену у англичан, вместо лучшей одежды, которую с него сняли похитители.

Андре обыскали, но сначала ничего не нашли. Казалось, что ему все еще могут позволить продолжить, когда один из троих мужчин воскликнул: “Ребята, я недоволен. Его ботинки должны быть сняты”. Лицо Андре вытянулось. У него обыскали ботинки и обнаружили рисунки Арнольда в Вест-Пойнте. Тогда люди поняли, что он шпион. Он тщетно предлагал им деньги; они были неподкупны. Его доставили на ближайшую военную базу, и известие об этом было немедленно отправлено Вашингтону, который случайно оказался в то время в Вест-Пойнте. Арнольду своевременно сообщили о катастрофе, и он укрылся на британском военном корабле.

Андре предстал перед судом, сформированным из офицеров американской армии. Он дал откровенный и правдивый отчет о своей роли в этой неудачной сделке— привлекая должное внимание к тому обстоятельству, что он был доставлен без намерения или ведома с его стороны на территорию Америки. Суд судил его по его собственному заявлению и приговорил к повешению как шпиона.

Его поимка и приговор вызвали глубокую сенсацию в английской армии, и было приложено все усилия, чтобы спасти его. Но Вашингтон был полон решимости, чтобы он умер. Опасность для дела патриотов была слишком велика, чтобы оставлять место для смягчения. Были темные намеки на другие, пока нераскрытые измены. Необходимо было решительно предупредить об опасностях, подстерегающих при проведении таких незаконных переговоров. Андре умолял, чтобы ему позволили умереть смертью солдата. Несчастному молодому человеку было отказано даже в этом скромном благе. Поскольку ужасный урок должен быть преподан, Вашингтон счел, что не следует умалчивать ни о каких обстоятельствах, усиливающих его ужас. Но это, к счастью, скрывалось от Андре до самого последнего.

Через десять дней после ареста Андре вывели умирать. У него сложилось впечатление, что его последняя просьба была удовлетворена, и что он умрет от пули. Это была новая боль, когда виселица с ее ужасными приготовлениями предстала перед ним. “Как тяжела моя судьба, - сказал он, - но скоро все закончится”. Он сам перевязал себе глаза; собственными руками закрепил петлю на шее. Повозка, на которой он стоял, тронулась, и бедного майора Андре больше не было в мире живых людей. Сорок лет спустя его останки были доставлены домой, в Англию, и положены в Вестминстерском аббатстве.

ГЛАВА XIII. ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ.

В последние годы войны англичане удерживали за собой Южные штаты, которые, как мы видели, они получили так легко. 1781 год н.э. Когда началась последняя кампания, лорд Корнуоллис с большим войском представлял британскую власть на Юге и делал все, что считал возможным для подавления патриотов. Но прошло то время, когда можно было добиться какого-либо реального прогресса в этом направлении. Некий энергичный и рассудительный генерал Грин, располагавший таким грубым подобием армии, какое он смог собрать, нанес лорду Корнуоллису немало грубых ударов. Англичане время от времени одерживали небольшие победы, но они несли тяжелые потери, и территория, над которой они господствовали, в целом становилась все меньше.

Примерно в середине лета до Вашингтона дошла радостная весть о том, что мощный французский флот с армией на борту вот-вот отплывет в Америку. Получив это подкрепление, Вашингтон был в состоянии нанести удар, который сломил бы силы противника и ускорил окончание войны. Клинтон удерживал Нью-Йорк, а Корнуоллис укреплялся в Йорктауне. Французский флот отплыл в Чесапик, и Вашингтон, как следствие, решил, что ему следует атаковать лорда Корнуоллиса. Со всей возможной скрытностью и скоростью американские войска были переброшены на юг, в Вирджинию. К ним присоединились французы, и они стояли перед Йорктауном двенадцатитысячным войском. Корнуоллис не ожидал их, и он призвал Клинтона на помощь. Но было слишком поздно. Он уже был в тисках, из которых не было выхода.

На протяжении всей войны слабость его вооруженных сил часто вынуждала Вашингтон проводить осторожную и оборонительную политику, которая прискорбно разочаровывала ожидания его нетерпеливых соотечественников. Поэтому не следует думать, что его руководству недоставало энергии. В его спокойном и уравновешенном уме таилась огненная энергия, готовая вырваться наружу, когда того потребуют обстоятельства. Осада Йорктауна продолжалась с необычайной яростью. Англичане, по своему обыкновению, организовали стойкую оборону и отчаянными вылазками пытались выбить нападавших с их укреплений. Но через несколько дней оборона Йорктауна лежала в полном запустении, разрушенная до основания мощной артиллерией американцев. Английские орудия замолчали; английские корабли были обстреляны раскаленными снарядами французских батарей. Боеприпасов стало не хватать. Это место нельзя было удерживать дольше, а Клинтон все еще откладывал свое прибытие. Лорд Корнуоллис должен либо пробить себе дорогу и бежать на Север, либо сдаться. Однажды ночью он начал сажать своих людей, чтобы переправиться через реку Йорк и отправиться в свой отчаянный поход в Нью-Йорк; но поднялся сильный шторм и разметал его лодки. Люди, поднявшиеся на борт, с трудом выбрались обратно под огнем американских

батарей. Теперь всякой надежде пришел конец. Примерно через две недели после начала осады восьмитысячная британская армия сложила оружие.

Радости Америки по поводу этого грандиозного успеха не было предела. Говорили, что один очень эмоциональный патриот скончался просто от избытка восторга. Некоторые другие потеряли рассудок. В армии все арестованные были немедленно отпущены на свободу. Был провозглашен день торжественного благодарения, который благочестиво соблюдался во всех ликующих штатах.

1782 год н.э. Колонисты могли ликовать, поскольку их долгая и ожесточенная борьба подходила к концу. Упрямый король Георг пока не сдавался. Но Англия и ее парламент устали от этой безнадежной и бесславной войны. Палата общин проголосовала за то, чтобы все, кто должен советовать продолжать войну, были врагами страны. Было сформировано новое министерство, и начались переговоры с целью установления мира. Король не сомневался, что если Америке будет позволено уйти, то уйдут Вест—Индия, Ирландия, все его иностранные владения, а низложенная Англия погрузится в слабость и презрение. Но слишком много внимания уже было уделено королю и его фантазиям. 20 января 1783 года был заключен мир с Францией и Испанией, и независимость Америки, наконец, была признана.

Прошло восемь лет с тех пор, как при Лексингтоне пролилась первая кровь. Так долго непреклонные англичане, не привыкшие к неудачам, стремились вернуть утраченное господство. Так долго колонисты терпели бедствия вторжения, не поколебавшись в своей вере в то, что независимость, которую они взялись завоевать, стоила всего, чего она им стоила. А теперь они были свободны, и Англия была для них тем же, что и весь остальной мир, — “в мире другом; на войне врагом”. У них мало что осталось, кроме их свободы и их земли. Они были невыразимо опустошены теми восемью кровавыми годами. Их поля были опустошены; их города сожжены; торговля прекратилась; деньги из страны почти исчезли. Их государственный долг достиг крупной суммы в сто семьдесят миллионов долларов. Солдатам, сражавшимся за национальную независимость, не платили до тех пор, пока они не проявили некоторого желания добиться урегулирования. Не было ничего, что можно было бы назвать правительством. Существовало тринадцать суверенных государств, слабо связанных между собой Конгрессом. Этот орган имел полномочия обсуждать вопросы, затрагивающие общее благо; принимать резолюции; просить несколько штатов выполнить эти резолюции. Штаты могли выполнить, а могли и не выполнить такую просьбу. Обычно они этого не делали, особенно когда требовались деньги. Конгресс не имел права взимать налоги. Он просто распределял между штатами суммы, необходимые для государственной службы, и предполагалось, что каждый штат будет взимать налог в соответствии со своей долей. Но на самом деле получить деньги с помощью этого процесса стало совершенно невозможно.

1786 год н.э. Трудящемуся населению пришлось пережить большие трудности. Нетерпение страдающего народа выражалось в периодических вспышках восстания. Две тысячи жителей Массачусетса поднялись с оружием в руках, требуя приостановить взыскание долгов. Прошло несколько недель, прежде чем восстание удалось подавить, поскольку община в целом сочувствовала повстанцам. В течение четырех или пяти лет страдания неуправляемой страны, казалось, оправдывали веру в то, что ее война за независимость была ошибкой.

Но перед этим крайне раздосадованным и обескураженным народом лежало будущее несравненного великолепия. Бескрайние хлебные поля запада, бескрайние хлопковые поля юга ждали, чтобы принести свои богатства. Пенсильвания обладала невообразимыми запасами угля и железа, которые вскоре будут добыты под непреодолимым влиянием терпеливой промышленности. Америка была огромной кладовой, подготовленной Великим Отцом на тот случай, когда она понадобится его детям. Люди, управляющие его богатством, теперь освободились от некоторых сложностей и препятствий, которые прискорбно снижали их эффективность, и готовы со всей серьезностью приступить к тому высокому производственному призванию, к которому их призвало Провидение.

Во время войны были периоды, когда доверие к руководству Вашингтона было поколеблено. Он пережил много неудач. Он часто отступал. Он упорно придерживался оборонительной политики, в то время как Конгресс и народ сгорали от нетерпения нанести врагу сокрушительное поражение. Прискорбная недостаточность его ресурсов была упущена из виду, и вина за каждую катастрофу падала на него. И когда, наконец, дело начало процветать, и надежда переросла в триумф, робкие люди были склонны опасаться, что Вашингтон становится слишком могущественным. Он стал кумиром великой армии. Ему стоило только выразить свою готовность занять трон, и его солдаты короновали бы его королем. В мировых революциях было обычным делом, когда военачальник хватался за верховную власть; и поэтому опасались, что Вашингтон явит собой еще один пример той беззаконной и вульгарной жажды власти, которая в значительной степени опозорила историю человечества.

Но Вашингтон вложил меч в ножны и с радостью вернулся в свой дом на берегах Потомака. Он предполагал провести свои дни, “культивируя привязанность хороших людей и практикуя домашние добродетели”. Он надеялся “мягко скользить по течению, по которому не могут подняться никакие человеческие усилия”. Он занялся хозяйством на своей ферме и не испытывал более глубокого чувства, чем благодарность за то, что его наконец освободили от бремени общественных забот. Простое величие его характера теперь раскрылось настолько, что невозможно было его неправильно понять. Степень американского почитания этого величайшего из всех американцев была полной. Отныне Маунт—Вернон стал святыней, к которой всегда обращались ноги паломников, вызывая такую безграничную любовь и благоговение, каких никогда больше не было на американской земле.

ГЛАВА XIV.

ТРИНАДЦАТЬ ШТАТОВ СТАНОВЯТСЯ НАЦИЕЙ.

Вашингтон с самого начала понял, что в его стране нет правительства. Конгресс - это просто название. Все еще оставалось тринадцать суверенных государств — на данный момент они были в союзе, но могли столкнуться с разногласиями, которые, несомненно, принесет время. Вашингтон был удовлетворен тем, что без центрального правительства они никогда не смогут быть могущественными или уважаемыми. Такое правительство, действительно, было необходимо даже для их существования. Европейские державы в его отсутствие посеяли бы между ними раздоры. Умы людей вернулись бы к той форме правления, с которой они были знакомы. Какой-нибудь амбициозный государственный деятель или солдат провозгласил бы себя королем, и великий эксперимент, основанный на равенстве прав, потерпел бы позорный провал.

Наиболее проницательные американцы разделяли мнение Вашингтона по этому вопросу. Среди них выделялся Александр Гамильтон — возможно, после Вашингтона, величайший американец того времени. Гамильтон был храбрым и умелым солдатом, блестящим спорщиком, убедительным писателем, мудрым государственным деятелем. На девятнадцатом году жизни он вступил в армию, в самом начале войны. Проницательный глаз Вашингтона обнаружил замечательные перспективы парня. Он поднял его до высокого командования в армии, а затем и до высокого поста в правительстве. Именно Гамильтон навел порядок в финансовом хаосе, который возник после войны. Именно Гамильтон предложил конвенту рассмотреть вопрос о разработке новой Конституции. В последующие годы сдержанные и мудрые слова Гамильтона часто успокаивали бури, которыми было отмечено зарождение великой Республики. Его карьера завершилась мрачно и кроваво. 1804 год нашей эры. На сорок седьмом году своей жизни одним ярким июльским утром он столкнулся лицом к лицу с жестоким политиком по имени Аарон Берр — внуком Джонатана Эдвардса, великого богослова. Берр затеял с ним ссору в надежде убить его на дуэли. Гамильтон решил не стрелять. Берр выстрелил, тщательно прицелившись, и Гамильтон упал, смертельно раненный. Таким образом, один из самых способных людей, которыми когда-либо обладала Америка, был потерян для нее.

1783 год н.э. Сразу после окончания войны Гамильтон начал обсуждать слабость существующей формы правления. Он был глубоко убежден, что союз Штатов, чтобы быть прочным, должен быть основан на прочной основе; и его труды во многом способствовали распространению этого убеждения среди его соотечественников. Вашингтон с момента своей отставки не переставал отстаивать те же взгляды. Постепенно была осознана настоятельная необходимость улучшения системы. Это действительно вскоре стало слишком очевидным, чтобы отрицать. Конгресс обнаружил, что раздобыть деньги совершенно невозможно. Между 1781 и 1786 годами от Штатов было запрошено десять миллионов долларов, но было получено только два с половиной миллиона. Проценты по долгу были невыплачены; обычные расходы правительства не были предусмотрены. Существующая форма правления была признанным провалом. Нужно было придумать что-то получше, иначе узы, связывающие тринадцать Штатов, были бы разорваны.

В 1787 году н.э. Гамильтон получил санкцию Конгресса на свое предложение о проведении съезда делегатов от нескольких штатов. Это соглашение должно было рассмотреть весь предмет руководящего механизма и рекомендовать такие изменения, которые следует считать адекватными требованиям времени. Местом встречи, как обычно, была Филадельфия. Туда в мае месяце прибыли люди, на которых была возложена ответственная задача по формированию правительства, при котором тринадцать Штатов должны были стать нацией.

Пятьдесят пять человек составляли этот достопамятный совет. Среди них были мудрейшие люди, которыми могла похвастаться Америка или, возможно, любая другая страна. Председательствовал сам Вашингтон. Бенджамин Франклин привнес в эту свою последнюю и величайшую задачу зрелый опыт восьмидесяти двух лет. Нью-Йорк прислал Гамильтона— о котором принц Талейран много лет спустя сказал, что он знал почти всех ведущих людей своего времени, но никогда не встречал никого, равного Гамильтону. С ними пришли многие другие, чьи имена пользуются неизменной честью. Со времени заседания того первого Конгресса, который указал путь к независимости, Америка не видела подобного Собрания.

Съезд заседал четыре месяца. Огромная работа, которая заняла его, разделила страну на две партии. Одна партия больше всего боялась бедствий, проистекающих из слабости правящей власти, и искала избавления от них в тесном союзе штатов под руководством сильного правительства. Другая партия больше обращала внимание на жалкое положение угнетенных наций Европы и опасалась создания правительства, которое могло перерасти в деспотизм. Цель первого состояла в том, чтобы наделить центральное правительство максимально возможной властью. Гамильтон, которому британская конституция казалась самой совершенной на земле, зашел так далеко, что пожелал, чтобы Штаты были просто крупными муниципалитетами, занимающимися, подобно английской корпорации, только своими собственными местными заботами. Цель другого состояла в том, чтобы ограничить полномочия, предоставленные правительству в целом, — отстоять суверенитет отдельных штатов и придать ему как можно более широкий размах. Эти две группы мнений продолжали существовать и конфликтовать в течение трех четвертей века, пока то, что придавало неоправданное значение тому, что называлось государственными правами, не исчезло при подавлении великого восстания.

Медленно и в ходе бесконечных дебатов конвент разработал свой план формирования правительства. Схема была представлена Конгрессу, а оттуда разослана по нескольким штатам. Последовали месяцы бурных дискуссий. Несколько неохотно, небольшим большинством голосов, несмотря на яростные протесты, в конце концов была принята Конституция, согласно которой тринадцать штатов должны были стать такими великими.

У Великобритании нет писаной Конституции. У нее есть свои законы; и ожидается, что все будущие законы будут в приемлемой гармонии с принципами, на которых было основано ее прошлое законодательство. Но если парламент примет, а Суверен санкционирует какой-либо закон, противоречащий этим принципам, то ничего не поделаешь. Королева, лорды и Палата общин являются нашей высшей властью, решения которой не подлежат обжалованию. В Америке все иначе. Там верховной властью является писаная Конституция. Конгресс может единогласно принять новый закон, а Президент может сердечно одобрить его. Два или три судьи, находящиеся в том же здании, где заседает Конгресс, могут сравнить этот закон с Конституцией. Если будет установлено, что он расходится с Конституцией, то бесцеремонно объявляется, что он не является законом и не подлежит ничьему повиновению. С небольшими изменениями эта Конституция остается в полной силе и сейчас, собирая вокруг себя, по мере старения, растущее уважение народа. Люди, создавшие ее, должно быть, были очень мудры. Люди, для которых он был создан, должны в высокой степени обладать драгоценным англосаксонским почитанием закона. В противном случае американская бумажная конституция давным-давно разделила бы судьбу многочисленных документов того класса, при помощи которых французы тщетно искали покоя во время своей первой революции.

Каждый из тринадцати штатов был суверенным, и правительство Америки до сих пор было всего лишь лигой независимых держав. Теперь несколько штатов расстались с определенной долей своего суверенитета и передали его Общему правительству. Правительство общей юрисдикции должно было взимать налоги, чеканить монету, регулировать торговые отношения с зарубежными странами, учреждать почтовые отделения и почтовые дороги, учреждать суды, объявлять войну, создавать и содержать армии и флоты, заключать договоры, занимать деньги в кредит Соединенных Штатов. Отдельные государства прямо отказались от права выполнять эти суверенные функции.

Эти полномочия были возложены на две Законодательные палаты и президента. Палата представителей состоит из двухсот сорока трех членов. Члены совета занимают свои места в течение двух лет, и им ежегодно выплачивается пять тысяч долларов. Чернокожим мужчинам и индейцам не разрешалось голосовать; но все белые мужчины имели право голоса при избрании своих представителей. Чтобы обеспечить полное равенство представительства, члены распределяются в соответствии с численностью населения. Таким образом, в 1863 году на каждые 124 000 жителей приходилось по члену. Каждые десять лет происходит корректировка, восстанавливающая равенство, нарушенное ростом за прошедший период.

Крупные штаты обязательно направляют в Нижнюю палату гораздо большее число членов, чем малые штаты. Таким образом, Нью-Йорк отправляет тридцать одного, в то время как Род-Айленд отправляет только двоих, Делавэр и Флорида - только по одному. Самолюбие небольших штатов было уязвлено соглашением, которое напоминало поглощение более крупными сообществами. Баланс был восстановлен в конституции Верхней палаты - Сената. Этот орган состоит из семидесяти шести членов, избираемых законодательными собраниями штатов. Каждый штат, большой или малый, имеет двух членов. Небольшие штаты получили перевес в Нижней палате, но в Сенате они пользовались таким же значением, как и их самые густонаселенные соседи. Сенаторы избираются сроком на шесть лет и получают зарплату по той же ставке, что и члены Палаты представителей.

Главой американского правительства является Президент. Он занимает свой пост в течение четырех лет. Каждый штат выбирает число лиц, равное общему числу депутатов, которых он возвращает в Законодательные палаты. Эти лица избирают президента. Они избирают также вице-президента, чтобы президент не был смещен смертью или иным образом в течение срока его полномочий. Все законы, принятые Конгрессом, должны быть представлены Президенту. Он может отказаться передать их— отправив обратно с изложением своих возражений. Но если обе Палаты двумя третями голосов от своего числа поддержат отклоненные меры, они станут законом, несмотря на вето президента. Президент назначает министров своего кабинета, и они не имеют мест в Конгрессе. Президент направляет Конгрессу их ежегодные отчеты о делах своих ведомств вместе со своим собственным Посланием. Президент является главнокомандующим армией и военно-морским флотом. С согласия Сената он назначает послов, судей Верховного суда и других государственных служащих.

В каждом штате есть правительство по одному и тому же образцу, состоящее из двух Законодательных палат и губернатора. Эти органы занимаются управлением такими делами, которые касаются исключительно их собственного штата, и, следовательно, не были переданы в ведение правительства общей юрисдикции. Они принимают законы в отношении

железнодорожных и других государственных компаний. Они следят за отправлением правосудия на своей территории, за исключением случаев совершения преступлений против правительства. Они принимают такие законы, которые требуются в отношении частной собственности и прав наследования. Прежде всего, они сохранили все полномочия, которыми они когда-либо обладали в отношении рабства. Конституция наделила Конгресс полномочиями пресекать ввоз рабов после 1808 года. Не иначе как был решен рабовладельческий вопрос. Он оставался полностью под контролем отдельных штатов.

Но люди, создавшие эту Конституцию, какими бы мудрыми они ни были, были склонны ошибаться. И если по прошествии лет обнаруживалось, что они ошибались, какие меры — кроме революции — были приняты для исправления их ошибок? Очень простые и очень эффективные. Когда две трети обеих Законодательных палат считают необходимым внести какую-либо поправку в Конституцию, они предлагают ее законодательным собраниям нескольких штатов. Когда три четверти этих судебных органов принимают предложение, оно становится частью Конституции. Всего было принято пятнадцать поправок, большинство из них очень скоро после вступления в силу самой Конституции.

И теперь условия великого эксперимента скорректированы. Три миллиона американцев взяли на себя обязательство управлять самостоятельно. Европа не верит, что какой-либо народ может преуспеть в подобном начинании. Европа все еще цепляется за веру в то, что в каждой стране несколько семей, посланных Небом, должны направлять судьбы миллионов неспособных, похожих на детей людей. Америка — не верящая в семьи, посланные Небом, верит, что миллионы людей являются лучшими и надежными проводниками своей собственной судьбы, и намерена действовать в соответствии с этой верой. От ее успеха зависят большие проблемы. Если американцы покажут, что они могут управлять сами, все остальные нации постепенно приложат свои руки к той же облагораживающей работе.

1789 г. н.э. Первым шагом, который необходимо было сделать в соответствии с новой Конституцией, было избрание президента. Был только один человек, которого считали кандидатом на этот высокий и неопробованный пост. Джордж Вашингтон был избран единогласно. Конгресс был созван на заседание в Нью-Йорке 4 марта. Но членам церкви приходилось далеко ходить пешком или верхом. Дороги были плохими, мостов было мало; ручьи в то весеннее время разливались. Прошло несколько недель после назначенного времени, прежде чем можно было приступить к делу.

Этому Конгрессу предстояла трудная работа, и она выполнялась терпеливо, с большим здравым смыслом и честностью. Пока еще не было доходов, в то время как повсюду были долги. У правительства штата были долги, и у каждого из штатов были долги. Был внешний долг — перед Францией, Голландией и Испанией. Был долг армии — за просрочку жалованья и пенсий. Был долг Пяти Крупных департаментов — за поставки, полученные во время войны. Требовалось погасить огромную эмиссию бумажных денег. Существовала огромная задолженность по процентам. И, с другой стороны, не было никаких резервов для покрытия этих огромных обязательств.

Вашингтон со вздохом спросил друга: “Что делать с этим тяжелым долгом?” “Только один человек в Америке может вам это сказать, - сказал его друг, - и это Александр Гамильтон”. Вашингтон назначил Гамильтона министром финансов. Успех его финансовых мер был немедленным и полным. “Он ударил по скале национальных ресурсов, ” сказал Дэниел Вебстер,

“ и хлынули обильные потоки доходов. Он коснулся мертвого тела государственного кредита, и оно вскочило на ноги”. Все военные долги Штатов были взяты на себя правительством штата. Были созданы эффективные условия для регулярной выплаты процентов и для резервного фонда для погашения основной суммы долга. Были введены пошлины на судоходство, на товары, импортируемые из-за границы, и на спиртные напитки, произведенные дома. Энергия правительства вселила доверие общественности, и торговля начала возрождаться. Через несколько лет американский флаг можно было увидеть на каждом море. Простые промышленные предприятия страны возобновили свою давно прерванную деятельность. Был учрежден Национальный банк. Были созданы суды и назначены судьи. Заработная плата президента и крупных функционеров была установлена. Для правительства штата было выбрано место на берегах Потомака, где столица Союза должна была заменить маленькую деревянную деревушку— удаленную от волнений, которые возникают в крупных населенных центрах. Были обсуждены и исправлены бесчисленные детали, связанные с формированием нового правительства. Какими бы новыми ни были обстоятельства, мало что из проделанной тогда работы требовало отмены. Последующие поколения американцев одобрили мудрость своих первых законодателей и продолжают без изменений процедуры, которые были созданы в начале существования нации.

За войной за независимость последовали тридцать лет мира. Действительно, были временные неприятности с индейцами, которые всегда заканчивались суровым наказанием этих неприятных дикарей. В 1804 году нашей эры была предпринята экспедиция против Триполи, чтобы отомстить за определенные унижения, которым варвары этого региона подвергли американское судоходство. Произошло недоразумение с французской директорией, которое дошло до несколько опасной крайности. В 1789 году нашей эры произошла отчаянная схватка между французским и американским фрегатами, в результате которой первый сдался. Но эти ничтожные волнения не нарушали глубокого спокойствия нации и не препятствовали ее продвижению по пути процветания, на который она теперь вступила.

Вашингтон был президентом в течение первых восьми лет действия Конституции. 1799 год н.э. Он пережил свой уход из общественной жизни всего на три года, скончавшись после нескольких часов болезни на шестьдесят восьмом году жизни. Его соотечественники оплакивали его с искренней и глубокой скорбью. Их почтение к нему не уменьшилось с годами. Каждое новое поколение американцев подхватывает то почтение — спокойное, интеллигентное, но глубокое, — с которым их отцы относились к безупречному Вождю. По сей день люди с любовью следят за возможностью выразить ту честь, в которой увековечено его имя. По сей день пароходы, курсирующие по Потомаку, отбивают скорбные звуки колокольным звоном, проносясь мимо Маунт-Вернона, где Вашингтон провел самые счастливые дни своей жизни и где он умер.

В течение многих лет Америка была вполне довольна тем, что была просто зрителем Великой европейской войны. Несмотря на некоторые возникшие разногласия, она по-прежнему питала теплые чувства к Франции — своему другу в давние трудные времена. Она все еще испытывала жгучую ненависть к Англии, своему тирану, как она считала, и жестокому врагу. Но ее симпатии не определяли ее политику. У нее не было призвания мстить за бесчестье, нанесенное королевской семье народом Франции. Столь же незначительным было ее дело укреплять Францию перед лицом негодования оскорбленных монархов. Ее удаленность освобождала ее от какого-либо участия в кровавой политике Европы, и она могла спокойно наблюдать, как пламя войны пожирает народы Старого Света. Ее корабли пользовались монополией. Она беспристрастно вела торговлю со всеми воюющими сторонами. Энергия Европы была до предела истощена гигантской работой по взаимному уничтожению. Американцы передали народу, таким образом, невыгодно захваченные иностранные товары, в которых тот нуждался, и извлекли большую выгоду из безумия своих соседей.

1806 год н.э. Но пришло время, когда Франции и Англии пришлось приложить усилия более гигантские, чем прежде, чтобы приблизить разорение друг друга. Англия издала указ, объявляющий, что все побережья Франции и ее союзников находятся в состоянии блокады, и что любые суда, пытающиеся торговать со странами, находящимися в блокаде, подлежат аресту. В то время почти весь Континент был в союзе с Францией. В ответ Наполеон объявил Британские острова в состоянии блокады. Эти указы закрыли Европу от американских судов. Было захвачено много кораблей, особенно английскими крейсерами. Американские торговцы понесли тяжелые убытки и громко выражали свой справедливый гнев против порочных законов, которые причинили им столько зла.

Был еще один вопрос, из-за которого возникло зло. Англия всегда утверждала, что любой человек, который однажды был ее подданным, никогда не перестанет им быть. Он может уехать в другую страну; он может стать гражданином другого государства. Английское законодательство не признает такой сделки. Англия утверждает, что этот человек по-прежнему является английским подданным, имеющим право на преимущества этого отношения и связанным его обязательствами. Америка, с другой стороны, утверждала, что люди могут отказаться от своего первоначального гражданства и принять другое — могут передать свою преданность — могут отказаться от привилегий и освободить себя от обязательств, которые они унаследовали. Англичане, поселившиеся на ее земле, считались ею американскими гражданами и никем иным.

Возникли обстоятельства, которые придали опасное значение этим противоречивым доктринам. Англия в то время набирала моряков методом внушения. Иными словами, она захватывала мужчин, которые были наняты на борту торговых судов, и заставляла их служить на борту ее военных кораблей. По своему беззаконию этот процесс уступал только работорговле. Служба, к которой люди были приобщены таким образом, не могла не вызывать ненависти. По

мере возможности происходило массовое дезертирство, и Америка была естественным убежищем. Английские военные корабли претендовали на право обыскивать американские суда в поисках дезертировавших, а также на людей, которые, будучи прирожденными английскими подданными, могли быть впечатлены. Вполне можно полагать, что это право не всегда осуществлялось со строгим соблюдением принципа справедливости. Не всегда было легко отличить англичанина от американца. Возможно, английские капитаны были не очень щепетильны в отношении доказательств, на основании которых они действовали. Американцы утверждали, что шесть тысяч человек, на которых Англия не имела ни малейшего права, были безжалостно увезены сражаться под флагом, который они ненавидели; английское правительство признало обвинение в количестве шестнадцати сотен человек. Американский народ яростно возмущался невыносимыми притязаниями Англии. Иногда американский корабль оказывал сопротивление, и кровь лилась беспрепятственно.

1807 год н.э., когда Англия и Франция издали указ о закрытии всех европейских портов для торговли, Америка поспешила показать, что она может быть такой же неразумной, как и ее соседи. Конгресс запретил торговлю с европейскими державами, которые нанесли такой ущерб. Народ, более мудрый, чем его правители, не одобрил эту меру; но правительство обеспечило ее соблюдение. Президент был уполномочен вызвать ополчение и задействовать вооруженные суда для предотвращения вывоза грузов американской продукции из страны. Была выражена надежда, что Англия и Франция, таким образом, лишены статей, которые считались необходимыми, будут вынуждены отменить свои пагубные декреты.

Таким образом, на четыре года торговля была приостановлена, и на бездействующих пристанях Нью-Йорка и Филадельфии выросла трава. Хлопок и табак Южных штатов, зерно и древесина Севера были припасены в ожидании возвращения разума к правящим державам мира. Десятки тысяч трудящихся оказались без дела. Раздражение обедневшей нации быстро перерастало в войну.

Теперь Америка нуждалась в мудром руководстве, которым она пользовалась в период своей революционной борьбы. Вашингтон никогда не переставал убеждать своих соотечественников в желательности поддержания хороших отношений с Англией. Но Вашингтон был мертв, и его слова не запомнились. Франклин был мертв, Гамильтон пал от руки убийцы Аарона Берра. Была сильная партия, жаждущая войны. Торговые города на морском побережье боялись ужасных английских кораблей и желали вести переговоры об урегулировании претензий. Жители внутренних районов, не имевшие городов, которые можно было бы подвергнуть бомбардировке, предпочли испытать свои силы с Англией в бою. Некоторые попытки переговоров закончились неудачей. 18 Июня 1812 года нашей эры Конгресс наконец положил конец неопределенности, приняв законопроект, объявляющий войну Великобритании.

Это был более смелый вызов, чем предполагала Америка. У Англии действительно было полно дел, поскольку мощь ее великого врага казалась непреодолимой. Но даже тогда топор был положен до основания. В том же июне Наполеон переправился через реку Неман и вступил в Россию, совершив свой роковой поход на Москву. Несколько недель ранее герцог Веллингтон вырвал из его рук две большие пограничные крепости Испании и теперь начинал вытеснять французские армии с полуострова. У Англии скоро появится досуг для своего нового противника, но все это пока оставалось незамеченным.

Когда была объявлена война, Англия располагала тысячей боевых кораблей, а Америка - двадцатью. Их сухопутные силы были примерно в таком же соотношении. У Англии было почти миллион вооруженных людей. Американская армия насчитывала двадцать четыре тысячи человек, многие из них были недостаточно дисциплинированы, и на них еще нельзя было положиться в полевых условиях. Ее казна была пуста. Ей, к сожалению, не хватало опытных офицеров. Она объявила войну, но было трудно понять, что она могла бы сделать для достижения своих враждебных целей.

Но она придерживалась этих целей с непоколебимым упорством. Через четыре дня после того, как Конгресс принял решение сражаться, Англия отменила те постановления о блокаде, которые так справедливо оскорбили американцев. Теперь оставался только вопрос о праве на обыск. Британский посланник в Вашингтоне предложил предпринять попытку урегулировать мирным путем это единственное оставшееся основание для разногласий. Предложение было отклонено. Американская партия войны не отступила от своей печальной решимости. Первые усилия американцев оказались явно безуспешными. Они напали на Канаду с армией в две тысячи пятьсот человек. Но едва эти силы вступили на канадскую землю, как их отбросили. Август 1812 г. н.э. Они были осаждены в форте Детройт уступающей по численности британской армией и вынуждены сдаться. Несчастный генерал Халл, который командовал, был привлечен к суду своими разгневанными соотечественниками и приговорен к расстрелу. Однако он был помилован с учетом прежних заслуг.

Последовало второе вторжение, завершившееся второй капитуляцией. Во время двух других кампаний американцы продолжали свое вторжение. На великих озерах, которые лежат между территориями воюющих сторон, были построены и спущены на воду корабли. Велись морские бои, в одном из которых американский триумф был настолько полным, что все британские суда сдались. На берегу произошло много отчаянных сражений. Некоторые форты были захвачены; некоторые города сожжены. Многие женщины и дети остались без крова; многие храбрецы были убиты. Но захватчики не продвинулись вперед. Повсюду канадцы, с помощью регулярных войск, были в состоянии выстоять. Это был грубый метод решения вопроса, который был предметом спора между странами, и он оказался совершенно бесплодным.

На море странный проблеск удачи ободрил американцев. Именно там Англия почувствовала себя всемогущей. Она, со своей тысячей кораблей, могла бы простительно презирать врага, который выступил против нее с двадцатью. Но именно там ее настигла катастрофа.

1812 год н.э. В осенние месяцы произошла серия стычек между одиночными британскими и американскими кораблями. В каждом случае победа оставалась за американцами. Были захвачены или уничтожены пять английских судов. В большинстве этих столкновений американцы были более хорошо укомплектованы и вооружены, чем их противники. Но поразительный факт оставался фактом. Пять британских военных кораблей были захвачены в бою американцами; пять поражений потерпела Англия. Ее морской суверенитет подвергся жестокому удару.

Поражение в крупном сражении не потрясло бы Англию сильнее, чем захват этих пяти неважных кораблей. Многим казалось, что это предвещает падение ее морского господства. Она правила морями, потому что до сих пор ни в одной другой стране не было моряков, равных ей. Но теперь

возникла новая держава, чей дом, наравне с домом самой Британии, находился на глубине. Если Америка могла добиться этих поразительных успехов, имея всего двадцать кораблей, чего бы она не смогла достичь с помощью тех более мощных сил, которыми она впоследствии будет обладать? У Англии было много врагов, и все они радовались, видя в этих поражениях приближающийся упадок ее завидного величия.

Среди английских моряков царило горячее стремление стереть с лица земли неожиданный позор, обрушившийся на флаг. Поддерживалась строгая блокада американских портов. На борту английских кораблей, курсировавших у берегов Америки, велись нетерпеливые поиски возможностей вернуть себе честь службы.

Летом 1813 года два английских корабля под командованием капитана Броук вышли из Бостона. В бухте много месяцев пролежал американский фрегат "*Чесапик*". Капитан Броук уделял особое внимание обучению своих людей, и он верил, что сделал их достойными любой равной силы. Он и они страстно желали испытать свою доблесть в бою. Он отослал один из своих кораблей, оставив только "*Шеннон*", который немного уступал "*Чесапику*" в вооружении и людях. А затем он подошел вплотную к берегу и послал капитану "*Чесапики*" Лоуренсу приглашение выйти вперед, чтобы они могли "попытать счастья под своими флагами".

Со своей мачты капитан Броук с тревогой наблюдал за движениями вражеского корабля. Вскоре он увидел, как его парусина колышется на ветру. Его вызов был принят. Величественный "*Чесапик*" медленно двигался по заливу, сопровождаемый множеством барж и прогулочных катеров. Чрезмерно оптимистичным жителям Бостона казалось, что капитан Лоуренс плыл к гарантированной победе. Они столпились на крышах домов и холмах, чтобы засвидетельствовать его успех. Они приготовили банкет в честь его триумфального возвращения.

1 Июня 1813 года н.э. Медленно и в мрачном молчании приближались вражеские корабли. Ни один выстрел не прозвучал до тех пор, пока они не оказались на расстоянии броска камня друг от друга, и люди в любом из них могли посмотреть в лица тех, кого они собирались уничтожить. Затем началась ужасная бойня на море. Хорошо обученные британцы стреляли прицельно, и каждый выстрел был результативен. Такелаж противника был быстро разрушен; его корма была пробита; палубы были сметены выстрелами тяжелых орудий, заряженных мушкетными пулями. Стрельба американцев была значительно менее эффективной. После нескольких бортовых залпов корабли вошли в соприкосновение. "*Шеннон*" продолжал вести картечный огонь из двух своих орудий. "*Чесапик*" теперь мог отвечать слабо и только ружейным огнем. Капитан Броук приготовился к посадке. По палубам, заваленным убитыми и скользким от крови, англичане бросились на сдающего врага. Американский флаг был спущен, и сопротивление прекратилось.

Бой длился всего четверть часа. Итак, несколько минут назад два корабля, на которых находилось семьсот человек, гордившихся молодостью и силой, гордо плыли по морям, которые улыбались в мирном солнечном свете того летнего вечера. Теперь их такелаж лежит в руинах на загроможденных палубах; их борта пробиты выстрелами; семьдесят одно мертвое тело ждет, когда его выбросят за борт; сто пятьдесят семь человек лежат раненые и в муках — некоторым из них суждено умереть, некоторым выздороветь и прожить безрадостную жизнь, пока не откроется могила для их изувеченных и обезображенных тел. Ненавидели ли эти люди друг друга ненавистью настолько сильной, что не могли сделать ничего меньшего, чем

причинить друг другу это зло? У них вообще не было ненависти. Их правительства расходились во мнениях, и это был их метод определения, кто был прав! Несомненно, однажды люди будут достаточно мудры, чтобы применить какой-нибудь процесс для улаживания различий, менее дикий в своей неточности, менее грубый в своей жестокости, чем этот.

Эта победа, одержанная так быстро и столь решающая, восстановила уверенность Англии в ее военно-морском превосходстве. Война продолжалась с переменным успехом. Американцы, осознав величие необходимости, предприняли энергичные усилия по увеличению численности как армии, так и флота. Происходили частые столкновения между одиночными кораблями. Иногда американский корабль захватывал или уничтожал британцев; теперь чаще британский корабль захватывал или уничтожал американцев. Превосходные боевые возможности расы были великолепно проиллюстрированы, но результатов более солидного характера перечислить невозможно.

1814 год н.э. Тем временем в Европе произошли важные перемены. Наполеон был свергнут, и Англия наслаждалась кратким отдыхом, который давала его резиденция на Эльбе. Теперь она могла уделить некоторое внимание своей ссоре с Америкой. Несколько полков солдат Веллингтона были отправлены в Америку под командованием генерала Росса, и было решено атаковать Вашингтон. Силы, находившиеся в распоряжении генерала Росса, составляли всего три тысячи пятьсот человек. Имея столь незначительные средства, казалось опрометчивым атаковать столицу великой державы. Но результат доказал, что генерал Росс не недооценивал трудностей предприятия.

Американцы потерпели полную неудачу в обороне своей столицы. Они были предупреждены о нападении и имели достаточно времени, чтобы подготовиться. Ополченцы Пенсильвании и Вирджинии обещали свои услуги, но не были найдены, когда в них была необходимость. Только семь тысяч человек могли быть собраны вместе, чтобы противостоять наступлению англичан. Они заняли пост в Бладенсбурге, где находился мост через Потомак. Англичан было значительно меньше по численности, но это были ветераны, сражавшиеся под началом Веллингтона во многих битвах. Для них это была игра, направленная на разгром недисциплинированных американских новобранцев. Они бросились на врага, который, едва дождавшись выстрела, сломался и бежал в сторону Вашингтона в безнадежном замешательстве.

В тот же вечер британцы тихим маршем вошли в Вашингтон. Генерал Росс получил приказ разрушить или удерживать до получения выкупа все общественные здания. Он предложил пощадить национальное достояние, если ему будет выплачена определенная сумма денег; но власти отклонили его предложение. На следующий день были нанесены огромные и совершенно неоправданные разрушения. Капитолий, резиденция президента, правительственные учреждения, даже мост через Потомак — все было разрушено. Военно-морская верфь и Арсенал, где строились несколько кораблей, были подожжены самими американцами. Дом президента был разграблен солдатами, прежде чем его сожгли. Эти разрушения были произведены в соответствии с беспощадными приказами британского правительства, на котором лежит позор действий, столь предосудительных и необычных в анналах цивилизованной войны. В тот же день британцы покинули руины горящей столицы и отступили к побережью.

Американцы начинали уставать от этой бессмысленной войны. Надежды на успех не было никакой, теперь, когда у Британии не было другого врага, который привлекал бы ее внимание. У Америки больше не было военного корабля, который защищал бы ее берега от оскорблений. Ее торговля прекратилась. Ее экспорт, составлявший до войны четырнадцать миллионов фунтов стерлингов, сократился до одной десятой этой суммы. Две трети торговых классов были неплатежеспособны. Большинство торговых судов было захвачено. Доходы, которые до сих пор получала таможня, полностью прекратились. Кредит страны был плохим, и кредиты получить было невозможно. Налогообложение стало очень жестким, и, таким образом, чрезвычайно усилило непопулярность войны. Некоторые штаты Новой Англии отказались предоставить людей или деньги и выразили готовность заключить мир для себя, если они не смогут добиться его иным способом.

11 февраля 1815 года н.э. Мир был срочно необходим, и, к счастью, он был совсем рядом. Поздно вечером в субботу британский военный шлюп прибыл в Нью-Йорк с мирным договором, уже ратифицированным британским правительством. Крики “Мир! мир!” разнесся по оживленным улицам. Город внезапно озарился иллюминацией. Новость достигла Бостона в понедельник утром, и Бостон был почти вне себя от радости. Множество бездействующих кораблей уже давно стояло у ее причалов. Еще до наступления ночи плотники принялись за работу, готовя их к выходу в море. Матросы были заняты; грузы передавались на борт. “Бостон” без часовой задержки вернулся к своему естественному состоянию коммерческой деятельности.

Британские и американские уполномоченные встретились в Генте и согласовали условия мира. Бесплодность войны - знакомое открытие, когда люди спокойно оценивают ее потери и завоевания. Обе страны многое пережили за эти три года военных действий, и теперь мир остался таким, каким он был до решения вопросов, решение которых было целью войны.

1814 год н.э. Международный договор был заключен 24 декабря. Если бы новость была передана по телеграфу через Атлантику, было бы спасено много храбрых жизней. Но прошло семь недель, прежде чем в южных частях Америки стало известно, что между двумя странами установился мир. А тем временем разгорелась одна из самых кровопролитных битв войны.

Новый Орлеан — город с населением почти в двадцать тысяч человек — был тогда, как и сейчас, одним из крупнейших центров торговли хлопком и контролировал судоходство по Миссисипи. Захват столь важного города не мог не стать тяжелым ударом по Америке. С этой целью была организована экспедиция. Как раз в тот момент, когда уполномоченные в Генте поздравляли себя с заключенным миром, британскую армию в шторм и невыносимый холод вытаскивали на берег в нескольких милях от Нового Орлеана.

Сэр Эдвард Пакенхэм, один из героев полуострова, командовал англичанами. Оборона Нового Орлеана была доверена генералу Джексону. Джексон был солдатом с тринадцати лет и провел юность в необычайных лишениях. Теперь он был волевым, опытным и умелым лидером, которому его солдаты безгранично доверяли. Пакенхэм, только что переживший триумфы полуострова, смотрел на своего грозного врага с ошибочным презрением.

Линия обороны Джексона была протяженностью более полумили. Миссисипи прикрывала его правый фланг, непроходимые болота и джунгли прикрывали левый. Вдоль его фронта тянулся

глубокий широкий ров, увенчанный массивной земляной стеной. На этой сильной позиции американцы ждали наступления врага.

1815 год н.э. На рассвете 8 января шеститысячная армия британцев перешла в атаку. В тусклом утреннем свете американцам было видно быстрое продвижение войска в красных мундирах. Из орудий, установленных на бастионе, был открыт убийственный огонь картечью и пулями. Храбрецы быстро пали, но нападавшие прошли сквозь бурю и достигли американских укреплений. В их планы входило взобраться на крепостной вал и, оказавшись внутри, положиться на свои штыки, которые еще ни разу их не обманывали. Но у подножия крепостного вала оказалось, что фашины и штурмовые лестницы, которые были приготовлены для штурма, теперь не годятся! Мужчины вскарабкались друг другу на плечи, и таким образом некоторые из них пробились в строй, но были застрелены американскими стрелками. Все было напрасно. Смертоносный огонь непрерывно лился с этого рокового парапета на беззащитных людей внизу. Сэр Эдвард Пакенхэм был смертельно ранен. Бойня была ужасной, а предприятие явно безнадежным. Войска были отведены в большом замешательстве, понесся потери в две тысячи человек. У американцев было семь человек убитыми и столько же ранеными.

Таким образом, война завершилась. Обе страны с справедливой гордостью взирают на героическое мужество, столь щедро проявленное в бою, и на терпеливую выдержку, с которой были принесены великие жертвы. Жаль, что эти высокие качества не нашли более достойного поля для своего проявления. Война была гигантской глупостью и злом, которые, как мы смеем надеяться, никогда не повторит ни одно будущее поколение.

Четвертого июля 1826 года вся Америка отмечала праздник. В этот день, пятьдесят лет назад, была подписана Декларация независимости, и Америка начала свою великую карьеру свободной страны. Лучшего повода для празднования юбилея мир редко знал. Американцы должны воздать должное Отцам своей Независимости, большинство из которых уже скончались; двое из которых — Джон Адамс и Томас Джефферсон — умерли в этот самый день. Они должны остановиться и оглянуться назад, на эти удивительные полвека. Мир никогда не видел такого быстрого роста. Когда-то три миллиона американцев сбросили британское иго; теперь их стало двенадцать миллионов. Число тринадцати штатов увеличилось до двадцати четырех. Территория Союза была чрезвычайно расширена. в 1803 году н.э. Луизиана была продана Францией; в 1820 году н.э. Флорида была уступлена Испанией. Раз за разом племена бродячих индейцев уступали свои земли и признавали себя подданными Великой Республики. Теперь Мексиканский залив ограничивает Союз с юга, а озера, отделяющие его от Канады, - с севера. С Атлантического океана на востоке она уже смотрела на Тихий океан на западе. Были прорублены каналы, ведущие от великих озер к Гудзону, и зерно, которое росло на кукурузных полях запада, за тысячи миль отсюда, легко доставлялось в Нью-Йорк. Было проложено бесчисленное количество дорог. Все долги, возникшие во время войны за независимость, были выплачены; и еще более тяжелый долг, возникший во время второй войны с Англией, быстро погашался. Непрерывный поток эмиграции потек на запад. Миллионы акров плодородной дикой местности, простиравшейся к заходящему солнцу, были, наконец, сделаны прибыльными для человечества. Были созданы обширные мануфактуры, на которых производились хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Внешняя торговля страны составила сорок миллионов фунтов стерлингов.

Маркиз Лафайет, теперь уже пожилой человек, приехал перед смертью еще раз увидеть страну, которую он помог спасти, и с удивлением принял участие во всенародном ликовании. Бедные колонисты, за свободы которых он боролся, уже стали могущественной и богатой нацией. Повсюду наблюдалась экспансия. Везде были комфорт и изобилие. Повсюду царила безграничная вера в будущее и неистовая, неиссякаемая энергия, которая, несомненно, заставила бы оправдаться любые ожидания, какими бы огромными они ни были.

Книга Третья

ГЛАВА I.

КОРОЛЬ ХЛОПКА.

Когда европейцы впервые посетили южные районы Америки, они обнаружили там в изобилии произрастающее растение, которому суждено было занять такое высокое место в будущей мировой истории, какого никогда не достигал ни один другой представитель семейства овощных. Это было неважное на вид растение, двух-трех футов высотой, усыпанное стручками размером чуть больше грецкого ореха. В соответствующее время года эти стручки раскрывались, обнажая множество мягких белых волокон, в которых лежали семена растения. Это был хлопок. Он не был неизвестен Старому Свету, поскольку римляне использовали хлопчатобумажные ткани еще до христианской эры. Индия делала это с еще более отдаленного периода. Но масштабы его использования были незначительными. Люди одевались, как могли, в льняную или шерстяную ткань или просто в шкуры убитых ими зверей. Теперь настало время, когда им предстояло раскрыть более обширную информацию об их нуждах. В социальном и политическом плане хлопок оказал глубокое влияние на ход человеческих дел. Самые могущественные завоеватели становятся ничтожными в присутствии короля Коттона.

Англичане начали выращивать немного хлопка очень скоро после своего поселения в Америке. Но им было трудно обрабатывать эту культуру. Растения росли пышно, и когда наступила осень, раскрывшиеся стручки показали самое приятное изобилие. Количество произведенного хлопка привело плантаторов в восторг. Но семена растения прочно прилипли к волокну. Прежде чем использовать волокно, семена необходимо было удалить, а это был медленный и, следовательно, дорогостоящий процесс. Это было все, что человек мог сделать за день, чтобы отделить один фунт хлопка от семян. Хлопок никогда не мог быть в изобилии или дешевым, пока это было так.

Но со временем в Англии произошли события, которые сделали необходимым, чтобы хлопок был одновременно обильным и дешевым. В 1768 году Ричард Аркрайт изобрел машину для

прядения хлопка, значительно превосходящую все, что использовалось до сих пор. В следующем году более великий, чем он, Джеймс Уатт, объявил о более великом изобретении — своем паровом двигателе. Теперь Англия была готова начать свою великую работу по ткачеству хлопка для всего мира. Но где можно было найти хлопок?

За три или четыре года до того, как Уатт запатентовал свой Двигатель, а Аркрайт - Прялку, на ферме в Новой Англии родился мальчик, чья работа была необходима для завершения их работы. Его звали Эли Уитни. Эли был прирожденным механиком; изобретать и конструировать было заложено в его натуре. Будучи простым мальчиком, он делал гвозди, булавки и трости для ходьбы с помощью новых технологий и таким образом зарабатывал деньги, чтобы прокормить себя в колледже. В 1792 году он отправился в Джорджию навестить миссис Грин, вдову того генерала Грина, который так беспокоил лорда Корнуоллиса в последние годы войны за независимость. В том примитивном обществе, где еще пользовались немногими удобствами цивилизованной жизни, никакие визиты ангелов не были так похожи на визиты искусного механика. Эли придумывал чудесные развлечения для детей миссис Грин. Он преодолевал все домашние трудности с помощью какого-нибудь остроумного приспособления. Миссис Грин научилась удивляться ему и верить, что для него нет ничего невозможного. Однажды миссис Грин принимала компанию своих соседей. Разговор зашел о горестях Плантатора. Было тщательно оплакано то прискорбное упорство, с которым семена хлопка прилипали к волокну. Учитывая настоящий спрос Англии на хлопок, на бескрайних землях, где ничто не выращивалось так хорошо, как хлопок, трудно было быть настолько сбитым с толку.

Миссис Грин безгранично верила в своего друга Эли. Она умоляла его изобрести машину, которая должна была отделять семена хлопка от волокна. Эли вырос на севере и никогда даже не видел хлопка в семенах. Он отправился пешком в Саванну и там, не без труда, раздобыл некоторое количество неочищенного хлопка. Он заперся в своей комнате и размышлял о трудностях, которые ему пришлось преодолеть.

Всю ту зиму Эли трудился — придумывал, ковал, наращивал, отвергал, начинал заново. У него не было помощников; он даже не мог купить инструменты, и ему пришлось изготавливать их своими руками. Наконец его машина была завершена — грубоватая на вид, но явно эффективная. Миссис Грин пригласила первых лиц государства к себе домой. Она с триумфом проводила их к зданию, в котором стояла машина. Владельцы неприбыльных хлопковых угодий смотрели на это с дикой вспышкой надежды, озарившей их отчаявшиеся сердца. В этом неуклюжем сооружении заключались возможности несметного богатства для каждого из них. Машина была приведена в движение. Всем было очевидно, что она может выполнять работу сотен людей. Эли одержал великую победу для человечества. В этой грубой бревенчатой хижине Джорджии Коттон был коронован королем, и для Америки и всего мира открылась новая эра.

Через десять лет после изобретения хлопкоочистительной машины Whitney's хлопководческие районы Америки значительно расширились. В 1803 году Европа наслаждалась короткой передышкой после безумных наполеоновских войн. Франция недавно приобрела у Испании обширные районы, граничащие с Мексиканским заливом и простирающиеся далеко вверх по долине Миссисипи и на запад до Тихого океана. Было ясно, что мир в Европе долго не продлится. Было также очевидно, что когда война возобновится, Франция не сможет удержать эти владения против английского флота. Америка хотела приобрести их и была готова заплатить

за них. Лучше было продать американцам и вооружить солдат по соответствующей цене, чем ждать, пока Англия будет готова к завоеванию. Наполеон продал, и Америка присоединила Луизиану к своим обширным владениям.

Обратите внимание на эти два события — изобретение машины для дешевого отделения семян хлопка от волокна и покупку Луизианы у французов. Из этих событий вытекает американская история следующего полувека. Ни одно другое событие со времен Войны за независимость, ни все другие события, вместе взятые, не сделали так много для формирования и определения карьеры американского народа.

ГЛАВА II. РАБСТВО.

Когда Америка обрела независимость, рабство существовало во всех колониях. Ни одно государство не было свободно от этой заразы; даже пуритане Новой Англии держали рабов. В ранний период они научились поработать своих соседей-индейцев. Дети пилигримов без угрызений совести владели индейцами, а в свое время и африканцами. Но количество рабов на Севере всегда было небольшим. Поначалу такое ограниченное распространение рабства объяснялось не более высокими принципами или более ясным умом северян. Север не был регионом, где рабский труд когда-либо мог быть прибыльным. Климат был суровым, почва каменистой и унылой; а труд требовал разумного руководства. На этой сравнительно непродуктивной земле бессмысленный и бессердечный труд раба едва ли покрыл бы расходы на его содержание. Во время Революции в колониях насчитывалось полмиллиона рабов, и из них только тридцать-сорок тысяч находились на Севере.

Иначе обстояло дело на солнечном и роскошном Юге. Африканец чувствовал себя там как дома, поскольку климат был похож на его собственный. Богатая почва давала свои богатства труду в самой незначительной и наименее разумной форме. Выращивание риса, табака и хлопка обеспечивало тот самый вид работы, для выполнения которого был приспособлен раб. Юг нашел выгодную работу для стольких африканцев, сколько работорговцы смогли украсть.

И все же во время Революции рабство не пользовалось особой популярностью. Свободный дух, разжигаемый войной, находился в яростном сопротивлении существованию системы рабства. Присутствие рабов помешало Югу принять должное участие в войне за независимость. Белым мужчинам приходилось оставаться дома, чтобы присматривать за черными. Вирджиния, штат

Вашингтон, предоставила разумную долю войск; но другие Южные штаты были почти бесполезны. Повсюду на Севере рабство рассматривалось как предосудительный и разлагающийся институт. Лидеры революции, сами в основном рабовладельцы, страстно желали, чтобы рабство было отменено. Вашингтон был категорически против системы и в своем завещании предусмотрел освобождение своих собственных рабов. Гамильтон был членом ассоциации за постепенную отмену рабства. Джон Адамс никогда бы не стал владельцем раба. Франклин, Патрик Генри, Мэдисон, Манро были едины в своем осуждении рабства. Джефферсон, уроженец Вирджинии, подготовивший Декларацию независимости, сказал, что ввиду рабства “он трепетал за свою страну, когда думал о том, что Бог справедлив”.

В конвенте, собравшемся для разработки Конституции Америки, чувство антагонизма к рабству было наивысшим. Если бы большинство последовало своим собственным курсом, тогда были бы приняты меры для постепенного искоренения рабства. Но здесь возникла необходимость в одном из тех компромиссов, которыми история Америки была так печально отмечена. Когда было предложено запретить ввоз рабов, все Северные и большинство Южных штатов поддержали это предложение. Но Южная Каролина и Джорджия были ненасытны в своей жажде африканской рабочей силы. Они решительно отказались стать участниками Союза, в который не должен был ввозиться ввоз рабов. Другие штаты уступили. Вместо немедленной отмены этой ненавистой торговли было решено лишь, что по прошествии двадцати лет Конгресс должен иметь право отменить работорговлю, если пожелает. Из-за той же угрозы разобщения рабовладельческие штаты крайнего Юга получили другие преимущества. Конституция закрепила, что раб, бежавший в Свободное государство, не должен был, следовательно, становиться свободным человеком. Он должен быть возвращен своему владельцу. Далее было признано, что рабовладельческие штаты должны обладать большей политической властью пропорционально количеству своих рабов. Чернокожий человек значил не так много, как белый. Каждый штат должен был направлять членов в Палату представителей в соответствии со своим населением, и при подсчете этого населения пять негров должны были считаться за трех.

И все же в то время и в течение многих лет после этого мнение самого Юга рассматривало рабство как зло, навязанное им Англией, от которого трудно избавиться, может быть, оно и выгодно, ноприскорбно и временно. Ни один рабовладелец не отказывался обсуждать эту тему или признать пороки системы. К тем, кто ее осуждал, не применялось никакого насилия. Духовенство могло рискнуть проповедовать против нее. Полные надежды люди могли предсказать приближение свободы к этим несчастным пленникам. Даже низшие представители класса рабовладельцев еще не возмущались выражением таких надежд.

Но тону общественного мнения южан было суждено сильно измениться. Покупка Луизианы открыла обширные участки самой плодородной земли в мире для выращивания хлопка; изобретение Уитни сделало выращивание хлопка прибыльным. Рабовладение стало прибыльным делом. Владеть небольшой плантацией и несколькими неграми было богатством; и существовала нетерпеливая гонка за обладанием рабами. Один только импорт не мог удовлетворить спрос. Некоторые из более северных Южных штатов обратили свое внимание на разведение рабов для южных рынков. Кентукки и Вирджиния разбогатели и приобрели дурную славу благодаря этой ужасной торговле.^[1] Хотя беззаконие не было особенно прибыльным, Южные штаты не очень-то стремились быть добродетельными. Когда достижения зла стали, как это произошло сейчас, огромными, добродетель перестала иметь опору на Юге.

В течение многих лет лидером рабовладельцев был Джон К. Кэлхун. Он был уроженцем Южной Каролины — высокий, стройный, похожий на цыгана мужчина с глазами, удивительная глубина и сила которых поражали всех, кто оказывался в его присутствии. Кэлхун учил людей Юга, что рабство полезно для раба. Это было благотворное, цивилизующее средство. Африканец достиг в рабстве уровня интеллекта, значительно превосходящего тот, которого он когда-либо достигал как свободный человек. Для него, очевидно, быть порабощенным было благословением. Из всего этого было легко сделать вывод, что Провидение установило рабство в интересах обеих рас; что противодействие этому предначертанному Небом институту было профанным; что отмена рабства была всего лишь аспектом неверия. Так учил Кэлхун; так Юг научился верить. 1850 г. н.э. Последняя речь Кэлхуна в Конгрессе предупредила Север, что противодействие рабству разрушит Союз. Его последний разговор был на эту захватывающую тему. Несколько часов спустя он прошел мимо того места, где исчезает всякая неясность зрения, а ошибки в суждениях становятся невозможными!

Рабовладельцам было очень приятно услышать, что рабство пользуется божественной санкцией. У этой доктрины были и другие апостолы, помимо мистера Кэлхуна. К несчастью, это стало частью регулярного преподавания с кафедры в южных церквях. Ветхий Завет серьезно доказывал, что рабство было нормальным состоянием негров. Хэм должен был быть слугой своих братьев; следовательно, все потомки Хэма были законной собственностью белых людей. Раб, сбежавший от своего хозяина, был виновен в воровстве в одной из самых отвратительных его форм. Так учили с Южной кафедры. Многие книги, написанные серьезными богословами для утверждения этих доктрин, сохранились, чтобы вызывать изумление потомков.

Рабовладельцы охотно прислушивались к этим приятным заверениям. Они знали, что рабство выгодно; их лидеры в Церкви и государстве говорили им, что это правильно. Неудивительно, что их сердцами владела фанатичная любовь к рабству. В страстных, плохо отрегулированных умах класса рабовладельцев это с годами превратилось почти в безумие, которое, к несчастью, разделяла большая масса белого населения. Обсуждение больше не могло быть разрешено. Выражение на Юге мнения, враждебного рабству, стало страшным риском. Это было знакомое хвастовство, что ни одному человеку, выступающему против рабства, не будет позволено жить в рабовладельческом государстве; и рабовладельцы сдержали свое слово. Многие, кого подозревали во враждебных взглядах, были вымазаны дегтем и обмазаны перьями и изгнаны из штата. Многие были расстреляны; многие были повешены; некоторые были сожжены. Толпы южан были необычайно жестоки, и рабовладельцы нашли готовые руки для выполнения своей дьявольской работы. Закон не вмешивался, чтобы предотвратить или наказать такие зверства. Церкви смотрели на это и хранили молчание.

По мере того, как собственность рабов росла в цене, вокруг нее формировалась удивительно ужасная система законов. К рабу относились не как к личности, а как к вещи. У него не было гражданских прав; более того, высшим юридическим органом было объявлено, что у раба вообще нет прав, которые белый человек обязан уважать. Были нарушены самые священные законы природы. Брак был узами, которые связывали раба только во время удовольствия хозяина. У рабыни было не больше юридической власти над своим ребенком, “как у коровы над своим теленком”. Учить раба читать считалось тяжким преступлением. Белый человек мог искупить это преступление штрафом или тюремным заключением; для чернокожего это

означало порку. Владелец не мог без вызова убить ни в чем не повинного раба; но раб, сопротивляющийся воле своего хозяина, мог быть законно убит. Раб, который не выдержал бы порки, мог быть застрелен, когда убегал. Хозяин был невиновен, если его раб умирал после разумного исправления — другими словами, если он забивал раба до смерти. Беглый раб мог быть убит любыми средствами, которые выбирал его владелец. С другой стороны, существовал слабый предлог в виде законов для защиты раба. Любой хозяин, например, который по неосторожности отрезал язык или выколол глаза своему рабу, подлежал небольшому штрафу. Но поскольку ни один раб не мог дать показания против белого человека в суде, закон не внушал страха рабовладельцу.

Практика Юга в отношении своих рабов не была недостойной его законов. Детей обычно отрывали от их матерей. Мужей и жен обычно разлучали и заставляли заключать новые браки. Общественные дома для битья стали учреждением. Охота на беглых рабов стала обычной профессией, и для этой специальной работы разводили и дрессировали собак. Рабов, которых подозревали в намерении сбежать, клеймили раскаленным железом. Когда северные армии вторглись на Юг, у многих рабов, бежавших к ним, были обнаружены шрамы или увечья. Сожжение негра, обвиняемого в преступлении, было обычным явлением. Это был дискуссионный вопрос, было ли выгоднее обрабатывать рабов умеренно, чтобы они продержались дольше, или брать с них максимально возможный объем работы, даже если это быстро уничтожило бы их. Некоторые одобряли план переутомления и действовали в соответствии с ним без колебаний.

Все это было сделано, и христианские церкви Юга не стыдились говорить, что система, из которой они вытекали, пользовалась Божьей санкцией! Оказалось, что люди, прошедшие свою жизнь на Юге, сами были настолько огрублены своим знакомством с жестокостями рабства, что стандарт, по которому они судили о нем, был не выше, чем у самых низких дикарей.

ГЛАВА III. МИССУРИ.

Когда штат Луизиана был принят в состав Союза в 1812 году, там не была учтена значительная часть первоначальной покупки у Наполеона. Тогда этот регион еще не был заселен. Он лежал тихий и неприбыльный — огромный заповедник, подготовленный для нужд нерожденных поколений. Его пересекала река Миссури. Великая Миссисипи была его границей на востоке. В общей сложности он обладал судоходной речной линией протяженностью в две тысячи миль. Огромные минеральные богатства копились, чтобы обогатить мир на столетия вперед. Там были месторождения угля, превышающие запасы всей Европы. Там были горы железа, одна из

которых содержала двести миллионов тонн руды. Там было изобилие меди, цинка, свинца. Там были бескрайние леса. Там была непревзойденная по плодородию почва. Климат был добрым и благодущным, не омраченным ни суровыми северными зимами, ни жестокой жарой Юга. Пейзажи часто отличались редкой красотой и величием.

Это была территория Миссури. Постепенно сюда прибывали поселенцы из соседних штатов. Приезжали рабовладельцы, принося с собой свое имущество. Они первыми вышли на поле боя и надежно овладели имением. Свободные эмигранты отступили, и в Миссури безраздельно воцарилась рабовладельческая власть. Богатство и красота этой великолепной земли были связаны узами брака с самой гигантской системой зла, которая когда-либо существовала на земле.

К 1818 году в Миссури проживало шестьдесят тысяч человек. Пришло время для принятия этой территории в Союз в качестве штата. Это было первое крупное соревнование между Свободными и рабовладельческими штатами. Хлопкоочистительный завод, приобретение Луизианы, учение Калхуна сделали свое дело. Рабовладельцы были теперь великой политической силой — решительной, беспринципной, нетерпимой к оппозиции. Следующие полвека американской истории во многом определяются их яростной и неугомонной энергией. Их политика никогда не колебалась. Добиться преобладания рабства с возможностью его неограниченного распространения - таковы были их цели. Американская история полна их насилия вплоть до одного апрельского утра 1865 года, когда рабовладельческая власть и все ее незаконные притязания лежали раздавленными среди руин Ричмонда.

Когда заявление Миссури о приеме в Союз поступило на рассмотрение Конгресса, была предпринята попытка полностью искоренить рабство в новом штате. Завязалась борьба, которая длилась почти три года. Вопрос был жизненно важным. В то время количество свободных штатов и количество рабовладельческих штатов были точно равны. Кто бы ни завоевал Миссури, он получал большинство в Сенате. Север был искренне заинтересован в предотвращении распространения рабства. Юг был столь же решительно настроен на то, чтобы не вводить никаких ограничений. Результатом стал компромисс, предложенный Югом. Миссури должен был быть передан в рабство. Но было решено, что, за исключением пределов самого штата Миссури, рабство не должно быть разрешено ни в какой части территории, купленной у Франции, к северу от линии, проведенной на восток и запад от южной границы этого штата. До сих пор могли доноситься волны этого мерзкого прилива, но не дальше. Так закончился великий спор решающей победой Юга.

ГЛАВА IV. НАДЕЖДА НА НЕГРА.

Север участвовал в завоеваниях рабства. Плантатор хлопка занял деньги под высокие проценты у северного капиталиста. Он покупал свои товары на северных рынках; он отправлял свой хлопок на Север для продажи. Северные купцы делали деньги на его руках и не спешили разрушать своеобразный институт, из которого вытекали столь приятные результаты. У них не было повода, в отличие от плантатора, убеждать себя в том, что рабство пользуется особой божественной санкцией. Но на Севере стало очень распространенным убеждение, что без рабского труда возделывание южных земель невозможно. Также очень широко утверждалось, что положение раба предпочтительнее положения свободного европейского рабочего.

Для бедного негра все выглядело очень безнадежно. Юг утверждал, что удерживает его по божественному праву. Она смотрела в будущее неограниченной экспансии. Бескрайние области, простиравшиеся вдали от ее границы, нехоженные человеком, были отведены под территорию рабов. Сильные настроения на Севере поддерживали ее притязания. Она смогла оказывать контролирующее влияние на федеральное правительство. Казалось, что вся власть в Союзе обязалась поддерживать рабство и навсегда утвердить право белого человека владеть черным человеком как товаром.

Но уже тогда началось пробуждение совести северян. 1 января 1831 года подмастерье печатника Уильям Ллойд Гаррисон опубликовал в Бостоне первый номер газеты, посвященной отмене рабства. Возможно, это самый ранний заметный инцидент в истории Эмансипации. Это было действительно скромное начало благородной карьеры. Гаррисон был молод и без гроша в кармане. Он писал статьи, а также, с помощью друга, подбирал типажи. Он жил в основном на хлебе и воде. Только когда номер газеты продавался особенно хорошо, он и его компаньон позволяли себе чашку молока. Магистрат Южного округа попросил мэра Бостона запретить публикацию газеты. Он ответил, что это не стоит таких хлопот. Офис редактора был “темной дырой; его единственным видимым помощником был негритянский мальчик; его сторонниками были несколько незначительных личностей всех цветов кожи”. Величественным южанам не стоит беспокоиться об этом малоизвестном редакторе и его ничтожной газетенке.

Но пришло время, и каждое слово, сказанное против рабства, теперь находило охотного слушателя. Через год после того, как Гаррисон опубликовал свою статью, было создано Американское общество борьбы с рабством. В его состав входило двенадцать членов. Деловитые руки разбрасывали семена по всему миру, и они быстро дали всходы. В течение трех лет в Америке насчитывалось двести обществ против рабства; еще через семь лет их число увеличилось до двух тысяч. Теперь война против рабства началась всерьез.

Рабовладельцы и их союзники на Севере с невыразимой яростью восприняли это грозное вторжение. Повсюду они противопоставляли насилие доводам своих противников. За поимку видных аболиционистов были предложены большие награды. Многие северяне, неосторожно забредшие в Южные штаты, были убиты по простому подозрению в том, что они были

противниками рабства. В 1835 году президент Джексон рекомендовал Конгрессу запретить отправку на Юг по почте публикаций, направленных против рабства. В Бостоне толпа хорошо одетых и респектабельных граждан подавила митинг женщин-аболиционисток. Пока они были заняты этим предприятием, им посчастливилось схватить Гаррисона, убийство которого они замыслили и осуществили бы, если бы своевременная вылазка констеблей не спасла его из их рук. 1833 Год н.э. В Коннектикуте молодая женщина была заключена в тюрьму за то, что учила негритянских детей читать. Филадельфия была опозорена беспорядками, в ходе которых были убиты негры и сожжены их дома. По всем Северным штатам на собрания против рабства обычно вторгались и разгонялись союзники рабовладельцев. Аболиционисты были охвачены рвением, которое не знало границ и не давало покоя. Рабовладельцы встретили их с глубокой, безжалостной, убийственной ненавистью, которая постепенно овладела всей их натурой и разъела ее. В этой войне, как вскоре стало очевидно, компромисса быть не могло. Мир был невозможен иначе, чем путем уничтожения той или иной из противоборствующих сторон.

Дух, с которым Юг защищал свое любимое учреждение, был справедливо продемонстрирован в ее обращении с молодым священником мистером Лавджоем, который оскорбил ее своей антипатией к рабству. Мистер Лавджой обосновался в Олтоне, маленьком городке в штате Иллинойс, где он руководил газетой. Иллинойс сам по себе был Свободным штатом; но Миссури был рядом, и рабовладельческая власть была высшей во всем этом регионе. Мистер Лавджой в своей газете выступил против рабства. Его попросили покинуть этот район, но он сохранил свое право на свободу слова и предпочел остаться. Толпа разграбила его типографию и выбросила его станок в реку. 1837 год н.э. мистер Лавджой купил другой станок. Появление этой новой машины вызвало крайнее недовольство хулиганов маленького городка Алтон. В целях безопасности он хранился в хорошо охраняемом здании, и двое или трое доброжелательных граждан несли за ним вооруженную охрану. Толпа напала на склад. Произошел обмен выстрелами, и некоторые из бунтовщиков были убиты. Наконец толпе удалось поджечь здание. Когда мистер Лавджой показался толпе, в него открыли огонь, и он упал, пронзенный пятью пулями. Печатный станок был сломан; газете было приказано замолчать; враждебно настроенный редактор был убит. Оскорбленное величие рабовладельческой власти было окончательно восстановлено.

ГЛАВА V. ТЕХАС.

Угасающая энергия Испании была жестоко растрачена войнами, которые навязал ей Наполеон. Подвергнутая вторжению, завоеванная, оккупированная, за которую в течение многих лет

боролись великие армии, Испания вышла из борьбы в состоянии крайнего истощения. Было невозможно, чтобы столь ослабленная страна могла сохранять огромное колониальное господство. Вскоре после битвы при Ватерлоо все ее американские владения решили стать независимыми, и Испания ничего не могла сделать, чтобы предотвратить это. Помимо всего прочего, Мексика завоевала для себя привилегию самоуправления, на которую она до сих пор оказалась столь неспособной.

Между Миссисипи и Рио-Гранде лежала обширная дикая местность неопределенной протяженности и неопределенного владения, которую Америка с некоторыми колебаниями признала принадлежащей Мексике. Он назывался Техас. Климат был благоприятным, почва - удивительно плодородной. В 1829 году нашей эры Америка возжелала заполучить этот прекрасный регион и предложила купить его у Мексики. Ее предложение было отклонено.

Огромные природные богатства Техаса в сочетании с почти полным отсутствием правительства привлекали незаконных авантюристов, которыми изобиловали Юго-Западные штаты. Волна бродячего мерзавства хлынула в Техас. Ускользнув от правосудия, убийца, вор, мошеннический должник начал в Техасе новую, более обнадеживающую карьеру. Основанное этими отцами-призывниками, техасское общество быстро росло. 1836 год н.э. Через несколько лет Техас почувствовал себя достаточно сильным, чтобы стать независимым. Было объявлено, что ее связи с Мексикой оборвались.

Лидером этой революции был Сэм Хьюстон, виргинец массивного телосложения - энергичный, дерзкий, беспринципный — ни в коей мере не годившийся для того, чтобы руководить бурей, которую он помог поднять. Хьюстон был южанином, и его честолюбивым намерением было завоевать Техас для целей рабовладельцев. Мексика отменила рабство. Техас не мог быть домом для владельца рабов, пока он не был отделен от Мексики.

Когда была провозглашена независимость, Техасу пришлось защищать свои недавно заявленные свободы мечом. Генерал Хьюстон возглавлял силы патриотов, которых было меньше четырехсот человек, и они были плохо вооружены. Санта-Анна выступил против них с пятитысячной армией. Техасцы отступили, и, не имея ничего с собой, легко оторвались от преследователей. В Сан-Хасинто Хьюстон был усилен прибытием двух полевых орудий. Он повернулся, как лев, к неожиданно появившимся мексиканцам, которых застал в тот момент, когда они переправлялись через реку. Он выстрелил картечью в их дрогнувшие ряды. Его непобедимые техасцы взяли за мушкеты — штыков у них не было — и бросились на врага. Мексиканцы обратились в беспомощное бегство, и Техас был свободен. Благодарные техасцы избрали генерала Хьюстона президентом республики, которую он таким образом спас.

1837 год н.э. Как только Техас получил независимость, она предложила присоединиться к Соединенным Штатам. Сначала ее предложения были отклонены. Но Юг горячо поддержал ее дело и выдвинул ее требования. Север и Юг снова встретились в яростных дебатах. Рабство в Техасе уже прочно обосновалось. Если Техас и вступил в Союз, то как рабовладельческий штат. На этом основании Юг открыто настаивал на аннексии; на этом основании Север сопротивлялся ей. “Мы все видим, - сказал Дэниел Вебстер, “ что Техас станет рабовладельческой страной; и я откровенно заявляю о своем нежелании делать что-либо, что продлит рабство африканской расы на этом континенте или добавит еще один рабовладельческий штат к Союзу”. “Юг, ” сказал Законодательный орган штата Миссисипи, говоря о рабстве, - не обладает благословением, с которым так тесно связаны чувства его

народа и ценность которого ценится более высоко. Аннексией Техаса будет обеспечен баланс влияния в залах Конгресса, что предоставит нам постоянную гарантию защиты”.

Это было поле битвы, на котором происходили все недавние великие сражения американской политической истории. Оно закончилось, как обычно заканчивались подобные сражения в то время, победой южан. В марте 1845 года Техас был принят в Союз. Рабовладельческая власть получила новые голоса в Конгрессе и возможности для широкого распространения рабовладельческой системы.

ГЛАВА VI.

ВОЙНА С МЕКСИКОЙ.

Мексика была недовольна аннексией Техаса, но не проявила так быстро, как надеялись, никакого желания отомстить за себя. мистер Полк, южанин, теперь был президентом, и он правил в интересах Юга. Война с Мексикой была желанной, потому что Мексику нужно было победить, а затем можно было разграбить территорию, которую присвоили бы рабовладельцы. 1846 Год н.э. Чтобы спровоцировать Мексику на Неподготовленность, армия из четырех тысяч человек была отправлена на крайние юго-западные границы Техаса. Мексиканская армия численностью в шесть тысяч человек находилась поблизости. Американцы с поразительной дерзостью возвели форт в непосредственной близости от Матамораса, города мексиканцев, и, таким образом, это место оказалось в их власти. После долгих колебаний мексиканская армия атаковала американцев и потерпела, как они вполне могли ожидать, серьезное поражение. Таким образом, без формального объявления была начата война.

Президент Полк поспешил объявить Конгрессу, что мексиканцы “вторглись на нашу территорию и пролили кровь наших сограждан”. Конгресс выделил людей и деньги на ведение войны, и добровольцы предлагали себя во множестве. Их храбрая маленькая армия была в опасности — вдали от помощи и в окружении врагов. Люди стремились поддержать героев, победой которых они так гордились. И все же мнения сильно разделились. Многие считали войну несправедливой и позорной. Среди них был молодой юрист из Иллинойса, которому в последующие годы было суждено занять в сердцах своих соотечественников место, уступающее только Вашингтону. Авраам Линкольн вошел в Конгресс в разгар войны, и его первая речь была посвящена осуждению курса, проводимого правительством.

Война энергично велась сначала под командованием генерала Тейлора, которому предстояло стать следующим президентом; и, наконец, под командованием генерала Скотта, который, будучи очень молодым человеком, сражался против британцев при Ниагаре, а будучи очень

старым человеком, был главнокомандующим американской армией, когда началась великая война между Севером и Югом. Там было много офицеров, чьи имена стали известными в последующие годы. Генерал Ли и генерал Грант получили здесь свой первый опыт войны. Тогда они не были знакомы друг с другом. Они встретились впервые двадцать лет спустя в коттедже в Вирджинии, чтобы обсудить условия капитуляции побежденной армии Южной Конфедерации!

Американцы решили пробиться с боем к столице противника и там заключить такой мир, который был бы приятен им самим. Задача была не из легких. Мексиканская армия была значительно многочисленнее. У них была великолепная кавалерия и эффективная артиллерия. Их командир Санта-Анна, беспринципный даже для мексиканца, все же был способным солдатом. Американцы были в основном добровольцами, которые до сих пор никогда не видели войны. Бои были жестокими. При Буэна-Виста американская армия была атакована силами, превосходившими ее численностью в соотношении пять к одному. Сражение длилось десять часов, и захватчики были спасены от гибели благодаря своей превосходящей артиллерии. Горные перевалы были сильно укреплены, и генералу Скотту пришлось перебрасывать свою армию через пропасти и овраги, которые мексиканцы, считая их практически невыполнимыми, пренебрегли обороной. Сильные сознанием своего превосходства над народом, на территорию которого они вторглись, — тем же сознанием, которое поддерживало Кортеса и его испанцев тремя столетиями ранее, — американцы наступали. Наконец они увидели Мексику на том самом месте, откуда ее видел Кортес. 14 сентября 1847 года н.э. они снова разгромили мексиканскую армию, значительно превосходившую их по силам; а затем генерал Скотт спокойно ввел свою маленькую армию из шести тысяч человек в столицу. Война была закончена, и с небольшим опозданием был заключен мирный договор.

ГЛАВА VII. КАЛИФОРНИЯ.

Америка безжалостно применила наказание, которое обычно сопутствует поражению. Мексика должна была получить пятнадцать миллионов долларов, но она уступила огромную территорию, простиравшуюся на запад от Техаса до Тихого океана.

Одной из провинций, составлявших этот великолепный приз, была Калифорния. Рабовладельцы вступили в войну с Мексикой, чтобы получить территорию, которой рабство должно было владеть вечно. Они стремились ввести Калифорнию в Союз как рабовладельческий штат. Но вмешалось Провидение, чтобы оградить ее от столь несчастливой судьбы.

1848 год н.э. Примерно в то же время, когда Калифорния стала американским владением, было обнаружено, что ее почва богата золотом. На одном из притоков реки Сакраменто старый поселенец мирно копал траншею, можно предположить, мало заботясь о смене гражданства, которой он подвергся, и не подозревая, что следующий взмах его лопаты повлияет на историю не только Калифорнии, но и всего мира. Среди песка, который он поднял, были какие-то блестящие частички. Его удивленный взгляд внимательно рассмотрел их. Они были золотыми! Золото было повсюду — в почве, в речном песке, в горных породах; золото в пыли, золото в гранулах, золото в комьях! Это была страна из старой сказки, где богатство мог получить тот, кто решил опуститься и собирать!

Ошеломляющая новость с такой скоростью, с какой ее могла разносить почта, взволновала сердца Америки. Перед энергичной молодежью Северных Штатов ее очарование было непреодолимо. Теперь, действительно, быть бедным было упреком, когда так легко было разбогатеть.

Путешествие в землю обетованную было полно труда и опасностей. Предстояло преодолеть более двух тысяч миль неизведанной дикой природы. Предстояло преодолеть горные хребты, высокие и изрезанные, как сами Альпы. Там были огромные пустынные равнины, безводные и лишенные растительности. Индейцы, расположение которых вызывало сомнения, окружали тропу. Но об опасности никто не думал. В тот сезон тридцать тысяч американцев пересекали равнины, взбирались на горы, переходили вброд ручьи, не брезгуя всем, что могли принести нужда, незащищенность и усталость. Среди них вспыхнула холера, и четыре тысячи оставили свои кости в пустыне. Остальные продолжали путь, не дрогнув. Пятьдесят тысяч прибыли морем. Они приехали из всех стран — из тихих английских деревень, из многолюдных городов Китая. Не прошло и года, как население Калифорнии увеличилось на восемьдесят тысяч человек.

Они приехали в основном из Северных Штатов. У них и в мыслях не было терпеть в своем новом доме порочный институт Юга. В 1850 году нашей эры они легко утвердили конституцию своего штата, и Калифорния была принята в Союз свободной от пятна рабства.

Это было немалым разочарованием для мужчин Юга. Они настаивали на войне с Мексикой, чтобы получить новые рабовладельческие штаты, новые голоса в Конгрессе, дополнительные возможности для распространения рабства. Они завоевали всю территорию, на которую надеялись; но это странное открытие золота заселило ее с Севера, и рабство было прекращено навсегда. Чтобы смягчить их раздражение, Генри Клей предложил очень черную уступку, от позора которой Америка страдала годами в глазах всех христианских народов. Юг был разгневан и уже тогда намекал на отделение. Север процветал. Его торговцы богатели; его фермеры быстро заселяли страну и ставили пустые земли на службу человеку. С каждым годом к ее богатству прирастало все больше людей; и ее высшим желанием было спокойствие. В таком настроении она согласилась на принятие Закона о беглых рабах. До сих пор для рабовладельца было законно вернуть своего раба, сбежавшего в Свободное государство; но, хотя это было законно, на практике это было почти невозможно. Теперь правительственным чиновникам и всем добропорядочным гражданам было приказано оказать преследователю всю необходимую помощь. В определенных случаях правительство должно было покрыть расходы по возвращению раба на плантацию, с которой он бежал. В любом судебном процессе,

возникающем в соответствии с этим законом, показания самого раба не должны были приниматься; клятва его преследователя была почти решающей против него. Сотни южных головорезов поспешили воспользоваться этим позорным законом. Они разыскивали цветных мужчин в Свободных Штатах и клялись, что они были беглыми рабами. Слишком часто они были успешными, и многие свободные негры, а также беглые рабы были возвращены к страданиям рабства. Север совершил серьезную ошибку, согласившись на столь низменную меру. Однако справедливо будет сказать, что, хотя политики Севера поддержали это как мудрый и необходимый компромисс, северяне в глубине души испытывали к нему отвращение. Закон был настолько непопулярен, что его исполнению воспротивились в нескольких северных городах, и он быстро вышел из употребления.

ГЛАВА VIII. КАНЗАС.

Великая покупка Луизианы у Наполеона еще не была полностью разделена на штаты. К западу и северу от Миссури простирались огромные просторы самых богатых земель в Союзе, и пока еще мало кто из них приносил больше прибыли, чем индейцы. Его пересекали два великих маршрута — на запад и юго-запад. Страстный искатель золота проходил этим путем во время своего долгого путешествия в Калифорнию. Мормон с безразличием взирал на его пышную растительность, с трудом продвигаясь к своему Новому Иерусалиму у Большого Соленого озера. В 1853 году было предложено разделить этот регион на две Территории под названиями Канзас и Небраска. Здесь снова возник старый вопрос — будут ли Территории рабовладельческими или свободными? Компромисс в Миссури постановил, что рабство никогда не должно прийти сюда. Но рабовладельцы смогли отменить это поселение. 1854 г. н.э. Был принят закон, согласно которому жителям было предоставлено выбирать между рабством и свободой. Голосование большинства решило бы судьбу этих великолепных провинций.

И теперь обе стороны должны были проявить инициативу. Первые жители зарождающихся государств должны были навсегда решить, будут ли они допускать или исключать рабовладельца с его жертвами. Таким образом, все зависело от скорейшего вступления во владение.

Юг был первым на поле боя. Миссури был рядом, и ее граждане шли впереди. Крупные рабовладельцы завладели землями в Канзасе и громко приглашали своих собратьев из других Штатов немедленно приехать и привести с собой своих рабов. Но их было мало, а нужда была острой. На Юге не было лишнего населения, пригодного для работы по колонизации, но там в большом количестве имелся класс “подлых белых”. На примере средних белых южных Штатов

нам позволено увидеть, как низко может пасть наше англосаксонское человечество. Средние белые совершенно лишены образования. Его дом - лачуга самого низкого пошиба. Лично он ходит в лохмотьях и грязи. Он не может опуститься до работы, потому что рабство обесчестило труд. Он добывает себе пропитание, как это делают дикари, — стрельбой, рыбной ловлей, разграблением полей и загонов своих трудолюбивых соседей. Негр из-за невыразимой деградации, которой он был подвергнут, с презрением смотрит на подлого белого.

1855 год н.э. Подлые белые из Миссури были легко собраны для рейда в Канзас. Пришло время, когда должны были состояться выборы — когда предстояло ответить на великий вопрос о рабстве или свободе. Банды вооруженных головорезов двинулись маршем из Миссури. Такая партия — почти тысяча человек в сопровождении двух пушек — вошла в маленький городок Лоуренс утром в день выборов. Урны для голосования были захвачены, а мирных жителей прогнали. Захватчики опустили в урны фиктивные голоса, численностью в десять или двадцать раз превышающие законный список избирателей. Таким образом, был избран законодательный орган, полностью отвечающий интересам рабства, и в свое время этот орган начал принимать законы. Ни один человек, мнения которого были противоположны рабству, не мог быть избирателем в Канзасе. Любый человек, который говорил или писал против рабства, должен был понести тюремное заключение с каторжными работами. Смертная казнь была наказанием за содействие побегу раба. Все это делалось в то время, когда противниками рабства было фактическое большинство жителей Канзаса!

А затем пограничные хулиганы захватили страну, исполняя свою собственную злую волю, куда бы они ни пришли. Бесчинства, которые они совершали, читаются как выходки демонов. Мужчина поспорил, что снимет скальп с аболициониста. Он выехал из маленького городка Ливенсворт в поисках жертвы. Он встретил джентльмена, ехавшего в двуколке, застрелил его, снял скальп, вернулся в город, показал свой ужасный трофей и получил выплату по своему пари. Мужчин отрывали от работы в поле, выстраивали в шеренгу и безжалостно расстреливали, потому что они ненавидели рабство. Юрист, протестовавший против фальсификаций на выборах, был вымазан дегтем и вымазан перьями; одетый таким образом, он был выставлен на аукцион и продан тому, кто больше заплатит. Город Лоуренс подвергся нападению восьмисот мародеров, которые разграбили его по своему усмотрению, обстреливая из артиллерии дома, которые им не понравились, сжигая и разрушая в полной беспричинности.

Но в течение всего этого несчастливого времени непрерывный поток иммиграции северян в Канзас продолжался. С самого начала борьбы Север был полон решимости отвоевать свободу в Канзасе. Она стремилась добиться этого, заселив Канзас мужчинами, ненавидевшими рабство. Были созданы общества помощи бедным эмигрантам. Отдельными семьями, группами от пятидесяти до ста человек поселенцев быстро переселяли на запад. Некоторые из них просто подчинились импульсу, который заставляет так много американцев покидать заселенные штаты востока и уходить в дикую местность. Другие пошли, надеясь, что их голоса могут предотвратить распространение рабства. В движении была немалая доля патриотизма. Мужчины покидали свои комфортабельные дома на востоке и увозили свои семьи в дикую местность, к естественным страданиям которой добавлялось присутствие злейших врагов. Они сделали это для того, чтобы Канзас стал Свободным штатом. На берегах Миссури были установлены пушки, чтобы предотвратить их проникновение в Канзас. Многие из них были разграблены и

возвращены обратно. Часто их дома сжигались, а поля опустошались. Но они были самостоятельным народом, для которого не составляло труда защищаться. Когда возникала необходимость, они объединялись и давали бой негодяям, которые беспокоили их. И все это время они становились сильнее благодаря постоянным подкреплениям с востока. Там строили, расчищали, вспахивали и сеяли. Несмотря на возмущение Юга, Канзас быстро превращался в свободное и упорядоченное сообщество. 1859 год н.э. Через несколько лет партия свободы смогла провести выборы. Была принята конституция, согласно которой рабство в Канзасе было исключено. 1861 год н.э. И, наконец, как раз в тот момент, когда началась великая финальная борьба между рабством и свободой, Канзас был принят как Свободный штат. Ее прием увеличил число штатов в Союзе до тридцати четырех.

ГЛАВА IX.

ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

С годами конфликт углублялся. Аболиционисты становились все более неукротимыми, рабовладельцы - более жестокими. Казалось, не было никакой надежды на то, что закон станет справедливым. Американский народ глубоко уважает закон, но здесь его пересилило чувство несправедливости. Злому закону обычно бросали вызов, и были тщательно разработаны планы оказания помощи в побеге рабов. Среди негров ходили слухи, что в определенные моменты они обязательно найдут друзей, кров и безопасную дорогу в Канаду. Вокруг каждой плантации простирались густые джунгли, болота, непроходимые леса. Сбежавший раб бежал в эти мрачные уединения. Они охотились на него с ищейками, и многих бедняг притащили обратно, чтобы они страдали от еще большей жестокости, чем раньше. К счастью, никем не обнаруженный, он добирался до некоторых известных станций, цепочка которых благополучно передавала его под защиту британского флага. Это была Подземная железная дорога. Время от времени его агенты обнаруживались. В то несчастное время помочь рабу сбежать считалось тяжким преступлением. Преступник был обречен на крупный штраф или длительное тюремное заключение. Некоторые умерли в тюрьме от перенесенных лишений. Но Подземной железной дороге никогда не были нужны агенты. Как только несправедливый закон заявил о своей жертве, на его место заступил другой. В течение многих лет среднее число рабов, освобожденных этим агентством, значительно превышало тысячу.

Рабовладельцы сделали небезопасным пребывание северян, придерживающихся антирабовладельческих взглядов, на Юге. Акты жестокого насилия, очень часто приводящие к убийствам, стали очень распространенным явлением. 1860 год н.э. В течение одного года

восемьсот человек были ограблены, выпороты, вымазаны дегтем и перьями или убиты по подозрению в антипатии к рабству. Обладание газетой или книгой, выступающими против рабства, влекло за собой изгнание из штата; и распространение таких произведений вряд ли могло быть искуплено каким-либо наказанием, кроме смертной казни. В Вирджинии и Мэриленде серьезно рассматривался вопрос о том, чтобы изгнать свободных негров из их домов или продать их в рабство и направить полученные таким образом деньги на поддержку обычных школ! Арканзас действительно изгнал своих свободных негров. Рабовладельцы были полны решимости не допустить сохранения ничего, что могло бы напомнить их жертвам о свободе.

1858 год н.э. Мистер Сьюард хорошо сказал, что те, кто считал это столкновение случайным или эфемерным, сильно ошибались. Это был “непреодолимый конфликт между противостоящими и устойчивыми силами”. Все попытки достичь компромисса были бы недолговечными и тщетными.

Самым влиятельным сторонником многочисленных компромиссов, с помощью которых пытались унять раздор, был Генри Клей из Кентукки. Клея очень любили за его добродушный нрав, ему оказывали большое уважение и доверяли за его командирские способности. На протяжении многих лет затяжной борьбы он, казалось, стоял между Севером и Югом— обладая властью над обоими. Хотя он был южанином, он ненавидел рабство, и рабовладельцам часто приходилось слышать из его уст решительные обличения их любимой системы. Но он также ненавидел доктрины аболиционистов и считал, что они ведут к распаду Профсоюза. Он желал постепенной эмансипации, а вместе с ней и возвращения негров в Африку. Его целью было избавить свою страну от скверны рабства; но он будет осуществлять эту великую революцию шаг за шагом, насколько страна сможет это вынести. В любой кризисной ситуации он был готов к компромиссу. Его предложения успокаивали яростные страсти, которые разгорелись, когда Миссури добивался приема в Союз. 1850 год н.э. Для него тоже был тем несчастливым компромиссом, одной из особенностей которого был закон о беглых рабах. Если бы компромисс мог предотвратить раздор, Генри Клей спас бы свою страну. Но конфликт был непреодолимым.

Рабовладельческая власть стала очень смелой в последние годы своего существования. Возобновление работоторговли стало одним из актуальных вопросов в Южных штатах. Губернатор Южной Каролины недвусмысленно рекомендовал эту меру. Южные газеты поддержали ее; южные хулиганы фактически осуществили ее. Многочисленные грузы рабов были высажены на Юге в открытое нарушение закона, и возмущение не было пресечено. 1859 г. н.э. Политические съезды проголосовали за одобрение торговли, и были созданы ассоциации для ее продвижения. Сельскохозяйственные общества предлагали призы за лучшие образцы недавно завезенных живых африканцев. Было даже предложено объявить приз за лучшую проповедь в пользу работоторговли! Подобные объявления часто появлялись в южных газетах— “На продажу выставлены четыреста негров, недавно высадившихся на побережье Техаса”. Тогда это было возможно. Чуть позже — во времена Авраама Линкольна — некий негодяй капитан Гордон предпринял опасный эксперимент по доставке груза рабов в Нью-Йорк. Он был схвачен и немедленно повешен, и больше не предпринималось попыток возродить работоторговлю. Таким образом, надлежащим образом было закрыто это отвратительное движение.

Ненависть Севера к рабству быстро росла. В глазах некоторых рабство было огромным грехом, способным навлечь Божье проклятие на эту землю. Для других это было политическим злом, подрывающим единство и препятствующим прогрессу страны. Для очень многих, по той или иной причине, это становилось ненавистным. Политики стремились путем уступок отсрочить неизбежный кризис. Простые люди, руководствуясь своим убеждением в порочности рабства, становились все более неистовыми в своем отвращении к этому злу.

Таким человеком был Джон Браун. В его жилах текла кровь отцов-пилигримов; всеми его поступками руководил старый пуританский дух. С детства он питал отвращение к рабству, и долг перед Богом и человеком заставлял его посвятить себя этому делу. В этом не было никакой надежды на выгоду; никакого стремления к славе; никакой мысли вообще о себе или о своих детях. Он видел огромную несправедливость и не мог не заставить себя сопротивляться ей. Он не был политиком. Он был бессилен повлиять на советы страны, но у него была старая пуританская склонность к битве. Он отправился в Канзас со своими сыновьями, чтобы помочь в борьбе за свободу; и пока там шли бои, Джон Браун был на фронте. Он был лидером среди свободных поселенцев, которые чувствовали его военное превосходство и уверенно следовали за ним во многих кровавых стычках. Он обычно уединялся для молитвы в глубоком уединении. Он совершал утренние и вечерние молитвы, к которым присоединялись все его последователи. Он не допустил бы в свой лагерь человека с аморальным характером. Он верил, что Бог руководил им в видениях; он был слугой Бога, а не человека. Работа, порученная ему, могла быть горькой для плоти, но поскольку это была Божья работа, он не смел уклоняться от нее.

Когда в Канзасе восторжествовала свобода, Джон Браун двинулся на восток, в Виргинию. Теперь он должен был всерьез посвятить себя свержению проклятого института. Законы его страны санкционировали чудовищное злодеяние. Он объявил войну своей стране в том, что касалось национальной поддержки рабства. Он подготовил конституцию и подобие правительства. Он сам был главой этой уникальной организации. С ним были связаны государственный секретарь, казначей и военный министр. Рабство, по его словам, было варварской и неоправданной войной, которую вела одна часть общества против другой. Его новое правительство выступало за защиту тех, кого законы страны несправедливо оставили без защиты. К нему присоединились несколько энтузиастов-единомышленников, и он запасся оружием. Он и его друзья бродили по плантациям и помогали бегству рабов в Канаду. Иногда лошади и крупный рогатый скот рабовладельца закладывались в качестве контрибуции для покрытия расходов на кампанию. Браун планировал войну в несколько широких масштабах и ждал только подкрепления, в котором он был уверен, чтобы он мог провозгласить свободу всем пленным по соседству. Но появились основания полагать, что его планы были раскрыты врагу, и

Брауна поспешили принять меры, которые привели к быстрому уничтожению его самого и его последователей.

Харперс-Ферри был городком с пятью тысячами жителей, уютно устроившимся среди крутых и изрезанных гор, там, где Шенандоа соединяет свои воды с Потомаком. Здесь находилась Национальная оружейная палата и арсенал, в котором были сложены огромные запасы оружия и боеприпасов. Браун решил захватить арсенал. Он надеялся, что рабы поспешат под его знамена, когда весть о его успехе разнесется по всему миру. И он, похоже, рассчитывал, что станет достаточно сильным, чтобы договориться с правительством или, на худой конец, обеспечить побег в Канаду своих вооруженных сторонников.

1859 год н.э. Однажды воскресным октябрьским вечером он вошел в Харперс-Ферри с небольшой армией из двадцати двух человек — черных и белых — и легко овладел арсеналом. Он перерезал телеграфные провода; он остановил поезда, которые здесь пересекают Потомак; он взял в плен рабочих, которые приходили утром, чтобы возобновить свои работы на арсенале. Его часовые удерживали улицы и мосты. Неожиданность была полной, и в течение нескольких часов его владение правительственными зданиями было неоспоримым.

Когда, наконец, весть об этом удивительном восстании распространилась, и Америка узнала, что старый Джон Браун вторгся в Харперс-Ферри и завоевал его, ярости и тревоге рабовладельцев и их сторонников не было предела. Виргинцы, на которых обида пала сильнее всего, приняли срочные меры, чтобы отомстить за нее. К полудню понедельника отряд ополченцев окружил маленький городок, чтобы предотвратить побег тех, кого у них пока не хватило сил захватить. К ночи было собрано полторы тысячи человек. Всю ту ночь Браун удерживал свою победу, пока почти все его люди не были ранены или убиты. Двое его сыновей были застрелены. Браун, стоя рядом с их телами, спокойно призывал своих людей быть твердыми и продать свои жизни как можно дороже. Во вторник утром солдаты взломали вход, и Браун с саблей в голове и двумя штыковыми ударами в теле оказался в плену. Его судили и приговорили к смерти. На протяжении всего его заключения и даже среди ужасов заключительной сцены его привычная безмятежность не была нарушена. Он “смирненно верил, что в его сердце царит мир Божий, превосходящий всякое разумение”.

Для разъяренных рабовладельцев Джон Браун был отвратительным мятежником. Для аболиционистов он был мучеником. Для нас он настоящий, серьезный, но крайне недобросовестный человек. Его действия были неразумными, неоправданными; но его цели были благородны, его самоотдача была героической.

ГЛАВА XI.
ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

В этом году Америка провела свой десятилетний перечень своего народа и его имущества. Промышленное величие, выявленное переписью, поразило не только остальной мир, но даже ее саму. Медленный рост старых европейских стран казался абсолютным застоем по сравнению с этим быстрым умножением людей и животных, а также богатства во всех формах.

Число трех миллионов колонистов, сбросивших британское иго, теперь увеличилось до тридцати одного с половиной миллиона! Из них четыре миллиона были рабами, которыми владели триста пятьдесят тысяч человек. Этому огромному населению помогали в его трудах шесть миллионов лошадей и два миллиона рабочих волов. Здесь было восемь миллионов коров, пятнадцать миллионов другого крупного рогатого скота, двадцать два миллиона овец и тридцать три миллиона свиней. Плодородие почвы было огромным. Урожай хлопка в этом году приблизился к миллиону тонн. За последние десять лет он вырос более чем вдвое. Урожай зерновых составил тысячу двести миллионов бушелей — цифры настолько большие, что выходят за рамки нашего понимания. С 1850 года производство табака выросло более чем вдвое — до сих пор поставки табака в Америку фактически составляли пятьсот миллионов фунтов стерлингов. Здесь было пять тысяч миль каналов и тридцать тысяч миль железных дорог, двадцать две тысячи из которых были построены за предыдущие десять лет. Ежегодная стоимость текстильных изделий в стране достигла сорока миллионов фунтов стерлингов. Америка обеспечила образование своих детей, построив сто тринадцать тысяч школ и колледжей и наняв сто пятьдесят тысяч учителей. Доходы ее учебных заведений составляли почти семь миллионов фунтов стерлингов, и их посещали пять с половиной миллионов учеников. Религиозное обучение проводилось в пятидесяти четырех тысячах церквей, в которых было место для девятнадцати миллионов слушателей. Ежедневная история мира освещалась четырьмя тысячами газет, которые ежегодно расходились тиражом в тысячу миллионов экземпляров.

Американскому народу принадлежало почти две тысячи миллионов акров земли. Они не смогли никак воспользоваться большей частью этого огромного наследия. Только четыреста миллионов акров земли были пока в какой-либо мере использованы на благо человека. Огромная оставшаяся часть оставалась неиспользованной — ее способность приносить богатство человеку постоянно возрастала на протяжении долгих веков одиночества и заброшенности. Владение этим огромным пространством плодородной земли открыло американскому народу будущее беспрецедентного процветания. Им нужен был только мир и развитие их собственной энергичной промышленности. Но им предстояла более суровая задача.

За последние несколько лет разногласия между Севером и Югом стали чрезвычайно ожесточенными. Север становился все более нетерпимым к рабству. Неразумный и страстный Юг с растущей яростью возмущался отвращением северян к своему любимому учреждению. Однажды в Палате представителей Сената член парламента, склонившись над своим столом, что-то писал. Его звали Чарльз Самнер, он из Массачусетса. Он был хорошо известен своей ненавистью к рабству, а его ораторское мастерство сделало его лидером среди тех, кто желал свержения системы. Пока этот сенатор был занят своим письмом, к нему подошли двое мужчин, которых Южная Каролина сочла достойными разрабатывать законы для великого народа. Один из них — негодяй, хотя и сенатор, — по фамилии Брукс, держал в руках тяжелую трость. Этим грозным оружием он нанес множество ударов по голове ничего не подозревающего Самнера, пока его жертва не упала, истекая кровью и без чувств, на пол. За это надругательство на Брукса был наложен незначительный штраф. Его восхищенные избиратели охотно заплатили эту сумму. Брукс сложил с себя полномочия и был немедленно переизбран. Красивые трости посыпались на него со всех концов страны рабов. Юг самым обдуманым и решительным образом выразил свое одобрение совершенному им преступлению.

К такому проходу теперь подошли Север и Юг. Самнер яростно нападает на рабство; Брукс яростно бьет Самнера по его незащитной голове — эти люди с совершенной правдивостью передают чувства двух великих секций. Это не может продолжаться долго.

В 1860 году должны были избрать нового президента. Никогда выборы не проходили при столь волнующих обстоятельствах. Север был полностью взбудоражен вопросом о рабах. Чувствовалось, что время компромиссов прошло. Это была смертельная схватка между двумя державами. Каждая сторона должна была проявить свою силу и победить, или быть раздавленной.

Враги рабства объявили, что это их план предотвратить распространение рабства на Территории. У них не было полномочий вмешиваться в государства, где эта система уже существовала. Но, по их словам, Территории принадлежат Союзу. Надлежащим условием Союза является свобода. Рабовладельческие государства являются просто исключением. Переносить это нарушение туда, где его еще нет, противоречит Конституции.

Территории, по словам Юга, принадлежат Союзу. Все граждане Союза могут свободно отправляться туда со своим имуществом. Рабы - это собственность. Таким образом, на Этих Территориях может быть установлено рабство, если рабовладельцы решат там поселиться.

По этому вопросу развернулась битва. Партия Севера выдвинула своим кандидатом Авраама Линкольна. Южане со своими друзьями на Севере, которых было много, разделили свои голоса между тремя кандидатами. Они потерпели поражение, и президентом стал Авраам Линкольн.

Мистер Линкольн был сыном мелкого и не очень зажиточного фермера. Он родился в 1809 году в штате Кентукки, но его юность прошла в основном в Индиане. Его отец предпочел поселиться на самой дальней окраине цивилизации. Вокруг него был густой, безграничный лес, по которому до сих пор бродили индейцы. То тут, то там в дикой местности попадались грубые деревянные хижины, похожие на его собственную, жилище какого-нибудь неотесанного поселенца, невзирая на комфорт и жадность к удовольствиям первопроходцев. Следующий сосед находился в двух милях отсюда. Здесь не было ни дорог, ни мостов, ни гостиниц.

Путешественник переплывал реки, которые ему предстояло пересечь, и не напрасно надеялся на гостеприимство поселенцев в плане еды и крова. Время от времени мимо проходил священник, и с наспех сооруженной платформы под деревом Евангелие проповедовалось жадно слушающей аудитории из суровых лесных жителей. Много лет спустя, когда он стал мудрым и знаменитым, мистер Линкольн сослезам на глазах рассказывал о хорошо запомнившейся проповеди, которую он услышал от странствующего проповедника в великой пустыне Индианы. Правосудие вершилось в тени лесных деревьев. Присяжные заседали на бревне. То же дерево, которое укрывало суд, иногда служило виселицей для преступника.

В этом обществе — суровом, но честном и доброжелательном — прошла юность будущего президента. Он мало учился; на самом деле поблизости почти не было школы, и если сложить все дни, проведенные им в школе, то вряд ли получится один год. Его отец был беден, и Авраам был нужен на ферме. Нужно было рубить лес, строить изгороди, вспахивать поля, сеять и собирать урожай. Авраам вел насыщенную жизнь и, будучи еще мальчиком, хорошо знал, что такое тяжелый труд. Как и у всех мальчиков, достигших чего-либо великого, у него была всепоглощающая жажда знаний. Он брал все книги по соседству и читал их при свете поленьев, нарубленных его собственным топором.

Таково было его воспитание. Когда он начал самостоятельную жизнь, это была должность продавца в небольшом магазине. Он прослужил там почти год, добросовестно и весело ведя скромную торговлю, с помощью которой удовлетворялись нужды поселенцев. Затем он предстает перед нами как солдат, сражающийся в не очень кровопролитной кампании против индейцев, которые предприняли, довольно неосмотрительно, попытку изгнать белых людей из этого региона. Поселившись в Иллинойсе, он начал изучать юриспруденцию, зарабатывая на жизнь межеванием земель на убыточных этапах этого занятия. В конце концов он занялся политикой и в 1834 году был избран членом законодательного собрания Иллинойса.

Сейчас ему было двадцать пять лет; огромного роста, несколько неуклюжего телосложения, худощавый для своего роста, но необычайно мускулистый и выносливый. Он отличался приятным чувством юмора, готовностью и истинной проницательностью. После такого детства, как у него, трудности его не пугали, и он был неспособен к поражению. Его манеры были очень простыми. Его тощая, нескладная фигура, одетая в одежду местного производства из лесной глуши, вызвала бы смятение в европейской гостинице. Ему улыбались даже в невежливом законодательном собрании Иллинойса. Но здесь, как и везде, всякий, кто вступал в контакт с Авраамом Линкольном, чувствовал, что он был человеком, созданным для того, чтобы руководить другими людьми. Проницательный, проницательный, находчивый и в то же время честный, добрый, склонный к примирению, его руки могли огрубеть от тяжелого труда, его одежда и повадки могли быть обычаями дикаря, но он быстро был признан прирожденным царем людей.

В течение следующих двадцати шести лет мистер Линкольн посвятил себя профессии юриста. Большую часть этих лет он занимался общественной деятельностью. Он принимал участие во всех политических спорах своего времени. Главными из них были проблемы, связанные с рабством. С самого детства мистер Линкольн был непоколебимым врагом рабства, одновременно глупого и неправильного. Он не стал бы вмешиваться в это дело в старых Штатах, поскольку там Конституция не давала ему никакой власти; но он ни в коем случае не допустил бы его установления на Территориях. Он желал политики, которая “с надеждой ожидала бы того

времени, когда рабству, как неправильному явлению, придет конец”. Он в очень необычной степени завоевал доверие своей партии, которая возвела его в президентское кресло, как истинного и способного представителя своих принципов в отношении великого вопроса о рабстве.

ГЛАВА XII. ОТДЕЛЕНИЕ.

Южная Каролина была наименее лояльной к Союзу из всех Штатов. Она очень высоко ценила собственное достоинство как суверенного государства. Она мало считалась с преданностью, которой была обязана федеральному правительству. Двадцать восемь лет назад Конгресс принял в высшей степени защитный тариф. В 1832 году Южная Каролина, не одобряя эту меру, постановила, что она не является обязательной для нее. Если федеральное правительство попытается обеспечить его соблюдение, Южная Каролина объявила о своей цели выйти из Союза и стать независимой. Генерал Джексон, который был тогда президентом, был готов силой заставить Южную Каролину выполнять свои обязанности; но Конгресс изменил тариф и таким образом предотвратил опасность. Джексон твердо верил, что люди, которые тогда держали в своих руках судьбу Южной Каролины, хотели отделиться. “Тариф, “ сказал он, ” был всего лишь предлогом. Следующим будет вопрос о рабстве”.

1860 год н.э. Предсказанное время наступило, и Южная Каролина повела свои родственные штаты по темному и кровавому пути. Был немедленно созван съезд ее народа, и 20 декабря был принят Указ о роспуске Союза и объявлении Южной Каролины свободной и независимой республикой. Когда Постановление было принято, колокола Чарльстона радостно зазвонили, и улицы города огласились дикими ликующими криками возбужденных людей. Дорого пришлось заплатить за радость тех бурных часов. Четыре года спустя, когда Шерман подавил героическую оборону мятежного города, Чарльстон лежал в руинах. Ее народ, сильно пострадавший от войны и голода, давно был знаком с бедствиями, которые могут принести жесткая блокада и безжалостные бомбардировки.

Примеру Южной Каролины сразу же последовали другие недовольные штаты. Джорджия, Алабама, Миссисипи, Луизиана и Флорида поспешили заявить о своей независимости и объединиться в новую Конфедерацию. Они приняли Конституцию, отличающуюся от старой главным образом в том отношении, что она содержала положения о налогах для защиты любой отрасли промышленности и давала эффективные гарантии сохранения и распространения

рабства. Они избрали мистера Джефферсона Дэвиса президентом на шесть лет. Они владели государственной собственностью в пределах своих собственных границ. Они еще не были уверены, что Север будет сражаться, и они уверенно вели себя во всех приготовлениях, которых, казалось, требовало их новое положение.

После формирования правительства к Конфедерации присоединились другие рабовладельческие штаты, которые поначалу колебались. Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси, Арканзас и Техас после некоторой задержки отказались от своего присоединения. Конфедерация в ее завершенном виде состояла из одиннадцати штатов с населением в девять миллионов человек; шесть миллионов из которых были свободными, а три миллиона - рабами. Двадцать три штата остались верны Союзу. Их население составило двадцать два миллиона человек.

Не следует предполагать, что свободное население отделяющихся штатов было единодушно в своем желании распустить Союз. Напротив, есть веские основания полагать, что большинство людей в большинстве отделяющихся штатов всегда были против отделения. В Северной Каролине попытка осуществить отделение сначала потерпела поражение от народа. В конце концов это государство неохотно покинуло Союз, полагая, что иначе оно не смогло бы избежать превращения в поле битвы противоборствующих держав. Таким же образом, Вирджиния сначала подавляющим большинством отказалась от отделения. В Джорджии и Алабаме меньшинства были против отделения. В Луизиане двадцать тысяч голосов было подано за отделение и семнадцать тысяч - против. Во многих случаях требовалось много интриг и ловкости руководства, чтобы получить положительное голосование; и решение о выходе из Союза было воспринято с прискорбием очень многими южанами. Но повсюду на Юге преобладала идея, что верность должна быть присуща государству, а не Федерации. И таким образом, случилось так, что, когда власти штата решили выйти из Союза, граждане этого штата почувствовали себя вынужденными отделиться, даже несмотря на то, что они оплакивали курс, на который их вынудили пойти.

Некоторые защитники отделяющихся штатов утверждали, что рабство не было причиной отделения. По этому вопросу, безусловно, не может быть более авторитетного мнения, чем мнение самих отделяющихся государств. Заявление о причинах, повлиявших на их действия, было опубликовано несколькими государствами и одобрено другими. Южная Каролина была первой, кто объяснил причины своего поведения. Эти причины полностью касались рабства, ни на какую другую причину разделения не намекалось. Сообщалось, что Северные штаты не будут возвращать беглых рабов. Они присвоили себе право "принимать решения о целесообразности наших внутренних институтов". Они осудили рабство как греховное. Они разрешили открытое создание обществ против рабства. Они способствовали побегу рабов. Они стремились исключить рабство на Территориях. Наконец, они избрали на пост президента Авраама Линкольна, "человека, чьи мнения и цели враждебны рабству".

Часть американского народа с самого начала придерживалась мнения, что любое государство может выйти из состава Союза по своему усмотрению. Это убеждение было распространено на Юге. Отделяющиеся государства не сомневались в том, что у них было полное законное право предпринять тот шаг, который они предприняли, и они с совершенной откровенностью заявили, что было причиной для осуществления ими этого права. Они считали, что их пребывание в Союзе поставило под угрозу рабство. Строго говоря, они боролись в защиту своего права на

отделение. Но у них не было другого мотива для отделения, кроме того, что рабство должно быть сохранено и расширено. Следовательно, последовавшая война на самом деле была войной в защиту рабства. Если бы не любовь южан и антипатия северян к рабству, никакой войны не могло бы быть. Мужчины Юга пытались развалить Союз, потому что они думали, что рабство было бы безопаснее, если бы рабовладельческие штаты были самостоятельными. Мужчины Севера отказались допустить распада Союза. Они начали войну не для того, чтобы покончить с рабством. У них было не больше прав на ликвидацию рабства на Юге, чем у Англии на ликвидацию рабства на Кубе. Союз, который они любили, оказался под угрозой, и они боролись, чтобы защитить этот Союз.

ГЛАВА XIII. ДВА ПРЕЗИДЕНТА.

Мистер Линкольн был избран, согласно обычаю, в начале ноября, но вступил в должность только в марте. В этот промежуток времени президент Бьюкенен оставался у власти. Этот джентльмен был южанином по происхождению и, как всегда считалось, по симпатии. Он не препятствовал передвижениям отделяющихся штатов; более того, утверждалось, что он скорее стремился устранить препятствия на их пути. В течение всех этих зимних месяцев лидерам Юга приходилось продвигать свои приготовления к надвигающемуся конфликту. Север все еще надеялся на мир, и Конгресс занимался тщетными планами примирения. По всей стране проводились митинги, на которых выражалось горячее желание устранить причины для обид. Своевольные южане не желали слушать ни о каких компромиссах. Они разошлись бы мирно, если бы могли; в бунт и кровопролитие, если бы пришлось.

1861 год н.э. В начале февраля мистер Линкольн покинул свой дом в Иллинойсе, направляясь в Вашингтон. Соседи проводили его до железнодорожного депо, где он сказал им несколько прощальных слов. “Я не знаю, - сказал он, - как скоро я увижу вас снова. На меня возлагается долг, который, возможно, больше, чем тот, который возлагался на любого другого человека со времен Вашингтона. Он никогда бы не преуспел, если бы не помощь Божественного Провидения, на которое он всегда полагался. Я чувствую, что не смогу добиться успеха без той же божественной помощи, которая поддерживала его, и на то же самое Всемогущее Существо я полагаюсь в своей поддержке; и я надеюсь, что вы, друзья мои, все будете молиться, чтобы я мог получить ту божественную помощь, без которой я не смогу добиться успеха, но с которой успех неизбежен”.

С этими серьезными, благочестивыми словами он откланялся и приступил к выполнению своей тяжелой задачи. Его инаугурация состоялась, как обычно, 4 марта. Вокруг Капитолия собралась

огромная толпа. Мистер Линкольн до сих пор хранил молчание относительно курса, который он обдумывал в отношении отделяющихся штатов. Редко кто из мужчин ждал откровения, затрагивающего столь важные вопросы. Взволнованная толпа стояла так тихо, что до предела были отчетливо слышны слова оратора.

Он заверил южан, что их опасения необоснованны. У него не было законного права вмешиваться в рабство в Штатах, где оно существовало; у него не было ни цели, ни желания вмешиваться. Напротив, он обеспечил бы им пользование всеми правами, предоставленными им Конституцией. Но он считал, что ни одно государство не может выйти из Союза по собственному желанию. С точки зрения Конституции и законов, Союз был нерушим. Его политика будет строиться на этом убеждении. Он продолжал бы исполнять законы в отделяющихся штатах и продолжал бы владеть там федеральной собственностью, используя всю имеющуюся в его распоряжении силу. Это не обязательно повлекло бы за собой конфликт или кровопролитие. Правительство не будет нападать на недовольные Штаты, но и не потерпит вторжения в свои конституционные права. Таким образом, что касается Юга, то ему предстояло решить, быть миру или войне.

За неделю или две до инаугурации мистера Линкольна Джефферсон Дэвис начал свою карьеру в качестве президента Южной Республики. Мистер Дэвис был старым политиком. Он долгое время отстаивал право потерпевшего государства покинуть Союз; и он в значительной степени способствовал, своими речами и интригами, ускорению кризиса, который сейчас разразился. Он был образованным человеком, изящным писателем, беглым и убедительным оратором. Он был честлюбив, решителен и обладал большим опытом в управлении делами; но у него было много недостатков на высоких должностях. Его упрямство было слепым и неразумным. Он плохо разбирался в людях и не мог отличить “инструмент от препятствия”. Его моральный настрой был низким. Он научил Миссисипи, свой родной штат, отказываться от своих справедливых долгов. Великий английский государственный деятель, познакомившийся с ним за несколько лет до начала войны, назвал его одним из самых способных и самых порочных людей в Америке.

В своей инаугурационной речи мистер Дэвис проявил благоразумную сдержанность. Выступая перед всем миром — миром, который, в целом, ненавидел рабство, — он не назвал причин, которые сделали отделение необходимым. Он отстаивал право недовольного государства на отделение. Союз перестал соответствовать целям, для которых он был создан, и, осуществляя свое несомненное право, они вышли из него. Он выразил надежду, что их покойные соратники не возьмут на себя страшную ответственность мешать им в их стремлении к самостоятельной политической карьере. Если это так, то им оставалось только взяться за оружие и призвать благословение Провидения на правое дело.

Александр Х. Стивенс был вице-президентом Конфедерации. Его здоровье было плохим, а выражение лица свидетельствовало о привычных страданиях. Тем не менее он был прилежным учеником и терпеливым, если не очень мудрым, мыслителем по великим вопросам своего времени. В первые дни отделения он произнес в Саванне речь, которая быстро стала знаменитой и которая до сих пор сохраняет свой интерес как наиболее откровенное объяснение мотивов и ожиданий Юга. Старое правительство, по его словам, было основано на песке. Оно было основано на предположении о равенстве рас. Его авторы ошибочно полагали, что африканское рабство было неправильным в принципе. “Наше новое правительство, ” сказал вице-президент, “основано на прямо противоположных идеях; его основы заложены,

его краеугольный камень покоится на великой истине, что негр не равен белому человеку, что рабство является его естественным и нормальным состоянием”. Почему Создатель создал его таким, сказать было невозможно. “Не наше дело интересоваться мудростью Его постановлений или подвергать их сомнению”. Этим очень ясным заявлением вице-президента мы освобождаемся от неопределенности относительно замыслов лидеров Юга и преисполняемся благодарности за крах, постигший их злонамеренное предприятие.

Это очень любопытный, но совершенно достоверный факт, что, несмотря на усилия, предпринятые лидерами Юга, чтобы показать, что они отделились просто для сохранения рабства, в Англии было много умных людей, которые упорно утверждали, что рабство имело мало или вообще ничего общего с причиной Первой Мировой войны.

Книга четвертая.

ГЛАВА I.

НАНЕСЕН ПЕРВЫЙ УДАР.

Когда была произнесена его инаугурационная речь, мистер Линкольн был сопровожден своим предшественником на этом посту обратно в Белый дом, где они расстались — Бьюкенен, чтобы удалиться, не с почестями, в доброе забвение; Линкольн, чтобы начать ту великую работу, которая была возложена на него. В течение всего марта и вплоть до середины апреля мир очень мало слышал о новом президенте. Его редко видели в Вашингтоне. Ходили слухи, что он заболел из-за интенсивных размышлений над великой проблемой. Утверждалось, что он испытывал муки нерешительности. В Сенате предпринимались попытки добиться от него признания в его намерениях — если у него действительно были какие-либо цели. Но мрачное молчание не было нарушено. Южанка убедила себя, что он боится — что у миролюбивого, зарабатывающего деньги Севера нет сердца для борьбы. В своей тщеславной гордыне она даже была способна поверить, что большинство Северных штатов в конечном счете примут ее доктрины и присоединятся к ее правительству. Даже на Севере была партия, желавшая союза с отделившимися штатами на их собственных принципах. Было общее нежелание верить в войну. Юг так часто угрожал, и его так часто успокаивали новыми уступками, что теперь было трудно поверить, что она имела в виду что-то большее, чем создание позиции для выгодных переговоров. Во всем мире люди в тревожном ожидании ожидали разоблачения политики президента Линкольна. Коммерческое предпринимательство пришло в упадок. До тех пор, пока обитатель Белого дома не решит открыть рот и сказать, мир это или война, дела мира должны довольствоваться тем, что стоят на месте.

Молчание мистера Линкольна не было результатом нерешительности. У него были сомнения относительно того, что сделает Юг; у него не было сомнений относительно того, что сделает он сам. Он сохранит Союз; — дружеским соглашением и уступками, если это будет возможно; если нет, то войной до победного конца.

Он назначил членов своего кабинета, самым выдающимся среди которых был Уильям Х. Сьюард, его государственный секретарь. Мистер Сьюард на протяжении всей своей общественной жизни был решительным врагом рабства. Он был полностью солидарен с президентом в том, что касалось курса, которым необходимо было следовать. Его острый и энергичный интеллект и большой опыт в государственных делах подходили ему для выполнения высоких обязанностей, которые он был призван выполнять.

Как только мистер Линкольн вступил в должность, правительство Юга направило к нему послов как к иностранной державе. Эти джентльмены официально намекнули, что шесть штатов вышли из Союза и теперь образовали независимое государство. Они хотели мирным путем решить все вопросы, возникшие в результате этого разделения, и они желали встречи с Президентом, чтобы они могли приступить к делу, для которого они были назначены.

Мистер Сьюард ответил на сообщение посланников Юга. Его письмо было составлено с большой тщательностью, как того требовала его высокая важность. Тон его был спокойным и нежным, но в высшей степени ясным и решительным. Он не мог признать события, которые недавно произошли, законной и свершившейся революцией, а скорее серией неоправданных агрессий. Он вообще не мог признать новое правительство правительством. Он не мог признавать его агентов или поддерживать официальные отношения с ними. Президент не мог принимать их или допускать к какому-либо общению. В бесстрастных словах мистера Сьюарда сквозила твердая, неизменная цель северян, против которой, как уже тогда чувствовали многие, стремительный Юг действительно мог разбиться вдребезги, но ни в коем случае не мог одержать верх. Сбитые с толку послы разъехались по домам, а разгневанный Юг ускорил подготовку к войне.

В Чарльстонском заливе, предназначенный для обороны этого важного города, стоял форт Самптер, сооружение значительной мощности, способное, при наличии достаточного гарнизона, вести длительную оборону. Однако, когда начались беспорядки, там не было такого большого гарнизона. Его удерживал майор Андерсон с отрядом в семьдесят человек, плохо снабженный провизией. Конфедераты хотели овладеть фортом Самптер и надеялись когда-нибудь добиться своей цели мирным путем. Когда эта надежда покинула их, они отрезали майору Андерсону доступ к провизии и тихо начали окружать его батареями. Некоторое время они ждали, пока голод не вынудит форт сдаться. Но до них дошли слухи, что президент Линкольн отправляет корабли с провизией. 11 апреля 1861 г. н.э. Форт Самптер был немедленно вынужден сдаться. Майор Андерсон предложил отправиться в путь через три дня, если его не сменят. В ответ он получил указание, что через час начнется бомбардировка.

На рассвете 12-го числа тишина Чарльстонского залива была нарушена стрельбой из большой мортиры и визгом снаряда, пронесшегося в воздухе. Снаряд разорвался над фортом Самптер, и началась война Великого Восстания. Быстро последовали другие батареи, которыми была окружена обреченная крепость, и через несколько минут пятьдесят орудий самого большого размера выпустили в бой дробь и снаряды. Орудия обслуживались превосходно, и каждый выстрел давал о себе знать. У гарнизона не было ни провизии, ни достаточного запаса

боеприпасов. Их было семьдесят, а нападавших - семь тысяч. Все, что они могли сделать, - это оказать такое сопротивление, какого требовала честь. Надежды на успех не было никакой.

Гарнизон сначала не отвечал на вражеский огонь. Они спокойно позавтракали в безопасности бомбоубежищных казематов. Покончив с трапезой, они открыли сравнительно слабый и неэффективный огонь. Весь этот день и следующий батареи конфедерации обрушивали на форт дождь из снарядов и раскаленных докрасна снарядов. Деревянные бараки загорелись, и люди чуть не задохнулись от дыма. Бочки с порохом пришлось перекачивать через пламя в море. В ружья был заряжен последний патрон; последний сухарь был съеден; в осыпающихся стенах зияли огромные трещины. Было сделано достаточно для чести; продолжать сопротивление означало бесполезно подвергать опасности жизни храбрецов. Майор Андерсон сдал разрушенную крепость, и гарнизон вышел с боевыми почестями. Довольно любопытно, что, хотя интенсивный огонь продолжался в течение тридцати четырех часов, ни один человек ни с той, ни с другой стороны не был ранен!

Это была естественная ошибка, что Южная Каролина сочла взятие форта Самптер славной победой. Колокола Чарльстона победоносно звонили весь день; стреляли пушки; горожане были на улицах, выражая множеством клятв восторг, который вызвал этот великий успех, и свою уверенную надежду на триумфы, столь же решающие в будущем; министры благодарили; дамы махали носовыми платками; мужчины-патриоты потягивали крепкие напитки за благополучие Конфедерации. В то ясное апрельское воскресенье в городе Чарльстон царили энтузиазм и безграничное возбуждение. Увы тщете человеческих надежд! Были близки дни, и их было немало, когда эти ликующие граждане должны были сидеть в голоде, горе и отчаянии среди руин своего города и полного краха своего состояния и своей торговли.

Многие южане страстно желали войны. Конфедерация была создана уже несколько месяцев назад, и все же в нее входило всего шесть штатов. Существовало еще восемь рабовладельческих штатов, чьи симпатии, как считалось, были на стороне сепаратистов. Ожидалось, что они присоединятся, но оказалось, что внутри них существует лояльность к Союзу, достаточно сильная, чтобы отсрочить их отделение. Среди волнений, которые разожжет война, эта лояльность, как надеялись, исчезнет, и колеблющиеся государства будут вынуждены соединить свое состояние с состоянием своих более решительных сестер. Падение форта Самптер было больше, чем военным триумфом. Это более чем удвоило бы силы Конфедерации и сразу подняло бы ее до ранга великой державы. Поэтому повсюду на Юге царила дикая, ликующая радость. И не без причины; Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси, Арканзас и Техас теперь присоединились к своим сестрам в отделении.

На Севере цепко цеплялись за надежду, что мир в стране не будет нарушен. Эта мечта была грубо нарушена осадой форта Самптер. Север внезапно осознал ужасную уверенность в том, что началась гражданская война. Было глубокое чувство негодования по отношению к предателям, которые были готовы разрушить свою страну, чтобы рабство было безопасным. Присутствовало полное осознание опасности и мгновенная всеобщая решимость сохранить жизнь нации любой ценой. Личные жертвы не принимались во внимание; индивидуальные интересы сливались воедино во имя общего блага. Политические разногласия, обычно столь острые, на время были почти стерты. Ничто не представляло интереса, кроме вопроса о том, как подавить это дерзкое восстание и удержать американскую нацию на том великом месте, на которое она претендовала среди людей.

Через два дня после падения форта Самптер мистер Линкольн в своем заявлении намекнул на позор, нанесенный законам Соединенных Штатов, и призвал ополчение численностью семьдесят пять тысяч человек. Свободные Штаты с энтузиазмом откликнулись на призыв. Их действия были настолько оперативными, что уже на следующий день в Вашингтон прибыли несколько компаний. Разгоряченные своей легко одержанной победой, южане хвастливо говорили о захвате столицы. За очень короткий промежуток времени появилось пятьдесят тысяч верных людей, готовых предотвратить это, и безопасность Вашингтона была обеспечена.

Север с безграничной энергией продвигал свои военные приготовления. Богатые люди предлагали деньги с такой щедростью, что за несколько дней было внесено почти пять миллионов фунтов стерлингов. Школьные учителя Бостона выделяли фиксированную долю своих доходов на поддержку правительства, пока продолжалась война. По всей стране взволнованные люди собирались на многочисленные митинги и горячо заявляли о своей решимости потратить состояние и жизнь на защиту Союза. Быстро формировались добровольческие отряды. В городах дамы начали организовываться для оказания помощи больным и раненым солдатам. Ходили слухи, что Север не будет воевать. С пылкой быстротой, невиданной ранее в современной истории, люди бросились к оружию.

И все же с обеих сторон существовало убеждение, что война будет короткой. Юг, презиравший неопытного в войне противника и тщетно надеявшийся, что европейские державы вмешаются, чтобы обеспечить свои завоеванные запасы хлопка, ожидал, что еще несколько побед принесут мир. Север по-прежнему рассматривал отделение не более чем как гигантский бунт, который она предложила подавить в течение девяти дней. Правда странным образом отличалась от преобладающего мнения того времени. Энергичный народ численностью в шесть миллионов человек, занимающий плодородную территорию площадью почти в миллион квадратных миль, восстал против правительства. Задача, поставленная Севером, заключалась в том, чтобы покорить этот народ и силой оружия вернуть его и его территорию обратно в состав Союза. Вряд ли это было легким делом.

ГЛАВА II.

БИТВА При БУЛЛ-РАНЕ.

Когда Север приступил к выполнению своей задачи, повстанцы все еще угрожали его собственной столице. В двух или трех милях вниз по течению Потомака, прямо на виду у Вашингтона, раскинулся старомодный, приходящий в упадок виргинский городок Александрия, где столетие назад несчастный Брэдок высадил свои войска. Флаг Конфедерации развевался над Александрией. Отряд повстанцев шел маршем к Харперс-Ферри, в сорока милях от

Вашингтона; и поскольку правительственные здания там невозможно было защитить, они были сожжены. Велись приготовления к захвату Арлингтонских высот, с которых Вашингтон можно было легко обстреливать. На перекрестке Манассас, в тридцати милях отсюда, стояла лагерем армия повстанцев. Многим иностранным наблюдателям казалось, что Север мог бы отбросить всякую мысль о нападении и быть вполне довольным, если бы ей удалось защитить то, что у нее еще оставалось.

Но северяне, никогда не сомневавшиеся ни в своем праве, ни в своей силе, смело взялись за дело. Первое, что нужно было сделать, это запереть мятежников, чтобы никакая помощь не могла прийти к ним из внешнего мира. Они могли выращивать достаточно пищи; но они были народом, который мало что мог сделать. Они нуждались в поставках из Европы оружия и боеприпасов, одежды, медикаментов. Им нужны были деньги, которые они могли получить, только отправляя свой хлопок. Прекратить их сношения с Европой означало нанести удар, который сам по себе оказался бы почти смертельным. Через четыре дня после падения форта Самптер мистер Линкольн объявил о блокаде всех портов повстанцев. Прошло немного времени, прежде чем у него набралось достаточно кораблей, чтобы сделать блокаду эффективной. Но через несколько недель это было сделано, и все порты повстанцев были закрыты. Установленная таким образом хватка никогда не ослабевала. Пока длилась война, Юг получал иностранные поставки только с судов, которые вели отчаянную торговлю в условиях блокады.

Отделение Вирджинии завершилось 23 апреля. На следующее утро федеральные войска захватили и укрепили Александрию и Арлингтонские высоты. В западных районах Вирджинии люди были настолько не склонны к отделению, что хотели утвердиться как отдельный штат, лояльный Союзу. Без особых проблем силы повстанцев были изгнаны из этого региона, и Западная Вирджиния была возвращена в состав Союза. Нелояльный губернатор Миссури предпринял отчаянные попытки вывести свой штат из состава Союза вопреки желанию большинства населения. Оказалось возможным отбить усилия сепаратистов и удержать Миссури. На протяжении всей войны этот штат был сильно опустошен набегами южан, но она твердо сохраняла свою лояльность.

Таким образом, в начале войны Север получил существенные преимущества. Однако они не обладали достаточно блестящим характером, чтобы полностью удовлетворить ожидания возбужденного народа. Великая битва должна быть выиграна. Правительство, неразумно уступив давлению, приказало своим недостаточно дисциплинированным войскам выдвинуться вперед и атаковать повстанцев на их позиции у перекрестка Манассас.

Генерал Борегар находился в Манассасе с силами повстанцев, численность которых по разным оценкам составляла от тридцати до сорока тысяч человек. Перед его позицией протекал небольшой ручей Булл-Ран в узкой, поросшей лесом долине — местность с обеих сторон поднималась “утесами”, увенчанными частыми участками густого леса. Генерал Мак-Дауэлл двинулся в атаку на него с армией, примерно равной по силе. 21 июля 1861 г. н.э. Ранним воскресным утром армия выступила из своих штабов в Сентервилле. Марш был не более десяти миль, но день был жаркий, и люди еще не привыкли к лишениям. Было десять часов, когда сражение действительно началось. С высот на северном берегу ручья федеральная артиллерия вела огонь по врагу. Южная линия фронта растянулась почти на десять миль, и Мак-Дауэлл надеялся, нанеся удар превосходящими силами по точке справа от противника, привести всю

его линию в замешательство. Тяжелые массы пехоты перешли ручей вброд и начали атаку. Южане сражались храбро и умело, но в момент атаки они уступали в численности и были отброшены назад. Битва распространилась далеко по лесу, и вскоре в каждой рощице было по группе убитых и раненых. К трем часам дня федералы сочли сражение выигранным, поскольку противник, хотя и продолжал сражаться, отступал. Но в этот час железнодорожные составы подошли вплотную к полю битвы с пятнадцатью тысячами свежих южан, рвущихся в бой. Эти новые силы были спешно приведены в действие. Измученные федералы не могли вынести ярости атаки; они сломались и бежали вниз по склону холма. С неопытными войсками размеренное и организованное отступление невозможно; за поражением быстро следует паника. Люди, которые так храбро сражались весь день, теперь в диком замешательстве поспешили покинуть поле боя. Дорога была забита беспорядочной массой багажа - фургонами, артиллерией, обезумевшими от страха солдатами и гражданскими лицами, а также кавалерией, бешено мчавшейся сквозь дрожащую толпу. Но южане не пытались преследовать их, и паника прошла. Однако почти не было предпринято попыток остановить бегство. Порядок не был восстановлен до тех пор, пока измученные люди не вернулись в Вашингтон.

Это было первое крупное сражение войны, и его результаты имели огромное значение. Оптимистичные люди Юга приветствовали это как решающий фактор их окончательного успеха. Президент Дэвис рассчитывал на немедленное признание Конфедерации Великими державами Европы, что теперь несомненно. Газеты приняли как непреложную истину, что "один южанин был равен пяти янки". Через шесть лет начались интриги по поводу наследования президентского кресла. Между Штатами возник спор относительно местоположения столицы. Успех Конфедерации считался несомненным. Набор в армию затягивался; едва ли стоило подвергаться неудобствам, связанным с борьбой за дело, которое уже было победоносным.

Поражение при Манассасе научило жителей Севера тому, что задача, которую они взяли на себя, была более тяжелой, чем они предполагали, но это не поколебало их твердой решимости выполнить ее. На следующий день после битвы, когда разгромленная армия врывалась в Вашингтон, Конгресс проголосовал за выделение пятисот миллионов долларов и призвал полмиллиона добровольцев. Несколько дней спустя Конгресс единогласно постановил, что подавление восстания было священным долгом, от выполнения которого не должны препятствовать никакие бедствия; для этого они обязались задействовать все ресурсы, национальные и индивидуальные. "Выбрав наш курс," сказал мистер Линкольн, "без лукавства и с чистой целью, давайте обновим наше доверие к Богу и пойдем вперед без страха и с мужественными сердцами". Дух Севера поднялся по мере того, как величие предприятия стало очевидным. Там не думали ни о каком другом исходе национальной агонии, кроме свержения национального врага. Молодежь страны толпилась в рядах. Патриотический порыв владел как богатыми, так и бедными, и сыновья состоятельных людей держали на плечах мушкет бок о бок с нищими детьми тяжелого труда. Однажды, по какой-то случайности, деньги, которые должны были быть выплачены полку Новой Англии, не поступили вовремя. Рядовой в полку выписал чек на сто тысяч долларов, и солдатам заплатили. Христианские церкви оказали серьезную поддержку войне. В некоторых западных церквях мужчины записывались в армию почти без исключения. Иногда их сопровождали служители. Учителя субботних школ и члены христианских ассоциаций молодых мужчин были замечательны тем рвением, с которым они повиновались призыву своей страны. Это уже не была короткая война и легкая победа, на

которые рассчитывал Север. Гигантский характер борьбы был наконец признан, и Север, наказанный, но не испуганный, начал готовиться к борьбе, от исхода которой зависело его существование.

ГЛАВА III.

“ВПЕРЕД, В РИЧМОНД”.

Генерал Мак-Дауэлл привел армию Севера к поражению, которое, естественно, поколебало доверие общественности к его способности командовать. Новый генерал был незаменим. Когда началась война, молодой человек по имени Джордж Б. Макклеллан проживал в Цинциннати, мирно занимаясь управлением железной дорогой. Он прошел обучение в Вест-Пойнте и имел высокую репутацию военного. Несколькими годами ранее Джефферсон Дэвис сказал мистеру Кобдену, что Макклеллан был одним из лучших генералов, которыми располагала страна. Он был искусен в конструировании и организации, но его способность успешно руководить передвижениями огромных армий, вовлеченных в настоящие военные действия, все еще оставалась недоказанной.

Генерал Макклеллан был назначен командующим армией через несколько дней после поражения при Булл-Ране, и люди возлагали большие надежды на то, что он вот-вот принесет народу победу над их врагами. Он сразу же приступил к выполнению своей задачи. Люди из всех штатов Севера поспешили под его знамена. Он дисциплинировал их и усовершенствовал их снаряжение для полевых действий. В октябре он стоял во главе двухсот тысяч человек — самой большой армии, когда-либо виденной на американском континенте.

Правительство повстанцев, которое сначала выбрало своим домом город Монтгомери в Алабаме, переехало в Ричмонд, как только Вирджиния неохотно присоединилась к делу отделения. Ричмонд, веселая столица Старого Доминиона, восседает, как королева, на высоком плато, с глубокими долинами, обрамляющими его с востока и запада, и рекой Джеймс, протекающей далеко внизу на юге, — всего в нескольких милях от того места, где два с половиной столетия назад обосновались “распутные” отцы колонии. До Вашингтона всего тридцать миль. Воюющие правительства находились на расстоянии нескольких часов пути друг от друга.

Верховное командование силами повстанцев было возложено на генерала Роберта Э. Ли — одного из величайших солдат современности. Он был спокойным, вдумчивым, непритязательным человеком, чья доброта снискала ему всеобщую любовь. Он был противником отделения, но, полагая, как и все остальные, что он полностью верен своему

собственному штату, он отделился вместе с Вирджинией. Перед ним стояла трудная задача - почти всегда бороться с силами, превосходящими его собственные, и за счет собственного мастерства и гения использовать скудные ресурсы Конфедерации. Его непревзойденные способности поддерживали войну еще долго после того, как исчезла всякая надежда на успех; и когда, наконец, он сложил оружие, даже страна, против которой он сражался, гордилась своим заблудшим, но благородным сыном.

Томас Джексон— более известный как “Каменная стена Джексон”, был самым известным из генералов Ли. В нем мы видим странное свидетельство того влияния, которое рабство оказывает на лучших из людей. Он был поистине героическим человеком — храбрым, великодушным, набожным. Его военное чутье было безошибочным; его решение было быстрым, как молния. Он вставал рано утром, чтобы почитать Священные Писания и помолиться. Он отдавал десятую часть своего дохода на религиозные нужды; он преподавал в воскресном классе для негритянских детей; он читал лекции о подлинности Священного Писания; когда он опускал письмо на почту, он молился о благословении человека, которому оно было адресовано. Когда его солдаты маршировали мимо его прямой, неподвижной фигуры навстречу врагу, они увидели, как шевелятся его губы, и поняли, что их предводитель молится за них Тому, кто “покрывает голову в день битвы”. И все же этот добрый человек приказал выпороть своих негров — мужчин и женщин - когда счел эту суровость необходимой. И все же он рекомендовал Югу “не брать пленных” — другими словами, уничтожать врагов, переставших сопротивляться. До конца своей жизни он придерживался мнения, что отказ от этой политики был ошибкой. Так фатально самые благородные умы становятся запятнанными ассоциациями рабовладельческого общества.

Осенью и в начале зимы 1861 года погода стояла необычайно хорошая, и, следовательно, дороги были в отличном состоянии для марша армии. Силы повстанцев были разбросаны по Вирджинии — некоторые из них находились в пределах видимости от Вашингтона. Былопонятно, что вокруг Ричмонда было мало войск. Макклеллану с его великолепной армией казалось легким подавить любое слабое сопротивление, которое могло быть оказано, и войти маршем в столицу повстанцев. Много недель народ и правительство терпеливо ждали. Они и раньше были слишком поспешны; они не стали бы снова преждевременно подталкивать своего генерала к битве. Но прошли осенние месяцы, а никакого удара нанесено не было. Наступала зима, а на Потомаке по-прежнему “все было спокойно”. Макклеллан в серии блестящих ревью представил свою великолепную армию, вызвав восхищение соотечественников; но он еще не был готов сражаться. Страна терпела отсрочку в течение шести месяцев. Затем это стало невыносимым, и в январе мистер Линкольн издал безапелляционный приказ о начале движения против врага. Теперь Макклеллан составил план операций и к концу марта был готов приступить к своей работе.

К юго-востоку от Ричмонда реки Джеймс и Йорк впадают в Чесапикский залив на расстоянии друг от друга около двадцати миль. Течение рек почти параллельное, а область между ними известна как полуостров. Макклеллан переправил свою армию вниз по Потомаку, высадился в крепости Монро и приготовился двинуться на Ричмонд через полуостров.

Перед ним лежал маленький городок Йорктаун— где восемьдесят лет назад Война за независимость завершилась капитуляцией английской армии. Йорктаун удерживали одиннадцать тысяч повстанцев. У Мак'Клеллана было более ста тысяч хорошо

дисциплинированных людей, жаждущих битвы. Но он счел неразумным штурмовать это место и предпочел действовать в форме формальной осады. Повстанцы подождали, пока он будет готов открыть огонь по своим батареям, а затем тихо ушли.

Макклеллан медленно продвигался вверх по полуострову. Через шесть недель он был в нескольких милях от Ричмонда, перед войсками, которые повстанцы активно собирали для защиты своей столицы. Теперь эти силы были настолько сильны, что Макклеллан счел себя в меньшинстве и искал защиты у своих канонерских лодок на реке Джеймс. Осмелевшие повстанцы атаковали его отступающие ряды. Его марш к реке Джеймс занял семь дней, и каждый день происходило сражение. Почти всегда преимущество в бою было у федералов. Всегда после боя они возобновляли отступление. Однажды они отбросили врага, нанеся ему сокрушительное поражение. Их надежды возросли вместе с успехом, и они потребовали, чтобы их отвели обратно в Ричмонд. Макклеллан уклонился от великого предприятия, которое открывалось перед ним, и не отдыхал от своего похода, пока не оказался в безопасности, укрытый канонерскими лодками на реке Джеймс. Он потерял пятнадцать тысяч человек, но мятежники пострадали еще больше. Говорили, что отступление было проведено умело, но американский народ был не в настроении ценить заслуги вождя, который был велик только в бегстве. Их разочарование было сильным. Лидеры южан благоговейно возносили “вечную благодарность Богу” за свой великий успех и с возрастающей уверенностью ожидали своей окончательной победы над врагом, атаки которого, казалось, было так легко отразить.

И это был не единственный успех, увенчавший оружие повстанцев. Самое замечательное сражение войны произошло, когда Макклеллан готовился к своему наступлению; и оно закончилось победой повстанцев.

В самом начале войны конфедераты подумали о военном корабле, защищенном железом. Они захватили старый фрегат, который федералы потопили в реке Джеймс. Они обшили его железными пластинами; они покрыли его крышей из железных перил. На носу корабля, ниже ватерлинии, они установили обитый железом выступ, который можно было вбить в борт противника. Они вооружили ее десятью пистолетами большого размера.

Механические ресурсы Конфедерации были неисправны, и на подготовку этой новой конструкции ушло восемь месяцев. 1862 год н.э. Однажды мартовским утром она медленно плыла по реке Джеймс в сопровождении пяти небольших судов обычного типа. Мощный северный флот охранял устье реки. "*Вирджиния*" — так назывался "закованный в железо" — шла прямо на вражеские корабли. Она не сделала ни единого выстрела; ни один человек не появился на ее палубе. Федералы атаковали ее меткими выстрелами; но пули безвредно отскочили от ее бортов. Она направилась к "*Камберленду*", в борт которого врезалась своим вооруженным носом. В борту "*Камберленда*" открылась огромная трещина, и доблестный корабль пошел ко дну с сотней человек команды на борту. *Вирджиния* затем атаковала федеральный корабль *Конгресса*. На расстоянии двухсот ярдов она открыла огонь из своих орудий по этому злополучному судну. *Congress* сел на мель и не мог оказать эффективного сопротивления. Понесся тяжелые потери, он был вынужден сдаться. Приближалась ночь, и "*Вирджиния*" отчалила, намереваясь возобновить свою работу завтра.

Рано утром следующего дня — ясным воскресным утром — она вышла в море и направилась к "*Миннесоте*" — федеральному судну, которое посадили на мель, чтобы оказаться вне пределов ее досягаемости. "*Миннесота*" все еще сидела на мели и была беспомощна. Однако рядом с

ней, как заметили люди на борту "*Вирджинии*", находилось таинственное сооружение, не похожее ни на что, что они когда-либо видели раньше. Ее палуба едва виднелась над водой, и на ней не было ничего, кроме железной башни высотой в девять футов. Это был *Монитор*, спроектированный капитаном Эрикссоном; первый из класса бронированных башенных кораблей. По исключительной случайности она появилась так кстати. Двое закованных в железо воинов померялись силами в бою, но их выстрел не произвел впечатления, и после двух часов интенсивной, но безрезультатной стрельбы они разделились, и *Вирджиния* отступила вверх по реке Джеймс.

Это сражение открыло новую эру в морской войне. Правительство Вашингтона поспешило построить башенные корабли. Все европейские правительства, осознав бесполезность кораблей старого типа, приступили к перестройке своих военно-морских сил в соответствии с тем, что им дали действия "*Вирджинии* и "*Монитора*.

Попытки Севера сокрушить силы повстанцев в Вирджинии явно провалились. Но военные операции не ограничивались Вирджинией: в этой войне полем битвы был континент. За много сотен миль от места безуспешных попыток Макклеллана знамя Союза продвигалось по восставшей территории. Север стремился оккупировать Пограничные штаты и вернуть себе линию Миссисипи, таким образом отрезав Техас, Луизиану и Арканзас от других участников сепаратистского предприятия и усовершенствовав блокаду, которая теперь эффективно поддерживалась на атлантическом побережье. Войск было достаточно для проведения этих масштабных операций. К 1 декабря 1861 года шестьсот сорок тысяч человек записались на войну. Север, теперь основательно встревоженный, вооружил и обучил эти огромные войска. Ее литейные цеха работали день и ночь, отливая пушки и мортиры. Ее собственные ресурсы не могли производить с достаточной скоростью канонерские лодки, в которых она нуждалась для утверждения своего господства в западных водах, но она заручилась помощью строительных верфей Европы. Все, что могли сделать богатство и энергия, было сделано. В то время как конфедераты бездейательно полагались на трудности страны и личную доблесть своих солдат, Север собрал силы, которым ничто на континенте не могло долго противостоять. На юге и западе были достигнуты результаты, вполне достойные этих обширных приготовлений.

1861 год н.э. Осенью сильный флот был отправлен на юг, к побережью Каролины. С легкостью преодолев небольшое сопротивление, которое смогли оказать форты повстанцев, экспедиция овладела Порт-Ройялем и, таким образом, контролировала большой участок территории повстанцев. Это был район выращивания хлопка, на котором работали исключительно рабы. Хозяева сбежали, но рабы остались. Здесь был проведен первый эксперимент, чтобы доказать, будет ли негр трудиться, если его не принуждать плетью, и результаты были самыми обнадеживающими. Негры работали бодро и терпеливо, и многие из них разбогатели благодаря легкому труду на этой плодородной земле.

На западе война велась энергично и успешно. Генералу Гранту — сильному, упрямому, молчаливому человеку, которому вскоре суждено было стать главнокомандующим и президентом, - была поручена работа по изгнанию повстанцев из Кентукки и Теннесси. Его канонерские лодки бороздили великие реки этих Штатов и принимали эффективное участие в сражениях, которые там велись. Повстанцы были вытеснены на юг, пока весной 1862 года пограничная линия территории повстанцев больше не ограничивала Кентукки. Даже Теннесси удерживался ослабленной и неуверенной хваткой.

В марте 1862 года в Арканзасе, за Миссисипи, произошла битва при Пи-Ридж, которая длилась более трех дней и в которой повстанцы потерпели сокрушительное поражение. Отныне у повстанцев не было опоры ни в Миссури, ни в Арканзасе.

Новый Орлеан пал в апреле. Адмирал Фаррагут с мощным флотом прорвался сквозь форты и канонерские лодки, которые составляли недостаточную оборону города. Не было армии, способной противостоять ему. Он высадил небольшую группу морских пехотинцев, которые спустили флаг Отделения и восстановили флаг Союза. Люди молча наблюдали, как город таким образом легко и навсегда отошел от власти Конфедерации.

Когда пришло известие об этих бедствиях, в столице повстанцев воцарилось уныние. Но дух народа не был сломлен, и правительству было рекомендовано принять меры, сравнимые с чрезвычайными. Был принят закон, предоставлявший в распоряжение правительства каждого мужчину в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Был прекращен призыв на короткие сроки. Отныне делом южан должна стать война, и каждый мужчина должен следовать зову своей страны. Этот закон на какое-то время обеспечил достаточное количество солдат и возвестил о тех блестящих успехах, которые поддерживали обманчивую надежду на то, что рабовладельческая держава утвердится в качестве одной из Великих держав мира.

ГЛАВА IV. СВОБОДУ ПЛЕННИКУ.

Рабовладельческий вопрос, из-за которого возникло восстание, в течение некоторого времени представлял серьезные трудности для правительства Севера. Когда северные армии пробивались на юг, к ним стекались беглые рабы. Эти рабы были верноподданными; их владельцы были вооруженными повстанцами против правительства. Могло ли правительство признать право мятежника владеть лояльным человеком? Опять же: труд рабов способствовал поддержке восстания. Разве не было очевидной необходимостью войны, чтобы правительство лишило восстание этой поддержки, освободив всех рабов, до которых могла дотянуться его власть? Но, с другой стороны, некоторые рабовладельческие государства оставались лояльными. Над своими рабами правительство не имело никакой власти, и требовалось проявлять большую осторожность, чтобы не было принято никаких мер, на которые они могли бы справедливо жаловаться.

Президент всю свою жизнь был непримиримым противником рабства, но он никогда не забывал, что, каковы бы ни были его собственные чувства, он строго связан законом. Его долгом как президента было не уничтожить рабство, а спасти Союз. Когда придет время свергнуть эту проклятую систему, он сделает это с радостным сердцем. Тем временем он сказал: “Если бы я мог спасти Союз, не освобождая ни одного раба, я бы это сделал; если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы это сделал; и если бы я мог спасти его, освободив одних и оставив других в покое, я бы это сделал”.

С самого начала войны беглые рабы толпились в пределах федеральной границы. Они были готовы выполнять любую работу или сражаться за дело, которое, как они все знали, было их собственным. Но Север еще не освободился от своей обычной нежности к южным институтам. Негры еще не могли быть вооружены. Более того, владельцам беглых рабов было разрешено проникать на северные рубежи и насильно увозить обратно свое имущество. 26 мая 1861 года нашей эры генерал Макклеллан пообещал себе не только избегать вмешательства в дела рабов, но и железной рукой подавлять любые попытки восстания с их стороны. 31 августа. Генерал Фремон, командующий войсками в Миссури, издал приказ, который давал свободу рабам лиц, сражавшихся против Союза. Президент, еще не считая эту меру необходимой, отклонил ее. Немного позже было предложено вооружить чернокожих, но и против этого президент возразил. Он не сделает ничего преждевременного, что могло бы оскорбить лояльные Рабовладельческие штаты и тем самым помешать восстановлению Союза.

Но на войне мнение созревает быстро. Под руководством этого сурового учителя люди быстро научились рассуждать о том, что, поскольку рабство вызвало восстание, с рабством следует покончить. Конгресс собрался в декабре с идеями, которые решительно указывали на отмену рабства. Были приняты меры, которые ознаменовали великую эпоху в истории рабства. Рабы людей, выступивших с оружием в руках против правительства, были объявлены свободными. Цветные мужчины могли быть вооружены и использоваться в качестве солдат. Рабство было отменено в округе Колумбия. Рабство было навсегда запрещено на всех Территориях. Каждый раб, сбежавший в армию Союза, должен был быть свободным. Везде, куда могла дотянуться власть Конгресса, рабству теперь пришел конец.

Но кое-что все же оставалось. Общественные настроения на Севере усилились в пользу немедленной и безоговорочной эмансипации всех рабов в пределах восставших Штатов. На Линкольна настаивали. Он долго колебался; не из-за нежелания, а потому, что хотел, чтобы общественное мнение основательно сформировалось, прежде чем он сделает этот решительный шаг. Наконец его курс был определен. Июль 1862 г. н.э. Он составил Прокламацию, которая дала свободу всем рабам в мятежных штатах. Он созвал заседание своего кабинета, которое сердечно одобрило эту меру. После Нового 1863 года все лица, обращавшиеся в рабство на отделившейся территории, были объявлены свободными. “И в связи с этим актом, — так заканчивалось Воззвание, — который, как я искренне считаю, является актом справедливости, гарантированным Конституцией в связи с военной необходимостью, я призываю к разумному суждению человечество и милостивое расположение Всемогущего Бога”.

Этот документ — один из самых запоминающихся из всех государственных документов — дал свободу более чем трем миллионам рабов. Он не касался рабства в лояльных Штатах, поскольку

там президент не имел полномочий вмешиваться. Но все знали, что это означало отмену рабства как в лояльных, так и в мятежных Штатах. Отныне рабство стало невозможным ни на одной части американской территории.

Глубокое значение этой великой меры было наиболее полно осознано народами Севера. Церкви возблагодарили Бога за исполнение их давнего желания. Конгресс выразил свое сердечное одобрение. Бесчисленные общественные собрания пришли к выводу, что действия президента заслуживают поддержки страны. Радостно зазвонили колокола в больших городах и тихих деревнях востока, а также в зарождающихся поселениях далекого запада. Чарльз Самнер попросил у президента ручку, которой была подписана Прокламация. Первоначальный вариант документа впоследствии был продан за крупную сумму на ярмарке, проходившей в Чикаго в пользу солдат.

Юг тоже прекрасно понимал эту сделку. Это было триумфальное и окончательное выражение того отвращения северян к рабству, которое спровоцировало рабовладельцев на восстание. Это сделало примирение невозможным. Президент Дэвис сказал своему Конгрессу, что это успокоит опасения тех, кто опасается восстановления старого Союза.

Горько осознавать, что английское правительство совершенно неправильно поняло эту меру. Его официальное заявление по этому поводу было насмешливым. Эрл Рассел, тогдашний министр иностранных дел, написал нашему послу в Вашингтоне, что Провозглашение было “мерой весьма сомнительного рода”. “Он провозглашает, ” продолжил он, - освобождение рабов там, где Соединенные Штаты не могут воплотить эмансипацию в реальность, но никого не освобождает там, где указ может быть приведен в исполнение”. Таким несовершенным образом эрл Рассел все же смог осмыслить эту памятную страницу современной истории.

ГЛАВА V. УСПЕХИ КОНФЕДЕРАЦИИ.

Позорный провал Макклеллана разочаровал, но не обескуражил северян. Пока Макклеллан спешно покидал Ричмонд, губернаторы семнадцати штатов заверили президента в готовности своего народа предоставить войска. Президент призвал дополнительно триста тысяч человек, и его призыву незамедлительно подчинились.

Макклеллан два месяца пролежал в безопасности, но бесславно, рядом со своими канонерскими лодками на реке Джеймс. Генерал Ли, справедливо полагая, что нечего опасаться армии, которой так слабо командуют, двинулся на север с большими силами и

угрожал Вашингтону. Федеральные войска вокруг столицы значительно уступали по численности. Президент Линкольн вызвал Макклеллана на север. Макклеллан, как обычно, был не готов; и небольшой федеральной армии под командованием генерала Поупа пришлось справляться с врагом без посторонней помощи. Поуп потерпел тяжелое поражение при Манассасе и удалился в укрепления Вашингтона.

17 сентября 1862 г. н.э. генерал Ли теперь был достаточно силен, чтобы перенести войну на Северную территорию. Он захватил Харперс-Ферри и вошел в Мэриленд. Макклеллан, наконец, был побужден к действию, и, отведя свои войска на север, он атаковал Ли у Антиетама. Армия северян значительно превосходила противника численностью. Битва была долгой и кровопролитной. Когда на измученных бойцов опустилась темнота, решающего преимущества добиться не удалось. Генералы Макклеллана настаивали на возобновлении атаки на следующее утро. Но этого сделано не было, и генерал Ли пересек Потомак и беспрепятственно отступил в Виргинию. Макклеллан возобновил свое обычное бездействие. Президент приказал ему преследовать врага и дать сражение. Он даже пожелал, чтобы тот двинулся на Ричмонд, до которого он смог добраться раньше, чем там мог оказаться Ли. Тщетно. Макклеллан не мог пошевелиться. У его лошадей болели языки и спины; они хромали; они валились с ног от усталости. Линкольн и без того был чрезмерно терпелив. Но страна больше не могла терпеть. 5 ноября 1862 года нашей эры генерал Макклеллан был отстранен от командования армией, мощь которой ему так долго удавалось нейтрализовать; и его место занял генерал Бернсайд.

Бернсайд немедленно двинул свою армию на юг, поскольку было еще не слишком поздно для кампании в Вирджинии. Он достиг берегов Раппаханнока, недалеко от маленького городка Фредериксбург. Ему пришлось ждать там много утомительных дней, пока он не получил средства переправиться через реку. Пока он лежал, теряя терпение, генерал Ли сосредоточил все силы под своим командованием на высотах, которые круто поднимались с противоположного берега ручья. Он возвел земляные укрепления и сильно укрепил свою позицию. Там он спокойно ожидал нападения, которое, как он знал, мог отразить.

Когда Бернсайд смог пересечь реку Раппаханнок, он, не теряя времени, предпринял свою атаку. Одна часть его войск должна была нанести удар по врагу на его правом фланге; остальные продвигались прямо вверх по высотам и атаковали его с фронта. Небольшой успех флангового обхода приободрил генерала Бернсайда. Но в центре его войска перешли в атаку под сильным артиллерийским огнем, в результате которого пало много храбрецов. Солдаты-северяне с непоколебимой отвагой пробивались на высоту. Они превосходили их численно, но повстанцы сражались в безопасности на неприступной позиции. Битва была не справедливым испытанием мастерства и мужества, а бесполезной тратой жизней храбрецов. Бернсайд отвел свои войска и снова переправился через Раппаханнок, потеряв двенадцать тысяч человек - напрасно пожертвованных в попытке совершить невозможное.

На западе не было больших успехов, которые могли бы уравновесить длинную череду побед Конфедерации на востоке. Год завершился мрачно для надежд тех, кто стремился сохранить Союз. Юг с уверенностью считал, что его независимость обеспечена. Преобладающее мнение в Европе рассматривало предприятие, которое Север проводил так решительно, как совершенно невозможное. Но народ и правительство Севера никогда не отчаивались в Содружестве. В самый мрачный период борьбы был принят законопроект о строительстве железной дороги к Тихому океану. Закон о приусадебных участках предлагал иммигрантам

радушный прием в виде бесплатного предоставления каждому ста шестидесяти акров земли. И правительство, как бы со спокойной душой и без нагрузки, начало расширять и украшать свою Столицу в масштабах, достойных ожидаемого величия воссоединенной страны.

ГЛАВА VI. ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

До сих пор мужчины, сражавшиеся на стороне Севера, были добровольцами. Они пришли по призыву президента, готовые отдать свои жизни за свою страну. Число добровольцев уже достигло миллиона с четвертью. Но это число, к сожалению, сократилось из-за ран, болезней и плена, а армии Севера не показали себя достаточно сильными, чтобы подавить восстание. В 1863 году нашей эры был принят Закон, который обязывал все мужское население в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет выполнять воинскую повинность, когда требовалась их служба. Теперь любого мужчину подходящего возраста можно было принудительно принять в ряды армии.

Блокада южных портов на многие месяцы привела к почти полной изоляции конфедератов от внешнего мира. Время от времени мимо блокадной эскадры проходил корабль, груженный оружием, одеждой и медикаментами, и выгружал свои драгоценные товары в Южном порту. Время от времени корабль, груженный хлопком, отчаливал и благополучно выходил в море. Но эта опасная и скудная торговля не приносила заметного облегчения нужде, которая уже начала нависать над этим обреченным народом. Правительство могло найти достаточно солдат, но оно не могло найти для них оружия и одежды. Железные дороги невозможно было поддерживать в рабочем состоянии из-за отсутствия иностранного железа. Хуже всего было то, что начала угрожать нехватка продовольствия. 10 апреля 1863 года Джефферсон Дэвис умолял свой народ отбросить все мысли о выгоде и посвятить себя сбору припасов для армии. Даже сейчас армия часто имела неполный запас хлеба. Юг мог с справедливой гордостью оглядываться назад на длинную череду блестящих побед, одержанных скудными средствами, благодаря ее собственной доблести и гению. Но даже в этот час триумфа было очевидно, что ее положение было отчаянным.

Север еще не полностью установил свое господство на Миссисипи. Два опорных пункта повстанцев — Вicksburg и Порт-Гудзон - успешно отразили нападение федеральных войск и поддерживали связь между восставшими провинциями по обе стороны великой реки. Их ослабление было необходимо. Это важное предприятие было поручено генералу Гранту, и в феврале он приступил к своей работе.

Грант оказался со своей армией не на той стороне города. Он находился выше по течению от Висксбурга и не мог надеяться отвоевать это место атаками с этой стороны. Он также не мог легко провести свою армию и осадные орудия через болота и озера, которые простирались за городом. Казалось слишком рискованным вести его транспорты мимо орудий Висксбурга. Он попытался прорубить новое русло для реки, по которому мог бы безопасно переправить свою армию. Недели были потрачены на тщетные попытки, и страна, которая еще не научилась доверять Грантам, стала проявлять нетерпение к непродуктивному труду. Грант, ничуть не смущенный провалом своего проекта, принял новую и более обнадеживающую схему. Он переправил своих солдат на западный берег Миссисипи и повел их маршем на юг, пока они не оказались ниже Висксбурга. Там их переправили через реку, и тогда они оказались в пределах досягаемости от самой слабой части города. Транспортам было приказано атаковать батареи Висксбурга и воспользоваться шансами этого предприятия.

Когда Грант достиг должности, к которой стремился, перед ним стояла трудная задача. Одна большая армия удерживала Висксбург; другая большая армия собиралась на помощь находящейся под угрозой крепости. Вскоре Грант оказался между двумя армиями, которые, объединившись, значительно превосходили его численностью. Но у него не было намерения, чтобы они объединились. Он подробно атаковал их, и каждое его действие было успешным. Конфедераты были отброшены к городу, который затем был плотно обложен.

В течение шести недель Грант вел осаду с яростной энергией, которая не давала покоя осажденным. Генерал Джонстон был недалеко, собирая армию для освобождения Висксбурга, и нельзя было терять ни часа. Грант держал строгую блокаду скудно обеспеченного провизией города. Со своих канонерских лодок и со своих собственных позиций он поддерживал почти непрерывный обстрел. Жители поползли в пещеры на холме, чтобы укрыться от невыносимого огня. Они забили своих мулов на пропитание. Они терпеливо переносили неизбежные тяготы своего положения, и их ежедневная газета, напечатанная на клочках такой бумаги, какими люди обклеивают стены своих домов, продолжала до конца высмеивать их страдания и бросать вызов генералу Гранту. Но все было напрасно. 4 июля — в годовщину провозглашения Независимости — Висксбург был сдан со своим гарнизоном в двадцать три тысячи человек, сильно ослабевшим от голода и усталости.

Падение Висксбурга стало самым тяжелым ударом, который Конфедерация когда-либо выдерживала. Почти половина территории повстанцев лежала за Миссисипи. Эта река теперь прочно удерживалась федералами. Мятежные штаты были разрезаны надвое, и никакая помощь не могла пройти от одного участка к другому. В сердце Севера царил глубокая радость. Президент поблагодарил генерала Гранта за “почти неоценимую услугу”, которую он оказал стране.

Но задолго до триумфа Гранта при Висксберге федеральные войска в Вирджинии подверглись еще одному унижению.

Вскоре после катастрофы при Фредериксберге скромный Бернсайд попросил освободить его от командования. Его место занял генерал Хукер. Новый шеф был хорошо известен своим соотечественникам как “боевой Джо Хукер” — титул, который в достаточной степени указывал на его лихой, безрассудный характер. Хукер вступил в его командование с большими

надеждами. “С благословения Божьего, - обратился он к армии, - мы внесем свой вклад в славу нашего оружия и успех нашего дела”.

После трех месяцев подготовки генерал Хукер объявил, что его армия непреодолима. Северяне по-прежнему кричали: “Вперед, на Ричмонд”; самым заветным желанием северян было овладеть столицей мятежников. Хукер двинулся на юг, нисколько не сомневаясь в том, что ему предстоит исполнить давнее несбывшееся желание своих соотечественников. Его уверенность, казалось, не была необоснованной, ибо под его командованием была великолепная армия, которая значительно превосходила численностью ту, что противостояла ему. Но, к несчастью для Хукера, враждебные силы возглавляли генерал Ли и Стонуолл Джексон.

1 мая Хукер находился в присутствии противника на линии Раппаханнок. Ли был слишком слаб, чтобы дать или принять бой; но он смог занять Хукера серией ложных атак. Все это время Джексон спешил атаковать его фланг. Его марш проходил по Дикой местности — дикой местности, заросшей плохо выросшими дубами и густым подлеском, — где было легко застать врасплох. Ближе к вечеру 2-го числа солдаты Джексона ворвались в ряды неожиданно появившихся федералов. Ярость атаки уничтожила все, что было перед ней. Федеральная линия отступила в замешательстве и с большими потерями.

В сумерках Джексон выехал вперед со своим штабом, чтобы осмотреть позиции противника. Когда он возвращался, один из северокаролинских полков, увидев приближающийся отряд всадников, предположил, что это атака федеральной кавалерии. Они выстрелили, и Джексон упал с лошади с двумя пулями в левой руке и одной в правой. Они положили его на носилки, чтобы унести с поля боя. Один из носильщиков был сбит противником, и раненый генерал тяжело рухнул на землю. Звуки мушкетной пальбы разбудили федеральную артиллерию, и некоторое время Джексон беспомощно лежал на земле, простреливаемой вражескими пушками. Когда его люди узнали о положении своего любимого командира, они бросились в бой и унесли его из-под опасности.

Джексон опустился под тяжестью своих ран. Он терпеливо переносил свои великие страдания. “Если я выживу, это будет к лучшему, - сказал он, - и если я умру, это будет к лучшему. Бог знает и направляет все к лучшему”. Он умер через восемь дней после битвы, к глубокой скорби своих соотечественников. Он был великим солдатом, и хотя он погиб, сражаясь за правое дело, он был искренним христианином.

В течение двух дней после падения Джексона битва при Чанселорсвилле продолжалась. Превосходное командирское мастерство Ли с лихвой компенсировало его численное превосходство. Он нападал на Хукера, и всегда в момент конфликта оказывался сильнее. Хукер обнаружил, что должен отступить, чтобы с ним не случилось чего-нибудь похуже. После трехдневных боев он переправился через реку под шквалом ветра и дождя и по грязным виргинским дорогам повел свои обескураженные войска обратно на их старые позиции. Он был сбит с толку силами, которые наверняка составляли не более половины его собственных. Великолепный военный гений Ли, пожалуй, никогда не проявлялся так ярко, как при разгроме той великой армии, которую сам генерал Хукер считал непобедимой.

ГЛАВА VII. ГЕТТИСБЕРГ.

Правительство Конфедерации всегда стремилось перенести соревнование на Северную территорию. Это удовлетворило природную гордость Юга, и считалось, что некоторый опыт, связанный со злом войны, может склонить северян к миру. Ли было приказано выступить в Пенсильванию. Он собрал все войска, которые были в его распоряжении, и с семьюдесятью пятью тысячами человек переправился через Потомак и снова был готов встретиться с врагом на его собственной земле. Богатые города Севера содрогнулись. Было вполне вероятно, что он овладеет Балтимором и Филадельфией. Если бы он мог еще раз разгромить армию Хукера, как он часто делал раньше, дальнейшее сопротивление было бы невозможно. Пенсильвания и Нью-Йорк были в его власти.

Ли продвинулся к маленькому пенсильванскому городку Геттисберг. Хукер, после того как двинул свою армию на север, был отстранен от командования. Близилось сражение; и перед лицом врага нужно было выбрать нового командующего. За два дня до встречи враждебных армий был назначен генерал Мид. Мид был опытным солдатом, который с честью выполнял различные порученные ему должности; но теперь ему поручили выполнить, казалось, безнадежную задачу. С часто терпевшей поражения армией в шестьдесят-семьдесят тысяч человек, для которой он был чужаком, он должен был встретить Ли с его победоносными семьюдесятью пятью тысячами. Мид спокойно взялся за работу, назначенную ему, и сделал это тоже как храбрый, благоразумный, непритязательный человек.

1 июля 1863 г. н.э. Битва длилась три дня. В первый день конфедераты имели некоторое преимущество. Их атака сломила и рассеяла федеральную дивизию со значительными потерями. Но той ночью осторожный Мид занял сильную позицию на линии высот в форме полумесяца недалеко от маленького городка. Здесь он будет лежать, и конфедераты могли бы изгнать его оттуда, если бы могли.

2 июля. На следующий день Ли попытался выбить противника. Ключом к позициям федералов был Кладбищенский холм, и там была предпринята атака максимальной силы Конфедерации. И это было не напрасно, поскольку часть федеральной линии была прорвана, и в одном месте конфедераты заняли важную позицию. Ли мог справедливо надеяться, что еще один день боев завершит его успех и даст ему бесспорное владение самыми богатыми Северными штатами. Его потери были невелики, в то время как федералы были серьезно ослаблены.

Возможно, никогда еще на Севере не было часов более мрачных, чем в тот летний вечер, когда телеграф разнес по стране весть об успехе Ли. Щедрая жертва крови и сокровищ казалась напрасной. Миллион человек были с оружием в руках, чтобы защитить Союз, и все же

продвижению повстанцев на север противостоять было невозможно. Если завтра Ли одержит победу, самые обнадеженные должны впасть в уныние.

3 июля. День, от которого зависела столь значительная часть судьбы Америки, начался ярко, тепло и тихо. Утро было занято Ли подготовкой к сокрушительной атаке на центр федеральных позиций; Мидом - тщательным укреплением своих сил сопротивления в том месте, где он должен был выиграть или проиграть это решающее сражение. Около полудня все было завершено. Над обеими армиями воцарилась удивительная тишина — безмолвие тревожного и ужасного ожидания. Шум был прерван одиночным пушечным выстрелом и визгом снаряда Уитворта, пронесшегося в воздухе. Это был сигнал, по которому сто пятьдесят орудий Конфедерации открыли огонь. Федеральная артиллерия ответила, и в течение трех часов на обе армии обрушивался чудовищный град снарядов. Однако ни одна из сторон не установила решающего превосходства, хотя обе понесли тяжелые потери. Пока канонада все еще продолжалась, Ли выслал вперед колонны, задачей которых было прорваться к Федеральному центру. Они спустились с невысокой гряды высот, на которых стояли, и пересекли небольшую промежуточную долину. Когда они поднялись на противоположную высоту, дружественное укрытие от огня конфедератов прекратилось. Ужасающие разряды картечи и снарядов били по их стойким рядам, но не поколебали их. Когда люди упали, их товарищи заняли их места, и строй, не дрогнув, быстро двинулся дальше. Героическое наступление продолжалось вплоть до низкой каменной стены, укрывавшей федералов, вплоть до самых стволов орудий, быстрый огонь которых каждую секунду прорезал глубокие линии в их рядах.

Генерал Ли с высоты напротив наблюдал, как Наполеон при Ватерлоо, за ходом своей атаки. Однажды дым битвы на мгновение рассеялся, и было видно, как флаг Конфедерации развевается на позициях противника. Генералы Ли поздравляют его с одержанной победой. Снова вокруг сражающихся сгущается облако. Когда он поднимается в следующий раз, видно, как конфедераты разбиты и бегут вниз по этому роковому склону, где теперь человек может пройти, ни разу не ступив ногой на траву, так густо лежат тела убитых. Атака провалилась; битва была проиграна; Союз был спасен.

Теперь делом генерала Ли было спасти свою армию. “Это был печальный день для нас, - сказал он другу, - печальный день, но мы не можем всегда рассчитывать на победы”. Он собрал свои разбитые войска, ожидая нападения победоносных федералов; но Мид не развил свой успех. На следующий день Ли начал отступление. В полном порядке он двинулся к Потوماку и благополучно пересек разлившуюся реку обратно в Вирджинию.

Потери, понесенные в этой битве, были ужасны. Сорок восемь тысяч человек лежали убитыми или ранеными на поле боя. Армия Ли была ослаблена более чем на сорок тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Мид потерял двадцать три тысячи. На многие мили вокруг в каждом сарае, в каждом коттедже были раненые. Улицы маленького городка были залиты кровью. В течение многих дней мужчины были заняты погребением мертвых, которых насчитывалось почти восемь тысяч. Раненых обеих армий, которых удалось вывезти, сразу же доставили в госпитали и оказали им бережную помощь. Многие были настолько искалечены, что вывезти их было невозможно. Им помогали на поле боя до тех пор, пока смерть не избавила их от боли.

Вест о победе при Геттисберге пришла к северянам 4 июля, одновременно с известием о падении Виксбурга. Гордая старая годовщина, возможно, никогда прежде американский народ

не отмечал ее с таким благодарным и радостным сердцем. Мистер Линкольн, ставший серьезным, смиренным и благоговейным под влиянием тех ужасных обстоятельств, в которых он жил, провозгласил торжественный день благодарения за освобождение, дарованное нации, и молитвы о том, чтобы Бог повел их всех “путями покаяния и покорности божественной воле, к единству и братскому миру”.

Глубокий энтузиазм, который в те тревожные дни волновал сердца американцев, выражался в песне с той полнотой выражения, которой не могла позволить речь. Главным среди любимых поэтических высказываний народа было следующее:

БОЕВОЙ ГИМН РЕСПУБЛИКИ.

Глаза мои видели славу пришествия Господа;

Он вытапывает урожай, где хранятся гроздья гнева;

Он выпустил роковую молнию Своего ужасного быстрого меча;

Его Истина продвигается вперед.

Я видел Его у сторожевых костров сотни окружающих лагерей;

Они построили Ему жертвенник в вечерней росе и сырости;

Я прочитал Его праведный приговор при тусклом свете горящих ламп;

Его день продолжается.

Я прочел пламенное Евангелие, начертанное начищенными стальными рядами —

“Как вы поступаете с Моими презрителями, так и с вами поступит Моя милость”.

Пусть Герой, рожденный женщиной, раздавит змею каблуком,

Поскольку Бог идет дальше.

Он протрубил в трубу, которая никогда не призовет к отступлению;

Он отсеивает сердца людей перед Своим судилищем;

О! поспеши, душа моя, ответить Ему; ликуй, ноги мои, —

Наш Бог идет дальше.

В красоте лилий Христос родился за морем,

Со славой в груди, которая преображает тебя и меня;

Как Он умер, чтобы сделать людей святыми, так давайте и мы умрем, чтобы сделать людей свободными,

Пока Бог идет дальше.

Эти странно музыкальные куплеты исполнялись на всех публичных собраниях на Севере, публика обычно вскакивала на ноги и присоединялась к общему напряжению, часто прерываемому эмоциями, слишком глубоко взволнованными, чтобы их можно было скрыть. Видели, как президент Линкольн слушал гимн со слезами, катящимися по его лицу. Когда разыгрывалась битва при Геттисберге, многие сотни офицеров—северян находились в плену в тюрьме Либби - огромном бесформенном сооружении, бывшем когда-то табачной фабрикой, стоявшем на обочине дороги в пригороде Ричмонда. До них дошло ложное сообщение о том, что мятежники одержали победу. В ту ночь у пленных было много бессонных глаз и опечаленных сердец. Но на следующее утро старый негр принес им подлинный отчет о битве. Внезапная радость была слишком глубока, чтобы выразить ее словами. Повинуясь единому общему порыву, обрадованные пленники разразились песней. Посреди плача и смеха звучал Боевой гимн Республики, пока к нему не присоединились пятьсот голосов. Там, как и везде, с невыразимой радостью и благодарностью чувствовалось, что страна спасена.

Победа при Геттисберге сняла огромный груз с сердец северян. Прежде чем можно было достичь прочного мира, предстояла еще большая и мрачная работа, но теперь появилась верная надежда на окончательный успех. Друзья президента Линкольна заметили, что его внешность претерпела заметные изменения после Геттисберга. Его глаза засияли; его сутулая фигура снова стала прямой. Зимой после битвы часть поля боя была освящена как кладбище, на которое были собраны останки павших храбрецов. Линкольн принял участие в церемонии и произнес эти памятные слова: “Для нас, живых, быть посвященными здесь незавершенной работе, которую те, кто сражался здесь, до сих пор так благородно продвигали. Мы должны быть здесь, преданные великой задаче, которая остается перед нами; чтобы от этих почетных погибших мы получили еще большую преданность тому делу, которому они отдали последнюю полную меру преданности; чтобы мы здесь твердо решили, что эти мертвые умерли не напрасно; чтобы эта нация под властью Бога получила новое рождение свободы; и чтобы правительство народа — самим народом и для народа — не исчезло с лица земли ”.

ГЛАВА VIII.

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ.

Еще до катастроф при Геттисберге и Вicksберге, когда генерал Ли все еще шел по пути ослепительного успеха, многим стало очевидно, что дело Юга безнадежно. Жесткая блокада отрезала ее от рынков Европы. Ее запасы оружия были на исходе, и даже если бы она смогла найти людей в достаточном количестве, чтобы противостоять Северу, она не смогла бы их снабдить. Еды становилось все меньше. В армии Ли уже ощущались муки голода. В других

местах было много страданий, даже среди тех, кто недавно был богат. Солдаты были недостаточно обеспечены одеждой. С наступлением зимы они дезертировали и разошлись по домам такой большой толпой, что наказание было невозможно.

У Севера на поле боя был миллион человек. У него было почти шестьсот боевых кораблей, семьдесят пять из которых были бронированы. Она безгранично владела всем, что могло способствовать эффективности и комфорту ее солдат. Списки южных армий показывали только четыреста тысяч человек при оружии, и из них, как говорили, из-за дезертирства и по другим причинам редко более половины оставались в строю.

Денег становилось все меньше. Правительство Конфедерации занимало все деньги, какие только могло, у себя дома, но полученное количество было совершенно непропорционально расходам. В Англии была предпринята попытка получения займа, и оказалось, что там находится достаточное количество богатых, но неразумных людей, чтобы предоставить три миллиона фунтов стерлингов, большая часть которых навсегда останется невыплаченной заимодавцам. Не оставалось ничего другого, как напечатать, с такой скоростью, на какую было способно оборудование, правительственные обещания расплатиться в будущем, и навязать их людям, которым правительство было должно денег. Эти обещания постепенно падали в цене. В 1862 году, когда восстание было молодым и надежды были велики, за один доллар и двадцать центов в государственных деньгах можно было купить доллар в золоте. В январе 1863 года для этого требовалось три доллара. После Геттисберга для этого требовалось двадцать долларов. Несколько позже потребовалось шестьдесят бумажных долларов, чтобы получить одну драгоценную золотую монету.

С каждым днем становилось все очевиднее, что ресурсы Юга истощаются. Даже если гений ее генералов продолжит одерживать победы, Юг должен погибнуть от нехватки денег и продовольствия. Во многих ее деловых механизмах была трогательная слабость. Правительство обратилось к народу с просьбой подарить драгоценности и серебряную посуду и опубликовало в ричмондских газетах списки золотых колец, серебряных ложек и чайников, которые любезные энтузиасты подарили им! Когда понадобились бронированные военные корабли, а железа было мало, была создана ассоциация дам, которые собирали для этой цели старые кастрюли и сковородки! Смелость этих людей и мастерство их лидеров действительно могли принести им победы; но было совершенно невероятно, чтобы они успешно вышли из войны, в которой могущественный и прозорливый Север был полон решимости победить.

1864 год н.э. Правительство Севера, хорошо осведомленное о нехватке ресурсов на Юге, надеялось, что еще одна кампания положит конец войне. Горький опыт исправил их первые ошибки, и они, наконец, нашли генерала, достойного своего высокого положения. Гранта вызвали на восток, чтобы он руководил последним маршем на Ричмонд. Дух страны был непоколебим, как всегда. Солдаты теперь обладали мастерством ветеранов; были предоставлены огромные припасы; теперь было сделано все, что могли сделать безграничные ресурсы при разумном управлении, чтобы довести ужасное состязание до конца.

Когда кампания началась, Грант со ста двадцатью тысячами человек столкнулся лицом к лицу с Ли, силы которого, безусловно, были наполовину меньше. Между ними протекала небольшая река Рапидан. Дикая местность — безлюдный край с чахлыми деревьями и густым подлеском — простиралась на много миль вокруг. В полночь 3 мая Грант начал переправляться через реку, и до следующего вечера его армия стояла на южном берегу. Ли сразу же атаковал его. В течение

следующих восьми дней шли непрерывные бои. Мужчины весь день трудились на бойне, ночью ложились спать, а утром вставали, чтобы возобновить свой кровавый труд, как это делают люди в обычных мирных делах жизни. Ли руководил своими скудными силами с поразительным мастерством. У него была привычка возводить укрепления, в которых он защищался от нападения федералов. Грант не позволил, чтобы ему препятствовали в его продвижении в Ричмонд. Когда ему не удалось форсировать позицию конфедерации, он двинулся на юг, обходя ее фланг, постоянно вынуждая Ли продвигаться вперед и занимать новую позицию. Его потери были ужасны. С 5 по 12 мая он потерял тридцать тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Раненых отправляли в Вашингтон, и вереницы машин скорой помощи длиной в несколько миль, нагруженные страдающими людьми, постоянно проезжали через столицу, наполняя сердца людей печалью и мрачными предчувствиями. Цена была ужасной, но генерал Грант знал, что цель достигнута. Он знал, что Ли был безвозвратно ослаблен кровопролитием этих сражений, и написал, что “будет сражаться на этом рубеже, даже если это займет все лето”.

Грант обнаружил, что прямая атака на Ричмонд пока безнадежна, и двинулся маршем на юг мимо столицы повстанцев к маленькому городку Питерсберг, расположенному в двадцати двух милях отсюда. Его план состоял в том, чтобы измотать армию повстанцев постоянными атаками превосходящих сил, а также перерезать железные дороги, по которым в Ричмонд доставлялись припасы. К середине июня он был уже перед Питерсбергом, которым надеялся овладеть до того, как Ли успеет укрепить это место против него. Его можно было взять энергичным штурмом, но атакующие силы были слабо командованы, и возможность была упущена.

И вот началась утомительная кровавая осада Петербурга. Армии выбрали позиции для финального сражения. Результат не вызывал сомнений. Некоторое время назад генерал Ли придерживался мнения, что положение Конфедерации было отчаянным. Правительство Севера и военные лидеры знали, что успех неизбежен. Действительно, генерал Грант впоследствии заявил, что он был на фронте с самого начала войны и что у него никогда не было никаких сомнений относительно окончательного успеха Севера.

По всему Петербургу, на таком расстоянии, что стрельба не очень серьезно затронула маленький город, тянулись земляные укрепления сражающихся. До конца оставалось сорок миль земляных работ. Конфедераты установили линию обороны. Федералы установили линию атаки и постепенно, превосходящими силами, отбросили своих противников назад. Ли отошел к новой серии укреплений, где сражение было продолжено. У федералов была железная дорога, ведущая к Сити-Пойнту, в одиннадцать миль отсюда, куда их корабли доставляли для них самые большие припасы. Ли зависел от железных дорог, которые сообщались с отдаленными частями территории Конфедерации. Целью Гранта было перерезать их, чтобы его противник мог быть изгнан из-за нехватки продовольствия со своих позиций. Аванпосты армий находились на расстоянии разговора друг от друга. Солдаты залегли в стрелковых ямах или неглубоких канавах, выжидая удобного случая для убийства. Любой враг, неосторожно приблизившийся на расстояние выстрела, погибал от их безошибочного огня. В течение десяти долгих месяцев ежедневным занятием сражающихся были атаки друг на друга. Конфедераты постоянными вылазками пытались помешать продвижению своего могущественного противника. Грант никогда не ослаблял хватки. Он “держал восстание за горло” и неуклонно усиливал свою хватку. Благодаря Сити-Пойнту он легко мог пользоваться безграничными ресурсами Севера. Воодушевленная страна снабжала его людьми и припасами по мере

необходимости. На стороне повстанцев последний свободный человек был сейчас на поле боя. Половину времени армия нуждалась в продовольствии. Дезертирство было в изобилии. Не то чтобы мужчины избегали опасностей или лишений, но они знали, что дело безнадежно. Многие из них также знали, что их семьи голодают. Они отправились домой, чтобы помочь тем, кто был им дороже того отчаянного предприятия, крах которого теперь был так очевиден. Гений Ли был единственной оставшейся опорой дела Конфедерации.

Однажды федералы проложили огромную шахту под частью укреплений противника. В этой шахте они сложили двенадцать тысяч фунтов пороха. У них была мощная колонна, готовая двинуться к отверстию, которое должен был пробить взрыв. Ранним летним утром в шахте произошел взрыв. Огромная масса земли, смешанная с телами людей, была подброшена высоко в воздух. Оборона Конфедерации в этот момент была ослаблена, и атакующие силы двинулись вперед. Но по какой-то необъяснимой причине они остановились и укрылись в огромной яме, образовавшейся в результате взрыва. Конфедераты быстро подтянули артиллерию и обрушили град снарядов на яму, где вскоре полегло полторы тысячи человек. Расстроенные федералы отступили на свои позиции.

Когда Грант начал свой марш на Ричмонд, он позаботился о том, чтобы потеснить врага в других частях его территории. Генерал Шерман двинулся из Теннесси в Джорджию. Перед ним была сильная армия Конфедерации и страна, особенно благоприятная для армии, предпочитающей оставаться в обороне; но Шерман преодолел все препятствия. Он победил своего врага во многих битвах и кровопролитных перестрелках. Его целью было добраться до Атланты, столицы Джорджии. Атланта представляла чрезвычайную ценность для повстанцев. Она владела железными дорогами, по которым доставлялись припасы для их армий; у нее были огромные заводы, где производились пушки и локомотивы; огромные литейные цеха, где они неустанно трудились над производством дроби и снарядов. Шерман, благодаря блестящему полководчеству и упорным боям, преодолел всякое сопротивление и 2 сентября вступил в Атланту. Это был отличный приз, но достался он недешево. За эти четыре месяца он потерял тридцать тысяч человек.

Когда Шерман удерживал Атланту в течение нескольких недель, он решил двинуться на восток через Джорджию к морю. У него была великолепная армия в шестьдесят тысяч человек, для которых не было достаточного занятия там, где они находились. На морском побережье были города, которые нужно было брать. И тогда его армия могла бы двинуться на север, чтобы присоединиться к Гранту перед Питерсбергом.

15 ноября 1864 г. н.э. Когда все было готово, Шерман поднес факел к общественным зданиям Атланты, телеграфировал на север, что все в порядке, и перерезал телеграфные провода. Затем он отправился в свой трехсотмильный марш по враждебной стране. В течение месяца о нем ничего не было слышно. Когда он появился вновь, это было перед Саванной, которой он быстро овладел. Его марш по Джорджии не встретил сопротивления. Он жестоко опустошил страну на протяжении тридцати миль по обе стороны границы от Атланты до Саванны. Он уносил припасы, в которых нуждался; он уничтожал то, что не мог использовать; он разрушал железные дороги; он провозгласил свободу рабам, многие из которых сопровождали его на восток. Он доказал всему миру, какой пустой вещью стала теперь Конфедерация и как быстро приближалась ее гибель.

На севере, в долине Шенандоа, сильная армия Конфедерации под командованием обычно неудачливого генерала Эрли противостояла федералам под командованием Шеридана. Если бы Шеридана прогнали, война могла бы снова перекинуться на Пенсильванию или Мэриленд, и Север смирился бы на своем победном пути. Но Шеридан все равно торжествовал. 19 октября 1864 г. н.э. Наконец генерал Эрли преподнес сюрприз. Он ворвался к федералам, когда они его не ждали. Его внезапная атака привела в замешательство противника, который начал отступать. Шеридана не было со своей армией; он уехал в Винчестер, в двадцати милях отсюда. Утренний ветерок с юга донес до его встревоженного слуха звуки битвы. Шеридан вскочил на коня и поскакал со скоростью человека, чувствующего, что от его присутствия зависит судьба битвы. Его армия была на грани поражения, и отставшие уже спешили с поля боя; но когда Шеридан прискакал к ним, битва возобновилась. При Шеридане армия была непобедима. Повстанцы потерпели поражение с большими потерями и больше никогда не смогли возобновить войну в долине Шенандоа.

Вопрос о рабах еще не был полностью решен. Прокламация сделала свободными рабами всех мятежников, и между ними и свободой не осталось ничего, кроме этих тонких шеренг голодных солдат в серых мундирах, чьему оружию гений Ли придал силу, естественно, не их собственную. Но Прокламация не имела силы освободить рабов лояльных граждан. В штатах, которые не восстали, рабство было таким же, как и всегда. По всему Северу быстро росло ощущение, что так продолжаться не может. Рабство принесло свои плоды в виде самого масштабного восстания, известного истории. Оно провозгласило непримиримую враждебность правительству; оно принесло траур и горе в каждый дом. Союз не мог оставаться наполовину рабским, наполовину свободным. Север мудро и благородно решил, что рабство должно прекратиться.

Большинство лояльных рабовладельческих штатов по собственному выбору освободились от этого порочного института. Луизиана, возвращенная к своей верности не без некоторой силы, возглавила движение. За ним последовал Мэриленд, Теннесси, Миссури и Арканзас. В Миссури, откуда пошло влияние, убившее Лавджоя за то, что он был аболиционистом, — которое подпитывало пограничных хулиганов в первые дни существования Канзаса, — отмену рабства приветствовали благочестивой молитвой и благодарением, радостными иллюминациями, речами и патриотическими песнями.

Для полного и окончательного уничтожения рабства еще не хватало одного. Конституция допускала существование проклятой вещи. Если бы в Конституцию были внесены поправки, запрещающие рабство на американской земле, причина этого огромного раздора, который сейчас сотрясает страну, была бы устранена. Народу была представлена соответствующая поправка к Конституции. В первые месяцы 1865 года, в то время как генерал Ли, достойный сражаться за лучшее дело, все еще храбро трудился, чтобы предотвратить грядущую гибель Империи рабовладельцев, Северные штаты с радостью приняли Поправку. Рабство теперь, наконец, исчезло. Это было то, что Провидение милостиво вынесло из восстания, общепризнанной целью которого было более прочное установление рабства и его более широкое распространение.

Но свободы было недостаточно. Многие чернокожие верно служили Союзу. Почти двести тысяч из них были в строю и мужественно сражались за дело, которое было исключительно их собственным. Как сказал Линкольн, было много чернокожих мужчин, которые “помнили, что

своим молчаливым языком, стиснутыми зубами, твердым взглядом и хорошо нацеленным штыком они помогли человечеству спасти свободу в Америке”. Но цветные люди были похожи на детей и беспомощны. На них нужно было смотреть как на “подопечных нации”. В 1864 году было создано Бюро вольноотпущенников для защиты беззащитных чернокожих. Генерал Говард — человек, исключительно пригодный для мудрого осуществления благих целей нации, — стал главой этого департамента. Его обязанностью было обеспечивать едой и кровом рабов, которые были освобождены в результате военных действий в восставших Штатах. Он поселил их, как мог, на конфискованных землях. Через некоторое время ему пришлось заняться образованием своих детей. Всеми необходимыми способами он должен был удерживать негров от зла до тех пор, пока они не научатся держаться сами.

Прошло четыре года с тех пор, как избрание Линкольна дало рабовладельцам повод для восстания. Пришлось провести еще одни выборы, и Линкольн снова был предложен в качестве кандидата от республиканцев. Демократическая партия выдвинула генерала Макклеллана. Демократы заявили, что война провалилась; давайте прекратим боевые действия и попытаемся спасти Союз путем мирных переговоров. Давайте покончим с рабством и бунтом силой, заявили республиканцы; другого пути нет. Это были простые вопросы, по которым прошли выборы. Мистер Линкольн был переизбран самым большим большинством, когда-либо известным. “Не в моем характере, - сказал он, - одерживать победу над кем-либо; но я благодарю Всемогущего Бога за это свидетельство решимости народа поддерживать свободное правительство и права человечества”.

4 марта 1865 года нашей эры Он был торжественно открыт в соответствии с обычной формой. Его обращение было кратким, но высокопарным и торжественным, как и подобало обстоятельствам. Пожалуй, ни один государственный документ никогда не производил столь глубокого впечатления на американский народ. Оно заканчивалось так: “Мы нежно надеемся, мы горячо молимся, чтобы это могучее бедствие войны поскорее миновало. И все же, если Богу угодно, чтобы это продолжалось до тех пор, пока все богатство, нажитое рабом за двести пятьдесят лет безответного труда, не иссякнет, и пока за каждую каплю крови, пролитую плетью, не заплатит другой, пролитый мечом, — как было сказано три тысячи лет назад, так и сейчас нужно сказать: “Суды Господни истинны и праведны во всем”. Без злобы ни к кому, с милосердием ко всем, с твердостью в праве, поскольку Бог дает нам видеть право, давайте завершим работу, в которой мы находимся, чтобы перевязать раны нации. , заботиться о том, кто выдержит битву, и о его вдове и его сиротах — делать все, что может способствовать достижению справедливого и прочного мира между нами и со всеми нациями”.

1864-5 гг. н.э. В зимние месяцы стало совершенно очевидно, что Конфедерация приближается к своему падению. Это были самые суровые месяцы, которые когда-либо приходилось переживать Вирджинии. Армия, как правило, испытывала нехватку продовольствия. Иногда в течение дня почти полностью отсутствовало продовольствие. Однажды в декабре Ли телеграфировал в Ричмонд, что его армия осталась без мяса и ограничивается небольшим количеством хлеба. И все же солдатам жилось намного лучше, чем горожанам. Провизию для армии изымали везде, где только можно было найти, а владельцев безжалостно оставляли умирать с голоду. Страдания, перенесенные в некогда жизнерадостных домах Вирджинии, были ужасны.

Каждый взрослый мужчина был собственностью правительства. Говорили, что богачи легко спасались бегством, но бедняк не мог пройти по улице Ричмонда без неминуемого риска быть схваченным и отправленным на линию фронта в Питерсберге. На железнодорожных станциях постоянно можно было увидеть группы убогих людей, направляющихся в лагерь — их выхватывали из домов и спешили сражаться за дело, которое, как они все знали, было отчаянным, — на службе правительству, которому они больше не доверяли. Конечно, дезертировать было первой заботой этих людей. Они возвращались домой или сдавались врагу. Дух, который делал Конфедерацию грозной, больше не сохранился.

Генерал Ли задолго до этого выразил свое убеждение, что без помощи рабов война должна закончиться катастрофически. Но все люди знали, что раб, который был солдатом, больше не может быть рабом. Владельцы не были готовы освободить своих рабов и поэтому отказались вооружать их. В ноябре, когда надвигалась полная разруха, в Конгресс Конфедерации был внесен законопроект о вооружении двухсот тысяч негров. Он обсуждался до марта следующего года. Затем был принят слабый компромисс, просто дававший президенту право принимать тех рабов, которых ему предлагали. Столь непреклонно решительными были лидеры Юга в своей враждебности к эмансипации. Это было совершенно неважно. В то время правительство могло вооружить еще только пять тысяч человек и не могло прокормить тех, кто у него был.

Финансы Конфедерации были в полном упадке. Само правительство продавало наличные по курсу один золотой доллар за шестьдесят долларов бумажными деньгами. 17 февраля 1864 года н.э. мистер Дэвис, частично отрекшись, на короткое время избавился от некоторых своих затруднений; но никакой прием не мог завоевать доверие общественности к валюте падающей державы. Буханка хлеба стоила три доллара. Чтобы купить солдату пару чулок, требовалось месячное жалованье. Нищета в стране была глубокой, жалкой, невыразимой. К президенту Дэвису стали относиться с отвращением, как к причине всего этого несчастья. В адрес неудачливого вождя раздавались проклятия, становившиеся все глубже и громче.

Генерал Грант, хорошо осведомленный об отчаянном положении конфедератов, непрестанно наступал на их ослабленные позиции. Под его командованием было сто шестьдесят тысяч человек. Шеридан присоединился к нему с великолепным отрядом кавалерии. Шерман со своей победоносной армией был рядом. Грант начал опасаться, что Ли обратится в бегство и поддержит восстание на других полях. 29 марта 1865 г. н.э. было принято решение об общем перемещении всех сил вокруг Ричмонда. Ли храбро, но тщетно боролся с превосходящими силами противника. Шеридан атаковал его правый фланг и отбросил с большими потерями — пять тысяч голодных и обескураженных мужчин сложили оружие. 1 апреля. В ту же ночь Грант открыл из всех своих орудий ужасающий и продолжительный обстрел. 2 апреля. На рассвете был предпринят штурм. Его сила была направлена против одного из фортов Конфедерации. Битва прекратилась в другом месте, и армии наблюдали за ней. Линии солдат в синих мундирах неуклонно продвигались вперед; раздался убийственный залп маленького гарнизона; дикие возгласы возбужденных зрителей. Под шквальным огнем артиллерии и ружей солдаты Союза бросаются вперед; они сбегают в ров и взбираются на стены укреплений. Те, кто первыми достигают вершины, отступают, убитые мушкетными выстрелами или ударами штыка, но другие яростно наступают. Вскоре их ликующие возгласы говорят о том, что форт захвачен. Армия Ли разделена надвое, и его положение больше не является устойчивым. Он немедленно телеграфировал президенту Дэвису, что Ричмонд должен быть эвакуирован.

В воскресенье в Епископальной церкви Святого Павла было Причастие, и президент Дэвис сидел на своей скамье среди других молящихся. В течение нескольких дней никакие разведданные из армии не доходили до общественности. Но звук орудий Гранта был услышан, и сдержанность правительства была зловещей. Многие зоркие глаза пытались уловить в облике президента какое-нибудь предсказание будущего, но тщетно. Это безмятежное, самообладающее лицо ничуть не утратило своей обычной сдержанности. Во всем этом собрании не было верующего, который казался бы менее обремененным миром, более поглощенным священным занятием этого часа, чем президент Дэвис. Служба продолжалась, и прихожане преклонили колени в молитве. Когда президент Дэвис поднялся с колен, пономарь протянул ему листок бумаги. Он спокойно прочитал его. Затем он спокойно поднял свой молитвенник и с невозмутимым лицом тихо вышел из церкви. Он получил сообщение от Ли. Единственной заботой Джефферсона Дэвиса теперь было избежать участи предателя и мятежника. Он немедленно бежал на специальном поезде на юг. Затем началась эвакуация. Канонерские лодки на реке были взорваны; мосты разрушены; большие склады в городе были подожжены, и в пламени, таким образом нечестиво разожженном, сгорела треть города. Все, кто проявил себя в восстании, бежали от ожидаемой мести федералов. Солдат увели, грабя на ходу. На следующее утро Ричмонд был во владении войск Северян. Одним из первых в столицу восставших рабовладельцев вошел полк негритянской кавалерии.

4 апреля 1865 г. н.э. Около полуночи в воскресенье Ли начал отступление с позиции, которую он так хорошо удерживал. Грант немедленно последовал за ним. Утром во вторник Ли достиг точки, где он приказал припасам ждать его. По какой-то роковой ошибке машины, груженные продовольствием, в котором так нуждались его люди, были отправлены в Ричмонд и были потеряны для него. Голодные и усталые люди тащились дальше, преследуемые Грантом. Вскоре перед ними появились вражеские силы, и стало очевидно, что они окружены.

7 апреля. Генерал Грант написал генералу Ли письмо с просьбой о капитуляции его армии, чтобы избавить от бесполезного кровопролития. Ли сначала не признал, что капитуляция была необходима, и Грант продолжал преследование с неослабевающей энергией. Ли снова написал с просьбой о встрече, чтобы можно было согласовать условия капитуляции. 9 апреля. Два лидера встретились в придорожном коттедже. Они никогда раньше не видели друг друга, хотя оба служили на мексиканской войне, и Ли любезно упомянул, что помнит имя своего противника с того времени. Грант составил и представил в письменном виде предложенные им условия. Мужчины должны были сложить оружие и дать обещание, что они не будут служить против американского правительства до регулярного обмена. Затем они должны были вернуться в свои дома с гарантией того, что их не потревожит правительство, против которого они восстали. Грант спросил, устраивают ли их эти условия. “Да,” сказал Ли, “они удовлетворительны. Правда в том, что я нахожусь в таком положении, что любые предлагаемые мне условия *должны* быть удовлетворительными”. А затем он рассказал, как его люди два дня были без еды, и умолял генерала Гранта избавить их от всего, что он мог. Грант, великодушно желавший помочь своим поверженным врагам, немедленно отправил большое стадо волов и вереницу фургонов с провизией. Через полчаса в федеральном лагере раздались радостные возгласы, которыми голодные повстанцы приветствовали эти драгоценные подарки.

Ли спокойно поехал обратно к своей армии, где ожидалась капитуляция. Когда стали известны подробности, офицеры и рядовые столпились вокруг своего горячо любимого начальника, чтобы заверить его в своей преданности и пожать ему на прощание руку. Ли был слишком глубоко тронут, чтобы много говорить. “Мужчины, ” сказал он со своей обычной простотой, “ мы вместе прошли всю войну, и я сделал для вас все, что мог”. День или два спустя мужчины сложили оружие и разошлись по домам. История некогда великолепной армии Северной Вирджинии завершилась.

Капитуляция Ли привела к капитуляции всех армий Конфедерации. В течение нескольких дней против Союза не было организованной сколько-нибудь значимой силы с оружием в руках. Война Великого восстания подходила к концу.

ГЛАВА IX. УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА.

Когда готовились завершающие операции против Ричмонда, президент Линкольн отправился в штаб-квартиру генерала Гранта в Сити-Пойнт и оставался там до капитуляции Ли. Он посетил Ричмонд в день его захвата и прошелся по улицам со своим маленьким сыном на руках. Освобожденные рабы столпились, чтобы приветствовать своего избавителя. Они тысячью нелепых способов выражали свою благодарность доброму “Отцу Аврааму”. В течение некоторого времени ходили мрачные намеки на то, что среди конфедератов есть те, кто отомстит за свое поражение убийством президента. Мистеру Линкольну настоятельно рекомендовали быть настороже, а его друзья не желали, чтобы он посещал Ричмонд. Его самого это мало заботило теперь, когда национальное дело восторжествовало.

9 апреля 1865 г. н.э. Он вернулся невредимым в Вашингтон в вечер капитуляции Ли. Следующие несколько дней были, пожалуй, самыми яркими за всю его жизнь. Он провел нацию через самое тяжелое испытание, которое когда-либо выпадало на ее долю. Со всех сторон царили радость и ликование. Развевались флаги, звонили колокола, стреляли пушки, дома были освещены; бесчисленные благодарные сердца возносили Богу благодарность за это великое избавление. Ни одно сердце во всей стране не было более радостным и благодарным, чем у мистера Линкольна. Он занялся планами залечивания ран своей истекающей кровью страны и возвращения восставших Штатов к довольному занятию назначенных им мест в Союзе. Никаких мыслей о суровости у него в голове не было. Теперь, когда вооруженное сопротивление

правительству было подавлено, самые мягкие меры, которые могли бы обеспечить безопасность в будущем, были наиболее приемлемы для хорошего президента.

14-го он провел заседание своего кабинета, на котором присутствовал генерал Грант. Спокойная жизнерадостность и надежда Председателя придали работе совета тот тон, который надолго запомнился присутствующим. После собрания он уехал вместе с миссис Линкольн, с которой поговорил о предстоящих хороших днях. По его словам, с тех пор, как они приехали в Вашингтон, у них были трудные времена, но теперь, с Божьего благословения, они могут надеяться на более спокойные и счастливые годы.

Вечером он поехал с миссис Линкольн и двумя-тремя друзьями в театр, где, как он знал, публика ожидала его прихода. По ходу спектакля зрители были напуганы пистолетным выстрелом в президентской ложе. Было видно, как человек, размахивающий кинжалом, выпрыгнул из ложи на сцену и с диким криком “Юг отомщен!” исчез за кулисами. Президент сидел неподвижно, опустив голову на грудь. Он, очевидно, был без сознания. Когда пришел хирург, выяснилось, что пуля пробила мозг, причинив смертельную рану. Его отнесли в дом неподалеку. Его семья и высшие государственные чины, которые его горячо любили, сидели вокруг постели умирающего президента. Он пролежал до утра, тяжело дыша, но в полном бессознательном состоянии, а затем скончался.

В тот же час, когда был убит президент, негодяй ворвался в комнату больного мистера Сьюарда, который недавно пострадал в результате несчастного случая, и зарезал его почти до смерти, когда он лежал в постели. Его кровавая работа была счастливо прервана, и мистер Сьюард выздоровел.

Убийцей мистера Линкольна был актер по имени Бут, фанатичный приверженец павшей Конфедерации. Его нога была сломана при прыжке на сцену, но он смог добраться до лошади, которая стояла наготове у дверей театра. Он проехал через город, пересек Потомак по мосту перед лицом расставленных там часовых и благополучно скрылся от преследования. Неделью спустя его нашли спрятавшимся в сарае и хорошо вооруженным. Он отказался сдаваться и готовился открыть огонь, когда солдат закончил его жалкое существование пулей.

Скорбь американского народа по своему убитому президенту была необычайно глубокой и горькой. Возможно, ни по одному человеку не было пролито столько слез скорби. Не только в Америке, но и в Европе, где президента Линкольна наконец поняли и почтили, его потерю глубоко оплакивали. Было решено похоронить его рядом с его старым домом в Иллинойсе. Забальзамированные останки должны были быть доставлены к месту их отдаленного упокоения маршрутом, который дал бы жителям главных северных городов последнюю возможность взглянуть на черты человека, которого они так сильно любили. Печальная процессия отправилась в свой долгий путь длиной почти в две тысячи миль, пересекая штаты Мэриленд, Пенсильвания, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Огайо, Индиана и Иллинойс. Повсюду, по мере прохождения траурного кортежа, плачущие люди пытались выразить свою благоговейную скорбь. В крупных городах тело покоилось в торжественном порядке, и все дела были приостановлены.

Наконец мы добрались до Спрингфилда. Тело доставили в здание суда штата. Его соседи еще раз взглянули на это хорошо знакомое лицо, действительно, изможденное годами напряженного труда, но сохранившее, как и прежде, доброе и безмятежное выражение.

Четыре года назад Линкольн, уезжая от них, сказал своим соседям: “Я не знаю, как скоро я увижу вас снова. Я собираюсь взять на себя задачу более трудную, чем та, которая ложилась на плечи любого другого человека со времен Вашингтона”. Он благородно выполнил свою задачу, и таков был способ его возвращения домой.

ГЛАВА X.

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВОЙНЫ.

Великое восстание подошло к концу. Оно не было закрыто несвоевременными уступками, которые оставили недовольную партию, не сломленную силами, готовой возобновить борьбу в более подходящее время. Борьба велась до победного конца. Власть рабов могла ошибаться, но она не была слабой. Конфликт был прекращен из-за полного истощения одного из сражающихся. Ли не сдавался до тех пор, пока его армия не была окружена врагом и два дня оставалась без еды. На великие вопросы, которые были заданы мечу, были даны окончательные ответы навсегда.

Цена была ужасной. На Северной стороне в какой-то период войны два миллиона семьсот тысяч человек носили оружие. Из них погибло в бою или в госпитале от ран, полученных в бою, девяносто шесть тысяч человек. В госпитале от болезней умерло сто восемьдесят четыре тысячи. Многие вернулись домой ранеными, чтобы умереть среди сцен своего младенчества. Многие вернулись домой, пораженные затяжной и смертельной болезнью. О них нет никаких свидетельств, кроме печальных воспоминаний, которые преследуют почти каждый дом на Севере.

Потери с южной стороны точно не установлены. Белое население восставших Штатов составляло примерно четвертую часть лояльного населения Севера. К концу войны у Севера был под ружьем целый миллион человек. Южные армии, которые сдались, насчитывали одну сто семьдесят пять тысяч человек. Если к этому добавить число тех, кто разошелся по домам, не дожидаясь формальной капитуляции, то представляется вероятным, что южные армии относились к северным в той же пропорции, что и население. Предположительно, потери были более значительными, поскольку смертность от болезней из-за больших трудностей, которые приходилось переносить, должно быть, была чрезмерной в армии повстанцев. Должно быть, есть доля правды в том, что сто пятьдесят тысяч южан погибли на поле боя или в госпиталях.

Война обошлась Северу в семьсот миллионов фунтов стерлингов. Невозможно сказать, чего это стоило Югу. Предполагалось, что долг Конфедерации составит около трех с половиной тысяч миллионов долларов; но стоимость доллара была настолько неопределенной, что никто не

может назвать эквивалент в какой-либо надежной валюте. Кроме того, были разрушены железные дороги, сожжены дома, опустошены земли и, прежде всего, освобождены четыре миллиона рабов, которые были куплены их владельцами за триста или четыреста миллионов фунтов стерлингов. Было подсчитано, что общая стоимость войны с обеих сторон составила не менее тысячи восьмисот миллионов фунтов стерлингов.

Великие войны обычно обходятся дорого и приносят мало результатов. Какие результаты принес американский народ за огромные кровопролития и сокровища?

Они освободились от проклятия рабства. Эта несчастливая система сделала их притчей во языцех среди христианских народов. Это препятствовало прогрессу самой справедливой части страны. Это посеяло среди людей ненависть, которая постоянно держала их на грани гражданской войны. Теперь рабство исчезло.

В течение трех четвертей века умами южан владело убеждение, что они должны быть верны своему штату, а не Союзу. Каждое государство было суверенным. Объединившись сегодня с некоторыми братскими державами, она была свободна завтра отступить и вступить в новые комбинации. С этой точки зрения Америка была не нацией, а просто бессвязным сборищем независимых держав. Этот вопрос был поднят при разработке Конституции, и с тех пор он постоянно обсуждался. Теперь он решен. Кровь, пролитая в сотнях сражений, от Манассаса до Питерсберга, выражала уважение, с которым северяне относились к своей национальной жизни. Доктрина прав штатов была окончательно опровергнута капитуляцией армии Ли, и право Америки считаться нацией было установлено навсегда.

Во время войны часто говорили, что республиканские институты подвергаются испытанию. Вполне возможно, что война привела к тому, что народное правление с тех пор считалось провалом. Этого не произошло. Американцы наглядно доказали способность свободного народа самостоятельно определять свою судьбу как на войне, так и в мирное время. Они показали, что зависимость многих от немногих столь же необязательна, сколь и унижительна. Они прозвенели в колокол личного правления и вселили в мир надежду на то, что не только англосаксонская раса, но и все другие человеческие расы все же будут признаны достойными управлять самостоятельно.

Какой бы ужасной ни была цена войны, разве ее достижения не были больше? Люди, которые так охотно отдали свои жизни, погибли не напрасно. Америка и весь мир на протяжении многих поколений будут пожинать плоды крови, столь свободно пролитой в великой войне против рабовладельцев Юга.

ГЛАВА XI. ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Во всех гражданских конфликтах до сих пор побежденных безжалостно постигало горе. После того, как сопротивление прекратилось, воздвигается мрачный эшафот, и храбрецы, избежавшие меча, склоняются перед смертоносным топором. Многие предполагали, что американцы отомстят за себя в соответствии с древним обычаем. И здесь, опять же, привилегией Америки было подать благородный пример другим нациям. Почти каждый северянин потерял родственника или друга, но не было ни мольбы о мести, ни чувства горечи. За исключением сражений, северяне не пролили ни капли крови. Великая Республика была не просто сильной, решительной, стойкой — она была также необыкновенно и благородно гуманной.

Джефферсон Дэвис бежал на юг в то памятное воскресенье, когда пономарь церкви Святого Павла передал ему послание генерала Ли. Ему нужно было быть усердным, потому что отряд американской кавалерии быстро шел по его следу. Они следовали за ним через чахлые сосновые заросли, через реки и унылые болота, мимо хижин удивленных поселенцев, пока, наконец, не наткнулись на него возле маленького городка в Джорджии. 10 мая 1865 г. н.э. Они тихо окружили его отряд. Дэвис надел одежду своей жены, и солдаты сначала не увидели ничего более грозного, чем пожилая и не очень хорошо одетая женщина. Но неженственные ботинки, которые он носил, заставили присмотреться повнимательнее, и вскоре поверженный президент предстал перед своими насмешливыми врагами.

Сначала возникло подозрение, что Дэвис способствовал убийству президента. Если бы это было доказано, он умер бы, что вполне разумно, от руки палача. Но после проведения надлежащего расследования стало очевидно, что он не был виновен в этом преступлении. Какое-то время американский народ относился к Дэвису со справедливым негодованием, как к главной причине всего произошедшего кровопролития. Постепенно их гнев сменился мрачной, презрительной игривостью. Он должен был предстать перед судом за государственную измену. Часто называлось время, когда начнется судебный процесс; но время так и не пришло. В конце концов Дэвиса отпустили на свободу.

Что американцам было делать с миллионом вооруженных людей, которые сейчас у них работают? В Европе считалось, что эти люди никогда не вернутся к мирному труду. Правительство не могло рискнуть выпустить их на свободу по стране. Для них нужно было найти военную службу, и, вероятно, они были бы найдены в зарубежных войнах.

Пока европейские писатели были заняты этими мрачными предчувствиями, американское правительство, совершенно не подозревая о трудностях, приказало своим армиям выступить на Вашингтон. 23 и 24 мая 1865 года нашей эры В течение двух дней загорелые ветераны, которые

сопровождали Гранта и Шермана во многих кровопролитных боях, проходили по городу. Огромное множество людей со всех концов Союза смотрели на это с гордостью, но сдержанной радостью. А затем, как только мужчинам удалось выплатить причитающиеся им суммы, они вернули оружие, которым так храбро пользовались, и вернулись по домам. Прошло всего шесть недель с тех пор, как пал Ричмонд, а работа по расформированию уже продвинулась далеко вперед. Мужчины, участвовавшие в этой войне, были, по большей части, гражданами, которые свободно взяли в руки оружие, чтобы защитить национальную жизнь. Они не любили войну, и когда их работа была выполнена, они с благодарностью вернулись к своим обычным занятиям. Очень быстро американская армия насчитывала всего сорок тысяч человек. Европа, когда она немного поумнеет, последует американскому примеру. Расточительной глупости содержания огромных постоянных армий в мирное время не суждено навеки опозорить нас.

Какова была позиция мятежных государств, когда война закончилась? Были ли это провинции, завоеванные армиями Союза, с которыми следовало обращаться так, как победители сочтут необходимым; или они, несмотря на все, что они сделали, все еще были членами Союза, как и прежде? У самих повстанцев не было сомнений на этот счет. Они делали все возможное, чтобы покинуть Союз. Скрыть это было невозможно. Но им не разрешили покинуть его, и они никогда его не покидали. Поскольку они не были вне Союза, было очевидно, что они были в нем. И поэтому они заявили, что восстановят свои старые права и вновь займут свои места в Конгрессе, как будто никакого восстания не произошло.

Преемником мистера Линкольна стал Эндрю Джонсон, человек, чья грубая энергия подняла его с низшей должности портного на самый высокий пост в стране. Он был недостаточно образован, с ущербными суждениями, слепо и яростно упрям. Он поддерживал повстанцев в их экстравагантных притязаниях. Он придерживался строго логической точки зрения, что такого понятия, как отделение, быть не может; что мятежные штаты никогда не выходили из Союза; что теперь не требовалось ничего, кроме того, чтобы повстанцы, смирившись со своим поражением, вернулись на свои старые позиции, как будто “недавних неприятностей” не произошло.

Американский народ был слишком мудр, чтобы прислушаться к логике президента и сбитых с толку рабовладельцев. Они сохранили жизнь своей нации, пожертвовав собой, что наполнило их дома горем и лишениями, и их не обманом лишат преимуществ, которые они приобрели такой дорогой ценой. Рабовладельцы навлекли на них великую национальную опасность, предотвратить которую им стоило бесконечных трудов. Они примут все возможные меры предосторожности, чтобы подобное вторжение в национальное спокойствие больше не повторилось.

Именно из-за положения, столь несправедливо отведенного негритянской расе, возник этот огромный беспорядок. Север, глядя на это глазами, наученными долгим и печальным опытом, решил, что негры никогда больше не должны разделять сестринство штатов. В почве не должно остаться ни единого корня горечи. Гражданство больше не должно было зависеть от цвета кожи. Долгое бесчестие, которому подвергались Отцы Независимости, должно было быть отменено; отныне американское законодательство не будет противоречить доктрине о том, что “все люди рождаются равными”. Теперь все мужчины, родившиеся или натурализовавшиеся в Америке, должны были быть гражданами Союза и штата, в котором они проживали. Отныне ни

один штат не может принимать никаких законов, которые должны ограничивать привилегии любого класса американских граждан.

Конгрессом была предложена поправка к Конституции, направленная на реализацию этих принципов. 30 марта 1870 г. н.э. На это согласились Штаты — не без нежелания со стороны некоторых. Революция — такая масштабная и такая благотворная - теперь была завершена. Негр, который совсем недавно не имел никаких прав, которые белый человек был обязан уважать, теперь полностью обладал всеми правами, которыми пользовался сам белый человек. Преемником Джефферсона Дэвиса в Сенате Соединенных Штатов был негр!

Задача Севера теперь состояла в том, чтобы “перевязать раны нации” — задача, на которую мистер Линкольн возлагал такие радостные надежды и которую он бы так хорошо выполнил. Не было потеряно ни минуты, чтобы приступить к этому. В сознании северян не осталось чувства обиды. Юг был совершенно истощен и беспомощен — без еды, без одежды, без каких-либо ресурсов. Осталась только земля. Правительство обеспечивало продовольствием, без которого во многих частях страны была бы большая смертность от крайней нужды. Гордые южане, обузданные голодом, были рады прийти в качестве просителей хлеба насущного к правительству, которое они так долго стремились свергнуть.

С небольшим опозданием почти все мятежники получили прощение правительства и приступили к работе по восстановлению своего разрушенного состояния. К счастью для них, средства были под рукой. Хлопок по-прежнему стоил непомерно дорого. Негры остались, хотя уже не в качестве рабов. Теперь с ними приходилось обращаться как с вольнонаемными работниками, за услуги которых нельзя было получить иначе, как за соответствующую заработную плату. В такой масштабной революции трудности были неизбежны; но, в целом, черные люди хорошо сыграли свою роль. Говорили, что они не согласились бы работать, когда у них была свобода выбора. Это предсказание не сбылось. Когда с ними обращались по-доброму и им справедливо платили, они проявляли желание работать. Очень скоро до плантаторов начало доходить, что рабство было ошибкой. Те из их числа, кто был способен распоряжаться капиталом, обнаружили, что богатеют с невиданной ранее быстротой. При старой и расточительной системе выращиваемый урожай хлопка обычно продавался северным торговцам и оплачивался плантатору до того, как он был собран. Теперь стало возможным вести дела на плантации, вообще не будучи в долгах. Через пять лет после окончания войны, возможно, не будет преувеличением сказать, что мужчины Юга скорее перенесли бы страдания еще одной войны, чем позволили бы восстановить ту систему, ради сохранения которой они, по ошибке, столько вынесли.

ГЛАВА XII.

КАК АМЕРИКАНЦЫ ЗАБОТИЛИСЬ О СВОИХ СОЛДАТАХ.

Войны, как правило, развязывались королями для удовлетворения своих собственных амбиций или мести. Эту войну развязал американский народ, и он добровольно вел ее своими собственными руками. Почти все сражавшиеся были американцами, в основном добровольцами. Те, кто остался дома, относились к ним с глубочайшим интересом. Обычно число солдат, умирающих от болезней, вызванных перенесенными ими лишениями, больше, чем число тех, кто умирает от ран. Американцы стремились спасти своих солдат от лишений, которые отнимают так много храбрых жизней. Они создали два великих общества, названных Санитарной комиссией и Христианской комиссией. В казну этих обществ они внесли деньги и другие пожертвования на сумму в четыре миллиона фунтов стерлингов. Санитарная комиссия направила опытных офицеров-медиков в армии, чтобы они помогали им выбирать здоровые условия для лагерей; следили за тем, чтобы дренажом не пренебрегали; следили за питанием солдат, а также за их одеждой; обращали внимание правительства на все обстоятельства, которые угрожали здоровью армии. Его агенты следовали за армиями с вереницей повозок, наполненных всевозможными припасами. Все, чего мог пожелать солдат, в изобилии доставлялось из этих неисчерпаемых повозок. Там были одеяла, шинели и всевозможное нижнее белье. Там были костыли для хромых, вентиляторы, чтобы успокоить раненых в летнюю жару, бинты, губки, лед и даже противомоскитные сетки для защиты бедных страждущих в больнице. Огромные котлы на колесиках катились в арьергарде и всегда, в конце битвы или тяжелого марша, доставляли желанное подкрепление уставшим солдатам.

Христианская комиссия обязалась следить за духовными нуждами солдат. Ее президентом был Джордж Х. Стюарт, купец из Филадельфии, чье имя пользуется неизменной честью как символ всего мудрого и энергичного в христианском милосердии. Под эгидой этого общества тысячи священнослужителей покинули свои общины и отправились служить солдатам. Был предоставлен обильный запас Библий, трактатов, сборников гимнов и тому подобного чтения. Агенты Комиссии проповедовали солдатам, беседовали с ними, снабжали их книгами, помогали им общаться с друзьями дома. Но у них были более суровые обязанности, чем эти. Они должны были разыскивать раненых на поле боя и в госпитале; перевязывать их раны; готовить для них столько еды или питья, сколько они могли использовать; всеми возможными способами облегчать агонию храбрецов, которые отдавали свои жизни ради спасения нации. Сотни дам, таким образом, ухаживали за ранеными и больными, говорили с ними об их духовных интересах, готовили для них такие блюда, которые могли пробудить вялый аппетит. За умирающим солдатом ухаживали с нежностью. Последнее любовное послание было передано друзьям в далеком доме. Не было сделано ничего, что могло бы выразить людям, предоставившим это дорогостоящее доказательство своего патриотизма, ту благодарность, с которой страна относилась к ним.

Благодаря бдительной заботе американского правительства и народа число человеческих жертв в результате болезней в армии Севера было на редкость небольшим. Никогда еще не было войны, в которой здоровье армии было бы таким хорошим, а потери жизней из-за болезней такими незначительными.

Когда война закончилась, американцы с грустью и благоговением взялись за работу по сбору на национальных кладбищах костей павших. Поиски были долгими и кропотливыми, поскольку полем битвы был континент, и людей хоронили там, где они умерли. Было обыскано каждое поле битвы. Обыскивалась каждая линия, по которой продвигалась армия или по которой вывозили раненых. Иногда длинная вереница машин скорой помощи доставляла раненых в больницы, расположенные за много миль отсюда. Через короткие промежутки времени, во время этого печального путешествия, стало известно, что умер человек. Поезд был остановлен; мертвеца подняли рядом с его умирающими товарищами; была вырыта неглубокая могила, и в нее положили еще теплое тело. Солдат срезал с дерева ветку, расплющил ее конец своим ножом и написал на ней имя покойного. Это было все, что отмечало место его скромного упокоения. Почитаемые мертвецы, рассеянные таким образом по континенту, теперь были благочестиво собраны. На многие мили вокруг Петербурга земля была полна могил. В течение нескольких лет люди занимались меланхолическими поисками среди руин широко растянувшихся линий. На одних кладбищах покоятся десять тысяч, на других - двадцать тысяч человек, погибших за нацию. На железной табличке записано имя солдата и сражение, в котором он погиб. Увы, часто! запись просто о "Неизвестном солдате". Над могилами реет флаг, который так любили те, кто спит внизу. Ничто в Америке не трогает так, как ее национальные кладбища. Столько отважных молодых жизней отдано даром, чтобы нация могла быть спасена! Столько благодарных воспоминаний о тех, кто дал это высшее доказательство своей преданности!

Книга пятая.

ГЛАВА I.

ВОССОЕДИНИВШАЯСЯ АМЕРИКА.

Давным-давно вдумчивые люди предвидели, что постоянный союз между сообществами рабов и свободными сообществами невозможен. Мудрые американцы знали, что их страна не может оставаться "наполовину рабской, наполовину свободной". Рабство было источником, из которого постоянно била кровь борьба. Существовал непрекращающийся конфликт интересов.

Существовал еще более серьезный конфликт чувств. Север был унижен порицанием, которым ему пришлось поделиться со своими заблудшими сестрами. Юг был поражен осознанием того, что христианский мир питает отвращение к ее самому дорогому институту. Южный характер становился все более жестоким, властным, неразумным. Было известно, что близки какие-то масштабные перемены. Рабство должно прекратиться на Юге или распространиться на Север. Для страны не было опоры между той всеобщей свободой, которая была установлена на Севере, и излюбленной доктриной Юга о том, что капиталист должен владеть рабочим.

Юг обратилась к мечу, и решение было против нее. Она честно и мудро приняла его. Она признала, что теперь окончательно доказано, что рабочий - это не товар, а свободный и ответственный гражданин. Это признание положило конец эпохе раздоров между Севером и Югом. Бороться больше было не за что. Больше не было Севера и Юга в старом враждебном смысле, а была единая нация, интересы и симпатии которой быстро становились идентичными. Было предсказано, что Америка еще распадется на несколько наций. Какие события могут ожидать Америку в грядущие века, мы не знаем. Но мы точно знаем, что единственное обстоятельство, которое угрожало расколу между братством штатов, устранено, и что национальное существование Америки покоится на основах, по крайней мере, столь же прочных, как те, которые поддерживают любую нацию в мире.

Юг отбросил всякую мысль о вооруженном сопротивлении и совершенно добросовестно согласился на отмену рабства. Ее лидеры, однако, не согласились с готовностью на те гарантии будущего спокойствия, которых требовал Север. К концу войны одиннадцать штатов остались без законного государственного управления; и Север не допустил бы восстановления утраченных привилегий до тех пор, пока не были приняты те конституционные изменения, посредством которых было обеспечено политическое равенство негров. Стало легко согласиться с тем, что негр должен быть свободен; было очень трудно согласиться с тем, что он должен заседать в Законодательных собраниях штатов и иметь влиятельный голос при разработке законов для тех, кто недавно владел им. Несколько штатов отказались согласиться с соглашениями, которые их так глубоко унизили, в отчаянии предпочтя на время лишить себя привилегии самоуправления и жить при правительстве, в создании которого они не принимали участия. Их упорное следование этому неразумному выбору привело к очень серьезному злу. Их делами неизбежно занималась Федеральная исполнительная власть, и президент Грант посылал им правителей из Вашингтона. Недостойные люди смогли с помощью искусных интриг захватить контрольные позиции и поспешили на юг без цели залечить раны войны; намереваясь лишь разграбить для собственной выгоды обнищавшие и страдающие государства. Финансы Юга были в крайнем беспорядке. Государственный долг чрезвычайно возрос во время войны; но Север предотвратил трудности, которые могло вызвать это увеличение, настаивая на том, что ни один долг, возникший для целей восстания, не должен признаваться в качестве общественного обязательства. Временные правители Юга незамедлительно обратили внимание на возможность получения займов якобы для восстановления железных дорог и других необходимых работ. Тогда еще не осознавали, насколько фатально был опустошен Юг, и люди поспешно пришли к выводу, что преимущества почвы и климата должны обеспечить ему быстрое финансовое оздоровление. Лелея такие надежды, капиталисты по обе стороны Атлантики были готовы предоставлять займы различным Южным штатам. Эти денежные средства лишь в очень малой степени использовались на нужды государств, от имени которых они были получены; большая часть была преступно присвоена недобросовестными лицами, чье положение давало им возможность сделать это.

Впоследствии, когда мошенничество было полностью раскрыто, обманутые государства отказались от обязательства вернуть денежные средства, которые они не получали и которые, по их утверждению, были одолжены лицами, которые ни в коем случае не были их слугами. Доброе имя Юга сильно пострадало, и ее выздоровлению серьезно помешали эти неудачные сделки.

Неизбежные трудности восстановления были серьезно усугублены ожесточенным конфликтом мнений, который разгорелся между президентом Джонсоном и Конгрессом. Президент не одобрял условия, которые Конгресс считал необходимыми для переговоров с Югом, и он постоянно накладывал вето на все меры, которые расходились с его теорией о том, что повстанцы имели право быть принятыми без каких-либо условий. Его сопротивление практически не имело значения, поскольку страна была единой, и Конгресс смог принять все свои меры вопреки вето президента. Однако раздражение, вызванное его противодействием воле общества, выросло настолько, что привело к его импичменту и судебному разбирательству в Сенате с целью его насильственного отстранения от должности. Его врагам не удалось добиться обвинительного приговора, хотя они были так близки к тому, что одно дополнительное враждебное голосование привело бы к резкому прекращению президентства мистера Джонсона. Конституционный механизм Америки сейчас работает настолько гладко, что судебный процесс и ожидаемое низложение главы правительства не отразились ни на коммерческих интересах страны, ни на ведении государственных дел.

В течение пяти лет после окончания войны некоторые Южные штаты продолжали отказываться от условий, на которых настаивал непреклонный Север, и продолжали терпеть зло военного правления. Однако постепенно, по мере того как время смягчало горечь поражения, они отзывали свой отказ и согласились возобновить свое положение в Союзе на тех условиях, которые им были предложены. В 1870 году президент Грант смог объявить о завершении восстановления Союза, для спасения которого его собственное руководство так много сделало.

Восстановление промышленности Юга было неожиданно медленным. Промышленные механизмы страны были полностью разрушены. Население уменьшилось; капитал исчез; земледелие, за исключением предметов, необходимых для пропитания, прекратилось; многие цветные рабочие бежали на север, и труд тех, кто остался, приходилось обеспечивать на совершенно новых и неизвестных условиях. Восстановление разрушенных фрагментов промышленной системы неизбежно было утомительной и трудной работой. Но благотворное давление необходимости, в равной степени ложившееся как на белых, так и на черных, вынуждало обоих приспосабливаться к обстоятельствам, в которые они были поставлены. Плантаторы привлекали столько работников, сколько могли нанять и за которые были в состоянии заплатить, и обрабатывали те участки своих земель, которые они могли таким образом захватить. Негры всегда были готовы услужить любому человеку, который регулярно платил жалованье; но очень часто поначалу оказывалось, что не было человека с достаточными деньгами, чтобы сделать это. В таких случаях негры занимались земледелием для собственного блага. Прогресс, достигнутый в отвоевании заброшенной земли, был очень медленным. Но на этой плодородной земле ни одно усилие человека не остается без щедрой награды. Каждый следующий урожай делал земледельца немного богаче, чем он был раньше. С каждым посевом обрабатывалась все большая площадь, пока, наконец, количество производимого хлопка не стало таким же большим, как когда-либо до войны, и обещает неуклонно увеличиваться. Постепенно возникла новая и более совершенная промышленная система — менее

живописная, чем та, которая была разрушена, но больше не основанная на зле, и поэтому более долговечная и более выгодная как для хозяина, так и для слуги.

Восстание вызвало среди северян энергичное проявление патриотических чувств, которые воодушевили их на всяческую самоотдачу. Но война также с исключительной силой возвращает зло, присущее человечеству, и эта патриотическая война оказала влияние не менее пагубное, чем другие войны. Колеблющаяся стоимость валюты и, следовательно, всех товаров, беспрецедентные возможности приобретения внезапного богатства способствовали повсеместному распространению коррупции в городах. Безрассудная личная расточительность, безумная спешка разбогатеть любыми средствами и общее падение коммерческой морали характеризовали годы, последовавшие за восстановлением мира. Политическое общество, никогда не отличавшееся повышением морального уровня, было глубоко испорчено. Даже среди людей, которых президент Грант выбрал достойными своего полного доверия, были такие, кто поддался преобладающему влиянию, и президент с огорчением обнаружил, что несколько членов его кабинета навлекли на себя позор коррупционных сделок. В управлении финансами крупных городов практиковались обычные хищения. Муниципальное управление Нью-Йорка попало в руки исключительно жадных и подлых людей, и карьера грабителей была остановлена только после того, как город был ограблен на многие миллионы долларов.

В течение нескольких лет после окончания войны промышленные интересы Америки, казалось, чрезвычайно процветали. Ее внешняя торговля быстро росла. Процветающие люди свободно покупали дорогостоящие предметы роскоши, импортируемые из Европы, и доходы купцов были щедрыми. Возникали новые фабрики; деревни разрастались в города; эмигранты числом в триста пятьдесят тысяч человек ежегодно спешили обменять бедность Европы на изобилие этой земли обетованной; ежегодно население увеличивалось на миллион человек. Ежегодно прокладывались новые железные дороги протяженностью от пяти до шести тысяч миль, что требовало ежегодных расходов в размере от тридцати до сорока миллионов фунтов стерлингов. Доверчивые капиталисты Европы предоставили средства, необходимые для поддержания этого опасно быстрого роста. Перепись населения 1870 года показала, что за десять лет богатство народа почти удвоилось и что его годовой заработок теперь составлял две тысячи миллионов фунтов стерлингов. Казалось, что впервые в истории затяжная и дорогостоящая война велась без материального ущерба для воюющих сторон.

Но неизбежное возмездие не было отменено; оно было лишь отсрочено. Сентябрь 1873 г. н.э. В то время как потоки коммерческой деятельности все еще текли с непривычной быстротой и гладкостью, крах крупного финансового дома в Нью-Йорке послужил сигналом к панике, которая быстро приняла беспрецедентно серьезный характер. Бизнес замер; биржи закрылись; банки перестали выдавать деньги; выплата долгов стала невозможной. За короткое время интенсивность возбуждения спала, оставив после себя глубоко укоренившуюся депрессию, которая продолжалась шесть лет. Теперь было обнаружено, что люди обманывали себя иллюзорным процветанием — что все ценности были дико раздуты; и очень для многих стало печальным и удивительным опытом, что их воображаемое богатство частично или полностью исчезло. Фабрики закрывались; ремесленники не могли найти работу; заработная плата падала шаг за шагом, пока во многих отраслях промышленности она не сократилась не менее чем на сорок процентов. Все акции и все виды собственности прискорбно упали в цене; железнодорожные компании и другие заемщики иностранного капитала прекратили выплату

обещанных процентов; иммиграция почти прекратилась — ибо кто теперь стал бы искать дом в этой многострадальной и нищей стране?

Америка вышла из тех несчастных лет с неизменной жизнеспособностью; с улучшением финансового положения; с впервые организованной промышленной системой на основе строгой экономии; с исправлением взглядов ее народа и укреплением его характера перед лицом невзгод. Оперативники, которые не смогли найти работу в городах востока, перебрались на запад и теперь вносят свой вклад в величие нации, обрабатывая почву. Личная расточительность прекратилась, а импорт иностранных товаров сократился на треть. С другой стороны, экспорт в значительной степени увеличился. Америка в течение многих лет привыкла использовать количество иностранных товаров, гораздо большее, чем она была в состоянии оплатить за счет собственных излишков производства. При погашении излишка она терпела истощение своих запасов драгоценных металлов или на время нейтрализовала его за счет займов, которые ее люди получали за границей. Теперь все изменилось. Америка экспортировала так много своих мануфактур и продуктов своей земли и так тщательно ограничивала свои закупки иностранных товаров, что теперь она вынуждена получать от иностранцев ежегодный баланс, превышающий пятьдесят миллионов фунтов стерлингов. И в течение тех болезненных лет, через которые она прошла, в то время как почти все европейские страны продолжали увеличивать свой государственный долг, Америка продолжала сокращать свой. Ее долг, который к концу войны составлял шестьсот миллионов фунтов стерлингов, тринадцать лет спустя составлял всего четыре сотни миллионов.^[2] И хотя в какой-то период сумма, равная половине ее нынешнего долга, была должна иностранцам, сейчас она в размере пяти шестых должна своим собственным гражданам. Ее валюта, которая долгое время была со скидкой, постепенно росла в цене, пока не достигла номинала. После семнадцати лет неконвертируемой валюты платежи в звонкой монете были возобновлены без малейших неудобств для торговли страны.

ГЛАВА II.

АНГЛИЯ И АМЕРИКА.

Америка обратилась к Англии за сочувствием, когда началось восстание. Англия часто упрекала ее, часто предостерегала в связи с вопросом о рабстве. Война, которая угрожала ее существованию, была войной, которую вели люди, желавшие увековечить рабство и опасавшиеся растущей неприязни северян к этому институту. Север ожидал поддержки Англии во время ее испытаний. Было разумно ожидать, что глубокого отвращения к рабству, которое

долгое время царило в сознании английского народа, будет достаточно, чтобы заставить этот народ отказаться от попыток создать великую независимую империю рабовладельцев.

К большому сожалению, это ожидание не оправдалось полностью. Рабочие Англии интуитивно поняли суть спора и без колебаний отдали свои симпатии Северу. В хлопкопрядильных районах были перенесены тяжкие страдания из-за того, что корабли Северян закупорили хлопок с Юга и лишили фабрики привычных запасов. Часто звучали призывы к тому, чтобы английское правительство приняло меры по снятию северной блокады. Голод толкает людей на неразумные и порочные поступки; но сам по себе голод никогда не смог бы убедить жителей Ланкашира принять какое-либо участие в войне против Севера. Столь искренней и глубокой была их убежденность в правоте дела северян.

Но среди аристократии и среднего класса Англии это было иначе. Их симпатии в значительной степени были отданы Югу. Их ввели в заблуждение определенные газеты, которым они ошибочно доверяли. Их ввело в заблуждение их восхищение храбрым народом, борющимся с превосходящим по силе врагом. Они были введены в заблуждение недостойной ревностью к величию Америки. Оказавшись под таким несчастливым влиянием, они передали свои добрые пожелания защитникам рабовладельческой системы. Север глубоко ощутил неожиданный отпор, и в результате возникло болезненное чувство отчуждения.

Произошел ряд обстоятельств, которые усилили это чувство. Через несколько недель после падения форта Самптер Англия, имея в виду, что на Юге было создано новое правительство, которое выполняло функции правительства, законно или нет, поспешила признать несомненный факт и признала Юг воюющей державой. Это вызвало сильное возмущение Севера, заявившего, что действия Юга были всего лишь восстанием, к которому иностранные страны не имели никакого отношения. Несколько месяцев спустя британский почтовый пароход "*Трент*" был остановлен опрометчивым американским капитаном, и два джентльмена, уполномоченные в Англии от правительства повстанцев, были взяты в плен. Пленники были освобождены, но оскорбление британского флага пробудило сильное чувство негодования, которое не скоро прошло. И еще: на ливерпульской верфи был построен пароход, который, как считалось, должен был служить Конфедерации, уничтожая торговое судоходство Севера. Американский посол обратился к британскому правительству с просьбой задержать судно. Действия правительства были настолько нерешительными, что судно отплыло до того, как был отдан приказ о его задержании. В течение двух лет "*Алабама*" и некоторые другие корабли, также стоявшие в английских портах, бороздили моря, сжигая и топя американские корабли и нанося огромный ущерб американской торговле. Эти обстоятельства усилили преобладавшее горькое чувство.

Американское правительство постановило, что Англия не выполнила обязанность, возложенную на нее международным правом, и, следовательно, возложила на себя ответственность за грабежи в *Алабаме*. Выдающиеся английские юристы высказали такое же неприемлемое мнение, и через несколько лет после окончания войны английское правительство мудро решило добиваться урегулирования этого вопроса. В 1869 году нашей эры министр иностранных дел и американский министр заключили международный договор, в соответствии с которым этот вопрос решался путем ссылки на арбитраж беспристрастных лиц. Этот договор был направлен в Вашингтон для подтверждения в соответствии с разумным американским правилом, согласно которому договоры с иностранными державами должны

получать санкцию Сената. Но чувства американцев еще не были готовы к какому-либо урегулированию разногласий, которые так глубоко ранили нацию. Дело было не в том, что условия предлагаемого урегулирования вызывали возражения; скорее, немедленного урегулирования не желали. Американский народ решил, что этот вопрос должен на какое-то время остаться открытым. Их раздражение еще не улеглось, и многие из них утешали свои разгневанные умы тем, что, когда Англия снова окажется втянутой в какое-нибудь из тех европейских затруднений, которые обычно ее преследуют, вопрос об *Алабаме* должен быть решен. Сенат осуществил общее пожелание, отказавшись от санкции договора, и президент Грант поручил своему министру при английском дворе воздержаться от дальнейших переговоров.

1871 год н.э. Но прошло немного времени, и раздражение отнюдь не неумолимых американцев утихло. Англия повторила свое предложение передать спор в арбитраж, сопроводив это предложение выражением сожаления в связи с тем, что судоходству Америки были нанесены столь серьезные повреждения. Она также согласилась с тем, что арбитры должны руководствоваться определением нейтральных обязанностей, составленным таким образом, чтобы это, по сути, осуждало ее поведение и делало неизбежным неблагоприятное решение. Америка приняла это предложение, и оказалось, что спор, который в более ранний период навлек бы на две нации страдания большой войны, легко поддается мирному урегулированию. Сделка имеет большое значение, поскольку это самый крупный шаг, который когда-либо был сделан в направлении урегулирования национальных разногласий с помощью разума, а не грубой силы.

Арбитрами были пять человек, назначенных королевой, Президентом, королем Италии, Президентом Швейцарии и императором Бразилии. Их обсуждения проходили в спокойном городе Женеве, удаленном от влияния спорящих сторон. Америка представила заявление о своих ошибках и о компенсации, на которую, по ее мнению, она имеет право. Ее дело было изложено с большим мастерством, и это привело к многочисленным и болезненным доказательствам того, что нейтралитет, с которым Англия относилась к конфликту, был нейтралитетом, полным сочувствия к рабовладельцам. Но предъявленный иск был непомерно велик. Америка утверждала, что Англия должна возместить ей расходы на военные корабли, которые были задействованы для преследования пиратских крейсеров. Она утверждала, что, поскольку ее судовладельцы были вынуждены продать свои суда иностранцам, Англия должна понести убытки, возникшие в результате этих принудительных продаж. Прежде всего, она утверждала, что затягивание войны после битвы при Геттисберге было связано с влиянием пиратских кораблей; и она выдвинула огромное требование, чтобы Англия возместила ей стоимость почти двухлетних боевых действий. Арбитры вынесли решение, что Англия несет ответственность за имущество, уничтоженное *"Алабамой"* и другими крейсерами, и постановили, что она должна возместить ущерб выплатой трех миллионов фунтов стерлингов. Претензия о возмещении убытков, косвенно возникших в результате этих неудачных сделок, была отклонена.

Когда были расследованы претензии потерпевших от действий пиратских судов, было установлено, что арбитры переоценили их. Американское правительство, удовлетворив все подтвержденные требования, обнаружило, что у него все еще есть около миллиона английских денег. Многие американцы хотели, чтобы эта сумма была возвращена Англии, но Конгресс не поднялся до такой щедрости.

Когда спор вокруг *Алабамы* был закрыт, между двумя странами не осталось причин для отчуждения. Все хорошие люди по обе стороны Атлантики искренне желают, чтобы Англия и Америка стали крепкими друзьями. Для Англии было возможно, проявив к Северу ту симпатию, которая, как мы теперь признаем, была заслуженной, неразрывно связать две страны друг с другом. К несчастью, возможность была упущена, и возникло ненужное отчуждение. Но этому не суждено было продолжаться, и оно давным-давно полностью прошло. Англия и Америка теперь понимают друг друга так, как никогда раньше. Постоянное общение их граждан - это узы союза, уже настолько прочные, что никакая глупость правительств не сможет их разрушить. Можно справедливо надеяться, что раздражение, возникшее во время войны, сменилось прочным согласием между двумя большими частями англосаксонской семьи.

ГЛАВА III. *ИНДУСТРИАЛЬНАЯ АМЕРИКА.*

Избранная американским народом карьера - это карьера мирного производства. Мудро избегая славы и бедствий войны, они посвятили себя более достойному труду по освоению ресурсов континента, которые являются их великолепным наследием. В течение четырех лет они были вынуждены отдавать свои силы войне, от успешного исхода которой зависело существование нации. Когда эти печальные годы закончились и конфликт прекратился, они с новой силой вернулись к своим привычным занятиям.

Промышленное величие Америки по-прежнему в значительной степени связано с сельским хозяйством. Почти половина ее населения живет за счет возделывания почвы. Более трех четвертей товаров, которые она продает иностранцам, составляют сельскохозяйственные продукты. Общая стоимость урожая, который она собрала в 1878 году, составила не менее 400 000 000 фунтов стерлингов. Чужеземцев, которые помогают наращивать ее могущество, привлекает к ее берегам надежда легко завладеть плодородной землей. Ее прогресс в производственном искусстве был очень быстрым, но он не может соперничать с гигантским ростом ее сельского хозяйства.

Сельскохозяйственная система Америки в высшей степени благоприятна для дешевого производства. Незанятые земли являются собственностью нации и передаются земледельцам на льготных условиях и во многих случаях безвозмездно. Фермер, платящий ренту, практически неизвестен; фермер владеет землей, которую он обрабатывает. Его ферма стоила ему немного, а поскольку постоянное повышение стоимости сводит на нет даже это, можно сказать, что она

не стоила ему ничего. Средняя ферма в Западных Штатах составляет сто шестьдесят акров. Его выращивают практически без финансовых затрат. Фермер и его семья выполняют работу на ферме с помощью соседа в периоды больших посевных и жатвенных работ. Эта помощь вознаграждается натурой и, следовательно, ничего не стоит в деньгах. Богатая, глубокая, целинная почва не требует внесения навоза в течение многих лет. Единственным бременем на ферме является содержание фермера и его семьи, а также четырех волов или мулов, которые разделяют его труды. Его местные налоги незначительны. Его национальный налог составляет менее половины того, что платит английский фермер.[3] Зло удаленности от крупных рынков мира нейтрализуется низкой платой, по которой его зерно перевозится по железной дороге или каналу.[4] Его хозяйство небрежно, настолько, что два акра земли в долине Миссисипи дают урожайность не более одного акра в Англии.[5] Но если его сельское хозяйство грубое, оно постоянно совершенствуется; и, между тем, оно настолько недорогое, что он может отправлять его продукцию в Англию, за четыре тысячи миль отсюда, и продавать там фермеру дешевле. Вокруг нас происходит масштабная революция, результаты которой мы пока недостаточно осознаем. Устаревшая, полуфеодалская земельная система Англии движется к своему падению, неспособная удержаться в присутствии более свободной и естественной системы Запада.

Иммиграция ослабевала в первые годы войны. Смятенное состояние страны и опасения по поводу ее будущего, столь широко распространенные в Европе, послужили достаточной причиной, по которой людям, ищущим дом, следует избегать Америки. Но когда усилия Севера увенчались успехом, его бывшая привлекательность для эмигрирующего класса возобновила свою силу. Затем в общественное сознание стало вдалбливаться, что прогресс Запада тормозится отсутствием адекватных коммуникаций. За рекой Миссури не было железной дороги. От этого пункта сообщение на запад до Тихого океана зависело от грубой системы почтовых карет или фургона предприимчивого первопроходца. Это было путешествие длиной почти в две тысячи миль по безлюдной дикой местности. Трудности были чрезвычайными, а опасности немалыми, ибо путь был осажден враждебно настроенными индейцами, и путешественник должен был быть в постоянной готовности к бою. Этот обширный регион, состоящий в основном из богатых прерий, был практически закрыт для прогресса. Ресурсы страны, как казалось, могли быть освоены только на окраинах континента или у берегов ее великих судоходных рек.

Теперь было решено построить железную дорогу, которая соединит Атлантику с Тихим океаном и откроет для использования человеком обширные просторы плодородной почвы. Стимулируемые щедрыми грантами национальной земли, две компании начали строительство — одна к востоку от Сан-Франциско, другая к западу от Миссури. Поскольку площадь выделенной земли была строго пропорциональна протяженности проложенной линии, каждая из компаний максимально расширила свою деятельность. Работа была выполнена в спешке и, как многие тогда думали, небогато; но опыт доказал ее достаточность. 1869 год н.э. В назначенное время линии сошлись; последняя перекладина была уложена не без волнения, как и подобает завершению столь грандиозной работы. С помощью электричества удары молотка, забивавшего последний шип, были слышны в главных городах востока. Союз востока и запада теперь был завершен, и многие миллионы акров богатой земли, доселе недоступной, были добавлены к наследию человека. Дикие обитатели этих земель были безжалостно оттеснены в сторону. Индейцы были опасно враждебны к рабочим, строившим железную дорогу, и они проявляли некоторую склонность создавать неприятные помехи для поездов, которые по ней

ходили. Теперь их собрали и поместили в определенные “резервации”, которые, как было хорошо известно, будут зарезервированы для индейцев только до тех пор, пока они не понадобятся белым людям. Когда железная дорога была недавно открыта, путешественники могли время от времени смотреть из окон на обширную темную равнину с бесчисленными стадами буйволов, угрюмо бредущих по своим обычным кочевьям. Были замечены стада антилоп, спасавшихся бегством от этого нового нарушителя их спокойной жизни. Луговая собачка, сидя на своем земляном холмике, с любопытством наблюдала за непривычным беспокойством. Все дикие существа были теперь бессмысленно убиты или изгнаны далеко. Устойчивая волна эмиграции потекла на запад. По соседству с железной дорогой часто попадались маленькие деревянные фермерские домики; рядом с остановками возникали деревни, которые разрастались в маленькие городки; города прежних времен быстро увеличивались и процветали. Поселенцы сажали быстрорастущие деревья, и постепенно, по мере того как линия поселений тянулась на запад, монотонность этих унылых равнин скрашивалась рощами, жилищами и возделанными полями.

Айова, Индиана, Иллинойс перестали рассматриваться как принадлежащие западу и заняли место старых и полностью заселенных центральных штатов. За Миссури открылась новая карьера для Канзаса и Небраски. Вплоть до начала войны на эти штаты претендовала рабовладельческая держава и за них велась борьба. Теперь день за днем железная дорога доставляла длинные составы, груженные иммигрантами — русскими меннонитами, спасающимися от преследований в Церкви и деспотизма в государстве; немцами, спасающимися от военной повинности; англичанами и ирландцами, покидающими земли, где владение землей было невозможно, за исключением немногих.

Техас — некогда убежище людей, ищущих освобождения от ограничений, налагаемых уголовным законодательством, — даже в Техасе процветал, и под благотворным влиянием процветания стал респектабельным. Ее население выросло за восемь лет с восьмисот тысяч до двух миллионов. Большая часть ее обширной территории^[6] все еще лежит невозделанной; но большая ее часть была восстановлена для использования человеком. Ее железные дороги все еще пересекают унылые леса и огромные безлюдные равнины; но они также несут путешественника мимо множества улыбающихся деревень и многих процветающих городов, где процветает торговля, где много школ и церквей. Они открывают ему хорошо оборудованные фермерские постройки; поля, богатые обильными урожаями; джунгли, где персики, апельсины, бананы, гранаты пышно растут под ласковым теплом полутропического солнца; обширные территории, по которым бродят мириады низкорослых, активных на вид техасских коров, разведение которых приносит людям богатство. Во многих городах Техаса мирно сосуществуют два противоположных типа цивилизации — старая мексиканская и молодая американская. Дворцовая повозка встречает упряжку волов и осла с его корзинами. Закутанный в покрывала индеец, мексиканец в пончо и сомбреро, американец в своем безупречном суконном костюме гармонично сочетаются на улицах. Красивые особняки, которыми изобилуют пригороды восточных городов, соседствуют со старинными мексиканскими жилищами, построенными из самана, с бойницами и стенами, на которых до сих пор видны следы от пуль забытых раздоров.

По мере того, как огромные минеральные ресурсы Скалистых гор становились все более очевидными, сюда стекались толпы людей в надежде на внезапное богатство, и штаты, включающие более богатые части хребта, стали домом для большого количества населения. На отдаленном северо-западе поразительно богатые урожаи пшеницы вознаграждали простое

земледелие поселенца. Закон, согласно которому культурные растения наиболее продуктивны вблизи северной границы своего произрастания, был проиллюстрирован счастливым опытом Дакоты и северной Миннесоты, где выращивание пшеницы в настоящее время стало одним из самых прибыльных промышленных занятий. Железные дороги этих Штатов расширяются со всей возможной скоростью, и каждое расширение сопровождается новым притоком поселенцев. Опытных фермеров из старых и менее продуктивных штатов привлекают на северо-запад непревзойденные преимущества почвы и климата. В течение 1878 года в северной Миннесоте было приобретено не менее пяти миллионов акров земли для немедленного возделывания.[7]

Америка никогда не удовлетворялась простым сельскохозяйственным величием. Стремление к производству возникло одновременно с ее происхождением и росло вместе с ее растущей силой. Через двадцать лет после высадки Отцов-пилигримов в Массачусетсе были объявлены щедрое пожертвования для поощрения производства льняных, шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Когда прядильное оборудование Arkwright было введено в Англии, американцам не терпелось самим приобрести столь ценное усовершенствование. Но английский закон, запрещавший экспорт машин, применялся жестко, и модели, тайно подготовленные для отправки в Америку, были изъяты. Но предприимчивых колонистов это не остановило. Зачатки их великой текстильной промышленности были достаточно скромными. Самой ранней движущей силой, применявшейся к хлопчатобумажным машинам, была рука; за ней, как за важным достижением, последовало использование силы животных.[8] Но рост спроса был быстрым, и до конца прошлого века применение гидроэнергетики было универсальным.

Рост потребления в Америке происходил быстрее, чем рост производства, и его приходилось покрывать за счет значительного импорта английских товаров. Англия, располагавшая обильным капиталом и дешевой рабочей силой, была в состоянии производить продукцию дешевле, чем Америка, и испытывающему трудности местному производителю приходилось жаловаться на конкуренцию, противостоять которой он был не в состоянии самостоятельно. Он обратился к правительству за защитой и был достаточно влиятелен, чтобы добиться желаемого. В течение многих лет вопрос о тарифе вызывал острые споры. Северные промышленники обычно добивались усиления защиты, которую южные плантаторы, не имея родственных интересов, которые нужно было защищать, часто не желали предоставлять. Введенные ставки росли или падали в зависимости от силы противоборствующих сторон и политических требований того времени. 1861 год н.э. Наконец, сразу после того, как представители Юга покинули Конгресс, а "друзья защиты" стали абсолютными, был введен в действие в высшей степени защитный тариф. Пошлины, масса которых колеблется от тридцати до пятидесяти процентов, а некоторые и гораздо больше, были наложены почти на все иностранные товары, доставляемые в американские порты. В соответствии с этим законом, лишь с небольшими изменениями, внешняя торговля Америки осуществлялась в течение последних восемнадцати лет, и до сих пор не произошло никаких изменений в американском мнении, которые оправдывали бы ожидание скорейшего возвращения к более либеральной системе.

Широкая защита, которой теперь пользовались, и активный спрос, вызванный войной, стимулировали рост производительной силы. За двенадцать лет количество машин, задействованных в прядении хлопка, удвоилось, увеличившись с пяти до десяти миллионов

шпинделей. Рост во многих других отраслях был столь же быстрым. Бок о бок с этим неоправданным развитием событий появились обычные плоды протекционистской политики. Существовало общее пренебрежение к экономии, преобладающая расточительность, которая, казалось, сводила на нет полученные преимущества и оставляла производителя по-прежнему нуждающимся в дополнительной защите. Но теперь возникла новая конкуренция, от которой невозможно было защититься. Удачу отечественного производителя омрачала уже не иностранная конкуренция; это была еще более смертоносная конкуренция, возникшая в результате чрезмерного производства внутри страны. Особенно когда паника 1873 года так внезапно снизила покупательную способность американского народа, стало ясно, что даже если бы европейские мануфактуры были полностью исключены, Америка больше не могла бы потреблять товары, которые могли производить ее машины.

За годы страданий, последовавших за паникой, американские производители приобрели опыт "приятного использования" невзгод. Теперь им было необходимо прежде всего изучить дешевизну. Заработная плата была снижена; настойчиво и успешно искали усовершенствованные приборы, с помощью которых можно было бы снизить затраты; экономика во всех деталях изучалась с особой тщательностью. Полученный результат имел большое национальное значение. Через несколько лет американские промышленники обнаружили, что в отношении многих предметов общего потребления они теперь могут производить их так же дешево, как их конкуренты в Англии, и что они совершенно независимы от той законодательной защиты, которая до сих пор считалась необходимой.

По мере роста мастерства и осторожности местного производителя закупки, которые Америке приходилось совершать у иностранцев, значительно сокращались. Ее импорт в 1878 году был на треть меньше, чем в 1873 году. Она прекратила закупать железнодорожное железо и более чем на восемь десятых сократила закупки других видов железа. Она почти перестала пользоваться европейскими часами, заметно отдалившись от нас в этой отрасли промышленности. Она почти наполовину сократила использование иностранных книг и других публикаций. Если раньше ей требовались глиняные и стеклянные изделия из Европы стоимостью в тринадцать миллионов долларов, то теперь было достаточно семи миллионов. Ее использование иностранных ковров сократилось до одной десятой; иностранного хлопка и шерсти - до половины; изделий из дерева - до одной трети; изделий из стали - чуть более одной трети. Апрель 1879 г. н.э. И в объяснение этого факта упадка нашей дипломатической миссии в Вашингтоне вносит зловещее предположение: "Сокращение импорта упомянутых товаров было в значительной степени вызвано замещением рынков этой страны товарами американского производства".

Но американцев не удовлетворило это ограничение их закупок у иностранных производителей. Желание самим стать экспортерами промышленных товаров возникло в годы депрессии, последовавшей за паникой. В условиях чистой демократии Америки общее желание очень быстро воплощается в действия правительства. В 1877 году государственный секретарь обратился к своим консулам во всех частях света с просьбой собрать для него всю информацию, которая могла бы быть полезной американским промышленникам, которые искали рынки сбыта своих товаров в зарубежных странах. Ответы предоставили ему в распоряжение массу информации, которую ни одно правительство никогда прежде не брало на себя труд собирать, относительно условий зарубежных рынков и возможностей, которые существовали или могли быть созданы на каждом из них для американских производителей.

Рост этой торговли до сих пор был устойчивым, но не быстрым, и даже сейчас он достиг лишь умеренных размеров. В 1870 году американские изделия были экспортированы на сумму пятнадцать миллионов фунтов стерлингов, в то время как в 1878 году их стоимость возросла до двадцати семи миллионов. Главными среди товаров, составляющих этот респектабельный агрегат, являются хлопчатобумажные ткани, изделия из дерева, кожи, железа и стали, включая машины, инструменты и сельскохозяйственный инвентарь. Америка продает глупым нациям, которые еще не выросли из периода своих войн, огнестрельное оружие, патроны, порох и снаряды на сумму почти в полтора миллиона фунтов стерлингов. Множество товаров, покидающих ее порты, показывают, насколько остро преследуется ее внешняя торговля. Она присылает домашнюю мебель, изготовленную на станках, и продает ее по ценам, которые британскому столяру-краснодеревщику кажутся разорительными. Она присылает столовые приборы и дорогостоящие инструменты, которые повергают мужчин Шеффилда в уныние, но, по-видимому, не стимулируют их к совершенствованию. Она присылает часы, изготовленные по технологиям, настолько превосходящим те, что до сих пор практикуются в Европе, что швейцарские производители недвусмысленно признали безнадежное поражение. Она присылает лекарства, расчески, парфюмерию, мыло, духи, писчую бумагу, музыкальные инструменты, стеклянную посуду, экипажи. Все это товары, за которые всего несколько лет назад она сама была в долгу перед Европой. Теперь она сама обеспечивает свои потребности и имеет увеличивающиеся излишки, для которых ищет рынки сбыта за рубежом. Ее политика защиты обошлась сверх всякого расчета; но те, кто поддерживал ее, теперь с разумной гордостью указывают на великолепное место, которое заняла Америка среди стран-производителей Земли.

ГЛАВА IV.

ОБРАЗОВАНИЕ В АМЕРИКЕ.

Отцы-пилигримы привезли с собой в Новую Англию глубокое убеждение в том, что жители штата, который они основали, должны быть образованными повсеместно. Только в противном случае можно было надеяться на устойчивый успех их великого предприятия. С самого начала они заботились о том, чтобы обеспечить образование своих детей таким образом, насколько позволяли обстоятельства. Зародыш системы бесплатных школ можно найти в каждом из их юношеских поселений. Тщетно было бы искать в архивах европейских стран того времени свидетельства столь глубоко укоренившегося, столь широко распространенного, столь просвещенного чувства, как желание Новой Англии дать образование всем детям. Его искренность была доказана готовностью людей подчиниться налогообложению ради общего дела. В первые дни существования Коннектикута четверть доходов колонии направлялась на

поддержку школ. Задолго до революции школы, поддерживаемые на государственные средства и бесплатные для учеников, широко распространились по штатам Новой Англии. Эта любовь к образованию никогда не остывала. Когда колонисты обрели независимость и утвердились как ассоциация свободных людей, ведущих свои собственные общественные дела, к необходимости получения образования всеми добавилась новая актуальность. Уже тогда было ясно видно, что, хотя невежественные люди могли быть послушными подданными деспотизма, только образованные граждане были способны к самоуправлению. Северная Америка стремилась построить структуру республиканских институтов на прочном фундаменте всеобщего просвещения.

В Южных штатах аристократические тенденции, которые поощряла рабовладельческая система, были неблагоприятны для образования бедняков. Рабовладельцы желали подчинения; их собственность не повысилась в цене, а наоборот, благодаря образованию. Пока Америка все еще находилась в зависимости, английские уполномоченные по иностранным плантациям задали вопрос губернатору Вирджинии. “Я благодарю Бога, ” ответил губернатор, - что здесь нет бесплатных школ или типографий, и я надеюсь, что у нас не будет этих ста лет”. Надежда губернатора более чем оправдалась. Система общих школ была почти неизвестна на Юге, пока существовало рабство. Учить раба читать стало преступлением; у бедного белого не было желания учиться, и никто не стремился учить его. К концу восстания основная масса населения Юга была так же мало образованна, как сегодня русские крестьяне. Но не успел восстановиться мир, как страстное желание негров получить образование было удовлетворено щедрыми усилиями Севера. Учителя-северяне быстро приступили к работе с негритянскими детьми. Как только позволили средства разоренных штатов, на Севере была создана система общих школ. Это повлекло за собой бремя, которое они тогда были не в состоянии нести. Но это бремя было перенесено с готовностью, которая свидетельствует о том, что Юг теперь осознает свою потребность в образовании. Несмотря на свою бедность, некоторые штаты устанавливают для школьных целей более высокую ставку налогообложения для каждого члена населения, чем в Англии.

Американский народ проявляет глубокий и, как показывают последние сообщения, растущий интерес к своей системе общих школ. Их волнует не просто и не главным образом личная выгода отдельного гражданина. Это величие и постоянство государства.^[9] “Бесплатное образование для всех является первоочередной необходимостью республик”. Институты, которые полностью опираются на народную поддержку, требуют, как это необходимо для их безопасности, поддержки просвещенных людей. Это было то же самое убеждение, которое запечатлелось в Великобритании, когда, признав право домашнего голосования, она поспешила создать обязательную и всеобщую систему образования, чтобы можно было предотвратить опасности, которые могли возникнуть из-за невежества новых выборщиков. Более того, американцы твердо верят, что без образованного рабочего невозможно достичь успеха в промышленном искусстве. Согласно оценке, основанной на опыте работодателей, образованный работник ценнее на двадцать пять процентов, чем его невежественный соперник. Вот источник национального богатства, которым ни одно мудрое государство не пренебрежет. Американская теория гласит, что государство — ассоциированные граждане — имеет имущественный интерес в каждом из своих членов. Для блага общества оно вправе настаивать на том, чтобы каждый гражданин стал настолько эффективным, насколько это возможно для него; следовательно, расходование государственных средств для достижения этого результата является оправданным и приносящим доход расходом.

Понимая таким образом ценность общественного обучения, американский народ охотно взял на себя тяжелые расходы на содержание обычной школы. Они безропотно терпят налогообложение по ставке, которая для меньшего населения Англии и Уэльса составила бы девять миллионов фунтов стерлингов вместо фактически израсходованных четырех миллионов. И это не простой результат выделения земель для образовательных целей в то время, когда земля не имела ценности. Многие штаты мудро выделили одну шестнадцатую часть своей земли для поддержки своих школ. Но во многих старых штатах присвоение не соблюдалось; слишком часто, особенно на Юге, пожертвования использовались для других целей. Доход, получаемый в настоящее время от любого вида пожертвований, не превышает пяти процентов от общей суммы; остальная часть поступает от государственного или местного налогообложения. Одно время в некоторых штатах с учеников взималась плата. Но широко распространилось мнение, что такая плата во многих отношениях снижает эффективность системы. Шесть или восемь лет назад плата за обучение была отменена, и теперь школы страны бесплатны для всех. Американцы с одобрением наблюдают за увеличением своих расходов на образование. В течение десяти лет, предшествовавших восстанию, эти расходы были удвоены; опять же, в течение десяти последующих лет они были утроены. Сейчас она выросла почти до восемнадцати миллионов фунтов стерлингов — суммы, большей, чем все страны Европы вместе взятые расходуют на одни и те же цели. Однако, как бы велика она ни была, она равна не более чем двум третям суммы, которую Британия все еще расходует на свои военные и военно-морские приготовления.

Общей школой пользуются все классы американского народа. Когда-то среди богатых существовала склонность к тому, чтобы их дети получали образование у людей их социального положения, и для удовлетворения их потребностей возникло множество частных школ. По мере повышения эффективности обычных школ и, следовательно, популярности у общества, это отношение ослабло, а частные школы пришли в упадок. Сейчас их число намного меньше, чем десять лет назад, и продолжает сокращаться. За одним печальным исключением, общая школа удовлетворяет требованиям американского народа. Лидеры римско-католической церкви понимают, что ее влияние неблагоприятно для роста их догматов, и не перестают требовать средств для воспитания своих детей отдельно от детей тех, кто придерживается отличных от них религиозных убеждений. Но их предложения не встречают одобрения за пределами их собственной конфессии, и даже там оказывается лишь частичная поддержка. Американский католик более склонен, чем его собратья в Европе, впадать в нелояльную практику независимого суждения. Не было обнаружено возможности полностью оттолкнуть его от обычной школы.

Представляет интерес выяснить, в какой мере успех системы общего школьного образования вознаградил американский народ за огромные суммы, которые он тратит на ее содержание. На первый взгляд, статистика по данному вопросу дает обескураживающий ответ на такой запрос. Когда проводилась перепись населения 1870 года, она выявила высокий процент неграмотности. Семнадцать взрослых мужчин и двадцать три взрослые женщины из каждых ста были совершенно необразованными - число почти такое же высокое, как в Англии того же периода. Но особые обстоятельства страны объясняют эти цифры таким образом, что обычная школа снимает с себя всякую вину. Большая часть этой неграмотности имела свой дом в Южных штатах и среди цветного населения, чье невежество тщательно поддерживалось злыми законами и развращенным общественным мнением. Опять же, за десять лет, предшествовавших переписи, Америка приняла иммиграцию в количестве четырех с

половиной миллионов человек. Уровень образования этих иностранцев был низким, и поэтому их присутствие пагубно сказывалось на средних показателях, о которых сообщалось. О работе обычной школы следует судить в Северных Штатах и среди коренного белого населения, поскольку только там у нее была полная возможность действовать. И там она достигла великолепного успеха. В штатах Новой Англии на каждые сто приходится не более одного необразованного туземца старше десяти лет. В других Северных штатах средний показатель едва ли столь благоприятен. Необразованных от двух до четырех на каждую сотню.

Таким образом, похоже, что общая школа изгнала неграмотность с Севера. Коренной американец Северных Штатов - это почти всегда человек, получивший, как минимум, хорошее начальное образование. Усилия, благодаря которым был достигнут этот результат, начались с основания каждого государства и непрерывно продолжались на протяжении всей его истории. В условиях растущей промышленной конкуренции того времени должно иметь большое значение то, что американские ремесленники - это не только образованные мужчины и женщины, но и потомки образованных родителей. Нация, которая тратит на образование сумму, превышающую расходы всех наций Европы вместе взятых; которая довольствуется армией в двадцать пять тысяч солдат; граждане которой освобождены от проклятия праздных лет, налагаемого правительствами Континентальной Европы на их молодежь, — такая нация не может не обеспечить себе победоносного положения в великой промышленной борьбе, которую все цивилизованные государства сейчас вынуждены вести за существование.

ГЛАВА V. ЕВРОПА И АМЕРИКА.

С самого начала своей истории Америка была мощным фактором в решении многих великих европейских проблем. В первые дни своего поселения она предлагала желанное убежище от угнетения и бедности Старого Света. Ее утверждение независимости воспламенило импульсы, готовившие Французскую революцию со всеми ее непредвиденными и неисчислимыми последствиями, и ускорило наступление этого грандиозного события. На протяжении полувека борьбы, которой Европа отстояла свою свободу, знание того, что за морем есть страна, где люди вольны добиваться своего благополучия, не испытывая ограничений, налагаемых деспотизмом, было постоянным стимулом для патриотических усилий. Американский опыт постоянно проливал свет на вопросы, волновавшие Европу. Люди, привыкшие к тому, что им говорят, что они непригодны к какой-либо роли в правительстве своей страны, видели, что такие люди, как они сами, пользуются политическими привилегиями в Америке и управляют континентом к общей выгоде. Люди, привыкшие к тому, что государственная поддержка

необходима для существования Церкви, видели, как религия в Америке укрепляется благодаря спонтанным пожертвованиям людей. В Америке практиковались методы правления, совершенно непохожие на европейские, и Европа имела постоянную возможность судить, насколько эти методы превосходили ее собственные или отстали от них. Европа жила при системе правления, которая едва ли считалась с правами личности и в высшей степени заботилась об интересах государства — обычно подразумевая под этим интересы или капризы очень немногих людей. В Америке государство было организацией, целью которой была главным образом защита прав личности. На восточных берегах Атлантики все еще преобладала вера в то, что в каждой нации Всемогущий передал какому-то одному человеку право поступать так, как ему заблагорассудится, с жизнями и имуществом всех остальных. На западных берегах Атлантики великая нация действовала в соответствии с теорией, что национальные интересы — это просто интересы, которые объединяют отдельных граждан,^[10] и что правительство было не чем иным, как ассоциацией лиц, чьей обязанностью было направлять эти интересы в соответствии с общественными желаниями. Американская доктрина распространилась на Европу и в немалой степени способствовала росту либеральных идей и свержению деспотизма. Продолжительная демонстрация в столь широком масштабе свободы в мыслях и действиях, с ее счастливыми результатами в виде удовлетворенности и процветания, не могла не произвести глубокого впечатления на угнетенные народы Европы. Здесь были люди, которые устанавливали свои собственные законы, которые не подчинялись никакой власти, которая не была бы назначена ими самими, которым были неизвестны декреты, указания и все ненавистные высказывания деспотизма. Здесь были миллионы людей, пользующихся совершенным равенством возможностей добиваться собственного благополучия; здесь была жизнь, свободная от бремени класса, недостижимо превосходящего огромную массу людей. Повседневное влияние американской жизни подрывало устои привилегий и помогло европейскому народу отстаивать права, которых он был лишен.

Влияние, которое Америка оказывает на течения европейской истории, должно продолжать усиливаться. Ее население, подкрепленное эмиграцией из менее благополучных стран, растет быстрее, чем население любой другой Европы. Ее ремесленники более образованны, чем в любой другой стране, и поэтому они более эффективны в промышленных целях. Они свободны от бремени военной службы, которая в Континентальной Европе поглощает те годы жизни молодого человека, когда руки обретают опыт, а ум формирует привычки к трудолюбию. В области механических изобретений — дыхания жизни индустриальной нации — они явно превосходят Европу. Конкуренция этого умного, изобретательного, быстро растущего народа, движимого честолюбивым желанием стать великой индустриальной нацией, не может не оказывать прямого и мощного влияния на индустриальное будущее европейских стран.

По мере роста населения и богатства Америки свидетельство ее примера в пользу прав личности и абсолютной свободы мысли будет становиться все более заметным и влиятельным. Упрек, который ее позиция всеобщего мира и ее незначительные военные расходы бросают болезненным подозрениям и безмерному расточительству Европы, станет более решительным, возможно, даже в какой-то степени более действенным, чем это было до сих пор. До сих пор учение Америки о содержании огромных армий в мирное время отвергалось как неприменимое к существующим условиям Европы. Но можно справедливо надеяться, что с течением лет промышленная конкуренция великого народа, освободившегося от тяжелого бремени, которое все еще несут их конкуренты, навязает Европе экономику, в которой ни правительства, ни люди пока недостаточно образованы, чтобы осознать необходимость.

Америке еще есть чему поучиться на более зрелом опыте и более терпеливом мышлении Англии. Но ей выпала честь преподать Англии и всему миру один из величайших уроков. Она отстаивала политические права масс. Она доказала нам, что доверять людям безопасно и мудро. Она учила, что правительство народа должно осуществляться “народом и для народа”.

Пусть нашим последним словом здесь будет благодарственное признание неоценимой услуги, которую она таким образом оказала человечеству.

ПОСТСКРИПТУМ.[11] ПРЕЗИДЕНТ ГАРФИЛД.

Реконструкция Союза была завершена во время срока полномочий генерала Гранта. Президентство его преемника, г-на Резерфорда Б. Хейса, прошло без происшествий. Не по этой причине оно было менее плодотворным в плане хороших результатов. Полное объединение Севера и Юга могло быть делом времени. Президент Хейс способствовал продвижению этой полезной работы. Он посетил Юг в первый год своего пребывания в должности, и везде его хорошо принимали.

Перепись населения 1880 года показала, что население Соединенных Штатов превышает пятьдесят миллионов человек. Прирост за предыдущие десять лет составил одиннадцать с половиной миллионов, или невероятными темпами - более миллиона в год.

Во время президентства мистера Хейса на первый план вышли два вопроса, которые резко разделили политические партии. Это были возобновление денежных выплат и реформа государственной службы.

1878 год н.э. Валютный спор примечателен тем, что привел президента к конфликту с Конгрессом. Мягкий серебряный законопроект, делающий серебряный доллар законным платежным средством, был принят подавляющим большинством голосов как в Палате представителей, так и в Сенате. Президент Хейс не верил в доктрину биметаллизма и наложил вето на законопроект. Законопроект был повторно принят обеими палатами большинством в две трети голосов и стал законом, несмотря на президентское вето. Конфликт серьезно повлиял на Конституцию. Но кризис прошел спокойно, показав, насколько обоснована вера американцев в то, что их Конституция отвечает всем требованиям.

Спрос на реформу государственной службы рос годами. Разоблачения коррупции на выборах наполнили людей независимого духа стыдом и замешательством. Порочная практика не

ограничивалась какой-либо конкретной партией. Республиканцы и демократы были одинаково беспринципны. Тщательным расследованием было доказано, что в двух штатах большинство голосов для самого президента Хейса было получено мошенническим путем. Конституционный обычай, согласно которому все должности на Государственной службе, от высших до низших, переходят из рук в руки всякий раз, когда власть переходит от одной партии к другой, считался корнем зла.

1881 год н.э. Когда президент Джеймс Гарфилд вступил в должность в марте 1881 года, он объявил о своем намерении твердо и серьезно заняться вопросом административной реформы. Избрание Гарфилда президентом было неожиданным. Главными кандидатами от республиканцев были генерал Грант, который ранее занимал этот пост в течение двух сроков, госсекретарь Шерман и сенатор Блейн. На съезде республиканцев, состоявшемся в Чикаго для отбора кандидата, генерал Гарфилд выступал в качестве руководителя партии, которая поддерживала Шермана. Когда ему впервые предложили стать кандидатом, он отказался. Только когда успех Шермана стал очевиден, и когда все партии, выступавшие против Гранта, объединились в пользу Гарфилда, его имя вышло на первый план. В конечном счете он был единогласно выбран кандидатом от Республиканской партии на том основании, что он меньше всего разделял партию. На самих выборах, которые в основном определялись голосованием штата Нью-Йорк, Гарфилд победил своего оппонента-демократа генерала Хэнкока 219 голосами против 185.

О новом президенте до его избрания было известно сравнительно мало. Даже в Америке его выбор стал неожиданностью. Главный факт, который был известен о нем, заключался в том, что он, подобно Аврааму Линкольну, происходил из самого скромного происхождения. Он родился в бревенчатой хижине в лесу штата Огайо. Он начал жизнь на буксире погонщиком мулов, которые тащили лодку по каналу между Кливлендом и Питтсбургом. Он поднялся только благодаря своей энергии. Он был профессором, проповедником, успешным солдатом, практичным юристом, смелым и готовым на все лидером партии. На протяжении всей жизни он отличался бесстрашной честностью. За время его общественной карьеры ни в одной из сторон его поведения не было обнаружено ни малейшего намека на коррупцию. У человека, который возьмется за исправление злоупотреблений в официальной системе Америки, должны быть чистые руки, и руки Гарфилда были чистыми.

Избрание генерала Гарфилда было признано большим триумфом Республиканской партии, но особенно для той ее части, которая выступала за реформу государственной службы. Он не скрывал своего мнения на этот счет. В общих чертах своего политического кредо, которое он опубликовал вскоре после своего избрания кандидатом от Республиканской партии, он выразил свое согласие с теми, кто настаивал на необходимости “поставить государственную службу на лучшую основу”. Средство правовой защиты, на которое он указал, заключалось в том, что “Конгресс должен разработать метод, который определит срок пребывания в должности”. В своей инаугурационной речи при вступлении в должность он намекнул на свое намерение предпринять шаги по применению этого средства правовой защиты. По его словам, необходимо стремиться к двум целям. Первая - защитить исполнительную власть от “пустой траты времени и препятствий для ведения государственной деятельности, вызванных чрезмерным давлением из-за места”. Другая заключалась в защите должностных лиц “от

интриг и неправды”. Для достижения обеих целей он “в надлежащее время попросит Конгресс установить срок полномочий второстепенных должностей в нескольких исполнительных департаментах и указать основания, на которых должны производиться увольнения”. Далее он объявил о своей цели “требовать жесткой экономии во всех расходах правительства и требовать честной и преданной службы всех должностных лиц исполнительной власти, помня, что их должности были созданы не в интересах должностных лиц или их сторонников, а на службе правительству”.

Эти заявления не вызвали особого удовлетворения у республиканской партии. Часть, выступающая против реформ, которая до сих пор придерживается принципа президента Джексона “Добыча достается победителям”, рассматривала их в некотором смысле как объявление войны. Несомненно, что для надежд искателей жилья это был серьезный удар. За свое честное желание избавить государственные учреждения от этих вредителей, и в то же время очистить правительство, президент был вынужден понести ужасное наказание. На железнодорожном вокзале в Вашингтоне он был убит выстрелом в спину человеком по имени Шарль Гито, который в течение нескольких дней домогался у властей Белого дома места.

Бесполезное и совершенно бессмысленное преступление вызвало трепет ужаса в Америке, Англии, во всем цивилизованном мире. Выстрел не сразу оказался смертельным, но это только усилило жестокость содеянного. В течение одиннадцати недель летней жары (со 2 июля по 19 сентября) жизнь президента висела на волоске. Он переносил свои страдания с удивительным терпением и стойкостью духа. Бедствие высветило мужественную силу и простую красоту его характера с блеском заката.

“В порицании случая

В этом истинное доказательство мужественности”.

Редко, если вообще когда-либо, случался столь поразительный случай несчастья, прославившего хорошего человека на весь мир. Едва ли менее прекрасной, чем жизнерадостная выдержка президента, была героическая преданность его жены. “Не будет преувеличением сказать, - сказал мистер Джеймс Рассел Лоуэлл, американский посланник в Лондоне, - что недавнее глубоко трогательное зрелище женской преданности в ее простоте, постоянстве и достоинстве тронуло сердца человечества способом, не имеющим прецедента на памяти живущих”.

В течение всех этих “одиннадцати мучительных недель” постель умирающего президента была центром внимания мужчин и женщин всех рангов в обоих полушариях. “Весь цивилизованный мир, - сказал мистер Лоуэлл, - собрался вокруг этого; и в затаившем дыхании напряженном ожидании прислушивался к затрудненному дыханию, считал трепещущий пульс, был обрадован мгновенным подъемом и опечален неизбежным рецидивом”.

Наконец конец наступил с поразительной внезапностью. За ним последовал всеобщий вопль. Все человечество скорбело, как если бы потеряло брата. Это чувство охватило все классы, от коронованных особ до простых крестьян. Королева Англии была первой, кто выразил сочувствие не только скорбящей вдове и матери, но и скорбящей нации; и стойкие республиканцы были рады признать, “насколько верно может биться женское сердце под

королевским пурпуром”. Английскому двору было приказано объявить траур по особе королевской крови и древнего происхождения. Акт был столь же изящным и мудрым, сколь и беспрецедентным. Глава молодой республики был спонтанным актом главы древнего королевства признан на своем должном месте одним из сообщества монархов и принцев. Сто лет назад кто мог предвидеть такое событие?

Было бы ошибкой предполагать, что смерть президента Гарфилда вызвала теплые чувства симпатии между Англией и Америкой, которые выявило это событие. Однако это правда, что это событие сразу открыло сердца и глаза обоих народов и высветило глубину и силу их братства так, как ничто другое не могло бы этого сделать. Братские чувства со стороны Англии были искренне и даже трогательно встречены взаимностью в Америке. После того как гроб покойного президента был закрыт, на него было разрешено возложить только один венок, и это был венок, присланный королевой Англии. Для мира это был знак мира и доброй воли, прочно установившихся между Англией и Америкой, единства англоговорящей расы в их общем почтении Президенту и королеве. Если результатом будет постоянное укрепление уз между родственными народами — искоренение зависти и сглаживание разногласий, проявление щедрости в условиях соперничества и сотрудничества в добрых делах, - смерть президента Гарфилда будет не напрасной.

“Он не был обычным человеком, ” сказал мистер Лоуэлл в своем изящном и красноречивом панегирике, “ который мог вызвать, и справедливо вызвать, столь всеобщее чувство, такой искренний и такой человеческий интерес”. И это не обычная страна, которая может произвести на свет такого человека и дать ему возможность достичь величия. Карьера Гарфилда преподает много уроков, но ничто так ясно не показывает, какие огромные возможности открывает его страна перед честным и упорствующим трудом. “Бедный юноша, который в тринадцать лет не умел читать, умирает в пятьдесят лет арендатором офиса, не уступающего по достоинству никому на земле; и мир оплакивает его потерю как потерю личного родственника”.

“Почва, из которой были созданы такие люди, как он, хороша для того, чтобы на ней родиться, хорошо жить, хорошо умереть и быть похороненным”.

Спокойствие и естественность, с которыми вице-президент Артур сразу же приступил к исполнению президентских функций, без потрясения для политической системы и без ущерба для национальной чести, оправдывают гордость американцев стабильностью своих институтов.

СНОСКИ

[1] В течение десяти лет, с 1840 по 1850 год, ежегодный экспорт рабов из Пограничных штатов на Юг составлял в среднем 23 500 человек. Они, при средней стоимости в 150 фунтов стерлингов, составили три миллиона с четвертью фунтов стерлингов!

[2] Местный долг Америки значительно увеличился после войны и сейчас равен половине федерального долга. Во многих штатах Конституция в настоящее время запрещает законодательным органам штатов брать на себя долговые обязательства, за исключением

военных действий и других неотложных целей. Растет мнение, что это разумное ограничение должно быть принято повсеместно.

[3] Налогообложение штатов и округов на западе колеблется от пяти до двадцати пяти центов за акр - от 2½ до 12½ пенсов. Национальное налогообложение составляет в Америке 20 шилл., а в Великобритании 47 шилл. 2долл. на каждого жителя.

[4] Пшеницу теперь перевозят из Чикаго в Нью-Йорк по озеру и каналу за 2,6 шиллинга за квартал и по железной дороге за 4 шиллинга. Из северных районов Миннесоты проезд до Нью-Йорка стоит 8 долларов в квартал.

[5] Средний показатель по АМЕРИКЕ составляет четырнадцать бушелей пшеницы на акр; средний показатель по Англии - двадцать восемь бушелей; средний показатель по Шотландии при высоком уровне земледелия - тридцать четыре бушеля.

[6] Площадь, в три раза превышающая площадь Великобритании.

[7] К северу от Миннесоты и через канадскую границу лежит провинция Манитоба, часть Северо-Западных территорий, недавно приобретенных канадским правительством у Компании Гудзонова залива. По способности значительной части своей почвы производить пшеницу Манитоба не имеет себе равных ни в одной части мира. Идет активная иммиграция: в 1879 году, когда было открыто судоходство, ежедневно прибывало четыреста человек. Когда железнодорожное и речное сообщение станет более адекватным, можно ожидать, что Манитоба займет самое высокое место как страна-производитель пшеницы.

[8] Использование силы животных не ограничивалось Америкой. Говорят, что в Англии самые ранние ткацкие станки Картрайта приводились в движение благодаря труду быка.

[9] “Мы рассматриваем [народное образование] как мудрую и либеральную полицейскую систему, с помощью которой обеспечивается собственность, жизнь и общественный мир”. — *Дэниел Вебстер*.

[10] “Эта страна с ее институтами принадлежит людям, которые ее населяют”. — *Президент Линкольн*.

[11] Эта короткая глава была добавлена после смерти автора другой рукой.

ДОМИНИОН КАНАДА.

ГЛАВА I. НА ЗАРЕ ИСТОРИИ КАНАДЫ.

Ослепительный успех, увенчавший усилия Колумба, пробудил в Европе страстное желание совершить новые открытия. Генрих VII. Англия согласилась снарядить Колумба для его путешествия, но согласие не давалось слишком долго и было дано только тогда, когда стало слишком поздно. Сокрушаясь теперь о великом несчастье, по которому слава и выгода от этих чудесных открытий ушли от него, Генрих, не теряя времени, попытался завладеть таким преимуществом, которого Испания еще не получила. В то время в Бристоле жил венецианский купец по имени Джон Кэбот. Этот человек и его сын Себастьян разделяли любовь своего великого соотечественника к морским приключениям. В 1496 году нашей эры под покровительством короля, который претендовал на пятую часть доходов от их предприятия, они за свой счет снарядили флот из шести кораблей и поплыли на запад, в океан, ужасы которого Колумб так успешно укротил. Они взяли курс на север и достигли Ньюфаундленда. В 1497 году нашей эры, все еще отклоняясь к северу, они обогнули Лабрадор, надеясь, как и Колумб, легко добраться до Востока. Они проникли глубже в неизведанный север, чем это удавалось раньше любому европейцу. Но день ото дня, по мере того как они плыли и искали, холод становился все сильнее; плавающие массы льда встречались все чаще и становились все более угрожающими; желанный проход, который должен был привести их в Китай, так и не открылся. Кэбот, испытывая отвращение к невыносимому холоду, повернулся и отправился на поиски более гостеприимного юга. Он держал курс между островом Ньюфаундленд и материком и тщательно исследовал залив, впоследствии названный именем Святого Лаврентия. Продолжая двигаться на юг, он миновал унылые и пустынные побережья, которые сегодня являются домом для могущественных общин, резиденцией великих и прославленных городов. Он смотрел на обширную морскую доску, протянувшуюся от Лабрадора до Флориды. Он не вступил в официальное владение; его нога едва коснулась американской земли. Но когда он доложил Генриху о том, что видел, король сразу же объявил все это английским владением.

Прошло много лет, прежде чем о притязаниях Англии стало что-либо слышно. Бурная жизнь Генриха подошла к концу. Его сын, вокруг трона которого усилилось тревожное влияние Реформации и который был вынужден в это тревожное время наладить церковные отношения между собой и своим народом, не думал о тех далеких и неизвестных регионах. Свирепая Мария была поглощена близким по духу занятием - искоренением протестантизма путем резни его последователей. Америка, на которую восемьдесят лет назад смотрел Джон Кэбот - ныне почти забытое имя — была почти так же забыта, как и ее первооткрыватель. Но во время более спокойного правления Елизаветы начались поиски северо-западного пути на Восток, которые Европа вела с того времени и по сей день с поразительной настойчивостью и бесстрашием. В 1576 году нашей эры Мартин Фробишер, отправившись на эти поиски, проник дальше на север, чем это удавалось любому предыдущему исследователю. Он снова взглянул на суровые,

скованные льдами побережья Лабрадора и южной Гренландии. В 1583 году нашей эры сэр Хамфри Гилберт, действуя по поручению королевы, посетил Ньюфаундленд и основал там незначительное и невыносимое поселение. Прошло еще одно поколение, прежде чем Англия начала беспокоиться о темных и почти забытых притязаниях, которые она основала на открытиях Джона Кэбота. Это действительно было призрачное притязание; но даже при столь слабой правовой основе мощи и решимости Англии в конечном счете оказалось достаточно, чтобы утвердить и поддерживать ее перед всем миром. Папа римский давным-давно даровал королям Испании и Португалии весь Новый Свет со всеми его “городами и укреплениями”, но Англия не обратила внимания на огромные притязания, которые отказывалась признать даже Франция.[12]

Тем временем, не обращая внимания на дремлющие притязания Англии, Франция добилась некоторого прогресса в закреплении на новом континенте. У нее тоже был на службе моряк, на чей визит на Запад была основана претензия. Через тридцать лет после первого путешествия Кэбота Джон Вераццани — итальянец, как и большинство исследователей, — отплыл из Северной Каролины в Ньюфаундленд; почувствовав далеко в море аромат южных лесов или поверив, что он это почувствовал; встреченный простыми уроженцами Вирджинии и Мэриленда, которые еще не научились бояться ужасных чужаков, принесших гибель их расе; посетивший Нью-Йоркский залив и обнаруживший, что он забит грубыми и узкими каноэ туземцев; с неприязнью посмотревший на суровые берега Массачусетса и Мэна и искренне обрадовавшийся. не поворачивая на восток, он проехал много миль вдоль побережья Ньюфаундленда. Когда Вераццани сообщил о том, что он сделал, Франция слишком поспешно предположила, как показали события, что исследованные таким образом регионы принадлежат ей по праву.

Но ее притязания получили более существенную поддержку, чем смог обеспечить поспешный визит Вераццани. 1534 год н.э. Десять лет спустя Жак Картье, знаменитый морской капитан, ярким и теплым июльским днем вошел в залив, который лежит между Ньюфаундлендом и материком. Он увидел большую реку, впадающую в залив, с шириной устья не менее ста миль. Это был день святого Лаврентия, и он открыл новую перспективу бессмертия для этого святого, дав его имя реке и заливу. Он воздвиг большой крест высотой в тридцать футов, на котором были выгравированы знаки отличия Франции; и таким образом он официально вступил во владение страной от имени короля. Много дней плыл он вверх по реке, между безмолвными и непроходимыми лесами; мимо огромных пропастей, по которым катились воды притоков; под мрачной тенью огромных пропастей; мимо плодородных лугов и защищенных островов, где цвел дикий виноград. Индейцы в своих каноэ толпились вокруг кораблей, приветствуя незнакомцев и угощая их хлебом и вином. Наконец они добрались до огромного скалистого мыса высотой в триста футов, далеко вдававшегося в реку. Здесь был дом вождя; здесь, на месте, достойном того, чтобы разместить столицу великого государства, возник Квебек; здесь в более поздние времена Англия и Франция боролись за превосходство, и мечом было решено, что англосаксонская раса должна направлять судьбы американского континента.

Картье узнал от индейцев, что гораздо выше по реке находится большой город, столица великой страны, и предприимчивый француз, не теряя времени, направился туда. Стоя посреди полей индийской кукурузы, он обнаружил круглую ограду, обнесенную прочным частоколом,

внутри которой стояли пятьдесят больших хижин, в каждой из которых проживало несколько семей. Это была Хочелага, на самом деле столица обширной территории. Хохелага вскоре была снесена, и на ее месте столетие спустя энтузиасты-иезуиты основали центр миссионерской деятельности под покровительством Святой Девы. Он тоже скончался, и ему наследовал город Монреаль, резиденция правительства англосаксонской нации.

Местные жители гостеприимно приняли Картье и были недовольны тем, что он не захотел дольше оставаться среди них. Он вернулся в Квебек, чтобы перезимовать там. Его постигли большие трудности. Зима была необычайно суровой; его люди не были обеспечены подходящей пищей и одеждой. Многие умерли; все были сильно ослаблены переохлаждением и недостаточным питанием; и когда их состояние было наихудшим, Картье заподозрил, что туземцы замышляют предательство. Как только весеннее тепло растопило замерзшую реку, Картье отплыл во Францию, незаконно захватив с собой в подарок королю вождя и трех туземцев более низкого ранга.

Результаты визитов Карриера разочаровали Францию. Страна, которая полгода лежит под глубоким снегом, не привлекала людей, привыкших к коротким и обычно мягким зимам Франции. Король рассчитывал на золотые и серебряные рудники и драгоценные камни, но Картье привел домой лишь нескольких дикарей и свою собственную уменьшенную и больную группу последователей. Были, однако, и такие, для кого прибыльная торговля мехами была предметом вожделения; были и другие, которые в то время высокого религиозного рвения были сильно побуждены нести Крест среди язычников Запада. Под влиянием этих мотивов время от времени предпринимались слабые попытки колонизации. Рыбаки Нормандии и Бретани прибывали к берегам Ньюфаундленда и залива Святого Лаврентия и занимались там своим ремеслом с таким успехом, который не вознаградил их усилия в европейских водах. Преследуемые кальвинисты стремились осуществить предложение адмирала Колиньи и найти покой от злобности своих врагов в лесах Канады. Но у французов мало склонности к колонизации. К концу столетия Франции так и не удалось установить какую-либо постоянную опору на американском континенте. Несколько убогих хижин в Квебеке, Монреале и в двух или трех других местах - вот и все, что осталось от усилий и страданий почти ста лет. Есть свидетельства того, что в 1629 году ожидалось, что "одно судно" возьмет на борт "всех французов" в Канаде; а суда тех дней были небольшими.

ГЛАВА II.

СЭМЮЭЛЬ ДЕ ШАМПЛЕН.

Ожесточенные распри, бушевавшие между католиками и протестантами во второй половине XVI века, захватили умы Франции настолько, что исключили все, что касалось ее отдаленных и обескураживающих владений. Но пока сильная рука Генриха IV. держала бразды правления, эти раздоры были утихомирены. Ненависть оставалась, готовая вырваться наружу, когда позволят обстоятельства; но тем временем власть короля налагала благотворные ограничения на сражающихся, и в стране воцарился покой. Во время этого исключительного затишья проект основания Новой Франции на берегу залива и реки Святого Лаврентия снова привлек внимание.

Среди любимых слуг короля был Сэмюэль де Шамплен. Этот человек был моряком с юности, которая прошла на берегах Бискайского залива. Он сражался за своего Короля на море и на суше. Он был храбр, решителен, обладал высокими способностями, чистыми и возвышенными порывами, сочетая отвагу с мягкостью и учтивостью истинного странствующего рыцаря. В нем сохранилась страстная любовь к исследованию незнакомых земель, которая так широко распространялась среди мужчин предыдущего поколения. Он предвидел великую судьбу Канады и стремился сохранить для Франции заброшенное, но великолепное наследие. Прежде всего, он желал послать спасительный свет веры краснокожим жителям канадских лесов; ибо, хотя он и был фанатичным католиком, он был искренним христианином. “Спасение одной души, - привык говорить он, - имеет большую ценность, чем завоевание империи”.

Этот человек был основателем Канады. В течение тридцати лет он неустанно трудился над созданием и развитием поселений, посылал миссионеров, отражал набеги англичан, защищал права Франции на торговлю пушниной и рыболовство Ньюфаундленда. Немедленный успех, сопутствовавший его трудам, был незначительным. Его поселения отказывались развиваться; дикие племена, о душах которых он заботился, были истреблены врагами, чью враждебность он способствовал вызвать; англичане уничтожили корабли, доставлявшие ему припасы; они осадили и захватили сам Квебек. Он умер, так и не увидев величия колонии, которую он любил, но которая, тем не менее, была обязана ему зачатками своего величия.

Одной из первых забот Шамплена был выбор места для столицы французской империи на Западе. Как и Картье три четверти века назад, он выбрал великолепный мыс Квебек. В 1608 году нашей эры у подножия скалы он возвел квадрат зданий, окружавший двор, окруженный стеной и рвом и защищенный несколькими пушками. Этот грубый форт стал центром французского влияния в Канаде в течение следующих ста пятидесяти лет, пока англичане не освободили Францию от ответственности и влияния на американском континенте.

Шамплен получил сердечный прием от индейцев-гуронов, которые были его соседями. Эти дикари были сильнее своих древних врагов ирокезов, и они умоляли французов оказать им помощь своим грозным оружием. Шамплен согласился, движимый отчасти своей любовью к битвам, отчасти желанием исследовать неизвестную страну. Он и несколько его людей сопровождали своих новых союзников в их походе. Воины-ирокезы встретили их уверенно, ожидая обычной победы. Они были встречены ружейным залпом, который поверг некоторых на землю и вызвал панику и бегство всего отряда. Но у Шамплена были причины сожалеть о принятой им внешней политике. Гуроны захватили много пленных, которых, как это было у них принято, они замучили до смерти. В ходе последующей экспедиции союзники потерпели поражение, а сам Шамплен был ранен — обстоятельства, которые на какое-то время ощутило подорвали его авторитет. А враждебность ирокезов, неразумно спровоцированная таким

образом, привела к полному уничтожению гуронов и подвергла еще нестабильную колонию серьезной опасности.

Шамплен пользовался поддержкой короля Генриха IV, который выслушивал его восторженные рассказы о стране, в которой он проявлял такой глубокий интерес, восхвалял мудрость его правительства и поощрял его настойчивость. Но, несмотря на королевскую милость, его задача была тяжелой. В его компании были как романисты, так и кальвинисты, которые унесли с собой в лес раздоры, которые тогда сделали Францию несчастной. Шамплен рассказывает, что он видел протестантского священника и юре, пытающихся ударами кулака урегулировать свои противоречивые разногласия. Такие события, указывает он, вряд ли могли принести плоды во славу Божью среди неверных, которых он хотел обратить. Дома его прерогативами были игрушки политических партий. Сегодня он получил обширные полномочия и богатые земельные наделы; завтра какая-то придворная интрига лишила его всего этого. Существовала "Ассоциация торговцев", получившая ценную торговую монополию под залог того, что они пошлют людей для колонизации и священников для обучения. Но вероломные торговцы стремились лишь приобрести у индейцев меха по низким ценам. Им было выгодно, чтобы индеец и дикие животные, которых он преследовал, продолжали жить на континенте, не потревоженные приходом чужаков. И таким образом они максимально пресекли все усилия Шамплена. Вопреки властям, они платили огнестрельным оружием и бренди за доставленные им меха; а краснокожие, души которых Шамплейн так искренне желал спасти, были развращены и уничтожены жадностью его соотечественников.

Через несколько лет после первой экспедиции Шамплена несколько англичан высадились в середине зимы на побережье Массачусетса и без помощи королей или знати начали набирать силу благодаря своейврожденной энергии и постоянному пополнению числа недовольных дома. Иначе обстояло дело с французскими поселениями на реке Святого Лаврентия. Шамплен постоянно возвращался во Францию, чтобы умолять короля о помощи; искать нового покровителя среди знати; заставить торговцев выполнить их соглашение, выслав нескольких колонистов. Ни один француз не стремился обрести дом за морем; все спокойно переносили деспотизм, худший, чем тот, от которого бежали наиболее нетерпеливые англичане. Естественная неспособность Франции к колониационному делу была ярко проиллюстрирована в ранней истории Канады.

1629 год н.э. Незадолго до заката жизни Шамплена столица штата, который он основал, была отнята у него. Английский корабль, построенный по заказу Карла I. под командованием шотландца-пирата, появился перед великой скалой Квебека и призвал город сдаться. Шамплен, бессильный сопротивляться, покори́лся судьбе и отказался от своей столицы. Когда завоеватели высадились на берег в поисках добычи, за которой они пришли, они нашли несколько старых мушкетов и пушек и пятьдесят плохо откормленных мужчин. Двадцатилетний экономический рост сделал для Квебека не больше, чем это.

Потеря Канады не вызвала сожаления во Франции. Были общественные деятели, которые рассматривали эту потерю как приобретение и советовали Франции не предпринимать никаких усилий для восстановления своей вызывающей беспокойство зависимости. Но Шамплен убеждал правительство в огромной ценности торговли пушниной и рыболовства; он показал, что трудности урегулирования теперь преодолены и что прогресс в будущем должен быть более быстрым, чем в прошлом; он умолял, чтобы дикари, которые начинали получать свет истинной

веры, не были переданы еретикам. 1632 г. н.э. Его настойчивость возобладала; и Англия, не более озабоченная сохранением, чем Франция возвращением этого недооцененного континента, с готовностью согласилась, чтобы он был возвращен его бывшим владельцам.

Три года спустя Шамплейн умер. Он не видел ничего из того величия, к которому подготовил путь. Колонистов пока насчитывалось всего несколько сотен. Жалкое существование поселения зависело от доброй воли англичан, которые были их южными соседями, и свирепых дикарей, живших в окрестных лесах. Но Шамплейн смог в какой-то мере оценить результаты проделанной им работы. Он поддерживал себя до конца надеждой, что Канада, которую он любил, однажды станет процветающей и сильной, населенной добрыми католиками из Франции и дикарями, спасенными от уничтожения крещением и выставлением креста.

Канада времен Шамплена была регионом, простиравшимся на тысячу триста миль к северу от пограничной линии поселений Новой Англии и на семьсот миль к западу от устья реки Святого Лаврентия. Помимо Канады, Франция владела Ньюфаундлендом и Новой Шотландией; и она претендовала на всю неизведанную территорию к северу, характер и протяженность которой были скрыты от человеческих знаний холодом настолько сильным, что люди еще не осмеливались столкнуться с ним. Великая река с ее притоками и обширные озера, из которых она вытекает, открывали удобный доступ в сердце страны и облегчали торговлю. На возвышенностях росли густые леса из дуба, сосны и клена, бука, каштана и вяза. На равнинах были обширные участки богатых сельскохозяйственных угодий, способных прокормить большое население, но пока бесполезных, поскольку индейцы считали сельское хозяйство женоподобным и предпочитали жить в основном охотой. Климат суровый, а зима долгая, особенно ближе к устью реки Святого Лаврентия, где в определенные сезоны года холод становится сильнее, чем может выдержать человеческий организм. Повсюду стоит сильная летняя жара, и переход от жестокого холода к теплу восхитительной канадской весны происходит внезапно. Безлюдные леса покрываются сочной зеленой листвой; долины, как по волшебству, покрываются травой и цветами. Летняя жара наступает так же внезапно, и урожай зерна или фруктов созревает так же быстро, как и взошел.

Холод канадской зимы оказал гораздо большее влияние, чем жара канадского лета, на формирование характера и занятий дикарей, населявших эту страну. В климате, где мороз разрывает на части камни и деревья и придает железу способность гореть так, словно оно раскалено докрасна, жизнь не могла бы поддерживаться без специальной защиты от невыносимой суровости. Природа в изобилии позаботилась о благополучии диких существ, которых она вызвала к жизни. Буйволы и овцебыки, бродившие по равнинам, были покрыты густой шерстью, которая не поддавалась холоду даже канадской зимой. Медведь, который приготовил себе пристанище в поломанном стволе старого дерева, где он мог бы переспать утомительные месяцы морозов, был одет соответственно своим обстоятельствам. Бобр, который построил свой дом в центре канадских ручьев, был окутан богатым, теплым, блестящим мехом. Лиса, россомаха, белка и многие другие пользовались такой же эффективной защитой. Индейцы нуждались в шкурах этих существ для одежды, а их мясо - для еды. И вот так случилось, что французы нашли в Канаде только диких животных, которые бродили по лесам в покровах из прекрасного и ценного меха, и людей, но на одну ступень выше по интеллекту, которые жили, убивая их. Одним из сильнейших побуждений, привлечших европейцев в Канаду, были не ее богатая почва, не древесина ее неисчерпаемых лесов, не ее сокровища из меди и железа, а шкуры зверей, которые часто обитали в ее долинах и лесах.

Многочисленные племена дикарей населяли канадскую пустыню. Обычно они жили в деревнях, построенных из бревен и обнесенных прочным частоколом, чтобы противостоять нападению врагов. Они были крепкими и выносливыми, как того требовал климат; отважными на войне, дружелюбными и послушными в мирное время. Пытка врага была их высшей формой наслаждения: когда жертва мужественно переносила свои страдания, деревенская молодежь съедала его сердце, чтобы овладеть его добродетелями. У них были ораторы, политики, вожди, способные вести грубые войны. Большая часть их оружия была из кремня. Они валили большие сосны в своих лесах каменными топорами, дополненными использованием огня. Их каноэ были сделаны из березовой коры или вяза. Они носили нагрудники из прутьев. У них была привычка занимать большие дома, в некоторых из которых до двадцати семей жили вместе, не разлучаясь. Распушенность была всеобщей и чрезмерной. Их религия представляла собой набор пресмыкающихся суеверий. Ни в одном индийском языке не было слова, выражающего идею Бога: их рай был одним огромным банкетным залом, где люди постоянно пировали.

Происхождение американского дикаря вызвало в свое время много споров среди ученых. Существовало ли множество творческих актов? Были ли европейцы в какой-то отдаленный период перенесены встречными ветрами через великое море? Если нет, то где возник красный человек и каким образом он достиг континента, где его нашли белые люди? Когда обсуждались эти вопросы, не было известно, насколько близко Азия и Америка сближаются друг с другом на крайнем севере. Два континента разделяет узкий пролив, и азиатский дикарь с крайнего северо-востока легко пересекает его. Краснокожие - это азиаты, которые в результате короткого путешествия, не вызвавшего у них никаких опасений, достигли северо-западных берегов Америки и постепенно продвинулись по континенту. Великая тайна, которую Колумб открыл Европе, издавна была известна азиатским племенам крайнего севера.

ГЛАВА III. ИЕЗУИТЫ В КАНАДЕ.

Реформация достигла во Франции такого большого прогресса, что в начале семнадцатого века протестанты могли считать себя составляющей половину нации. Они достигли этого прогресса, столкнувшись с ужасными трудностями. Во Франции, как и в других странах, преобладала ложная максима, согласно которой, поскольку есть только один король и одно правительство, должна быть только одна вера. Были предприняты огромные усилия, чтобы вернуть это утраченное единообразие. Тщетная погоня стоила Франции тридцати пяти лет гражданской

войны и двух миллионов жизней французов. К его концу половина ее городов лежала в руинах; ее промышленность погибла; ее поля были опустошены. Закон не давал никакой защиты протестантам: дворянин-католик, проезжавший со своими последователями мимо места протестантского собрания, иногда останавливался, чтобы перебить небольшую паству, а затем возобновлял свой путь, не сомневаясь, что оказал Богу и государству достойную услугу. Протестанты предприняли свою собственную вооруженную защиту; издавали для себя законы; поддерживали, насколько это было возможно, правительство, отличное от правительства их преследователей. На земле Франции жили две нации, не слишком неравные по силе, с лютой взаимной ненавистью, бушевавшей в их сердцах и находившей выражение в непрекращающихся войнах, убийствах, резнях. 1598 г. н.э. Наконец, эти ужасы были смягчены Нантским эдиктом, который предоставлял полную свободу совести. Папа проклял эту ненавистную уступку, но сильная рука Генриха IV сохранила ее. На какое-то время ожесточенность религиозной борьбы была смягчена, и приверженцы новой веры наслаждались непривычным спокойствием.

Меч больше не был оружием теологической войны; глубокий и неудержимый антагонизм старых и новых верований нашел теперь свое неадекватное выражение в пере и речи. Интерес, преобладавший к спорным церковным вопросам, стал исключительно сильным. Богословские догмы занимали влиятельное место в политике того времени. Протестантский синод принял в своем "Исповедании веры" статью, в которой папа обвинялся в том, что он антихрист. Его Святейшество проявил "сильное раздражение"; король заявил, что эта статья угрожает разрушить мир в королевстве. В течение четырех лет бушевала ожесточенная борьба, пока другой Синод не отозвал оскорбительную статью по прямому приказу короля, единогласно заявив, что обвинение соответствует действительности. Филипп де Морней, один из самых доверенных советников короля и преданный приверженец протестантизма, написал трактат против Реального Присутствия, подкрепив свой аргумент пятью или шестью тысячами цитат, которые он кропотливо собрал из трудов первых Отцов Церкви. Один из епископов усомнился в его точности, и Морней вызвал его на публичную дискуссию. Местом встречи был большой зал дворца Фонтенбло. Сражающиеся спорили в присутствии короля, перед блестящей аудиторией великих государственных деятелей, лордов и леди, составлявших королевский двор, всех великих сановников королевства. Столь эффективно для того времени Реформация и ее последствия развеяли религиозную апатию Франции.

Это, действительно, не повлияло на нравы значительной части французского общества. Знатные вельможи держали среди своих последователей профессиональных убийц. Тогда узнать адрес зарезанного или отравителя было так же легко, как сейчас узнать адрес отеля. В самых высоких местах распущенность была нескрываемой. Преступление ассоциировалось с суевериями, и придворные делали восковые фигуры своих врагов, которых они протыкали булавками, надеясь таким образом уничтожить тех, кого эти фигуры изображали. Религиозное рвение, которое горело в каждом сердце и сохраняло свою силу среди этого чудовищного зла, нигде не было сильнее, чем среди членов Общества Иисуса. Она придала этим присягнувшим слугам Церкви очень непохожие формы и направила их в совершенно разные направления действий. По большей части это проявлялось не в чем ином, как в готовности служить целям Церкви, каким бы недостойным они ни были, любым поведением, каким бы преступным оно ни было. Но и среди иезуитов были люди чистой и благородной натуры, чье религиозное рвение находило свое единственное удовлетворение в тяжелом труде, опасностях и самопожертвовании во имя прославления Бога и спасения погибающих языческих душ.

Шамплен никогда не переставал настаивать на требованиях тех дикарей, о благополучии которых он сам так глубоко заботился, к духовным вождям Франции. В течение многих лет он говорил почти впустую, и его тяжелая и безуспешная карьера была близка к завершению, прежде чем иезуиты всерьез взялись за дело обращения индейцев. 1632 год н.э. Шесть священников и два брата-мирянина, поклявшиеся не подчиняться никакой воле, кроме воли своих начальников, заложили фундамент великого предприятия. В тени скалы, на которой стоит Квебек, выросло одноэтажное здание из досок и глины, покрытое травой и дававшее лишь слабое укрытие от дождя и ветра. Это была резиденция Богоматери Ангелов - колыбель влияния, которое должно было превратить диких краснокожих жителей Канады в последователей Креста. Отцом-настоятелем Миссии был Поль ле Жен, человек, всеми фибрами души и сердца преданный работе, ради которой он пришел. Он совершенно презирал трудности и боль. Он получил приказ отбыть в Канаду "с невыразимой радостью от перспективы мученичества при жизни или смерти". Среди его спутников был Жан де Бребеф, человек благородного происхождения и внешности, сильного интеллекта и воли, рвения, которое не знало границ и не признавало препятствий на пути исполнения долга.

Зима выдалась необычайно суровой. Сугроб был выше крыши скромного Жилища; отцы, сидя у своего дровяного камина, слышали, как с громким треском трескаются деревья в лесу под воздействием сильного мороза. Первой заботой Ле Жена было получить некоторые знания о дикарском языке, на котором говорили окружающие его племена. За осуществление этого замысла он получил похвалу от иссохшей старой скво, которая во время их беседы угостила его копчеными угрями. Через некоторое время он воспользовался услугами переводчика, молодого индейца по имени Пьер, который владел обоими языками. Пьер был обращен и крещен, но сила доброго влияния в нем не была постоянной, и его частые отступничества огорчали отца-настоятеля. Банда дикарей пригласила Ле Жена сопровождать их в зимней охотничьей экспедиции; и он сделал это, движимый надеждой, что ему удастся завоевать их сердца, а также овладеть их языком. Среди припасов, которые друзья убедили его взять с собой, был небольшой бочонок вина. Едва экспедиция тронулась в путь, как вероотступник Пьер нашел возможность распить бочонок и явился в лагерь безнадежно и яростно пьяным. Страдания доброго отца от голода и холода были чрезмерны.^[13] Его успех в обучении дикарей был незначительным. Он много терпел от брата Пьера, который последовал за профессией колдуна. Этот лживый человек, нанятый помогать Ле Жене в подготовке обращений, постоянно подсовывал ему очень нецензурные слова, которые вызывали шумное веселье собравшегося вигвама и прискорбно снижали эффективность его учения. Миссионер вернулся в свой дом в Квебеке после пяти месяцев мучительных скитаний. Он добился немногого; но он научился верить, что его труды были напрасны среди этих немногочисленных кочующих племен и что необходимо было найти доступ к одному из более крупных и стабильных сообществ, на которые были разделены индейцы.

Далеко на западе, у большого озера, о котором иезуиты смутно слышали, жили гуроны, могущественный народ со многими родственными племенами, на которые они оказывали влияние. Иезуиты решили основать миссию среди гуронов. Раз в год флотилия каноэ спускалась по великой реке с шестью или семью сотнями воинов-гуронов, которые посещали Квебек, чтобы избавиться от своих мехов, поиграть в азартные игры и пограбить. 1634 Год н.э. Бребуф и двое его спутников присоединились к возвращающемуся флоту и отправились к унылым местам своего нового апостольства. Путь был очень долгим — едва ли меньше тысячи миль; он занял тридцать изнурительных дней. Священники путешествовали порознь и не могли

разговаривать ни друг с другом, ни со своими спутниками-индейцами. Они были босиком, поскольку использование обуви подвергло бы опасности хрупкое каноэ из коры. Их пищей было немного индийской кукурузы, измельченной между двумя камнями и смешанной с водой. У каждого из многочисленных порогов или водопадов, которые преграждали им путь, путешественники взваливали на плечи каноэ и багаж и с трудом пробирались через лес, пока не преодолевали препятствие. Индейцы часто изнемогали от усталости, и Бребуф опасался, что его крепкое тело согнется под тяжестью непосильного труда.

Гуруны радушно встретили незнакомцев в черных одеждах. Священники смогли отплатить за доброту ценными услугами. Они научили более эффективным методам укрепления города, в котором жили. Они пообещали помощь нескольких французских мушкетеров в борьбе с готовящимся нападением ирокезов. Они лечили болезни; они перевязывали раны. Они давали простые наставления молодежи и завоевывали сердца своих учеников подарками в виде бус и изюма. Старейшины народа пришли, чтобы им объяснили эту веру: они с готовностью признали, что это хорошая вера для французов, но их нельзя было убедить, что она подходит краснокожему человеку. Отцы трудились с надеждой, и дикари научились любить их. Их мягкость, их мужество, их бескорыстие завоевали уважение и доверие, и они получали множество приглашений от вождей отдаленных деревень приехать и жить с ними. Существовали опасения, что дикари считали их просто колдунами необычайной силы, и к ним постоянно обращались за заклинаниями, то для того, чтобы принести победу в битве, то для уничтожения кузнечиков. Они несли ответственность за погоду; на них лежала заслуга или вина в том, какая добрая или злая судьба постигла племя. Они трудились с глубокой серьезностью, ибо для них рай и ад были очень реальны и очень близки. Невидимый мир лежал совсем рядом с ними, повсюду вмешиваясь в земные дела. Их посещали ангелы; им противостояли явные полчища демонов. Святой Иосиф, их покровитель, время от времени общался с ними; даже сама Пресвятая Дева не брезговала навещать и подбадривать своих слуг. Однажды, когда Бребуф шел, подавленный грозящей войной, он увидел в небе, медленно приближающийся к территории гурунов, огромный крест, который говорил ему о приближении неизбежной гибели.

Некоторые из их методов обращения были чрезвычайно грубыми. Сохранилось письмо отца Гарнье, в котором говорится, что картины заказываются из Франции для духовного совершенствования индейцев. Требуется много изображений душ, находящихся в состоянии гибели, с соответствующим сопровождением пламени и торжествующих демонов, разрывающих их клешнями. Было бы достаточно одного изображения спасенных душ и “изображения Христа без бороды”.^[14] Они были охвачены рвением к крещению маленьких детей. Поначалу индейцы приветствовали этот церемониал, веря, что это заклинание, предотвращающее болезни и смерть. Но когда эпидемии опустошили их, они обвинили в бедствии таинственные действия отцов церкви и отказались разрешить крещение. Отцы распознали руку сатаны в этом запрете и отказались подчиниться ему. Они крестили тайком. Священник приходил в хижину, где лежал больной ребенок — мать следила, чтобы он не совершил роковой обряд. Он давал ребенку немного подслащенной воды. Хитро и незаметно он опускает палец в воду, касается бедного изможденного лица, бормочет священные слова, и вскоре “маленький дикарь превращается в маленького ангела”.

Миссионеры подвергались таким лишениям, которые человеческий организм не мог долго выносить. Это были люди, привыкшие к удобствам и утонченности цивилизованной жизни; они вкусили прелести французского общества в его высших формах. Теперь они общались с

людьми, опустившимися так низко, что человечество уже не могло пасть ниже. Они следовали за племенами в их долгих зимних странствиях в поисках пищи. Они подвергались опасности, часто от голода, от холода, от внезапного нападения врагов, от суеверных страхов тех, кого они стремились спасти. Они спали на мерзлой земле или, что еще хуже, в переполненной палатке, наполовину задыхаясь от дыма, оглушенные шумом, измученные грязью. Более абсолютного самопожертвования мир никогда не видел. Любовь к погибающим языческим душам была импульсом, который воодушевлял их; глубокий и торжественный энтузиазм поддерживал их в испытаниях, столь великих, какие когда-либо выпадали на долю человечества. То, что они сами были жертвами ошибочной религиозной веры, совершенно несомненно; но тем не менее их возвышенная вера, их благородная преданность, терпение и мягкость заслуживают нашего восхищения и нашей любви.

1640 год н.э. Миссия гуронов просуществовала уже пять лет. В течение тех мучительных лет миссионеры трудились со жгучим рвением и абсолютным самозабвением, но они не достигли какого-либо значительного успеха. Дети, которых они крестили, либо умирали, либо росли в язычестве. Было несколько взрослых новообращенных, один или двое из которых подавали большие надежды, но большинство в высшей степени разочаровывало. Когда-то зарождающаяся церковь понесла тяжелую утрату из-за ухода новообращенных, которые боялись рая, в котором, как им сообщили, им будет отказано в табаке. Нравы нации не улучшились. Несмотря на серьезные протесты миссионеров, не было допущено никаких ограничений в количестве жен. Собравшаяся нация по-прежнему пыталась и съедала пленных врагов. Со временем терпеливый, самоотверженный труд отцов церкви мог бы привести этих обескураженных дикарей на Крест; но роковой перерыв был близок. Могущественный и безжалостный враг, стремящийся к истреблению, собирался пронестись по территории гуронов, вовлекая дикарей и их учителей в общую разруху.

Прошло тридцать два года с тех необдуманных экспедиций, в которых Шамплен помогал гуронам в борьбе с ирокезами. Неумолимые дикари никогда не забывали обиды. Новое поколение унаследовало вражду и, наконец, было готово осуществить подобающую месть. Ирокезы поддерживали торговые отношения с голландцами из Олбани на Гудзоне, которые поставляли им огнестрельное оружие. Около половины их воинов теперь были вооружены мушкетами и могли ими пользоваться. В 1642 году нашей эры они вторглись в страну гуронов; они наводнили окрестности французских поселений. Вокруг простирались бескрайние леса; на берегу великой реки лесные деревья по обоим берегам опускали свои ветви в ручей. Когда французы путешествовали по лесу на небольшом расстоянии от своих домов, на них нападали затаившиеся дикари и часто убивали; когда они плыли по реке, вражеские каноэ обстреливали их из засады. Теперь ни один человек не мог безопасно охотиться, ловить рыбу или возделывать свою землю. Превосходящими силами ирокезы атаковали города своих врагов-гуронов; прорвали неадекватную оборону; сожгли частокотлы и деревянные хижины; с неопишуемыми пытками вырезали несчастных жителей. В одном из таких городов они нашли Бребуфа и одного из его спутников. Они привязывали злополучных миссионеров к кольям; они вешали им на шеи ошейники из раскаленного докрасна железа; они лили им на головы кипяток; они срезали полоски мяса с их дрожащих конечностей и съедали их у них на глазах. До последнего Бребуф поддерживал надеждами на небеса местных новообращенных, которые разделяли его агонию. И так был обретен мученический венец, к которому в пылу своего энтузиазма так долго стремились эти добрые люди.

Через несколько лет народ гуронов вымер; голод и оспа унесли тех, кого пощадили ирокезы. Миссия Гуронов была закрыта в связи с истреблением расы, ради которой она была основана. Многие миссионеры погибли; некоторые вернулись во Францию. Казалось, их труд был напрасен; годы тяжелого труда и страданий не оставили и следа. В их планы входило превратить канадских дикарей в добрых католиков, трудолюбивых фермеров, верноподданных Франции. Если бы они увенчались успехом, Канада привлекла бы более многочисленную иммиграцию, и Новая Франция могла бы прочно обосноваться на американском континенте. Феодалная система еще на несколько поколений загроздила бы земле; католицизм, непримиримый враг свободы мысли и человеческого прогресса, распространился бы по долине Святого Лаврентия и опустошил бы ее. На этот раз свирепые ирокезы были союзниками и защитниками свободы. Их жестокое оружие дало новый ход канадской истории. Они сорвали планы, успех которых мог бы связать Северную Америку узами брака с деспотизмом в Церкви и государстве. Они подготовили почву для завоевания англичанами Новой Франции и, таким образом, оказали большое влияние на установление свободных институтов в тех обширных регионах, которые лежат к северу от Великих озер.

ГЛАВА IV. ДОЛИНА МИССИСИПИ.

Открытие Миссисипи Фердинандом де Сото принесло пользу не сразу. В течение почти полутора столетий после того, как этот злополучный исследователь погрузился в сон под водами, которые он первым пересек, “Отец рек” продолжал течь через безлюдные пустынные места, не посещаемые цивилизованными людьми. Французы овладели долиной Святого Лаврентия. У англичан были процветающие поселения на побережье Атлантического океана; но горы Аллегани, которые закрывали их с запада, оставляли место для многолетнего роста, и поэтому пока не было причин искать более широких границ. Долина Миссисипи оставалась охотничьими угодьями для дикарей, которые издавна владели ею.

С течением лет стало очевидно, что Англия и Франция должны урегулировать свои претензии на американский континент путем конфликта. Англичане все еще сохраняли свое право, возникшее в результате открытия, на всю территорию, оккупированную французами; и время от времени они посылали экспедиции, чтобы вторжением вновь утвердить свои дремавшие притязания. Перед французами открылись великолепные возможности. Вся огромная линия Миссисипи и ее притоков, от Великих озер до Мексиканского залива, могла быть захвачена и удерживаться; военное поселение могло обезопасить устье реки; англичан можно было зажать между Аллегани и океаном, и рост их поселений был бы сорван.

1671 год н.э. Николас Перро, французский офицер, по поручению короля встретился со сборищем индийских делегатов в точке недалеко от северной оконечности озера Мичиган. Там ему рассказали об огромной реке, которую одни называли Мехасепе, другие - Миссисипи. В каком направлении она текла, дикари сказать не могли, но они были уверены, что она не текла ни на север, ни на восток. Проницательный француз сразу понял, что этот таинственный поток, должно быть, изливает свои воды в Тихий океан или в Мексиканский залив, и что в любом случае контроль над ним должен представлять большую ценность для Франции.

1673 г. н.э. Исследовательская группа, состоящая из шести человек и снабженная двумя небольшими каноэ из коры, предприняла поиски. Они поднялись по реке Фокс от того места, где она впадает в озеро Мичиган; они пересекли узкий перешеек; и, спустившись по реке Висконсин, они легко плыли вниз, пока не оказались в великолепных водах Миссисипи. Их радость была велика: берега реки казались их обрадованным глазам богатыми и прекрасными; деревья были выше, чем они когда-либо видели прежде; дикий скот огромными стадами бродил по цветущим лугам этой романтической страны. Много дней искатели приключений следовали по течению реки. Они дошли до того места, где Миссури соединяет свои воды с Миссисипи. Они миновали Огайо и Арканзас и с удивлением смотрели на огромные потоки, которые усиливали могучую реку. Они убедились, что Миссисипи впадает в Мексиканский залив, а затем, не доверяя доброй воле испанцев, повернули назад и с трудом поднялись по течению.

1680 год н.э. Несколько лет спустя молодой и энергичный француз — Сьер де ла Саль - завершил работу, начатую этими исследователями. Надежда, которую питал Колумб, что он откроет лучший путь на Восток, только сейчас, после двухсот лет разочарований, начала угасать в сердцах его последователей, и Ла Саль по-прежнему горячо лелеял ее. Он пересек Миссисипи от устья реки Иллинойс до залива. Он видел обширные и унылые болота, которые лежат вокруг устья Миссисипи. Он воздвиг щит с гербом Франции; он объявил огромный регион от гор Аллегани до Тихого океана, от Великих озер до Мексиканского залива владением французского короля.

Целых полвека Франция не предпринимала никаких действий, чтобы заполучить обширные владения, на которые она претендовала. Последние годы правления Людовика XIV. были полны катастроф. Англия, убежденная королем Вильгельмом в том, что французские амбиции представляют постоянную угрозу для Европы, вела войны, которые поставили Францию на грань разорения. О ее колониальных владениях мало заботились, когда Франция боролась за существование в Европе. 1746 Год н.э. Мудрый губернатор Канады — граф де ла Галиссоньер — заметил быстрый рост английских поселений и растущую опасность для Франции, которую представляло их превосходство в силах. Он предложил укрепить линию Миссисипи и отправить десять тысяч крестьян для создания поселений на берегах великих озер и рек. Со временем растущая мощь этих поселений обеспечила бы Франции надежное владение долиной Миссисипи; в то время как английские колонисты, ограниченные узкой областью к востоку от гор Аллегани, должны были подвергаться разрушительному нападению своих более могущественных соседей. Так рассуждал губернатор; но его слова не привлекли внимания со стороны правительства Франции, находящегося под оккупацией. Используя все свои возможности, он стремился проводить политику, которая сохранила бы за Францией ее обширные американские владения. Он пытался исключить английских торговцев и убедить

индейцев придерживаться аналогичного курса. Он обозначил границы французской территории свинцовыми пластинами с гербом Франции, воткнутыми в землю или прибитыми к деревьям. Он привез нескольких поселенцев из Новой Шотландии. Но все его усилия были напрасны. Англосаксы были назначенными правителями Американского континента; и близилось время, когда, преодолев препятствия, чинимые французами и индейцами, они должны были вступить в полное владение своим великолепным наследием.

ГЛАВА V.

АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ, ЗАВОЕВАННЫЙ БРИТАНЦАМИ.

Первое английское поселение, ставшее постоянным в Вирджинии, было основано в 1606 году. Семь лет спустя, когда поселение все еще боролось за существование, колонисты начали вынашивать планы агрессии против своих все еще более слабых соседей на крайнем севере. У них был обычай ежегодно посылать к большим берегам Ньюфаундленда флотилию рыбацких лодок под конвоем вооруженного корабля. Когда-то командиром этого эскорта был воинственный человек по имени Сэмюэл Аргалл, чьи возвышенные цели не могли быть ограничены той узкой сферой, которая была ему поручена. В то время как лодки, находившиеся в его ведении, усердно выполняли свое предназначение, Аргалл обратил свои мысли к более масштабному стремлению к национальному возвышению. В 1613 году нашей эры он подтвердил права Англии на все земли по соседству. У французов было вооруженное судно на побережье: Аргалл атаковал его и захватил в плен. Французы основали очень слабое поселение в заливе Пенобскот: Аргалл высадился на берег и превратил в руины те немногие здания, которые его составляли. Он запихнул семнадцать своих пленников в открытую лодку и пустил их по течению в море. Остальных отвезли в Джеймстаун, где их чуть было не повесили как пиратов.

Так рано и так незаконно началась междоусобица, которая должна была завершиться полтора столетия спустя победой англичан на высотах Авраама и изгнанием французского правления с американского континента. Большую часть того времени Англия и Франция находились в состоянии войны, и зарождающиеся поселения Акади и Канады стали естественной добычей английских авантюристов. В 1628 году король Яков пожаловал Акади своему соотечественнику, с которым он подружился, и этот новый владелец отправил флот, чтобы подтвердить свои притязания. Беззаконный командир этой экспедиции не постеснялся в мирное время завладеть Квебеком. Трижды англичане захватывали Акадию: один раз они удерживали ее совместно с Францией в течение одиннадцати лет; затем они восстановили ее. В 1713 году н.э. Наконец, она

перешла к ним по Утрехтскому мирному договору и отныне была известна как Новая Шотландия. По мере того как колонии Новой Англии набирали силу, они вели независимую войну с Канадой. В 1664 году н.э. Чуть позже англичане завоевали Нью-Йорк и постепенно распространили свою оккупацию на север, к Великим озерам. Французы с реки Святого Лаврентия были их естественными врагами. Англичане стремились завладеть канадской торговлей мехами и с этой целью заключили союз с индейцами-ирокезами, которые в то время контролировали долину Гудзона. Шли постоянные пограничные войны — жестокие и расточительные. Часто англичане из Нью-Йорка нападали на французов из Канады; еще чаще они побуждали индейцев к враждебности. Постоянно происходили раздоры, которые делали колонии слабыми и часто угрожали им вымиранием. Поначалу Англия не стремилась обладать Канадой; скорее, она не могла быть свидетелем беспрепятственного владения Францией какой-либо территорией, которой Франция, казалось, дорожила.

По мере того как проходили годы и все полнее обнаруживалась огромная ценность американского континента для европейских держав, неизбежный конфликт пробуждал все более ожесточенные страсти и требовал все более энергичных усилий. Англичане были полны решимости часто посещать долину Огайо с торговыми целями; французы были полны решимости воспрепятствовать этому. Губернаторы английских колоний, презирая власть Франции, выдавали лицензии торговцам; когда торговцы с такими лицензиями появлялись на берегах Огайо, они арестовывались, а их товары конфисковывались. Англичане были крайне возмущены этими травмами. Были предприняты попытки достичь мирного урегулирования споров, и с этой целью члены комиссии встретились. Но настроения обеих наций были неблагоприятны для переговоров; вопросы, которые разделяли их, были слишком важными. Сейчас соперничающие державы обсуждали судьбу континента. Люди еще даже не поняли, что мирное решение таких вопросов возможно.

Английские колонии быстро увеличивались, и теперь их население превышало миллион человек. Из Франции почти не было добровольной эмиграции, и долина Святого Лаврентия была населена всего шестьдесятю пятью тысячами человек. Англичане были достаточно сильны, чтобы сокрушить своих соперников. Но они были разбросаны на огромных расстояниях, и противоречивые мнения мешали им объединить свои силы. 1754 год нашей эры, и Франция в это время начала посылать обильные военные припасы и подкрепления, как бы готовясь к немедленной агрессии. Между двумя странами все еще царил мир, но считалось, что неизбежный конфликт близок. Английские губернаторы искренне просили о помощи солдат регулярной армии, в чью доблесть они безгранично верили. Два полка были дарованы по их молитвам, и они сами предоставили сильный корпус смелых, но недостаточно дисциплинированных войск. Они были слишком сильны, чтобы ждать прихода врага. Была спланирована кампания, успех которой потряс бы основы французского авторитета на континенте. Одна армия под командованием генерала Брэддока должна была пересечь горы Аллегани и уничтожить форт дю Кен, центр французской мощи на реке Огайо. Две армии должны были действовать против французских фортов на Великих озерах; еще одна армия двинулась против французских поселений в заливе Фанди. В довершение всего, британский флот крейсировал у берегов Ньюфаундленда, наблюдая за действиями соперничающих сил.

1755 год н.э. Разорение, быстрое и полное, сокрушило неразумно управляемое вооружение, следовавшее за генералом Брэддоком через леса Вирджинии. [15] На севере велись отчаянные и кровопролитные бои. Англичане загнали на борт своих кораблей три тысячи французских

крестьян — мирных жителей Новой Шотландии - и рассеяли их по южным колониям. Индийские союзники французов захватили врасплох множество уединенных деревушек, убили множество женщин и детей, замучили до смерти множество бойцов. Английский флот захватил два французских корабля. Но ни одна из сторон не получила решающего преимущества. Проблема судьбы Америки решалась сама собой в соответствии с обычными методами — опустошением страны, резней и страданиями ее жителей; но результаты этой кровавой кампании заметно не ускорили решение, которое люди так мучительно искали.

В течение следующих двух лет успех был в основном на стороне французов. Англичане остались без компетентного руководства. Опытный и умелый офицер - маркиз де Монкальм — командовал французами и получил важное преимущество над своими противниками. Он взял форт Уильям Генри, а его союзники вырезали гарнизон. Он взял и разрушил два английских форта на озере Онтарио. Он создал для себя в Тикондероге позицию, которая преградила англичанам доступ к западным озерам. Война длилась почти три года, и Канада не просто удержала свои позиции, но и, располагая значительно меньшими ресурсами, смогла удержать своего могущественного врага в обороне.

Но теперь нетерпеливые англичане сбросили слабоумное правительство, при котором был нанесен этот позор, и сильная рука Уильяма Питта взяла на себя руководство войной. 1757 год н.э. Когда Англия всерьез взялась за завоевательную работу, Франция могла оказать лишь слабое сопротивление. Канадцы были немногочисленны и ослаблены недовольством и раздорами. Их оборонительная мощь заключалась в нескольких незначительных фортах, нескольких тысячах французских солдат и пяти боевых кораблях. Незначительность их ресурсов была скрыта умелым руководством Монкальма.

Питт предложил в качестве задачи первой кампании взять Луисбург - единственную гавань, которой Франция владела на Атлантическом океане; взять форт дю Кен в долине Огайо; и Тикондерогу на севере. Он смог добиться большего, чем надеялся. Луисбург был взят; Кейп-Бретон и остров Сент-Джон стали английской территорией. Сообщение между Францией и ее находящейся под угрозой колонией отныне было невозможно. Французские корабли были захвачены или уничтожены, а флаг Франции исчез с канадского побережья. Форт дю Кен попал в руки англичан и получил английское название Питсбург, под которым он прославился как центр мирной промышленности. У Франции больше не было опоры в долине Миссисипи. В 1758 году н.э. на Тикондероге неспособное командование привело к позорному провалу: английская атака провалилась, и была устроена прискорбная резня. Но достигнутый прогресс давал основания ожидать, что еще одна кампания положит конец владычеству Франции на американском континенте.

Дух британской нации поднялся с возвращением того успеха, к которому они долгое время были чужды. Питт строил свои планы с целью немедленного завоевания. Парламент решительно одобрил его политику и управление и проголосовал за щедрые суммы, чтобы подтвердить рвение колонистов. Народ с энтузиазмом поддержал войну. Их главной заботой в то время было унижить Францию, захватив все ее американские владения. Мужчины Новой Англии и Нью-Йорка оказали свою горячую помощь делу, которое было исключительно их собственным. Внутреннее состояние Канады подготовило легкий путь для решительного захватчика. Урожай был скудным; теперь нельзя было надеяться на поставки из-за границы, поскольку английские корабли поддерживали строгую блокаду; продовольствия не хватало; коррумпированное и

непопулярное правительство конфисковало, под предлогом общественной необходимости, зерно, которое было необходимо для поддержания жизни семей несчастных колонистов. В колонии насчитывалось не более пятнадцати тысяч человек, годных к ношению оружия, и по большей части они были недисциплинированны и не желали сражаться. Губернатор тщетно пытался воодушевить их доблестью пламенными воззваниями. Уныние и апатия перед приближающимся переворотом уже наполнили их сердца.

1759 год н.э. В планы Питта входило атаковать одновременно все оставшиеся цитадели Франции. Армия в одиннадцать тысяч человек, двигавшаяся на север от Нью-Йорка по долине Гудзона, с легкостью взяла форты Тикондерога и Краун-Пойнт, а прекрасная область, лежащая вокруг озер Шамплейн и Лейк-Джордж, навсегда отошла от владений Франции. Меньшие силы атаковали форт Ниагара, единственный представитель французской власти на озере Онтарио. Эта цитадель пала, и у Франции больше не было опоры на берегах Великих озер.

На востоке продвижение британского оружия было менее быстрым. Монкальм удерживал Квебек, сильно укрепленный, но недостаточно обеспеченный продовольствием. Под его командованием было двенадцать тысяч человек — бессердечных и плохо вооруженных, а толпы союзных индейцев прятались в лесах, выжидая удобного случая. Перед Квебеком стоял мощный британский флот и британская армия численностью в восемь тысяч человек. Питт знал, что здесь кроется главная трудность кампании; что здесь должен быть достигнут ее главный успех. Он не нашел среди своих старших офицеров ни одного человека, которому мог бы доверить эту важную задачу. Отбросив рутину, которая разрушила столько честных предприятий, он назначил главнокомандующим молодого солдата слабого здоровья, мягкого, чувствительного, скромного, в котором его безошибочное восприятие обнаружило качества, которые ему требовались. Этим молодым солдатом был Джеймс Вулф, который уже успел проявить мужество и высокий военный гений в подчинении. Ему Питт доверил силы, чьему оружию теперь предстояло вершить судьбу континента.

Долгая зима в Нижней Канаде задержала начало кампании, и июнь почти закончился, когда британские корабли бросили якоря у острова Орлеан, и Вулф смог взглянуть на крепость, которую он пришел покорить. Его обзор не был обнадеживающим. Французский флаг вызывающе развевался над огромными и неприступными высотами, увенчанными внушительными сооружениями, которые простирались далеко в лес и преграждали все пути подхода. Вулф вынудил десант и установил батареи в пределах досягаемости от города. В течение нескольких недель он бомбардировал как верхний, так и нижний город и превратил их в руины. Но оборонительная мощь Квебека не пострадала. Нищета жителей была крайней. “Мы без надежды и без пищи”, - написал один из них. “Бог оставил нас”. Несмотря на их страдания, французский генерал продолжал решительную оборону.

Короткое лето проходило, и Вулф понимал, что никакого реального прогресса достигнуто не было. Он знал, какие надежды питали его соотечественники; и он глубоко чувствовал, что исключительное доверие, оказанное ему, требует в ответ исключительной службы. 31 июля 1759 г. н.э. Он решил переправить своих людей через реку и прорвать французские укрепления. Но на каждом этапе слишком рискованная попытка заканчивалась неудачей. Его транспорты сели на мель; французские снаряды пробили и потопили несколько его лодок; сильный ливень уничтожил боеприпасы войск; некоторые из его лучших полков, охваченные диким боевым

энтузиазмом, разбились о неприступную оборону и были уничтожены. Атака потерпела полный провал, и сбитые с толку нападавшие отступили, ослабленные большими потерями.

Душевные муки, вызванные этим несчастьем, сокрушительной тяжестью легли на ослабевшее тело Вульфа, и в течение нескольких недель он лежал в лихорадке и был беспомощен. Во время своего выздоровления он пригласил своих офицеров встретиться для консультации относительно наиболее перспективного метода нападения. Один из офицеров предложил, а другие рекомендовали план, полный опасности, но с возможностью решающего успеха. Было предложено разместить армию на возвышенности к западу от верхнего города и принять там сражение, которое французы были бы вынуждены принять. Нападавшие в значительной степени превосходили гарнизон численностью; побег был невозможен, а поражение означало разорение. Но Вулф не боялся, что французы могут нанести поражение армии, которую он возглавлял. Это предприятие имело непреодолимую привлекательность для его смелого ума. Он доверял своим солдатам и решил поставить успех кампании на то, что они смогут удержать позиции, на которые он их поведет.

Высоты Абрахама простираются к западу на три мили от укреплений верхнего города и образуют часть высокого плоскогорья, которое простирается на расстояние девяти миль от города. Они находятся на высоте от двухсот до трехсот футов над уровнем реки. Их берег почти отвесен и совершенно недоступен, за исключением тех мест, где к вершине ведет узкая тропинка. Именно по этой тропинке— по которой два человека не могли идти рядом, Вульф намеревался приблизиться к врагу. У французов было несколько человек, охранявших верхний конец тропы, но охрана была слабой, так как они не ожидали здесь нападения. Едва ли когда-либо прежде армия продвигалась на битву по столь труднопроходимой дороге.

12 сентября 1759 года все войска были приняты на борт кораблей, которые отплыли на несколько миль вверх по течению. Ночью мужчины снова сели во флотилию лодок и спустились на воду с отливом. Им было приказано соблюдать тишину. Не было слышно ни звука весел, ни голоса, за исключением голоса Вульфа, который вполголоса повторял своим офицерам трогательные и в его собственном случае пророческие стихи из “Элегии на сельском кладбище” Грея. Причал был достигнут быстро, и люди молча ступили на берег. Один за другим они взбирались по узкой лесной тропинке. Когда они приблизились к вершине, стражники в панике выстрелили из мушкетов вниз со скалы и обратились в бегство. Корабли спустились вниз по реке, и лодки непрерывно курсировали между ними и местом высадки. Высадка продолжалась всю ночь. Первые лучи утреннего солнца осветили армию из почти пяти тысяч британских солдат-ветеранов, прочно выстроившихся на высотах Абрахама, жаждущих битвы и уверенных в победе. Вульф вел их вперед до тех пор, пока его фронт не оказался в миле от города, и там он переждал атаку французов.

Монкальм был полностью введен в заблуждение относительно целей англичан и оказался неподготовленным к их нежелательному появлению на Высотах. Он всегда избегал сражений, поскольку большую часть его войск составляли канадские ополченцы, на которых мало можно было положиться. Поэтому он удерживал их в своих укреплениях и верил, что приближающаяся зима прогонит нападавших и спасет Канаду. Даже сейчас он мог бы укрыться за своей защитой и отсрочить надвигающуюся катастрофу. Но его запасы провизии и боеприпасов подходили к концу, а поскольку английские корабли беспрепятственно двигались по реке, у него не было ни

малейшего проблеска надежды извне. Монкальм решил, что великий спор должен быть решен сражением и немедленно.

Он двинулся в атаку с семью тысячами пятьюстами человек, из которых менее половины были регулярными солдатами, не считая толпы индейцев, почти бесполезных для подобных сражений. Французы продвинулись вперед, ведя огонь, и нанесли значительный урон своему врагу. Британцы стояли неподвижно, за исключением тех случаев, когда они молча закрывали ужасные бреши, созданные пулями французов. Наконец вражеские линии встали друг против друга на расстоянии сорока ярдов, и Вульф отдал команду стрелять. Из наведенных мушкетов британских шеренг раздался меткий смертоносный залп. Этот роковой выстрел выиграл битву, завоевал город Квебек - завоевал господство над континентом. Канадское ополчение сломалось и обратилось в бегство. Героическое присутствие Монкальма на мгновение заставило солдат выполнить свой долг; но британцы, окрыленные победой, ринулись вперед на разбитого и теряющего сознание врага: Монкальм пал, пронзенный смертельной раной; французская армия в безнадежном бегстве искала убежища за крепостными валами Квебека.

Оба генерала пали. Вульф был трижды сражен пулями и умер на поле боя, при последнем вздохе вознося Богу благодарность за этот выдающийся успех. Монкальм умер на следующий день, довольный тем, что его глазам не довелось стать свидетелем капитуляции Квебека. Сражение длилось всего несколько минут, и, принимая во внимание огромные проблемы, которые от него зависели, потери были незначительными. Только пятьдесят пять британцев были убиты и шестьсот ранены; потери французов были вдвое больше, чем у их врагов.

Через несколько дней после битвы Квебек был сдан в руки завоевателей. Но французы не сразу признали абсолютное поражение. 1760 Год н.э. Весной следующего года французская армия численностью в десять тысяч человек одержала победу над британским гарнизоном Квебека на высотах Абрахама и осадила город. Но эта видимость возрождающейся силы была обманчивой. Быстрое приближение нескольких британских кораблей прорвало осаду и вынудило к поспешному отступлению. Перед закрытием сезона британская армия, которой французы были бессильны противостоять, прибыла к Монреалю и получила немедленную капитуляцию беззащитного города. Великобритания получила, помимо этого, отказ от всех владений Франции в Канаде от реки Святого Лаврентия до неизвестных регионов на севере и западе. Ополченцам и индейцам было разрешено беспрепятственно вернуться в свои дома. Солдат доставили обратно во Францию на британских кораблях. Всем гражданским служащим было предложено собрать свои документы и другие правительственные принадлежности и отправиться восвояси. Ибо французское правление в Канаде прекратилось, и англосаксы безраздельно властвовали от Флориды до крайних северных пределов континента.

ГЛАВА VI. КОЛОНИЗАЦИЯ ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ.

Прошло полтора столетия с тех пор, как Шамплен заложил основы французской империи среди лесов долины Святого Лаврентия. В те годы народами Западной Европы овладело страстное желание распространить свою власть на территории, открытые недавним открытием. На берегах Северной Атлантики возникли Новая Франция, Новая Шотландия, Новая Англия, Новые Нидерланды, Новая Швеция. К югу простирались обширные владения, будущему которых оккупация Испанией уже подготовила смертельный и длительный упадок. Франция и Англия боролись за обладание великим полуостровом Индостан. Голландия и Португалия с энергией, которой не проявляют в последние годы, основали поселения как в восточных, так и в Западных морях, добившись таким образом расширения торговли и значительного увеличения богатства.

Франция разделила преобладающий импульс и приложила все силы, чтобы установить в Канаде доминион, достойный носить ее имя. Мудрый министр Кольбер осознал величие открывшихся возможностей и не жалел ни труда, ни затрат, чтобы способствовать росту колоний, которые обеспечили бы Франции прочную власть над этой великолепной территорией. Сменявшие друг друга короли оказывали помощь во всех формах. Хорошо выбранные губернаторы приносили колонии все преимущества, которые могло дать честное и умелое руководство. Солдаты получали снаряжение для обороны; продовольствие доставлялось в периоды дефицита. Плодородная почва и торговые возможности, которые не были превзойдены ни в одной части континента, создавали стимулы, способные привлечь толпы предприимчивых и нуждающихся. Но, несмотря на все поощрения, Новая Франция оставалась слабой и непрогрессивной. Когда она перешла под власть Великобритании, ее население составляло едва ли более шестидесяти тысяч человек и в течение нескольких лет фактически сокращалось. В Квебеке, ее главном городе, проживало едва ли семь тысяч человек; в Монреале - всего четыре тысячи. Остальные люди бережливо обрабатывали участки земли по берегам великой реки и ее притоков или, подобно окружавшим их дикарям, добывали грубое и ненадежное пропитание охотой. Доход колонии составлял не более 14 000 фунтов стерлингов — сумма, недостаточная для покрытия расходов. Ее экспорт составлял всего 115 000 фунтов стерлингов.

В то время как Франция тщетно пыталась таким образом основать в Канаде колонии, которые носили бы ее имя и укрепляли ее величие, некоторые англичане, недовольные условиями своей жизни на родине, начали селиться в нескольких сотнях миль от нее на берегах того же великого континента. У них не было поддержки ни от королей, ни от государственных деятелей; единственным благом, которого они добились, да и то с трудом, было разрешение уехать. Когда на них обрушился голод, они перенесли его страдания без облегчения; их собственные храбрые сердца и сильные руки были их достаточной защитой. Но их восхождение к силе и величию

было быстрым. В течение десяти лет двадцать тысяч англичан нашли пристанище в американских поселениях. До конца семнадцатого века в одной только Вирджинии проживало больше населения, чем во всей Канаде. Когда началась последняя битва, население тринадцати английских колоний составляло от двух до трех миллионов человек, что контрастировало с бедными шестьюдесятью тысячами французов, которые были их соседями на севере. Величие колоний лучше всего можно измерить сравнением с метрополией. Англия была тогда страной с населением менее шести миллионов человек, Шотландия - с миллионом, Ирландия - с двумя миллионами.

Объяснение этой огромной разницы в результатах усилий англичан и французов по колонизации американского континента следует искать главным образом в совершенно разном качестве двух наций. Англия, по словам Адама Смита, “вырастила и сформировала людей, способных совершить такие великие поступки и заложить фундамент столь великой империи”. Франция не воспитывала таких людей, а если и воспитывала, то они оставались дома, равнодушные к созданию империй за рубежом. Англичанин, взявшийся за дело колонизации, приехал сюда по собственному свободному выбору, чтобы построить для себя дом; он привез с собой свободный и смелый дух, целеустремленность и способность самостоятельно руководить общественными делами. Француз пришел неохотно, изгнанный из дома, который он предпочитал и в который надеялся вернуться. Он пришел, покорный тирании, которую так и не научился ненавидеть. Он был одним из последователей великого лорда, которому был обязан абсолютным повиновением. Ему не хотелось возделывать землю: он охотился или торговал с индейцами мехами до того счастливого дня, когда ему разрешили вернуться во Францию. Великие империи не основываются на таких материалах, как эти.

Но Франция была неудачлива в своей системе не меньше, чем в своих мужчинах. Феодализм все еще был в своей несломленной силе. Земля Франции все еще была разделена между знатными сеньорами, которые несли военную службу королю; и все еще обрабатывалась крестьянами, которые несли военную службу великому сеньору. Феодализм теперь распространился по канадской пустыне. Обширные участки земли были переданы влиятельным лицам, которые обязались обеспечивать поселенцев. Сеньор основал свою собственную резиденцию на сильной, пригодной для обороны позиции и расселил вокруг себя своих крестьян. Они платили небольшую ренту и были обязаны следовать за ним на те войны, которые он считал целесообразными вести, будь то против индейцев или англичан. Он сохранил за собой для своей собственной выгоды или продал любому, кто пожелал бы купить, право ловить рыбу и торговать мехами; он молот зерно в своем поместье по ценам, которые устанавливал сам. Он вершил правосудие и карал за все преступления, за исключением государственной измены и убийства. Когда феодальная система в Европе была близка к периоду упадка, Франция начала закладывать на этой неустойчивой основе фундамент своей колониальной империи.

Зарождавшаяся торговля колонии была задушена монополиями. Крупные торговые компании покупали при дворе или фавориты получали безвозмездно исключительное право покупать меха у индейцев и импортировать все иностранные товары, используемые в колониях, устанавливая по своему усмотрению цены— которые они должны были платить и получать. Иногда, в тяжелый сезон, они скупали урожай и продавали его по голодным ценам. Нарушение этих монополий лицами без лицензии каралось смертной казнью. Колонисты и не помышляли о самоуправлении; они были беззаботной, покорной расой, довольствовавшейся тем, что королю было угодно им послать. Их чиновники грабили их и с низменной скупостью растрачивали их

скудные припасы. У народа не было сил для собственной защиты, и его крики страдания не спешили добиться от далекого короля справедливости, которую они были не в состоянии осуществить.

Священник пришел со своим народом, чтобы защитить их православие на этой новой земле - сохранить то глубокое невежество, в котором лежали корни их набожности. Правительство препятствовало распространению печатного станка; едва ли кто-либо из крестьян умел хотя бы читать. В то время, когда Коннектикут тратил четверть своих доходов на общую школу, канадский крестьянин был совершенно необразован. В Квебеке почти со времен Шамплена существовал колледж для подготовки священников. Там и в Монреале были иезуитские семинарии, в которых дети из зажиточных классов получали небольшое образование. Была предпринята слабая попытка дать образование детям индейцев, но для детей обычных рабочих французов, обосновавшихся в Канаде, ничего не было сделано.

Влияние, окружавшее зарождение английских колоний, было в высшей степени благоприятным для активного роста. Прибыв по собственному свободному выбору, колонисты не принесли с собой ни одного из пагубных ограничений, которые в Старом Свете все еще препятствовали человеческому прогрессу. Обременительные обычаи феодализма не допускались в пределах новой империи. Каждый колонист был землевладельцем. В некоторых штатах поселенцы делили между собой земли, которые они находили незанятыми, не дожидаясь согласия короля или знати. В других случаях они получали по ценам, которые были почти номинальными, земельные наделы от частных лиц — как Уильям Пенн, получивший большие территориальные права от суверена. Во всех случаях, будь то путем покупки или присвоения, они становились независимыми владельцами земель, которые они обрабатывали. Вначале они были слишком незначительны, чтобы считаться с ними у себя дома: облагодетельствованные этим благотворным пренебрежением, они могли спокойно вести свои собственные общественные дела. По мере того как их значение возрастало, корона утверждала свое право контроля; но в осуществление ими привилегии самоуправления почти никогда не вмешивались. Люди, основавшие штаты Новой Англии, унесли с собой в дикую местность глубокое убеждение в том, что всеобщее образование необходимо для успеха их предприятия. В то время как канадец французского происхождения, презирая сельское хозяйство, бродил по лесу в поисках дичи, сам невежественный и отец невежественных детей, вдумчивый фермер из Новой Англии изо всех сил помогал построить систему общих школ, в которых каждый ребенок, рожденный на этой свободной земле, должен был получать эффективное образование. Столь непохожими были методы, с помощью которых Франция и Англия стремились колонизировать недавно открытый континент. Столь же непохожий результат был неизбежен.

Именно в последние годы великого эксперимента Франция разработала смелую концепцию создания линии военных поселений на Миссисипи, а также на реке Святого Лаврентия,^[16] и, таким образом, ограничить англичан между горами Аллегани и морем. Ввиду крайней слабости ее вооруженных сил этот проект кажется экстравагантным. Было совершенно невозможно сдерживать экспансивную энергию английских колоний никакими силами, которыми Франция могла командовать. Шестьдесят тысяч французов предлагали заключить в тюрьму на морском побережье два миллиона англичан. Но конституция французских поселений, хотя и ослабляла их и не позволяла мирно расти вместе со своими соперниками, делала их более грозными, чем их реальная сила, для целей агрессии. Канада была военным поселением; каждый канадец был солдатом, обязанным следовать на поле боя за своим феодалом. Английские колонисты были

мирными фермерами или торговцами; они были широко рассеяны, и, живя при многих независимых правительствах, их объединение для достижения какой-либо общей военной цели было почти невозможно. То, что они в конце концов свергнут владычество своих соперников, было неизбежно; но если бы французский король смог более щедро усилить вооружение своих канадских подданных, борьба должна была бы быть длительной и кровопролитной. К счастью, его ресурсы были до предела истощены сложностями, которые окружали его дома. Вопрос о том, какая раса должна быть верховной на американском континенте, был быстро решен на полях сражений Семилетней войны.

ГЛАВА VII. ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ.

Положение канадского народа во время завоевания англичанами было чрезвычайно плачевным. Каждый человек был в строю, а поля, от которых зависело их существование, оставались невозделанными. Прибыльная торговля мехами прекратилась, поскольку индейские охотники и французские торговцы сражались против англичан. Скучные доходы колонии больше не приносили поддержки правительственным чиновникам, которые грабили несчастных людей без всякой жалости или стыда. Свирепствовал голод, который привел к многочисленным жертвам среди женщин и детей, которые теперь жили на заброшенных полях вдоль берегов реки.

Наконец завоевание было завершено, и те печальные годы кровопролития закончились. Французские солдаты, алчные чиновники, были отправлены домой, во Францию, где некоторые из самых злостных преступников, как отрадно знать, быстро попали в Бастилию. Колонисты сложили оружие и с радостью вернулись к своим давно заброшенным промыслам. Сначала простые люди боялись суровости новой власти, во власть которой они попали. Некоторые из них вернулись домой, во Францию; но в основном это была колониальная аристократия, присутствие которой всегда было несчастьем. Опасения поселенцев вскоре развеялись. Они привыкли к произволу и жестокости правительства. Дыба использовалась регулярно. Обвиняемых обычно подвергали пыткам. Судебные процессы проводились тайно и без возможности защиты. Личная свобода каждого человека зависела от воли его начальства. Английское правление сразу положило конец этим несправедливостям и даровало покорным канадцам неожиданные благословения в виде мира, личной безопасности и собственности, а также чистого отправления правосудия. Существовали опасения, что большая масса населения покинет провинцию и вернется во Францию. Но снисходительность правительства и искренняя

доброта, с которой удовлетворялись насущные нужды бедняков, предотвратили любое подобное бедствие, и французы безропотно приняли новую власть, навязанную им мечом.

Английское правительство, естественно, желало способствовать расселению английского населения в Канаде. Поначалу Британия приняла решение сохранить территорию, за обладание которой она так мужественно боролась, не без колебаний. Широко распространялось мнение, особенно среди торгового класса, что объединенная Северная Америка быстро станет слишком могущественной, чтобы продолжать зависеть от метрополии; что подчинение наших существующих колоний будет гарантировано благотворным присутствием конкурирующей и враждебной державы на их северной границе. Но возобладали более мудрые взгляды, и Британия решила сохранить великолепный приз, который она выиграла. Были приложены все усилия, чтобы привнести британский элемент, который должен был окутать и в конечном итоге поглотить непрогрессивных французов. Торговцам и воинам, в услугах которых больше не было необходимости, были предложены большие поощрения. Многие из них приняли предложенные им земли и обосновались в Канаде. Новизна приобретения и интерес, который был связан с завоеванием, привлекли значительное количество поселенцев из старой страны. Годы, непосредственно последовавшие за завоеванием, были годами более быстрого роста, чем Канада под властью Франции. За двенадцать лет население увеличилось до ста тысяч. Поляны вдоль берегов Святого Лаврентия увеличились в количестве и площади и простирались от реки вглубь леса. Приток торговцев вызвал заметный рост городов. До сих пор на канадской земле не было разрешено использовать печатный станок, поскольку деспотизм здесь, как и в других местах, требовал невежества населения в качестве условия своего существования. Но едва французские чиновники отбыли, как два предприимчивых человека из Филадельфии прибыли в Квебек с типографским станком и начали выпуск газеты.

Война в Европе продолжалась более трех лет после изгнания французов из Канады. Наконец, устав от жестокой борьбы, измученные народы возжелали мира. Франция понесла огромные территориальные потери. Бедствия, обрушившиеся на Испанию, смирili ее надменный дух и ускорили уже начавшийся упадок. Австрия и Пруссия желали отдохнуть от расточительного соперничества, в выгодах которого они почти не участвовали. Огромные завоевания, которых добилась Британия, на время удовлетворили честолюбие ее народа, и теперь она была довольна тем, что меч должен быть вложен в ножны. В 1763 году был заключен мир. Британия присоединила к своим владениям несколько островов Вест-Индии, Флориду, Луизиану до Миссисипи, Канаду и острова в заливе Святого Лаврентия, а также Сенегал. “Никогда, - заявил недавно коронованный Георг III, - ни Англия, ни, я полагаю, никакая другая держава в Европе не подписывали такого мира”.

Пока война все еще продолжалась, Канадой управляло военное правительство, а правосудие осуществлялось советами офицеров. Когда был восстановлен мир и передача Канады была формально завершена, возникла необходимость в мероприятиях более постоянного характера. Ситуация была полна трудностей. Колония была в основном французской и римско-католической; лишь небольшое меньшинство ее населения составляли англичане и протестанты. Они, однако, с гордостью завоевателей смотрели на старых поселенцев и утверждали, что институты колонии должны быть построены полностью по английским образцам. Мудрая государственная мудрость в этот насыщенный событиями час предотвратила бы ослабляющие разногласия, расточительные распри, недовольство, перерастающее в конце

концов в восстание. Но Канаде было отказано в мудрой государственной мудрости. Октябрь 1763 г. н.э. От имени короля была Издана Прокламация, обещавшая народу самоуправление, подобное тому, которым пользовались американцы, как только позволят обстоятельства колонии; кратко намекая, что в настоящее время законы Англии являются законами Канады. Это была революция, едва ли превзойденная по своему насилию и несправедливости, и по своим результатам она на несколько поколений задержала прогресс колонии. Одним махом законы, действовавшие в течение полутора столетий, были сметены. Новый свод законов, совершенно новые методы судопроизводства, о которых народ ничего не знал, теперь издавались на языке, который почти никто не понимал. В своей спешке правительство не задумалось о том, что законы, которые они таким образом внезапно ввели в отношении этой римско-католической колонии, включали суровые уголовные законы против католиков. Было желательно, чтобы законы, язык и обычаи Англии вытеснили законы Франции и чтобы французские поселенцы растворились в массе ожидаемой английской иммиграции. С течением лет, путем мудрого и примирительного обращения, эти результаты были бы достигнуты; но неоплатная несправедливость этого посягательства на права колонистов на несколько поколений отодвинула надежду на желаемое примирение. Французы сразу же заняли положение угнетенного народа — старательно отделяли себя от своих угнетателей, лелея чувства ревности и антагонизма. Поддерживать французские обычаи, отвергать английский язык и, по возможности, английские законы - теперь это были свидетельства истинного патриотизма. С тех пор и в течение многих долгих и беспокойных лет в долине Святого Лаврентия бок о бок жили два разных и враждебных народа.

Одним из печальных результатов этих непродуманных мер было то, что ни один француз не мог занять какую-либо государственную должность из-за незнания языка, на котором велись государственные дела. Таким образом, все подобные должности занимали англичане. По большей части назначения производились в Лондоне, без особого внимания к пригодности лиц, которые их получали. Люди пришли управлять делами Канады в абсолютном неведении о стране, о привычках людей, даже о языке, на котором они говорят. Эти чиновники не получали жалованья, но были вынуждены компенсировать себя сборами, которые они взимали хищнически и безжалостно. Они относились к старым жителям с резкостью и раздражающим презрением. В 1766 году против них были выдвинуты еще более мрачные обвинения, чем те, которые выдвигались против них, что подтверждало утверждение доброго генерала Мюррея, который в то время был губернатором, что “они были самым аморальным сборищем людей, которых он когда-либо знал”. Поведение этих чиновников усугубило отчуждение французских поселенцев и помогло подготовить беспокойное будущее, через которое предстояло пройти колонии.

Но французские канадцы были покорным народом, и хотя они понимали, что с ними поступили несправедливо, они не свернули из-за этого с пути мирной промышленности, который открылся перед ними. Торговля процветала и неуклонно росла; многие люди, покинувшие колонию, вернулись в нее; сельское хозяйство развивалось; постепенно глубокие раны, нанесенные годами войны, были залечены. Люди долгое время оставались в глубоком невежестве. Когда Волни, французский путешественник, посетил их в конце века, он обнаружил, что они почти ничего не смыслят в цифрах и не способны к простейшим вычислениям. Они указывали на короткие расстояния, сообщая, сколько трубок человек может выкурить на ходу; более длинным расстоянием было то, которое человек мог или не мог преодолеть между восходом и заходом

солнца. Но невежество не препятствовало этому терпеливому, непрестанному труду, который год от года увеличивал их имущество и улучшал их положение.

Со временем среди английских поселенцев возникло стремление к созданию представительных институтов. Все эти годы они жили под деспотической властью губернатора и Совета, назначаемых короной. Они единственные среди англичан не принимали участия в своем собственном правительстве и желали, чтобы это отвратительное различие прекратилось. В 1773 году н.э. они подали петицию о создании Палаты собрания, которую король обещал им десять лет назад, и о постоянном установлении среди них английского права. Французы не были достаточно проинструктированы заботиться о представительном правительстве, но они искренне желали восстановления законов, которые были так поспешно отменены после завоевания.

Именно в период беспокойства и дурных предчувствий эти противоречивые мнения привлекли внимание британского правительства. Разногласия, возникшие между Англией и ее американскими колониями, теперь, очевидно, не могли быть разрешены иначе, как мечом. Жители Бостона уже бросили в свою гавань грузы чая, облагаемого налогом, который Англия пыталась навязать им. По всей Новой Англии мужчины спешили обзавестись мушкетами и проявить себя в военной подготовке. Сильные английские силы, которые неуклонно увеличивались, удерживали Бостон и ждали ожидаемого сражения. Ввиду надвигающейся войны английское правительство стремилось удовлетворить Канаду и заручиться такой поддержкой, какую она была в состоянии себе позволить. Основную массу канадцев составляли французы и римско-католики.^[17] Не было никаких сомнений в том, что с течением лет население Канады составят англичане и протестанты. Но опасность была реальной и неотложной, и с ней нужно было бороться путем примирения людей, которые сейчас составляли это население. В 1774 году был принят Закон, которым Прокламация 1763 года была отменена. Римско-католическая религия была освобождена от юридической нетрудоспособности и восстановлена в своем праве взимать десятину и другие взносы со всех лиц, владевших ею. Французское гражданское право было восстановлено, но варварский уголовный кодекс Англии был принят в противовес более мягкой системе Франции. Палате собрания по-прежнему отказывали, и провинцией, которая теперь простиралась до Огайо и Миссисипи, должны были управлять губернатор и Совет, назначаемые короной, причем одна треть Совета состояла из франко-канадцев. Это был Закон о Квебеке, в соответствии с которым Канада управлялась в течение следующих семнадцати лет. Он причинил много зла колонии, но он хорошо послужил непосредственной цели, для которой был предназначен. Это удовлетворяло старых поселенцев и твердо удерживало их на стороне Англии в годы войны, которую Англия тщетно вела против своих отчужденных детей.

До сих пор делами колоний управлял Торговый совет. Администрация проявила небрежность, поскольку величие колоний началось совсем недавно, и важность затронутых интересов еще не была полностью оценена. Но разногласия, которые должны были стоить Англии крупнейших ее колониальных владений, уже проявились. Англии убедительно напомнили о несовершенстве ее управления и о настоятельной необходимости улучшения системы. Она создала новую, но не лучшую систему. В 1774 году нашей эры был создан Колониальный департамент правительства; был назначен колониальный секретарь; началось официальное регулирование колониальных

интересов, основанное на несовершенных знаниях — формальное, ограничительное, часто необоснованное и раздражающее. В течение многих лет, пока растущая мощь колоний не позволила им сначала изменить, а затем и свергнуть его, это строгое официальное правительство продолжало препятствовать поселениям, первоочередной необходимостью которых была широкая свобода действий.

ГЛАВА VIII.

КАНАДА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Квебекский акт вызвал большое возмущение среди американских колонистов. Из Пенсильвании и Вирджинии двадцать тысяч человек уже поселились в долине реки Огайо. Они внезапно оказались оторванными от колоний, членами которых они считали себя, и подверглись деспотическому правлению, которое было навязано Канаде. Американские патриоты отнесли новые порядки к числу своих претензий и надеялись, что их товарищи по несчастью, канадцы, будут придерживаться того же мнения. 1774 г. н.э. Конгресс, собравшийся в Филадельфии, начал общение с канадцами, к которым они обратились с убедительным изложением своих взаимных обид в сочетании с предложением, чтобы их соседи приняли некоторое участие в шагах, которые они обдумывали, чтобы добиться возмещения ущерба. Горстка англо-канадцев сочувствовала жалобам своих соотечественников и не отказалась бы оказать помощь, если бы это было возможно; но они были незначительным числом, жившим среди населения, которое не разделяло их взглядов. Французские поселенцы были непривычны к самоуправлению, которого они не понимали и не желали. Для них были восстановлены их собственные законы, правительство перестало быть репрессивным, им позволили спокойно возделывать свои поля, и у них не было мотивов вступать на тот бурный путь, на который их приглашали более героические соседи. Американские предложения ни на минуту не нарушили глубокой политической апатии, царившей в долине Святого Лаврентия.

1775 год н.э. Когда началась война, американцы, не теряя времени, предприняли враждебные меры против Канады. Благодаря превосходящей энергии своих движений они смогли овладеть крепостями Тикондерога и Краун-Пойнт, которые еще не были готовы оказать сопротивление. Это стремительное вторжение поставило губернатора Карлтона в невыгодное положение, поскольку он остался без армии. Для защиты обширной территории, на которую простиралась его власть, у него было не более восьмисот солдат. Он вернулся к привилегиям феодального закона и призвал колонистов оказать королю ту военную службу, которую они задолжали. Но колонисты, из памяти которых еще не изгладились воспоминания о катастрофической войне, предшествовавшей завоеванию, решительно отказались от феодальных обязательств и

утверждали, что различные сеньориальные пошлины, которые они платили, были полным эквивалентом преимуществ, которыми они пользовались. Смущенный губернатор обратился за помощью к духовенству, которое увещевало народ взяться за оружие для защиты своей страны. Но и авторитет священников не мог пробудить этих непримиримых воинственных настроений. Французы будут сражаться, когда в их собственные дома вторгнутся враги. Между тем у них ни с кем не было ссор, и они не хотели навлекать на себя несчастья войны до тех пор, пока у них была возможность оставаться в мире.

Американцы все еще верили, что среди канадцев существует чувство симпатии к их делу. Чтобы подбодрить своих тайных союзников и дать возможность открыто заявить о дружеских чувствах, они отправили теперь две экспедиции, одна из которых должна была захватить Монреаль, а затем спуститься на Квебек, где к ней должна была присоединиться другая, приближающаяся по реке Кеннебек. Одно крыло экспедиции увенчалось успехом. Монреаль пал; большая часть британских войск попала в плен; губернатор с некоторым трудом сбежал и бежал в Квебек. На востоке удача в войне была против захватчиков. Они осадили Квебек, выдерживая тяжелые испытания, не имея достаточного количества продовольствия и жестоко истощенные эпидемическими заболеваниями. После нескольких месяцев этих напрасных страданий однажды утром в Квебеке появился британский фрегат и приступил к высадке войск. Осада была быстро снята, и нападавшие, оказавшись в большом затруднении, беспорядочно отступили. Вскоре из Англии начали прибывать подкрепления, и дальнейшая оккупация Монреаля американцами оказалась невозможной. Вторжение в Канаду не имело благой цели. Было очевидно, что безропотный народ Канады не должен был оказать никакой помощи партии революции. Можно было удерживать определенные позиции на озере Шамплейн и в других местах. Но это не могло послужить делу Америки; напротив, это отвлекло полезных людей от работы, для которой они были срочно необходимы, — защиты Нью-Йорка и Пенсильвании от подавляющей силы английского наступления. Вторжение в Канаду прекратилось, в результате чего канадцы стали более довольны правительством, при котором они жили, и менее склонны устанавливать отношения с колонистами, которые были свергнуты властью этого правительства.

ГЛАВА IX. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

В течение многих лет английское правительство вело борьбу с восставшими американскими колонистами и потерпело поражение. В 1783 году был заключен мирный договор, и независимость, которую Америка доказала, что способна поддерживать, теперь была признана. В начале войны Англия позаимствовала предложение Франции и стремилась, присоединив долину Миссисипи к Канаде, отгородиться от американцев как на западе, так и на севере канадскими поселениями, дышащими духом лояльности и покорности. Американцы не потерпели бы такого ограничения. Южной границей Канады теперь была река Святого Лаврентия и великие озера, из которых она вытекает. Обширный западный регион с его безграничными возможностями был передан победоносным колонистам. Англия удерживала только север. Две ветви англосаксонской семьи разделили почти в равных пропорциях всю огромную территорию североамериканского континента.

В результате войны за независимость Канада значительно увеличила численность своего населения и свое процветание. Среди американцев было значительное число людей, которые не сочувствовали целям большинства и которые высказывали добрые пожелания, а иногда и активную поддержку королевскому делу. Конгресс дал британскому правительству обещание, что оно постарается смягчить неудобства, которые теперь повлекла за собой непопулярность дела, за которое цеплялись эти люди. Но победители не сразу простили тех, кто воспротивился национальным желаниям, и положение роялистов стало невыносимым. Было решено обеспечить их проживание в Канаде, где они все еще могли наслаждаться теми отношениями с английской монархией, любовь к которой обошлась им так дорого.

Западная Канада все еще была почти полностью безлюдна. На ниагаре было несколько солдат, а возле Детройта - несколько незначительных французских поселений. Кингстон был покинут; поселенцев в Торонто прогнали во время смут, предшествовавших завоеванию, и следы, которые они оставили, долгое время были скрыты буйной растительностью плодородной дикой местности. Обширные пространства плодородной земли, раскинувшиеся вдоль верховьев реки Святого Лаврентия и северных берегов озера Онтарио, все еще ждали прихода земледельца.

Именно этот дом был выбран для людей, которые навлекли на себя ненависть своих соседей, стремясь увековечить английское владычество над американскими колониями. Английское правительство искренне желало вознаградить этих несчастных сторонников. Оно также желало поселить их подальше от колонистов французского происхождения и настроений. Ибо Англия теперь не доверяла своим собственным детям, которые жили в пределах досягаемости американского влияния, и ее целью было сохранить неизменной покорную лояльность своих французских подданных. Поэтому она решила, что, пока французы процветают и умножаются в нижней долине реки Святого Лаврентия, те англичане, которые бежали от торжествующего республиканства, но, вероятно, не совсем избежали его заразы, должны начать свою новую карьеру на берегах озера Онтарио. Они прибыли в таком количестве, что в течение года в новой колонии насчитывалось десять тысяч поселенцев. Они были настолько бедны, что какое-то время Англии приходилось кормить и одевать их. Но у них были отважные сердца и руки, не привыкшие орудовать топором и управлять плугом. Местность представляла собой один огромный лес, и работа по расчистке была велика. Каждый мужчина получил бесплатно грант в двести акров; и для каждого ребенка из тех, кто взял в руки оружие, был зарезервирован аналогичный дар. Поселенцы работали с доброй волей. За короткое время земли каждого человека были готовы к вспашке, и ландшафт озарился кукурузными полями и жилищами людей.

В течение мирных лет, которыми она сейчас наслаждалась, Канада неуклонно росла. Эмигранты были привлечены из Англии за приобретения свободных земель в западной провинции; на востоке постоянно пополнялась как французская, так и английская часть населения. Вскоре после окончания американской войны выяснилось, что во всей колонии насчитывалось не менее ста пятидесяти тысяч душ. Население Канады удвоилось за двадцать лет, прошедших с тех пор, как она стала английским владением.

Ее правительство по-прежнему управлялось по воле английской короны, без каких-либо уступок желаниям народа. Но теперь в Европе произошли события, которые на какое-то время ускорили демократическую тенденцию и побудили правительства прислушиваться к пожеланиям своих подданных. Французская революция подтвердила право нации самой определять свою судьбу. Влияние этих великих перемен остро ощущалось в Канаде. Английские колонисты, которые долгое время были недовольны системой, при которой они жили, искренне желали представительного правительства. Многие французы, которые до сих пор были равнодушны к этой привилегии, разделяли то же желание, сочувствуя революции, совершенной их соотечественниками. Английское правительство, теперь более мудрое, чем тогда, когда оно бралось за борьбу с недовольством американских колоний, благосклонно прислушалось к молитве канадцев. 1791 Год н.э. Мистером Питтом был внесен законопроект о предоставлении колонистам давно скрываемой привилегии самоуправления. Англия не желала, чтобы канадцы становились сильнее, наслаждаясь союзом, который мог привести к их независимости. Казалось благоразумным, чтобы французы, которых мало заботила свобода, образовали отдельную колонию, наделенную властью обуздывать более демократичных англичан. Таким образом, Канада была разделена на две провинции, которые были названы Верхняя и Нижняя Канада, причем линией границы на большей части расстояния служила река Оттава. Каждая из колоний получила от короля губернатора, Исполнительный совет в качестве его советников, Законодательный совет и Законодательное собрание, избираемое один раз в четыре года с несколько ограниченным избирательным правом. Римско-католическое духовенство уже было обеспечено, и теперь аналогичное положение было предоставлено протестантам. Седьмая часть всех земель короны, которые заселялись, была зарезервирована для учителей протестантизма — резервация, которая в последующие годы стала источником бесконечных раздоров. Уголовное право Англии было введено в обеих провинциях; но во всех гражданских законах и обычаях Верхняя Канада стала полностью английской; Нижняя Канада осталась полностью французской. Английские поселенцы изо всех сил сопротивлялись этому опрометчивому разделению. Они предвидели, к каким ослабляющим разделением это должно привести: живя далеко в глубине страны, они чувствовали, что с ними поступили несправедливо, когда река, по которой только их продукты могли попадать в море, была передана под контроль соседей, которые, должно быть, соперничали и могли оказаться врагами. Но их оппозиция осталась без внимания. Законопроект стал законом и продолжал действовать в течение пятидесяти беспокойных лет, разжигая раздоры между провинциями и препятствуя их росту.

ГЛАВА X. ВОЙНА 1812 ГОДА.

Теперь Канада на протяжении двух с половиной лет была вовлечена в войну и подвергалась страданиям вторжения. Это была война, к которой она не имела должного отношения. Меры, принятые Англией и Францией для того, чтобы разорить друг друга, нанесли ущерб американской торговле, и американский народ был обоснованно недоволен тем, что их занятия и занятия всего мира были прерваны распрями двух неразумноуправляемых наций. Определенные своевольные действия британских кораблей^[18] настолько усилили это раздражение, что Америка объявила войну Великобритании. У нее не было разногласий с канадцами, но она не могла нигде выразить враждебные порывы, которыми она сейчас руководствовалась. Было немедленно решено вторгнуться в Канаду, и ожидалась легкая победа. Страна была почти беззащитна, поскольку Англия в то время напрягала все свои силы в попытке свергнуть Наполеона, и ей требовались для кровавых сражений на полях Испании все солдаты, которыми она могла располагать. Во всей Канаде было всего четыре тысячи регулярных войск и две тысячи ополченцев. Должно было пройти много недель, прежде чем могла прийти помощь из Англии. Канада неуклонно росла в течение сорока лет мира, и сейчас ее население составляло триста тысяч человек. Но прогресс Соединенных Штатов был значительно более быстрым, и теперь Канаде пришлось столкнуться с враждебной восьмимиллионной нацией. Ожидание того, что американцы подчинят себе долину Святого Лаврентия и овладеют ею, казалось легко осуществимым.

Многие американцы цеплялись за веру в то, что канадцы недовольны своим правительством и будут готовы воспользоваться возможностью принять республиканские институты. Но никаких следов такого расположения не проявлялось. Колонисты были непоколебимо лояльны и поддавались на уговоры не больше, чем на оружие своих республиканских захватчиков.

Июль 1812 года н.э. Вскоре после объявления войны американская армия численностью в две тысячи пятьсот человек отправилась завоевывать Западную Канаду. Командующим этими силами был генерал Халл, который объявил канадцам, что он прибыл, чтобы принести им “мир, свободу и безопасность”, и был способен с легкостью подавить любое сопротивление, которое было в их силах оказать. Но "виктори" не соответствовала стандартам генерала Халла. Английский командующий, генерал Брок, смог сдержать американцев и предоставить генералу Халлу доводы в пользу вывода его войск из Канады и занятия позиций в Детройте. Туда за ним быстро последовал отважный англичанин, возглавлявший отряд из семисот солдат и ополченцев и шестисот индейцев. Он собирался атаковать генерала Халла, но этот нерешительный воин предотвратил опасность позорной капитуляцией.

Октябрь. Чуть позже была предпринята вторая попытка вторжения, целью которой было овладение Квинстауном. Она была столь же безуспешной и привела к аналогичному

завершению — капитуляции сил вторжения. Более того, попытка захватить Монреаль закончилась неудачей. Так завершилась первая кампания этой прискорбной войны. Повсюду американские захватчики терпели поражение от значительно уступающих сил ополчения при поддержке горстки регулярных войск. Война всегда была неприятна значительной части американского народа. В день, когда в Бостоне была получена весть о его провозглашении, флаги были приспущены в знак всеобщего траура. Штаты Новой Англии отказались предоставить войска для борьбы за дело, которое они осуждали. Позорные поражения, понесенные в Канаде, воодушевили друзей мира, и политика вторжения была громко осуждена как неразумная и несправедливая. Но настрой на борьбу по-прежнему вдохновлял большее число людей, и хотя надежды на помощь со стороны недовольных канадцев больше не было, была спланирована новая кампания, и ни в чем не повинных колонистов ждали новые невзгоды.

В ходе следующей кампании американцы получили ряд важных преимуществ. Оба воюющих стороны приложили усилия для создания и оснащения флотов на озере Эри — господство над озером имело большое значение для обороны или нападения Западной Канады. Сентябрь 1813 года н.э. Враждебные флоты встретились и сразились у западных берегов озера. Сражение было ожесточенным и закончилось полным разгромом британцев и захватом всего их флота, треть экипажей которого была убита или ранена. Вскоре после этой решающей победы небольшой отряд британцев и индейцев был встречен и почти полностью уничтожен, и завоевание Западной Канады казалось завершенным. Попытка захватить Монреаль была, однако, сорвана небольшим отрядом канадцев. Больше ни с одной из сторон не было предпринято ничего важного. Но за эти долгие месяцы чередования побед и поражений воюющие стороны научились ненавидеть друг друга дикой, беспричинной ненавистью, которую часто вызывает война. Американцы в совершенной беспричинности сожгли дотла большую канадскую деревню: канадцы отомстили за себя, предав огню город Буффало и несколько американских деревень. Когда кампания завершилась, мирным жителям по обе стороны границы были причинены большие потери и страдания; Америка удерживала некоторые позиции на крайнем западе, но никакого реального прогресса в завоевании Канады достигнуто не было.

1814 год н.э. Во время третьей кампании американцы упорствовали в своих необдуманных попытках подчинить Канаду. Происходило много беспорядочных и нерешительных боевых действий. Британское правительство во время паузы в европейских раздорах, наступившей, когда Наполеон оккупировал остров Эльба, смогло направить несколько полков в Канаду. Ополченцы с обеих сторон приобрели опыт ветеранов. Теперь действовали более крупные силы, и ими управляли с повышенным мастерством. Бои становились все более упорными, поскольку взаимная ненависть тех, кто в них участвовал, становилась все более интенсивной. Самое затяжное и кровопролитное из всех сражений войны произошло недалеко от клоуза. Британский офицер, имевший под своим командованием тысячу шестьсот человек, занял позицию на небольшом возвышении на Ландис-Лейн, совсем рядом с Ниагарским водопадом. Здесь, около пяти часов июльского полудни, эти силы были атакованы пятью тысячами американцев. Нападавшие яростно атаковали своих численно превосходящих врагов, но были встречены разрушительным огнем нескольких хорошо расположенных и исправных артиллерийских орудий. Наступила ночь, и луна засияла над полем, где люди одной расы пытались зарезать друг друга в бесполезной ссоре. После нескольких часов сражения наступила короткая пауза, во время которой стоны множества раненых, лежавших в агонии на склоне, где сражались британцы, смешивались с глухим ревом соседнего водопада. Сражение

возобновилось: нападавшие выдвинули вперед свою артиллерию, пока дула орудий почти не соприкоснулись; яростные атаки были встречены и отбиты штыками непреклонных британцев. Только в полночь американцы прекратили атаку и отвели назад свои сбитые с толку силы. Убитыми и ранеными американцев в этой безжалостной бойне была почти тысяча человек; британцы понесли почти такие же тяжелые потери.

Произошло много других сражений, бесполезных с точки зрения результата, не претендующих на внимание людей, за исключением напрасного героизма и растраченных жизней тех, кто принимал в них участие. Декабрь 1814 г. н.э. Наконец Британия и Америка урегулировали свой спор, и Канада отдохнула от войны.

ГЛАВА XI. ВНУТРЕННИЕ РАЗДОРЫ.

В течение десяти или двенадцати лет, последовавших за войной с Америкой, Канада росла быстрее, чем в любой предыдущий период. Английское правительство предлагало бесплатное передвижение и щедрое предоставление земли любому человеку с хорошей репутацией, который соглашался поселиться в Верхней провинции. Эмиграция из Великобритании была очень незначительной во время Наполеоновских войн; но когда был восстановлен мир, а работа стала редкой и неадекватно оплачиваемой, люди искали убежища за Атлантикой от нищеты, которая так тяжело обрушилась на их родную землю. В 1815 году эмигрировало всего две тысячи человек; в следующем году их число достигло двенадцати тысяч; три года спустя оно возросло до тридцати пяти тысяч. Многие из них перебрались в Канаду. Через десять лет после окончания войны население Нижней провинции насчитывало четыреста двадцать тысяч человек; население Верхней провинции составляло сто двадцать тысяч. За четырнадцать лет население почти удвоилось.

Сразу же после войны британский народ обратил внимание на недостатки своего правительства, и началась агитация, которая с трудом и долго откладываемым триумфом завершилась принятием Законопроекта о реформе 1832 года. Влияние того же реформаторского духа распространилось и на Канаду. Политическая власть, которой пользовались колонисты, все еще была крайне ограниченной и неблагоприятно контрастировала с властью их американских соседей. Это правда, что у них была назначена Нижняя палата; но Исполнительная власть не была ответственна перед законодательными органами и поэтому была практически деспотичной. Губернатор был представителем Суверена; Верхняя палата возникла из того же источника. Губернатор ни перед кем не отчитывался за

курс, которому он решил следовать; члены Законодательного совета обычно безоговорочно поддерживали его, потому что ожидали от него милостей. Они желали увеличения его власти, потому что таким образом он смог бы более щедро вознаградить своих друзей. Симпатии Собрания были на стороне конституционной свободы, чистоты и экономии управления. В очень ранний период было обнаружено, что люди, избранные народом, расходились во мнениях по всем важным вопросам с людьми, назначенными королем.

По правде говоря, тот тип правления, который был назначен канадскому народу, во многих отношениях не подходил для него. Французские колонисты не желали народных институтов, которые они получили: они предпочитали мягкий деспотизм. Английские колонисты желали более полной свободы и постоянно испытывали недовольство произвольными действиями исполнительной власти. Еще более роковой ошибкой было разделение провинций и создание таким образом условий для увековечения французского языка и законов, постепенное исчезновение которых было настоятельно желательно. Теперь настало время, когда эти ошибки должны были принести свои надлежащие плоды в виде ревности, раздоров и взаимного разочарования.

Жители Нижней Канады оставались почти лишенными образования и не заботились об излечении от этого зла. Было вполне обычным делом иметь членов Законодательного собрания, которые не умели писать. 1828 Год н.э. Однажды народ был настолько сильно недоволен поведением губернатора, что решил изложить свои претензии королю. Восемьдесят семь тысяч граждан согласились с заявлением о неправоте; но из них только девять тысяч обладали таким достижением, что могли написать свои собственные имена — остальные не поднялись выше позора выражения своего одобрения знаком. В Верхней провинции образованию народа уделялось некоторое внимание. 1816 год н.э. Были заложены основы нынешней системы общего школьного образования Канады, хотя ежегодная субсидия в размере 600 фунтов стерлингов все еще была недостаточным обеспечением, которое смог предоставить законодательный орган.

Взаимная антипатия французских и английских колонистов окрашивает всю историю Нижней провинции в этот период. Численность французов росла быстрее, чем англичан. Совет состоял в основном из британцев; Ассамблея была почти полностью французской. Французы, ободренные своей растущей численностью, начали мечтать о создании отдельной нации. Британцы не скрывали, что они считали французов покоренным народом; и они считали неправильным, что они, завоеватели, не должны иметь большего влияния на законодательство колонии. Между несколькими ветвями законодательной власти постоянно бушевали неясные раздоры. Ассамблея внимательно изучала каждый шиллинг государственных расходов. Палата представителей спорила о суммах, а также о формах и методах расходования средств. Иногда она запрещала определенные сборы, которые губернатор спокойно продолжал оплачивать под свою личную ответственность. Генеральный управляющий объявил дефолт, и было затронуто много жарких дебатов на то, чтобы возложить вину за это происшествие на губернатора. 1822 год н.э. Английское меньшинство добивалось отмены французского законодательства и языка и поддерживало схему объединения, которая обеспечила бы этот результат. Французы, встревоженные и возмущенные, громко выразили на публичных собраниях и в огромных петициях свое несогласие с этим предложением. Влиятельные лица постоянно получали в дар большие участки земли на несправедливых условиях и оставляли свои владения в запустении, спекулятивно ожидая повышения цены, к неудобству честных поселенцев. Не

удовлетворившись богатым урожаем обид, который в изобилии рос вокруг них, Палата представителей возродила проблемы прошлых лет и тщетно добивалась импичмента некоторых судей, которые, как предполагалось, были виновниками забытых репрессий. Даже Палата представителей находилась в состоянии войны с губернатором: нередко этот своевольный чиновник освобождался от надоедливых ограничений, отправляя членов Палаты представителей по домам и осуществляя управление колонией без их помощи.

У Верхней Канады были свои особые проблемы. Военный дух распространился среди людей. Когда щедрые расходы на войну прекратились, и колонисты были вынуждены в бедности вернуться к своим прозаическим повседневным занятиям, беспокойство и недовольство распространились по стране. 1817 г. н.э. Когда собрались законодательные органы, Ассамблея, вместо того чтобы заняться своими надлежащими делами, приступила к гневному расследованию состояния провинции. Губернатор не допустил такого расследования и резко распустил Палату представителей. Высказывались жалобы на то, что небольшая группа влиятельных лиц, с отвращением названная Семейным договором, монополизировала все должности, пользуясь доверием и властью, и деспотически управляла провинцией. Правительство потворствовало закрытию больших массивов земли, которыми спекулянтам было позволено незаконно завладеть. Эмиграция из Соединенных Штатов в Канаду была запрещена в ущерб колонии, чтобы политические взгляды колонистов не были запятнаны связью с республиканцами. Но церковное недовольство Верхней Канады превзошло все остальные по своей силе насаждения взаимной ненависти в умах людей. Закон, принятый много лет назад (1791 г.), выделял одну седьмую всех земель, предоставленных правительством, “для поддержки протестантского духовенства”. Англиканская церковь выдвинула чудовищное заявление о том, что не было никаких протестантских священнослужителей, кроме нее. Пресвитериане, методисты, баптисты претендовали на равное право на наименование и на долю в наследстве. Римско-католики предложили, чтобы “Заповедники духовенства”, которые сейчас простираются на три миллиона акров, были проданы, а вырученные средства использованы в интересах религии и образования. Невозможно было представить себе вопрос, более подходящий для того, чтобы расколоть колонию на враждующие группировки. На самом деле вопрос о резервах духовенства более полувека был постоянным источником ожесточенной сектантской розни.

1817 г. н.э. В то время как канадцы были таким образом недовольны политическим устройством, при котором они жили, среди них появился некто Роберт Гурли, энергичный, неугомонный, взбалмошный шотландец, вдохновленный лютой ненавистью к деспотизму и страстной нетерпимостью к злоупотреблениям. Мистер Гурли сразу же приступил к расследованию причин, тормозивших развитие колонии. Он обнаружил множество пороков, которые были явно связаны с коррупцией правящей власти, и безжалостно разоблачил их. Правительство ответило судебным преследованием за клевету, и через некоторое время ему удалось заключить нападавшего в тюрьму и, в конечном счете, выслать его из страны. Эти произвольные действия сильно разозлили народ и углубили царящие разногласия.

В дополнение к этим внутренним разногласиям между провинциями существовал постоянный спор по вопросу о доходах. Из пошлин, взимаемых с товаров, которые проходили вверх по реке Святого Лаврентия, только пятая часть уплачивалась Верхней Канаде. По мере роста торговли провинции все громче звучали жалобы на несправедливость такого распределения. Люди

Востока не сразу осознали справедливость жалобы и сохранили контроль над доходами, несмотря на раздражение своих собратьев на Западе.

Но хотя эти ныне малоизвестные раздоры считались составляющими историю Канады, к счастью, они не были ее жизнью. Увеличение численности населения, его интеллекта и комфорта; рост порядка и промышленности; неучтенное распространение земледелия по берегам великой реки и далеко вверх по долинам ее притоков — эти тихие действия естественных причин составляли жизнь провинций. К их берегам стремились толпы эмигрантов. Постоянно формировались новые поселения. В 1821 году по реке и великим озерам начали курсировать пароходы, а улучшенные средства связи ускорили промышленное развитие страны. Судоходству по реке сильно мешали пороги и водопады — *волокуши* древних времен, при которых краснокожий человек имел обыкновение вытаскивать свое каноэ из воды и с трудом тащить его через лес, пока не обогнет препятствие. Теперь в таких местах были проложены каналы, и корабли могли продолжать свои рейсы без перерыва. Доходы неуклонно росли, и каждый класс был довольно процветающим. Во всех ведущих городах были открыты банки. Сельское хозяйство все еще было чрезвычайно грубым. Всех сельскохозяйственных орудий было недостаточно; бедные фермеры не могли достать даже плугов, в которых они нуждались, и они были вынуждены извлекать богатства плодородной почвы, не имея лучших средств, чем ручной труд.

Но с течением лет это зло было преодолено, и в 1831 году, когда была произведена оценка имущества канадцев, результат показал количество успешной промышленности, в которой мир не отдавал им должное. За семьдесят лет, прошедших с тех пор, как Англия завоевала долину Святого Лаврентия, население увеличилось с шестидесяти тысяч до почти девятисот тысяч. С присоединением Новой Шотландии, Нью-Брансуика и более мелких колоний американских подданных Англии насчитывалось теперь миллион с четвертью. Земли, которые они своим трудом освободили от дикой природы, теперь оценивались в семнадцать миллионов фунтов стерлингов. Их крупный рогатый скот и лошади стоили семь миллионов; их жилища и общественные здания обошлись им в пятнадцать миллионов; они вложили два миллиона в оборудование, с помощью которого древесина их бескрайних лесов подготавливалась для продажи; в их обширных промыслах трески и тюленя основной капитал составлял полтора миллиона. Ежегодно их порты посещали восемьсот судов из Великобритании; во всех отраслях их морской промышленности было зарегистрировано две тысячи пятьсот прибытий. Каждый год они получали иностранных или колониальных товаров на сумму в два миллиона долларов; и они экспортировали в несколько большем объеме. Они строили корабли и продавали их в Англию; они отправляли много грузов древесины и много ценного меха; они уже производили продукты питания, превышающие их собственное потребление, и они отправляли в Европу пшеницу, муку, овес и соленые продукты. Они поставляли рыбу и рыбий жир. Они сжигали массы своей богатой древесины и, получив соли, которые высвобождались при горении, превращали их в горшечную и жемчужную золу и отправляли в Европу для использования в отбелке и других операциях. Они добывали сахар из сока своих кленовых деревьев. Они варили много превосходного сидра и пива; они перегоняли рожь, картофель, яблоки, много виски, которое не было превосходным.

Квебек и Монреаль выросли в значительные города, в каждом из которых проживало почти сорок тысяч человек, подавляющее большинство из которых составляли французы. В бухте, где лодки Вулфа незаметно и бесшумно подошли к берегу, теперь стояла флотилия торговых судов,

обслуживающих крупную и растущую торговлю. Нижний город, разрушенный английскими пушками, был шумным, процветающим морским портом. Далеко вверху, где сражались Монкальм и Вулф, теперь был хорошо построенный город, сверкающий башнями и шпилями; с его неприступной Цитаделью; с его зданием парламента, которое, как говорят, было более внушительным, чем то, в котором тогда собиралась Палата общин Великобритании; с его дворцом генерал-губернатора и его видом и тоном столичного достоинства; с колледжами и школами; с газетами и банками, библиотеками и благотворительными обществами; с кораблестроением, мануфактурой и всем тем оживленным сбытом, который присущ одному из величайших мест торговли. За эти семьдесят лет английского правления Квебек превратился из немногим более чем деревни в крупный город; и долина Святого Лаврентия вышла из состояния дикой местности и стала домом для многочисленного и процветающего населения.

ГЛАВА XII. КАНАДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Ход лет не ослаблял, а, напротив, неуклонно усиливал лихорадку политического недовольства, охватившую теперь колонии. Степень представительства, которой они пользовались, когда Акт Питта предоставил им это право, казалась вполне удовлетворительной; но после окончания великой европейской войны политические взгляды быстро созрели, и свободы, которая казалась достаточной в 1791 году, сорок лет спустя оказалась невыносимо недостаточной. Колонисты понимали, что живут при деспотизме. Их исполнительная власть и одна из законодательных палат назначались короной без учета желания народа. Только Нижняя палата избиралась народом, и ее действиям постоянно препятствовали губернатор, советники-аристократы, которыми руководствовалась его политика, и его союзник Совет. На их южной границе лежали территории великой нации, народ которой пользовался полной политической свободой и назначал всех своих правителей. Соединенные Штаты настолько преуспели, что их население теперь в десять раз превышало население Канады; и их более быстрый рост объяснялся, по общему мнению, большей свободой их институтов. В Англии всепоглощающим занятием народа в течение многих лет было расширение его свобод, спасение политической власти из рук, которыми она была незаконно присвоена. Англичане Канады не могли оставаться равнодушными к тому, что произошло между англичанами Америки и Англии.

1820 Год н.э. Когда канадцы Верхней провинции начали осознавать зло, от которого они страдали, среди них появился предприимчивый молодой шотландец, которому суждено было оставить глубокий след в их политической истории. Его звали Уильям Лайон Маккензи. Он уже сыграл множество ролей в различных шотландских и английских городках, но с

незначительным успехом. В Канаде он возобновил поиски средств к существованию; но поначалу, не найдя ничего, что соответствовало бы его требованиям, он посвятил себя политическим реформам и основал газету. Его любовь к реформам и ненависть к злоупотреблениям были искренними и глубокими; его ум был острым и энергичным; но его темперамент был слишком импульсивным, чтобы в достаточной степени обдумать курс, которым он намеревался следовать. Самый первый номер его газеты пробудил чувства всех, кто наживался на коррупции. Он продолжал проявлять нежелательное усердие в расследовании и разоблачении злоупотреблений, а также в пробуждении общественного сознания к требованию расширения политических привилегий.

Существовало много причин для разногласий между партией реформ и правящей властью. Говорилось, что правосудие вершилось нечисто; губернатор упорно отказывался уступить Ассамблее контроль над некоторыми важными отраслями государственных доходов и продолжал распоряжаться ими по своему усмотрению. Губернаторы попали в руки небольшой влиятельной партии, известной как "Семейный договор", которая заполнила все государственные должности своими сторонниками. Претензии, на которые жаловалась Ассамблея, обсуждались в духе глубокой горечи. Однажды Ассамблея осудила губернатора, а его, в свою очередь, упрекнули в отсутствии вежливости. Маккензи пять раз исключали из Палаты представителей и столько же раз избирали. Однажды Ассамблея отказалась предоставить губернатору материалы, и губернатор отомстил за себя, отклонив принятый депутатами Законопроект о выплате их собственного жалованья. Но постепенно, с ростом просвещения, все эти тривиальные недовольства объединились в одно громкое и настоятельное требование к ответственному правительству. Считалось, что с Министерством, ответственным перед Ассамблеей, будет обеспечена адекватная мера конституционной свободы.

Политика Нижней провинции была более сложной. Существовала британская партия реформ, преследовавшая цели, идентичные целям их собратьев на западе: свержение деспотического Семейного договора, полный контроль над доходами со стороны Ассамблеи, лучшее отправление правосудия, улучшенное управление землями короны — все это выражалось в требовании ответственного правительства. Была также французская партия, значительно более многочисленная, чем предыдущая, и, по-видимому, разделявшая ее во многих своих мнениях. Но реальные цели французов полностью расходились с целями британцев. Они желали увеличить власть Ассамблеи, потому что сами составляли семь восьмых этого органа. Они все еще надеялись создать французскую нацию на берегах Святого Лаврентия; сохранить старые французские законы и обычаи; не допустить британских иммигрантов и завладеть землей для своего собственного народа.

Британское правительство было сбито с толку сложной борьбой, в которую его постоянно пытались вмешать. Были петиции, полные жалоб; в одном случае было девяносто две резолюции, которые были представлены королю и парламенту французской партией и на которые британцы дали исчерпывающие ответы; губернатору постоянно предъявлялись недовольные заявления о нарушениях. На улице бушевала ожесточенная и бескомпромиссная борьба. Британцев называли тиранами, узурпаторами, иностранцами. Французов презирали как поработленную расу и порицали как неблагодарных мятежников, к которым относились слишком снисходительно. Британское правительство проявило страстное желание понять и излечить эти пагубные раздоры. Оно учреждало Комитеты по расследованию; оно посылало

Комиссии для расследования на месте; оно назначало губернаторов-примиренцев; оно шло на многочисленные мелкие уступки в тщетной надежде унять запутанное и необъяснимое недовольство своих далеких подданных.

Недовольными французами во время их неудачного продвижения к восстанию управлял Луи Жозеф Папино, человек, годы которого должны были принести ему мудрость, поскольку сейчас он был в середине жизни; амбициозный, беспокойный, красноречивый, способный руководить своими невежественными соотечественниками по своему усмотрению и без всякой осторожности направлять свою власть на благие цели.

1837 год н.э. Этот озорной человек занимался тем, что убеждал крестьян Монреальского округа сбросить британское иго и утвердиться как независимая нация. Его усилия не были полностью безуспешными. Крестьянство начало вооружаться и обучаться. Символы французского владычества, трехцветный флаг и орел, постоянно демонстрировались; буйные толпы распевали революционные песни Франции на улицах Монреаля. Эти свидетельства воспаленных чувств решительно указывали на насилие. Римско-католическое духовенство поддерживало правительство и стремилось заставить возбужденный народ выполнять свой долг, угрожая нарушителям спокойствия суровыми карами по церковному закону. Многие люди были сдержаны объявленными таким образом ужасами, и масштабы мятежного движения уменьшились. Но никаких соображений, священных или светских, было недостаточно, чтобы удержать Папино и его введенных в заблуждение последователей от серии насильственных действий, которые были названы восстанием, но на самом деле были не более чем серьезными беспорядками. Банды вооруженных крестьян рыскали по окрестностям Монреаля; пострадавшие жители искали убежища в городе, а их усадьбы были разорены захватчиками. В нескольких местах несколько сотен человек объединились, чтобы противостоять правительственным силам, и потерпели поражение. Одна из таких группировок, не в силах смириться с спровоцированным ими конфликтом, сложила оружие и попросила прощения. В течение пяти или шести недель эти беспорядки продолжались, но решительные действия губернатора восстановили спокойствие. Папино, недостойный зачинщик беспорядков, бежал, как только начались боевые действия, и бесславно укрылся за границей. Немного позже несколько отрядов американских мародеров появились в районе Монреаля, надеясь возобновить беспорядки; но и они были быстро разогнаны. Губернатор проявил большую снисходительность к тем повстанцам, которые стали его пленниками. За немногими исключениями они были отпущены на свободу; и даже те, кто был задержан на некоторое время, были освобождены под залог хорошего поведения в будущем. Из иностранцев, попавших в плен с оружием в руках, несколько были преданы смерти, и многие страдали от длительного плена.

Едва были подавлены беспорядки в Нижней провинции, как Маккензи, за которым последовали более крайние и неблагоразумные сторонники реформ, ускорил в Верхней Канаде движение, столь же незначительное и безуспешное. Эти люди открыто пошли на войну, чтобы обеспечить полную ответственность правительства перед народом. Это, несомненно, было преобладающим желанием провинции; но было обнаружено, что, хотя многие желали этой превосходной реформы, немногие были готовы ради нее навлечь на себя зло, которое неизбежно должно было принести восстание. Полторы тысячи человек записались под знамена Маккензи. Была спланирована атака на Торонто, которая была с легкостью отбита. В декабре 1837 года Маккензи бежал в Соединенные Штаты, где ему удалось организовать

несколько банд беззаконников для мародерской экспедиции в Канаду. Они тоже были разгромлены, и порядок был легко восстановлен.

Эти ужасные беспорядки послужили цели, которой мирная агитация до сих пор не могла достичь, — они заставили британский парламент серьезно прислушаться к пожеланиям колонистов. Накануне восстания правительство недвусмысленно отказалось предоставить министерскую ответственность и приняло Закон, которым губернатору были предоставлены полномочия производить определенные выплаты, которые Ассамблея в течение нескольких лет отказывалась производить. Британское правительство того времени было либеральным правительством. Лорд Джон Рассел был одним из его членов, человеком, который на протяжении многих лет посвятил себя делу реформ у себя дома. Именно лорд Джон Рассел теперь возглавлял Палату общин в ее отрицании колониями того народного контроля над правительством, который считался необходимым для Англии. Осознание вопиющей непоследовательности не тревожило умы самых искренних реформаторов, поскольку по-прежнему преобладала ошибочная теория об истинном положении и правах колонистов. Даже Либеральная партия еще не научилась признавать англичанина, поселившегося в долине Святого Лаврентия, равным по политическим правам англичанину, оставшемуся дома. Колония по-прежнему представляла собой объединение лиц, обосновавшихся в какой-либо отдаленной части национальной территории и делами которых следовало управлять, руководствуясь главным образом интересами метрополии. Колонистам не разрешалось свободно торговать там, где они хотели. Они должны были закупать в Англии все товары, которые им могли потребоваться; все их излишки продукции должны были отправляться домой для продажи. Их попытки наладить производство были строго пресечены. От них ожидалось, что они должны возделывать ту часть национальной почвы, которая была им отведена, оставляя за метрополией выгодное обеспечение всех своих потребностей, выгодное распоряжение всем своим производством. Корабли чужаков были строго исключены; ни один иностранный киль не бороздил воды Святого Лаврентия с тех пор, как французские корабли доставили домой в Европу людей, которых победил Вулф.

Не менее очевидной была политическая неполноценность колониста. Колония по-прежнему рассматривалась как подчиненная и зависимая часть империи, положение которой делало невозможным ее доступ к равенству привилегий. Ему нельзя было доверить безоговорочный контроль над своей собственной судьбой; оно должно было также принять руководство Министерства по делам колоний. Это были узы, которые связывали колонию с метрополией; если бы не это, Канада, несомненно, поддалась бы влиянию процветающего республиканизма по соседству и сбросила бы власть короны. Так рассуждали государственные деятели-виги сорок лет назад; и ответом на их рассуждения стало широко распространенное недовольство, глубина которого проявилась в ярких и зловещих вспышках восстания. Возникла необходимость пересмотреть традиционную оценку колониального права.

Октябрь 1839 г. н.э. Прогресс во мнениях министров проявился в депешах лорда Джона Рассела. Его светлость пока явно не признает ответственность исполнительной власти перед представителями народа. Но он заверил колонистов, что Ее Величество в будущем будет рассматривать их “нежную привязанность” как лучшую гарантию постоянного владычества и что она не будет проводить среди них никакой политики, которую общественное мнение осуждает. Друзья ответственного правительства поняли, что их час триумфа близок.

Разделение провинций, произведенное Питтом пятьдесят лет назад, принесло много бед. Сохранение разделения по-прежнему отвечало интересам нереформирующейся партии в Верхней провинции и франко-канадцев в Нижней. Но всем людям, которые стремились исключительно к общественному благу, было ясно, что существующие порядки стали невыносимыми. Положение обеих колоний требовало срочных мер по восстановлению. Действие конституции Нижней Канады было приостановлено во время восстания и до сих пор не восстановлено. Финансы Верхней провинции были в беспорядке; общественные работы были прекращены; бизнес был парализован; иммиграция прекратилась. Широко распространено мнение, что разделение фатально тормозит промышленный прогресс; что единственным средством от бедствий, от которых страдает Канада, является законодательный союз двух провинций.

Было известно, что британское правительство одобряет эту меру; либералы в обеих провинциях горячо поддерживали ее; консерваторы Верхней провинции прекратили сопротивление под влиянием лояльных импульсов; франко-канадцы своим поведением во время недавних беспорядков утратили право на внимание. Июль 1840 г. н.э. Законодательными собраниями обеих провинций и имперским парламентом был принят Закон о Союзе, и ослабляющее разделение, вызванное прежней завистью, было окончательно отменено.

Отныне Канадой должны были управлять губернатор, Законодательный совет и Законодательное собрание. Губернатор и Совет назначались короной; Ассамблея избиралась народом. Представительство разделялось поровну между провинциями — десять членов Совета и сорок два члена Ассамблеи были назначены каждой. Ассамблея контролировала все отрасли государственных доходов. Губернатор консультировался Исполнительным советом из восьми членов, которые, если они были членами Ассамблеи, требовали переизбрания, когда они принимали место в Совете. Когда Совет больше не имел большинства в Ассамблее, он прекратил исполнять свои обязанности. Таким образом, долгожданное благо ответственного правления было наконец обеспечено; традиционное неполноценное положение колониста было отменено; было признано, что англичанин, внесший свой вклад в создание новых империй в отдаленных местах, следовательно, не утрачивал прав свободнорожденного английского подданного. Чтобы обеспечить и ускорить использование этого нового метода колониального правления, генерал-губернатору от имени королевы поступил приказ о том, что он должен править в соответствии с чувствами и мнениями народа, как они были выражены народными представителями. В течение нескольких лет принцип, доселе неизвестный в истории Канады, применялся несовершенно; но постепенно народ научился применять его на практике, а правительство признавать недавно дарованную привилегию. Великая революция, которая возвела канадцев в ранг полностью самоуправляющегося народа, была завершена.

Теперь были заложены основы, на которых колонисты могли мирно превратить себя в великую индустриальную нацию. Но расовая антипатия, которая до сих пор досаждала им и приводила в отчаяние, не сразу утихла. Объединенное британское население двух провинций теперь превосходило французов численностью и смогло установить закон в колонии. Французский элемент был окружен британским элементом превосходящей силы, превосходящего интеллекта и энергии, постоянно привлекавшим подкрепления из метрополии. Надежда на установление французской державы в долине Святого Лаврентия теперь угасла, и у французов больше не

было никаких высших перспектив, кроме мирного гражданства под властью людей, которых они считали иностранцами. Они держались особняком, следуя своим обычаям, лелея свои предрассудки, отказываясь смешиваться с британским населением, среди которого жили.

Политическая вражда в течение нескольких лет была исключительно ожесточенной. Вскоре после объединения оно пришло в непривычную ярость из-за предложения выплатить компенсацию тем жителям Нижней Канады, чье имущество было уничтожено во время восстания. Британская консервативная партия оказала этому предложению позорное сопротивление. Не предполагалось, что какие-либо лица, участвовавшие в восстании, должны пользоваться преимуществами этой меры. Но неразумные британцы утверждали, что их, лояльных людей, облагают налогами в пользу мятежников. 1849 Год н.э. Когда Законопроект был принят, чернь Монреаля забросала камнями лорда Элджина, который в то время был генерал-губернатором; в своей необузданной ярости они пригрозили присоединением к Соединенным Штатам; они вторглись в Ассамблею и разогнали ее; они сожгли дотла здание, в котором заседал их парламент. С этого дня Монреаль перестал быть резиденцией правительства. В течение нескольких лет парламент чередовался между Квебеком и Торонто. Поскольку эта система была признана неудобной, королеве было предложено выбрать постоянное место жительства для правительства колонии. 1858 год н.э. Выбор Ее Величества пал на Байтаун, процветающий маленький город романтической красоты, расположенный на реке, разделяющей провинции. Столица Доминиона получила название, более соответствующее ее столичному достоинству, и отныне именовалась Оттава.

Годы процветания смягчили горечь партийной ненависти, и канадское законодательное собрание приступило к принятию мер по внутреннему оздоровлению и развитию. До сих пор в Канаде не пользовались неопределенным преимуществом муниципальных учреждений. Законодательный орган регулировал все местные проблемы; —взял на себя заботу о дорогах, мостах и школах; о бедных; о тех санитарных мерах, которые существовали; и люди заразились пагубной привычкой оставлять свои местные дела в ведении правительства. 1849 г. н.э. Теперь это серьезное зло было исправлено; законодательный орган был освобожден от ненужного бремени; и люди научились проявлять разумный интерес к ведению своих собственных местных дел.

Теперь Канаде пришлось согласиться с полной свободой торговли, которую метрополия, наконец, приняла для себя. 1846-50 гг. н.э. Теперь все ограничения были сняты; все пошлины, которые давали колонисту преимущества перед его иностранным соперником, прекратились. Канадцы теперь могли покупать и продавать, где им заблагорассудится. Иностранные корабли теперь могли свободно плавать по водам Святого Лаврентия, которые долгое время были под запретом. Изменение, поначалу, не было желанным. Канадцы не были полностью готовы к открытой конкуренции со своими соседями Соединенными Штатами. Какое-то время торговля шла на спад, и раздавались громкие и горькие крики о том, что метрополия пренебрегает интересами своей зависимости. Но здоровая дисциплина, основанная на необходимости, научила канадцев уверенности в себе. Принятие политики самостоятельной и неограниченной торговли открыло для канадцев период предприимчивости и развития, какого они ранее не знали.

После нескольких лет неуклонно растущей торговли канадцы вспомнили о взаимных выгодах, которые принесла бы свобода торговли между ними и их соседями из Соединенных Штатов.

1854 год н.э. Лорд Элджин, который в то время был генерал-губернатором, смог заключить договор, с помощью которого была достигнута эта цель. Продукция каждой страны беспошлинно ввозилась в другую. Американцы получили свободный доступ к крупным рыбным промыслам Канады, к рекам Святого Лаврентия и Святого Иоанна и ко всем каналам, по которым облегчалось судоходство. В течение одиннадцати лет этот договор оставался в силе к выгоде обеих договаривающихся держав. Но идея защиты приобрела в те годы все большее влияние в умах американского народа. 1866 г. н.э. Американское правительство теперь решило расторгнуть договор. В результате многие классы американцев испытывали серьезные неудобства. Штатам Новой Англии не хватало дешевых продуктов питания, которые их промышленное население получало из Канады. Пивоварам Нью-Йорка и Филадельфии пришлось искать ячмень, который привыкла поставлять Канада, в другом месте и по более высоким ценам. Производители шерсти не могли получить пригодные сорта сырья, которое поставляли стада их северных соседей. Железнодорожные компании столкнулись с внезапной потерей крупных и прибыльных перевозок. Канада существенно не пострадала от прекращения действия Договора о взаимности. Она нашла новые рынки сбыта своей продукции, и рост ее торговли существенно не прервался.

Прогресс образования в Верхней провинции шел в ногу с ростом населения. Но общая школа в Нижней Канаде была еще очень недостаточно развита. Вежливый, добродушный, трудолюбивый французский *житель* был почти полностью необразован и позволил своим детям расти в слепом невежестве, о зле которого он сам даже не подозревал. 1850 год н.э. Теперь была создана система образования, адаптированная к его особым требованиям, но он не спешил воспользоваться ею.

Вопрос о резервах духовенства на протяжении многих поколений был постоянным источником беспокойства. Епископальная церковь упорно утверждала, что она является единственной протестантской церковью; пресвитериане и методисты с негодованием и презрением отвергли эту дерзкую претензию. Во всех странах, где преобладают религиозные разногласия, возвышение какой-либо одной секты над другими заведомо несправедливо и должно в результате нарушить гармонию нации. Особенно это верно для колонии, где понятие равенства является коренным, и людям не так легко, как в старой стране, примириться с допущением превосходства привилегированного класса. Существование Государственной церкви стало невыносимым для канадского народа. В 1854 году был принят Закон, разорвавший связь Церкви и государства. Все жизненные интересы — епископальные и пресвитерианские — были обеспечены, оставшиеся земли и средства были разделены между несколькими муниципалитетами в зависимости от численности населения, которым они обладали. Ни один важный вопрос церковного характера с тех пор не нарушал спокойствия колонии, если не считать требования римских католиков создать систему образования, отличную от системы обычной школы.

Феодальное землевладение все еще преобладало среди французов Нижней провинции. Сеньоры, предками которых были Людовик XIV. они даровали большие участки земли в надежде создать канадскую аристократию, но по-прежнему взимали с них пошлины; по-прежнему навязывали им право перемалывать по высоким ставкам все зерно, выращиваемое на их земле; по-прежнему налагали на канадцев те жестокие поборы, которые французы семьдесят лет назад были не в состоянии вынести. На эту систему долгое время жаловались как на недостаток, который ставил французское население в подчиненное положение по

сравнению с британцами. 1859 г. н.э. Права сеньоров теперь были приобретены провинцией за выплату в один миллион долларов, и этот устаревший и варварский метод удержания перестал ущемлять интересы колонии.

В течение нескольких лет после объединения провинций наблюдался внезапный приток поселенцев, привлеченных из старой страны улучшающимися перспективами развития колонии. За четверть века, последовавшую за битвой при Ватерлоо, полмиллиона эмигрантов уехали из Великобритании в Канаду. Но за два года с 1846 по 1847 год их число составило четверть миллиона, а в среднем за десять лет - почти шестьдесят тысяч. Теперь использовались средства для стимулирования этих обогащающих потоков. До сих пор на эмигранта никто не обращал внимания. Ему разрешили путешествовать на судах, которые не были пригодны для плавания и были смертельно переполнены. Когда он прибывал, часто бедный и невежественный, иногда пораженный чумой, о нем не заботились. Теперь его приветствовали как чужака, пришедшего внести свой вклад в богатство и величие Доминиона. Были назначены офицеры для защиты его от грабителей, которые подстерегали его в засаде. Его неотложные нужды были удовлетворены; ему была предоставлена информация, которой он мог безопасно руководствоваться в будущем.

Страсть к строительству железных дорог, бушевавшая в Англии в 1845 году, оказала свое влияние и на Канаду. Колонисты начали обсуждать меры по соединению крупных городов своих обширных Владений. Но потребность в Канаде была менее острой, чем в других местах, а трудностей было больше. Населенный регион лежал по большей части на берегах Великих озер или реки Святого Лаврентия и ее притоков, откуда было легко добраться на пароходе. С другой стороны, расстояния были велики, население скудно; капитал на строительство железных дорог и транспортное сообщение для их поддержания были одинаково велики. В течение многих лет Канада не могла выйти за рамки начальной стадии обследований, отчетов и встреч для обсуждения, а также тщетных попыток получить помощь от имперского казначейства. 1852 г. н.э. По прошествии семи прошедших таким образом лет в Канаде вспыхнула железнодорожная мания. На одной сессии парламента было принято пятнадцать железнодорожных законопроектов, а на следующей сессии их число возросло до двадцати восьми. Наиболее заметным из одобренных таким образом проектов была Большая магистральная железная дорога — гигантское предприятие, которое предполагало соединить Монреаль с Торонто, а Квебек - с Ривьер-дю-Лу. Желание построить железные дороги было теперь настолько острым, что Законодательный орган понес обязательства в связи с этим предприятием на огромную сумму почти в пять миллионов фунтов стерлингов; в этой степени казначейство колоний было и, вероятно, всегда останется в проигрыше.

Финансовое положение Канады до настоящего времени было удовлетворительным. Весь ее долг составлял четыре с половиной миллиона; расходы в размере 600 000 фунтов стерлингов удовлетворяли всем ее требованиям, а ее доход в значительной степени превышал эту сумму; ее ценные бумаги имели премию на фондовых биржах Англии. 1852 год н.э. Но теперь Канада, в своем стремлении к более быстрому развитию, начала щедро предлагать помощь промышленным предприятиям. Она безвозмездно вносила свой вклад в строительство железных дорог. Она поощряла муниципалитеты брать займы под ее залог на строительство дорог и мостов, а также на другие необходимые общественные работы. Муниципалитеты с отзывчивой готовностью брали займы и расходовали; энергичная деятельность охватила все отрасли промышленности, и развитие Канады шло более быстрыми темпами, чем в любой

предыдущий период. Но страна удовлетворяла потребности, которые еще не возникли, и преждевременные расходы навлекли на нее нежелательное и гнетущее бремя долгов и налогов.[19]

ГЛАВА XIII. КОНФЕДЕРАЦИЯ.

Политическая система, существовавшая в Британской Америке до объединения двух провинций, была в высшей степени неудобной. Всего было шесть колоний — Новая Шотландия, Нью-Брансуик, остров принца Эдуарда, Ньюфаундленд и две Канады. Они были подданными одного и того же монарха, но у них не было других уз союза. Их интересы часто противоречили друг другу; их законы и обычаи сильно различались; у каждого была своя валюта; каждый содержал свою собственную таможенную для обложения налогом или исключения товаров других. У них не было никаких уз единения, за исключением тех, которые обеспечивал общий суверенитет Англии; и ими обычно двигали зависть и антипатии, которые были более сильны для разделения, чем это могло объединить. Вдоль их границ лежала территория процветающих государств, живущих при политической системе, которая связывала их общностью интересов, в то же время адекватно сохраняя и гарантируя свободу индивидуальных действий каждого. Успех конфедерации, проявленный на обширной арене Соединенных Штатов, незаметно научил британские поселения принятию той политической системы, которая единственная отвечала потребностям их положения.

Объединение Верхней и Нижней Канады было самым большим достижением того времени в направлении устранения зла, которое преобладало. Этот союз ликвидировал некоторые из наиболее пагубных из существующих подразделений и позволил более быстро осваивать национальные ресурсы, чем это было ранее. Но постоянная форма правления в Канаде еще не была достигнута. Расовые различия и интересы по-прежнему мешали гармоничной работе законодательного органа Соединенных Штатов. Детская зависть к несовершенно примиренным секциям привела, помимо прочего зла, к расточительным расходам; ибо ни одна из секций не могла выделить денег на необходимые общественные работы без того, чтобы такая же субсидия не была без необходимости предоставлена другой. На момент объединения равенство числа представителей считалось справедливым для обеих провинций. Но Верхняя Канада росла быстрее, чем соседняя провинция, и за десять лет насчитывала большее население. 1857 г. н.э. Возникло требование о представительстве в соответствии с численностью населения и без

учета разделения провинций. Это предложение встретило резкое сопротивление в Нижней Канаде как нарушение условий союза. Столь же остро этот вопрос обсуждался в западной провинции; он стал темой многих пылких выступлений и на какое-то время лозунгом сплочения на выборах. Лидером этого движения был Джордж Браун — шотландец и пресвитерианин, человек больших способностей и энергии, а также убежденный реформатор злоупотреблений. Мистер Браун и его последователи надеялись, что, получив парламентское большинство, на которое, судя по численности, теперь имела право Верхняя Канада, они сократят спрос на сектантские школы и полностью создадут систему общего образования для всех обеих провинций. Более того, Верхняя Канада контролировала бы доходы и с помощью полезных общественных работ осваивала бы ресурсы великого Северо-Запада.

Спор был горьким и раздражающим и привел ни к чему иному, как к углубившемуся ощущению того, что какая-то важная модификация существующих договоренностей стала необходимой. 1860 г. н.э. мистер Браун выразил мнение, широко распространенное в настоящее время в Верхней Канаде, в двух резолюциях, которые он предложил Законодательному собранию принять. В них утверждалось, что союз из-за различий в происхождении, местных интересах и по другим причинам потерпел неудачу; и предлагалось, в качестве единственного средства, формирование местных органов власти для защиты интересов отдельных слоев населения и создание совместного органа для регулирования проблем, которые были общими для всех. В такой форме перед страной было поставлено предложение о создании правительства конфедерации, максимально приближенного к модели Соединенных Штатов. Идея была не нова. 1822-1839 гг. н.э. Однажды это было рекомендовано Министерством по делам колоний; однажды лордом Даремом, во время его правления в качестве генерал-губернатора. Часто в периоды политических трудностей это было надеждой смущенных государственных деятелей. Но время еще не пришло, и резолюции мистера Брауна были отклонены подавляющим большинством.

Последующие годы были беспокойными и даже вызывали тревогу. Политические страсти достигли крайней степени насилия. Взаимная ненависть партий была яростной и необоснованной. Каждый вопрос, с которым приходилось иметь дело Законодательному органу, был ареной, на которой должна была развернуться яростная битва.

Противоборствующие стороны вступили в ожесточенный конфликт из-за строительства железных дорог, из-за тарифов, из-за защиты колонии от возможного вторжения американцев, из-за предлагаемой конфедерации, из-за каждой детали политики правительства. Пострадали общественные интересы; естественный прогресс колонии был подорван этими неприличными разногласиями. В конце концов лидеры противоборствующих фракций устали от раздоров. В 1864 году Джордж Браун от имени партии реформаторов мудро предложил своим противникам условия мира. Было сформировано коалиционное правительство с четкой целью создания конфедерации двух Канад, предусматривающей прием других провинций и Северо-Западной территории. Новый кабинет министров незамедлительно приступил к выполнению задачи, которую он взял на себя. Октябрь 1864 г. н.э. В течение нескольких недель в Квебеке собрались на конференцию поэтому важному вопросу тридцать три человека, представляющие провинции Канада, Новая Шотландия, Нью-Брансуик, остров принца Эдуарда и Ньюфаундленд. Они встречались наедине и в течение семнадцати дней обсуждали детали союза, который должен гармонизировать и продвигать интересы всех. Желаемое примирение было достигнуто нелегко, ибо каждая провинция с естественным преувеличением оценивала преимущества, которые она приносила в конфедерацию, и стремилась занять более высокое положение, чем другие были

готовы уступить. Но в конце концов была разработана схема объединения, и различные правительства пообещали себе, что они не пожалеют усилий, чтобы добиться ее принятия законодательными органами. Возникла партия сопротивления, и последовали годы дебатов. Но время было на стороне союза. Пороки существующей политической системы становились все более очевидными в свете непрекращающихся дискуссий. Разделенные провинции были слабы в оборонительных целях; их торговля была задушена ограничительными пошлинами, которые они налагали друг на друга. Объединившись, они образовали бы великую нацию, обладающую великолепной территорией, населенную умными и трудолюбивыми людьми; грозную для нападающих; пользующуюся той степенью уважения, с которой они до сих пор были незнакомы; с безграничными возможностями роста, открывающимися для всех их промышленных интересов.

1866 г. н.э. Под растущим влиянием подобных взглядов законодательные органы Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика наконец приняли решение о конфедерации провинций; а в следующем году Королевская прокламация провозгласила объединение этих провинций в один Доминион, который был назван Канадой. Чуть позже Манитоба, Британская Колумбия и остров принца Эдуарда были приняты в союз. Ньюфаундленд отказался присоединиться к своим братским штатам и до сих пор сохраняет свое независимое существование.

Согласно конституции, которую Доминион теперь получил, исполнительная власть принадлежит королеве и управляется ее представителем, генерал-губернатором. Этому офицеру помогает и консультирует Тайный совет, состоящий из глав различных крупных государственных ведомств. Сенат состоит из семидесяти восьми членов, назначаемых короной и занимающих свои должности пожизненно. Палата общин состоит из двухсот шести членов. Они выбираются голосами граждан, обладающих имущественным цензом, величина которого варьируется в разных провинциях. Канада предоставляет франшизу тем жителям городов, которые платят ежегодную арендную плату в размере 6 фунтов стерлингов, и тем, кто не живет в городах, которые платят 4 фунта стерлингов; Нью-Брансуик требует владения недвижимостью стоимостью 20 фунтов стерлингов или годового дохода в 80 фунтов стерлингов; и Новая Шотландия почти идентична по своим требованиям. Срок полномочий парламента ограничен пятью годами, и его члены получают денежное вознаграждение. Парламент Доминиона регулирует интересы, общие для всех провинций; в каждой провинции есть вице-губернатор и Законодательный орган для руководства своими собственными местными делами. Отныне между провинциями, входившими в состав канадской нации, должна была существовать полная свобода торговли.

ГЛАВА XIV.

ПРИМОРСКИЕ ПРОВИНЦИИ.

На внешней окраине большого залива, в который впадают воды реки Святого Лаврентия, лежат некоторые британские провинции, которые до сих пор сохраняли свое колониальное существование отдельно от родственных внутренних штатов. Старейшей и наиболее известной из них была Новая Шотландия — академия французского периода, в пределы которой была включена провинция Нью-Брансуик. К северу, за входом в залив, находился остров Ньюфаундленд. Гольфстрим,двигающий на север свои обширные потоки нагретой воды, встречается здесь с ледяным потоком, нисходящим из Северного Ледовитого океана, и поворачивает на восток, к берегам Европы. Река Святого Лаврентия откладывает здесь скопления ила, которые ее воды вынесли на своем удлинённом пути, и образует огромные отмели, которые простираются на многие сотни миль в океан. Эти берега - пристанище айсбергов, прибывающих с замерзшего Севера; вечные туманы окутывают их мраком. Но они предлагают человеку такие богатства, которые он нигде не может добыть из моря. Рыболовство на берегах Ньюфаундленда было самым ранним стимулом, побудившим европейцев часто посещать эти, казалось бы, негостеприимные берега. Приморские провинции были более легкодоступны, чем Канада, поскольку они изобиловали удобными входами, куда корабли могли заходить и находиться в безопасности. Они были размещены у труднодоступного входа в долину Святого Лаврентия, и их ценность была очевидна более сразу. За их обладание велась острая борьба в то время, когда Англия не решалась претендовать на внутренние районы северного континента, а Франция едва ли стремилась их сохранить.

Кэботы были первыми европейцами, которые увидели суровые берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, и поэтому Англия объявила эти регионы своими. Но Франция фактически завладела Акадийским полуостровом. То тут, то там основывались небольшие поселения, и велась прибыльная торговля мехами с индейцами, которые приезжали с больших расстояний на материк, чтобы приобрести привлекательные товары, предлагаемые белыми людьми. В течение первого столетия своего существования Акадия жила беспокойной жизнью. Англия не давала покоя бедным колонистам. В те периоды — а они постоянно повторялись, — когда две великие европейские державы находились в состоянии войны, бродячие корабли Англии обязательно посещали слабые акадийские поселения, принося разорение, внезапное и глубокое. Колонисты Массачусетса или далекой Виргинии, теперь окрепшие, не ждали предложения для войны, а свободно вторгались в Акадию даже в периоды мира. Французы неосторожно вызвали недовольство своих соседей-индейцев, и вероломные дикари кроваво отомстили за причиненные им обиды. И как будто иностранной враждебности было недостаточно, среди акадийцев бушевали гражданские войны. В одно несчастливое время в Акадии были губернаторы-соперники, с битвами, осадами, массовыми убийствами французов руками французов. Но даже эти невзгоды не помешали некоторому росту. До того, как Акадия

окончательно отошла от Франции, в ней было двадцать тысяч французов, занятых в рыболовстве и торговле мехом.

1713 год н.э. Спустя сто лет после первого французского поселения на Акадийском полуострове, в правление королевы Анны подошла к концу опустошительная война против Людовика XIV, которую король Вильгельм считал необходимой для благополучия Европы. Англия, как это было у нее принято в такие периоды, овладела Академией. До сих пор она привыкла восстанавливать Академию по окончании каждой войны. Теперь она решила сохранить его; и измученная Франция по Утрехтскому мирному договору смирилась с потерей. Акадия стала Новой Шотландией; Порт-Ройял стал Аннаполисом, в честь английской королевы. Кейп-Бретон, остров, примыкающий к Акадии на севере, остался французским владением; и здесь Франция поспешила, затратив огромные средства, построить и укрепить Луисбург для защиты своей американской торговли. Тридцать лет спустя англичане осадили и взяли Луисбург. Франция упорно, но тщетно пыталась вернуть себе крепость, потеря которой поколебала ее контроль над всеми американскими владениями. Огромный флот отплыл из Франции, чтобы добиться этого завоевания. Но злой рок сопутствовал ему с самого начала. Англичане захватили несколько кораблей; "буря" разбила или рассеяла остальные. Новые усилия привели к новым катастрофам; попытка вернуть Луисбург закончилась уничтожением или пленением всего французского флота. Но Франция более успешно сражалась в Индии, и когда условия Экс-ла-Шапельского мирного договора были скорректированы, она получила обратно Луисбург в обмен на Мадрас. В 1748 году н.э. Он оставался в ее владении еще десять лет, а затем окончательно отошел от нее вместе со всей остальной ее американской территорией.

Первой заботой Англии, когда Новая Шотландия окончательно перешла в ее руки, было обеспечить себя укрепленной гаванью и военно-морской базой, адекватными потребностям ее расширенного доминиона. Ее корабли в большом количестве часто посещали эти западные воды, намереваясь защитить свои собственные интересы и ниспровергнуть интересы Франции. Требовалась какая-то хорошо защищенная и легкодоступная позиция, где флоты могли бы встретиться, где корабли могли бы переоборудоваться, откуда можно было бы угрожать владениям Франции на севере и Испании на юге. Место было выбрано на восточном берегу острова, где в море открывается великолепная естественная гавань. Здесь, на высоком склоне холма, возник город Галифакс, великий центр британского военно-морского влияния на американском побережье. В 1749 году нашей эры из Англии прибыли четыре тысячи искателей приключений, соблазненных щедрыми предложениями земли. В течение нескольких месяцев одного короткого лета были построены дома и возведены защитные сооружения от недружелюбных соседей. Лесные заросли на этом прекрасном склоне холма исчезли, и на их месте возник оживленный английский городок.

Индейцы Новой Шотландии не одобряли оккупацию их территории англичанами. Они прятались в лесах вокруг Галифакса или бесшумно крались по ночам в своих легких каноэ и при первой же возможности грабили и убивали. Однажды они ворвались в спящие команды двух судов, стоявших в гавани, одних убили, а других увезли, чтобы продать французам в Луисбурге. Англия возложила ответственность за эти безобразия на французов провинции. Акадийцы были простым, беззаботным народом, довольствовавшимся грубым комфортом, который давала им добыча на море и суше. Но они не сразу согласились с революцией, которая передала их в руки иностранной державы, и отказались присягнуть на верность английскому королю. Губернатор

очень сурово обошелся с этими сопротивляющимися подданными. 1755 год н.э. Он собрал столько людей, сколько смог найти, и, погрузив их на борт своих кораблей, рассеял по южным английским колониям. Он сжег их дома, он конфисковал их имущество. Таким образом, почти половина жителей Акадии была насильно изгнана из домов, которые по праву принадлежали им. Из остальных некоторые сбежали в леса и, наконец, в Канаду. Многие погибли от этого жестокого обращения, и почти все из-за сравнительной легкости и комфорта впали в крайнюю нищету.

В течение нескольких лет Новая Шотландия была лишена какого-либо подобия представительного правительства, довольствуясь мягким деспотизмом губернатора. Наконец, когда это соглашение перестало приносить удовлетворение, в Галифаксе собралось Собрание, избранное народом. Отныне Новая Шотландия пользовалась привилегией самоуправления, и ее политическая история по большей части параллельна истории Канады. 1758 год н.э. У нее был тот же затяжной конфликт с губернатором по поводу контроля над доходами, та же обида на деспотический семейный договор, та же решимость, что советники губернатора должны нести ответственность перед Ассамблеей. Население было смешанным и негармоничным. Были немцы и голландцы; были некоторые остатки жителей Акадии, которым было разрешено вернуться; были американские лоялисты, бежавшие от торжествующего республиканства; были англичане, основавшие Галифакс. Вскоре, однако, перевес английского элемента стал решающим, и Новая Шотландия была избавлена от тех злобных распрей, которые расовые различия порождали в канадских провинциях. В конце своего отдельного существования Новая Шотландия не приняла со всей сердечностью проект конфедерации. Сильное меньшинство выступило против объединения. Но в конце концов возобладали более мудрые советы, и эта провинция, хотя и не без колебаний, связала свою судьбу с другими.

Площадь Новой Шотландии составляет более половины территории Шотландии, а население составляет четыреста тысяч человек; и поскольку почти все они являются уроженцами провинции, не похоже, чтобы многие иностранцы в последнее время искали пристанища на ее земле. Страна прекрасно разнообразна, с долинами и холмами, яркими реками и озерами. Большая часть земли чрезвычайно плодородна, и применяется тщательная и разумная система возделывания. Вблизи морского побережья находятся огромные запасы угля и железа, меди и олова. Ни в одной части мира побережье равной протяженности не изобиловало более удобными гаванями. На расстоянии ста миль расположено не менее двенадцати гаваней, способных принять самые большие суда британского военно-морского флота. По количеству лососевых рек Акадия уступает только рекам Шотландии. Океанский промысел настолько продуктивен, что Новая Шотландия ежегодно экспортирует морскую продукцию на сумму в один миллион фунтов стерлингов.

Нью-Брансуик - последнее зарождение американских поселений. В течение многих лет после завоевания ее плодородная почва оставалась почти невозделанной, а население составляло всего несколько сотен рыбаков. Именно по окончании американской войны за независимость в Нью-Брансуике началась эра прогресса. По ту сторону границы, в штатах Новой Англии, было много людей, которые сражались в рядах британцев, чтобы увековечить систему правления, которую их соседи согласились отвергнуть как тираническую и вредоносную. На этих людей теперь смотрели с отвращением, как на предателей великого дела. Находя невыносимой жизнь в столь неподходящем окружении, они отряхнули со своих ног пыль восставших провинций и вместе со своими семьями двинулись на север в поисках земель, которые все еще находились

под властью монархии. За один год пришло пять тысяч. Они прибыли так поспешно и с таким небольшим запасом продовольствия для собственных нужд, что, должно быть, погибли бы, если бы не своевременная помощь правительства. 1785 год н.э. Но их присутствие в значительной степени усилило значение Нью-Брансуика, который теперь был отделен от Новой Шотландии и выделен в отдельную провинцию. В то время, когда она приобрела статус специально созданной администрации, ее население составляло всего шесть тысяч человек, разбросанных по территории, почти равной площади Шотландии. Но ее почва была плодородной; она изобиловала углем и древесиной; ее рыболовство было неисчерпаемо продуктивным. Ее прогресс не был недостоин преимуществ, которыми наделила ее природа. За двадцать лет ее население удвоилось. За полвека число борющихся шести тысяч увеличилось почти в пятьдесят тысяч. Сегодня население Нью-Брансуика превышает триста тысяч человек. Этот темп роста, хотя рассматриваемые цифры невелики, значительно выше, чем в самих Соединенных Штатах. В договоре, которым Англия признала независимость своих тринадцати колоний, граница Нью-Брансуика и Мэна была установлена небрежно и неумело. Было определено, что это на крайнем востоке некая река Сент-Круа. К западу от истока этой реки была проведена линия, ведущая оттуда к высокогорью, отделяющая воды, впадающие в Атлантику, от тех, что впадают в реку Святого Лаврентия. Тщетно было бы искать соглашение, более плодородное для непонимания, даже в архивах дипломатии. Участники переговоров ничего не знали о стране, границы которой им было поручено установить. Особенно они не знали, что набожные французы, которые первыми поселились там, имели обыкновение устанавливать многочисленные кресты вдоль побережья, и что впоследствии название Ла Круа было дано многим рекам. Через несколько лет выяснилось, что договаривающиеся державы разошлись во мнениях относительно названия реки Сент-Круа. Американцы присвоили это название одному ручью, британцы - другому. Эта часть спора была разрешена в пользу Великобритании. Но теперь возникла более серьезная трудность. Державы расходились во мнениях относительно местоположения "высокогорья", обозначенного договором, и "спорная территория" в двенадцать тысяч квадратных миль лежала между конкурирующими линиями границы. В течение шестидесяти лет из-за этой территории бушевали ожесточенные споры, и в какой-то период раздор достиг опасной грани настоящей войны. Жители Нью-Брансуика воспользовались привилегией рубить лес на спорной территории. В 1839 году губернатор штата Мэн направил вооруженные силы для изгнания незваных гостей и призвал десять тысяч ополченцев отстаивать права Америки. Губернатор Нью-Брансуика ответил отправкой двух полков с квалифицированной артиллерией. Новая Шотландия проголосовала за деньги и войска. Но прошло то время, когда Англия и Америка могли сражаться в такой легкой ссоре, как эта. Англия послала лорда Эшбертона; Дэниел Уэбстер со стороны Америки был назначен встретить его. 1842 год н.э. Спор был легко разрешен путем выделения семи тысяч квадратных миль Америке и пяти тысяч Нью-Брансуику.

Ньюфаундленд был самым ранним из британских поселений на северных берегах Америки, а также, вплоть до позднего периода, самым малоизвестным. Еще со времени его открытия Кэботом была осознана ценность его промысла. Английские рыболовные суда следовали своему призванию у побережья Ньюфаундленда во время правления Генриха VIII, и начавшаяся тогда торговля никогда не прерывалась. Англия всегда заявляла о правах собственности на остров; но поначалу она не пыталась навязать исключительное владение его берегами, и корабли всех европейских наций могли беспрепятственно ловить рыбу. Но огромное значение этих промыслов становилось все более и более очевидным. Это была не просто или главным образом значительная выгода, которую приносил этот промысел. Еще большее значение имело

то обстоятельство, что рыболовство было рассадником, в котором воспитывалась раса выносливых и предприимчивых моряков, способных отстаивать честь английского флага. Столетие спустя после путешествия Кэбота Англия заявила о суверенитете Ньюфаундленда и исключительном праве ловить рыбу у его берегов; и это требование было подкреплено конфискацией некоторых иностранных судов, которые мирно возвращались домой, нагруженные добычей успешного сезона.

Примерно в середине семнадцатого века на острове проживало триста пятьдесят семей, разбросанных по пятнадцати или шестнадцати небольшим поселениям. К этому времени люди, занимавшиеся рыболовством, стали чутко относиться к сохранению промысла и с неодобрением смотрели на увеличение постоянного населения. Они смогли добиться этого от безрассудного правительства Карла II. приказ о том, чтобы поселенцы покинули остров; и варварский указ был приведен в исполнение путем сожжения домов и опустошения полей жителей.

Рыбные промыслы Ньюфаундленда представляли ценность не только для Англии. Франция была столь же серьезна в своем желании получить контроль над возжеленной территорией. В 1696 году нашей эры у нее было одно или два небольших поселения, и она смогла одним удачным ударом завладеть всем островом. Триумф, однако, был недолгим, поскольку Англия быстро вернула себе все, что она потеряла. 1713 год н.э. По Утрехтскому мирному договору, когда Людовик XIV. доведенная победоносным оружием Мальборо до крайнего изнеможения, Франция уступила Англии все свои притязания на Ньюфаундленд, сохранив, однако, за собой право участвовать в рыболовстве.

Почти до конца прошлого столетия в Ньюфаундленде не было ни надлежащего правительства, ни отправления правосудия. Англия не признавала остров колонией, но упорно рассматривала его просто как рыбный промысел. Замена правительства была, вероятно, самым грубым устройством, которое когда-либо принималось какой-либо цивилизованной страной. 1690 г. н.э. Капитан рыболовного судна, которое первым прибыло к побережью, был “адмиралом” на этот сезон, на него была возложена обязанность поддерживать порядок среди экипажей других кораблей, управляя островом с палубы своего судна. Великая отрасль промышленности Ньюфаундленда - рыболовство — всегда процветала и приносила метрополии большие прибыли. Но ее зарождающиеся поселения боролись за то, чтобы обрести силу и значимость перед лицом множества разочарований, которые были причинены небрежно или умышленно.

Площадь Ньюфаундленда равна двум третям площади Англии и Уэльса, а его население составляет сто пятьдесят тысяч человек. В течение трехсот пятидесяти лет после открытия Кэбота внутренняя часть острова никогда не исследовалась европейцами и была совершенно неизвестна, за исключением нескольких индейских охотников. Совсем недавно, в 1822 году, один предприимчивый путешественник впервые совершил путешествие по острову. Это предприятие было сопряжено с большими трудностями и некоторой опасностью. Местность оказалась пересеченной. Бесчисленные озера и болота препятствовали продвижению путешественника и приводили к утомительным отклонениям от курса. Путешествие заняло два месяца, в течение которых путешественник и его спутники-индейцы были вынуждены питаться охотой. Не было обнаружено ни следов возделывания земли, ни жителей. Уроженцы Ньюфаундленда были единственной расой американских дикарей, которые упорно

отказывались вступать в отношения с белыми людьми. Они до конца сохраняли враждебное отношение, были сбиты и, в конце концов, уничтожены при первой же возможности.

На западном побережье Ньюфаундленда и вдоль долин, по которым протекают его реки, есть несколько участков плодородной земли, на которой можно выращивать зерно. У нее также много хороших пастбищ; и хотя ее зимы длинные и суровые, ее короткое лето достаточно теплое, чтобы созрели многие сорта фруктов и овощей. У нее есть уголь, железо и известняк. Ее дикие обитатели питались мясом оленей, которые огромными стадами бродили по лесам; и они одевались в богатые меха медведей, волков, бобров и других диких животных. Первые поселенцы обнаружили, что благородная ньюфаундлендская собака жила в очень униженном состоянии— охотилась стаями и проявляла склонности, не превосходящие волчьи. Но его высшая природасделала его восприимчивым к влияниям цивилизации, и он быстро превратился в надежного спутника и друга человека.

ГЛАВА XV. ПРОВИНЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА.

Пограничная линия, обозначающая южную границу британской территории, делит континент на две не очень неравные части. С одной стороны простирается обширная территория, занимаемая Соединенными Штатами — домом для пятидесяти миллионов человек - центром разнообразных отраслей промышленности, вызванных к существованию их энергией. С другой стороны, простирается еще более обширная территория, освоение которой все еще находится в будущем. К северу и западу от первоначальной линии расселения в долине реки Святого Лаврентия владения Великобритании почти равны по площади всей Европе. По направлению к Атлантике землю покрывают обширные сосновые леса. К Тихому океану тянутся огромные горные цепи, богатые полезными ископаемыми, которым суждено принести богатство людям будущих поколений. Центральная часть континента представляет собой обширное пространство богатых сельскохозяйственных угодий, где малейшие усилия земледельца приносят щедрый урожай.^[20] Великие судоходные реки, берущие начало в Скалистых горах, пересекают континент и ждут, тихие и неиспользуемые, чтобы выдержать движение, которое должны принести грядущие годы. Река Саскачеван, протянувшаяся на тысячу триста миль, и река Ред-Ривер, истоки которой находятся совсем рядом с истоками Миссисипи, протянувшись почти на семьсот миль, вливают свои обильные воды в озеро Виннипег — обширный водный покров, покрывающий площадь, равную трети площади Шотландии. Река Нельсон несет воды озера Виннипег в Гудзонов залив протяженностью в триста миль, который легко можно сделать судоходным для судов большой грузоподъемности.

Озеро Виннипег находится на широте Англии, но благотворное влияние Гольфстрима не достигает этих суровых берегов, температура которых в значительной степени определяется ледяными течениями Северного Ледовитого океана. Климат суровый, зима долгая. В течение пяти-шести месяцев в году страна покрыта снегом; реки и озера скованы морозом; столбик термометра иногда опускается до пятидесяти градусов ниже нуля. Это суровое владычество не исчезает постепенно; оно прекращается почти внезапно. Снег исчезает как по волшебству; ручьи возобновляют прерванное течение; деревья покрываются листвой; равнины пестрят травой и цветами. Одним махом наступает лето с его свирепой жарой, с его невыносимым изобилием насекомых, с его быстрым ростом и созреванием диких плодов и семян, которые сеятель разбросал по плодородной почве.

При приходе европейцев в Америку этот великолепный регион принадлежал многочисленным племенам индейцев, которые добывали себе пищу и одежду почти исключительно охотой. С течением лет белый человек обнаружил, что индеец продавал за ничтожную плату дорогие меха, которые были очень востребованы в Европе. Индеец пришел к пониманию, что он может обменять свои легко добытые меха на мушкет, который принесли незнакомцы и научили его пользоваться, на бусы, которыми он любил украшать себя, на соблазнительные напитки, которые быстро установили разрушительную власть над его дикой натурой. Из этого опыта возникли торговые отношения между индейцами Северо-Запада и предприимчивыми европейцами, которые время от времени пробирались в эти таинственные регионы.

Проницательный француз понял преимущество, которое можно было получить от организованного и систематического ведения этой прибыльной торговли. В 1668 году нашей эры он предложил это предприятие своим соотечественникам, но оно не получило их поддержки. Сбитый с толку прожектер добрался до Англии и получил доступ к принцу Руперту, которому он изложил свой план. Четверть века прошло с тех пор, как яростные атаки кавалерии Руперта разгромили войска парламента при Нейсби и Ньюарке, с тех пор, как его самого преследовали от Марстон-Мур суровые Железнобокие Кромвеля. Теперь принц был степенным мужчиной пятидесяти лет. Пылкость его юности смягчилась любовью к коммерческим авантюрам. Он охотно выслушал изобретательного француза. Его влияние на общественность привело к созданию компании, оплаченный капитал которой составил 10 500 фунтов стерлингов. Его влияния на своего двоюродного брата, короля Карла, было достаточно, чтобы получить хартию. В 1670 году нашей эры либеральный монарх даровал этим спекулянтам половину континента на не более обременительных условиях, чем то, что они должны были платить монарху двумя лосями и двумя черными бобрами всякий раз, когда он посещал их территорию. "Губернатор и компания авантюристов, торгующих в Гудзоновом заливе", были наделены этим либеральным монархом "всеми странами, лежащими у входа в Гудзонов пролив, на какой бы широте они ни находились, поскольку они не принадлежат другим христианским государствам". Оказавшись в значительной степени привилегированными, авантюристы вступили на путь необычайно успешного развития. Через несколько лет они выплатили дивиденды в размере пятидесяти процентов; немного позже они утроили свой капитал за счет прибыли и выплатили акционерам двадцать пять процентов. при увеличении суммы; еще позже капитал был еще раз утроен из того же источника без уменьшения нормы дивидендов.

Торговля мехами была одной из самых прибыльных, с которыми когда-либо сталкивались торговцы. Дикари, свергнувшие Римскую империю, привезли в Южную Европу прекрасные меха севера. Отныне статья пользовалась острым спросом. Знатные дамы жадно искали для украшения меха, подобные тем, в которые северный дикарь одевал себя и своих детей, —

искали жадно, но часто безуспешно, поскольку спрос превышал предложение. Было ясно, что Европа закупит по либеральным ценам все меха, которые смогут привезти авантюристы.

Компания Гудзонова залива энергично вступила на это заманчивое поприще. Они основали форт недалеко от побережья и дали понять индейцам, что готовы вести торговлю. С минимальными задержками, насколько это было возможно, они продвинули свое поселение далеко вглубь континента. На больших расстояниях друг от друга по всему континенту возникли маленькие торговые станции. Они состояли из нескольких деревянных хижин, окруженных прочным частоколом или стеной; с хорошо запертыми воротами; с отверстиями-петлями, из которых, в случае необходимости, неуверенных в себе клиентов Компании можно было контролировать ружейным огнем. Эти посты обычно устанавливались вблизи рек, куда дикари могли добраться на каноэ или санях. Их одиночество было чрезвычайным. На сотни миль во все стороны простирались густые леса или бескрайние прерии, нехоженые человеком. В определенное время года — один или два раза в год — появлялись туземцы, неся добычу охоты — шкуры, масло, моржовый бивень, перья, сушеную рыбу. Обычно все племя отправляется на эту великую миссию. Они разбивают лагерь перед фортом. Вперед выходит офицер, и ворота за ним тщательно запираются. Происходит обмен подарками и произносятся пылкие и доверительные речи. Внутри форта находятся склады, заполненные товарами, которые Компания привезла издалека, — одеялами, бусами, ножами для снятия скальпелей, рыболовными крючками, мушкетами, боеприпасами, чаем, сахаром, красными и желтыми красками для личного украшения. Эти странные трейдеры входят группами по три-четыре человека, потому что в больших количествах им нельзя доверять. Они сдают на хранение предлагаемые ими товары; служащие Компании оценивают их и выдают эквивалент по выбору своего клиента. Деньги до недавнего времени ничего бы не стоили для индейца, и ничего такого ему не предлагали. Одно время им поставляли спиртные напитки, что приводило к ужасающим результатам в виде шума и насилия; но эта порочная практика была прекращена или тщательно ограничена. Когда переговоры завершаются, индейцы уходят и возобновляют свои скитания.

Компания обеспечивала такое правительство, в котором нуждался безлюдный континент. У них было много соперников в прибыльной торговле, которую они вели, и им часто приходилось с оружием в руках защищать свою вожделенную монополию. Французы в течение многих лет стремились вытеснить англичан и завладеть торговлей мехами. В бухте появились французские военные корабли; французские солдаты атаковали посты Компании. Едва эти ожесточенные дебаты утихли после победы Вулфа, как возникла еще более серьезная конкуренция. В 1784 году нашей эры несколько предприимчивых канадцев основали конкурирующую компанию и вели торговлю так успешно, что за несколько лет основали множество филиалов и овладели большей частью торговли, которой до сих пор занималась более старая компания. Между служащими соперничающих учреждений бушевала постоянная борьба. Велись сражения; было пролито много крови; доходы Компании Гудзонова залива сократились; ее богатые дивиденды полностью прекратились. 1816 год н.э. Наконец объединение Компаний положило конец этой расточительной вражде и восстановило почти забытую эпоху процветания.

В течение полутора столетий с момента основания Компании не предпринималось попыток колонизировать обширный регион, на который простиралось ее господство. Англичане и шотландцы, занимавшие фактории, были единственными цивилизованными жителями Северо-Запада. Количество станций составляло около ста; все белое население не превышало одной-двух тысяч. На реке Маккензи, за полярным кругом, были станции, где холод был настолько

сильным, что топоры обычного закала дрожали, как стекло, при первом же дуновении. Были станции на побережье Лабрадора, а в двух с половиной тысячах миль от них были станции на Тихом океане. Компания не желала переносить цивилизацию в эту дикую местность. Цивилизация не способствует интересам меховой торговли. Эта отрасль не может существовать в пределах слышимости топора поселенца или там, где желтая кукуруза колышется на мягком осеннем ветру. Она процветает только там, где тишина леса не нарушается; где плодородная поляна не тронута плугом. Компания никак не поощряла приход людей, в присутствии которых более прибыльное разведение бобров, бизонов и чернобулки должно было прекратиться. Наконец, и это был единственный раз, когда традиционная политика была отклонена от 1812 г. н.э., когда борьба с конкурирующей компанией все еще бушевала, лорд Селкирк, который в то время был председателем Компании Гудзонова залива, подумал о том, чтобы отправить несколько шотландских горцев основать постоянное поселение и таким образом обеспечить перевес интересам, защитником которых он был. В то время герцог Сазерленд находился в процессе выселения мелких фермеров из своих поместий в Сазерлендшире, чтобы он мог воплотить в жизнь современные идеи в области овцеводства. Лорд Селкирк собрал отряд из этих обездоленных горцев и поселил их в уединенных местах долины Виннипега. Точка, которую он выбрал, находилась недалеко от слияния Ред-Ривер и Ассинибойна и в сорока милях от озера, в которое впадают эти реки. Он находился за много сотен миль от человеческого жилья; эта одинокая колония была единственным очагом заселения во всей северной части огромного континента. Но почва обладала замечательным плодородием, а шотландцы были крепкими и трудолюбивыми. Постепенно к ним присоединились другие искатели приключений, которых суровость климата не пугала. Изгнанные фермеры Хайленда, солдаты, распущенные после Ватерлоо, небольшими группами отправлялись в этот отдаленный и малоизвестный регион. Вышедшие на пенсию служащие Компании пришли провести вечер своих дней в поселении. Ряд блочных домов и возделанных ферм тянулся на много миль вверх по долинам Ассинибойна и Ред-Ривер. Группа деревянных хижин получила название Виннипег и начала свою карьеру как городок в прериях с такими медленными темпами развития, что в 1871 году в нем проживало не более четырехсот человек. Форт Гарри, главная резиденция Компании, повысил достоинство колонии, которая вскоре стала признанной метрополией всего северо-западного региона. Его рост не был быстрым, но он был устойчивым; и население, если мы примем среднее значение по самым разным оценкам, составляет, вероятно, сейчас около пятнадцати тысяч душ. Это в основном шотландцы, но есть также французы и индейцы, и там была обильная примесь европейской и туземной рас. Есть шотландские полукровки и французские полукровки, в которых сочетаются внешность и качества обеих рас, и многие из которых не уступают в интеллекте и образованности своим европейским родителям.

С течением лет политическое управление торговыми компаниями в Англии было полностью дискредитировано. К правительству Ост-Индской компании долгое время относились с неодобрением; после того, как произошел великий мятеж 1857 года, это считалось невыносимым. Ни один голос власти не прозвучал в пользу более длительного существования Компании, и политические функции Компании были прекращены как несовместимые с общим благосостоянием. Компании Гудзонова залива повезло в своем правлении не больше, чем великой сестринской компании. В последнее время ей не удавалось поддерживать порядок среди немногочисленного населения, которым она руководила. Иногда, когда его сотрудники выносили неприемлемый приговор, друзья преступника взламывали двери тюрьмы и выпускали заключенного на свободу. Компания была готова освободиться от бремени полномочий,

которыми она больше не могла пользоваться. Новый доминион Канада желал присоединить к своим владениям обширные владения Компании Гудзонова залива. 1869 год н.э. Организовать передачу, которой добивались обе стороны, было несложно. Компания получила сумму в 300 000 фунтов стерлингов и определенные участки земли вокруг своих торговых точек. Все это перешло в руки канадского правительства.

Власти, которые вели переговоры об этой сделке, похоже, думали в основном о земле и очень мало о людях, которые на ней жили. Люди теперь заявляли, что хотят выразить себя, и они делали это грубыми и неудобными методами. Французы и французские метисы отказались согласиться с передачей, которую они считали ущемляющей их права. Они были щепетильны в вопросе своего права собственности на имущество, которое они занимали; и не без оснований, поскольку многие из них не имели никаких притязаний, кроме тех, которые, как можно предположить, дает занятие. Среди них ходили слухи, что их новые правители намеревались изгнать их из их владений; и появление на сцене различных геодезических отрядов было воспринято как свидетельство этой цели. 1869 год н.э. Возбужденный народ взялся за оружие и сформировал временное правительство. Их лидером в восстании, с помощью которого они надеялись свергнуть власть Канады и Великобритании и утвердиться как независимая нация, был Луи Риэль, амбициозный, но безрассудный молодой канадец французского происхождения. Риэль стал президентом новой Республики и собрал вооруженные силы численностью в шестьсот человек для защиты национального достоинства. Он повернул назад на границе новоназначенного губернатора; он захватил форт Гарри, в котором были достаточные запасы оружия и провизии; он заключил в тюрьму всех, кто оказывал активное сопротивление его правлению. Правительство далекой Канады поначалу смотрело на это крошечное восстание как на забаву. Они и не думали применять силу для восстановления порядка; они добивались желаемой цели путем убеждения. Римско-католический архиепископ округа находился тогда в Риме, занятый решением проблемы папской непогрешимости. Ему предложили отказаться от увлекательного занятия; вернуться к Ред-Ривер и склонить свою заблудшую паству к мирным мыслям. Он принес жертву; он покинул Рим и прибыл в Канаду. Но пока он все еще пробирался домой по заснеженной пустыне, произошли события, которые фатально осложнили положение и сделали невозможным мирное решение.

Группа лояльных жителей подняла поспешное и плохо подготовленное восстание против власти временного правительства. Они были легко отброшены превосходящими силами под командованием Риэля, и некоторые из них были взяты в плен. Среди них был канадец по имени Скотт, который отличился своей упрямой враждебностью к правлению узурпаторов. Риэль решил внушить страх своим врагам и склонить на свою сторону друзей актом демонстративной и непростительной жестокости. Март 1870 г. н.э. Бедный Скотт предстал перед судом имитационного трибунала, приговор которого приговорил его к смертной казни. Час спустя его вывели за ворота форта. Стоящий на коленях, с перевязанными глазами, среди снега, он был застрелен расстрельной группой пьяных полукровок почти до того, как он успел осознать жестокую судьбу, которая его постигла.

Это позорное убийство придало восстанию на Ред-Ривер серьезность, которой оно до сих пор не носило. В Канаде возникло неистовое требование наказать преступников и восстановить королевскую власть. Было немедленно решено направить военные силы, достаточно сильные, чтобы сломить сопротивление восставших французов.

Это предприятие сопровождалось необычайными трудностями. Форт Гарри находился на расстоянии тысячи двухсот миль от Торонто. Половину этого расстояния можно было легко преодолеть по железной дороге и на пароходе; но за северной оконечностью озера Верхнее простирались шестьсот миль густого и непроходимого леса, пересеченного цепью рек и озер. По этим водам, изрезанным опасными порогами и непроходимыми водопадами, никогда не плавало ни одно судно, кроме легкого березового каноэ индейцев. Теперь предлагалось, чтобы по этому, казалось бы, невыполнимому маршруту армия, несущая с собой сложное вооружение современной войны, направилась в долину Виннипега.

К счастью, в то время в Канаде в департаменте военной организации был офицер, наделенный редкой властью. Этому офицеру, ныне хорошо известному как сэр Гарнет Уолсли, была доверена задача подготовки экспедиции и командования ею. Войска, которые полковник Уолсли повел в пустыню, не снискали никаких лавров, поскольку враг не смирился с их наступлением, и их скромные достижения остались незамеченными на фоне всепоглощающего интереса, с которым люди наблюдали за ужасными событиями войны, бушевавшей тогда между Германией и Францией. Тем не менее экспедиция по Красной реке занимает видное место в летописи военных операций. Вероятно, это единственный пример того, как армия продвигается по удлинённому и почти невыполнимому маршруту, выполняет свою задачу и возвращается домой, не потеряв ни одной жизни ни в бою, ни от болезни. И мудрая предусмотрительность, которая так эффективно обеспечила все трудности этого неизвестного путешествия, более достойна восхищения, чем полководческое мастерство, которого было достаточно для одержания кровавых побед во многих наших недавних войнах.

21 мая 1870 г. н.э., спустя немногим более двух месяцев после совершения преступления, за которое она собиралась отомстить, армия выступила в поход. Она состояла из тысячи двухсот бойцов, из которых две трети были канадскими добровольцами, а остальные - регулярными британцами. Двести лодок, несколько единиц легкой артиллерии и провизия на шестьдесят дней составляли часть ее снаряжения. Экспедиция легко прошла вдоль озер Гурон и Верхнее и высадилась в Тандер-Бей. От этого места до маленького озера Шебандован было расстояние в пятьдесят миль. Часть пути проходила по наполовину проселочной дороге и реке, едва пригодной для судоходства. Этот этап путешествия был настолько трудным, что прошло шесть недель, прежде чем были пройдены эти пятьдесят миль. Наконец лодки поплыли по спокойным водам озера Шебандован. Редкостно прекрасным вечером флотилия тронулась с места посадки, и лес зазвенел под радостные возгласы гребцов.

До сих пор войска с трудом преодолевали крутые подъемы. Теперь они достигли возвышенности, образующей водоем, с которого одни ручьи впадают в Гудзонов залив, другие - в озеро Верхнее и Святого Лаврентия. В течение многих дней их маршрут пролегал вдоль цепочки небольших озер, по которым они гребли легко и приятно. Но при переходе от озера к озеру обычно возникал волок - название, внушающее страх солдатам. У волока все высадились. Бесчисленные бочки с припасами, артиллерия, боеприпасы, сами лодки были доставлены на берег и перенесены на плечах людей или протасканы по суше, отделявшей их от соседнего озера. Сорок семь раз во время продвижения к озеру Виннипег подвергался этому тяжелому труду. Но, несмотря на все трудности, продвижение было быстрым. Здоровье мужчин было прекрасным, их настроение приподнятым, а их несущая способность настолько возросла благодаря физическим упражнениям, что вскоре они были в состоянии нести вдвое больший груз, с которым могли столкнуться вначале. Никаких спиртных напитков не выдавали, и в лагере

царил идеальный порядок. Жара часто была невыносимой; нападения комаров и подобных насекомых были невыносимыми. Но предусмотрительный генерал снабдил каждого человека вуалью, защищавшей его лицо, и в каждой лодке имелась банка с противомоскитным жиром для укрепления рук. В первые дни августа лодки прошли вдоль озера Рейни, прекрасного водного полотна протяженностью пятьдесят миль, и вошли в реку с тем же названием. Рейни-Ривер - благородный поток, восемьдесят миль в длину и от трех до четырехсот ярдов в ширину. Пейзажи, по которым она протекает, необычайной красоты. Высокие дубы, открытые поляны, уходящие далеко в лес, пышная трава, цветы в бесконечном разнообразии и богатом изобилии - все это наводило мужчин на мысль о парках, окружающих большие дома в Англии. С помощью течения Рейни-Ривер пересекли со скоростью пять или шесть миль в час, и экспедиция достигла Лесного озера. Выйдя оттуда, он впадал в реку Виннипег.

Здесь трудности экспедиции усугубились. Виннипег — великолепный ручей длиной в сто шестьдесят три мили, широкий и глубокий, с быстрым течением, часто протекающий между высокими гранитными утесами. Однако в его течении есть множество водопадов, в которых лодки не могут выжить. Двадцать пять раз склады разгружались, а лодки вытаскивались на берег. Часто встречались пороги, по которым умелые руки индийских лодочников не без опасности вели лодки вниз. Потерь понесено не было, и после пяти дней этой кропотливой и захватывающей работы лодки вошли в озеро Виннипег. В течение одного дня они плыли по юго-восточной части озера; еще один день они держали курс вверх по Ред-Ривер. Они оставили свои лодки в двух милях от форта Гарри и под проливным дождем, по дорогам, по щиколотку покрытым вязкой грязью, двинулись на поиски врага.

Полковник Уолсли принял меры предосторожности, чтобы информация о его приближении не дошла до форта. Он не смог узнать, что намеревался сделать Риэль, и люди двинулись вперед в страстной надежде, что враг смирится с их приближением. Когда они приблизились к форту, стало видно, что ворота закрыты, а с бастионов и над воротами торчат пушки. Но при ближайшем рассмотрении было заметно, что рядом с оружием не было ни одного человека, и надежды нападавших рухнули. Мгновение спустя стало известно, что форт покинут; на небольшом расстоянии были замечены люди, быстро убегавшие. Риэль, похоже, обдумывал сопротивление, если ему удастся склонить своих сторонников к сражению. Он мог также питать некоторую надежду на шестьсот миль почти непроходимой местности, лежавшей между ним и озером Верхнее. 24 августа 1870 года нашей эры, успокоив свои тревоги этим сном, президент республики Ред-Ривер спокойно позавтракал в этот заключительный день своей карьеры. Но как только его трапеза закончилась, из окон форта было видно, как на расстоянии нескольких сотен ярдов к нему быстрым шагом приближаются тысяча двести человек, которые прошли так далеко, чтобы совершить его свержение. Кровь Скотта была на его виновных руках. Несчастный человек оседлал лошадь и поскакал галопом, спасая свою жизнь; и победители не пытались помешать его бегству. Восстание на Ред-Ривер было подавлено, и британская власть была восстановлена в долине Виннипега.

До самого недавнего времени обширные пшеничные поля Северо-Запада были почти бесполезны для человека; даже сейчас их освоение только началось. Трудно переоценить влияние на будущий ход человеческих дел, которое суждено оказать этому уединенному и недоступному региону. В долинах озера Виннипег и притоков к нему рек двести миллионов акров непревзойденной по плодородию земли ждут прихода земледельца. Среднее производство пшеницы здесь составляет тридцать бушелей с акра — более чем вдвое больше,

чем в долине Миссисипи, и гораздо больше, чем можно получить на почве Англии при тщательном и дорогостоящем выращивании.^[21] Великобритания ежегодно импортирует сто миллионов бушелей пшеницы — едва ли более одной шестидесятой части производства долины Виннипег, если полностью использовать ее огромные возможности. Почва здесь необычайно плодородна и дает обильные плоды так легко, что в обычный сезон производство четверти зерна обходится в среднем не более тринадцати шиллингов. Порт Нельсон на Гудзоновом заливе — естественный пункт судоходства всего этого региона — находится на восемьдесят миль ближе, чем Нью-Йорк, к Ливерпулю и рынкам Англии.

Долина Виннипега до сих пор была практически недоступна. Экспедиция по Красной реке провела в пути три месяца. Многим поселенцам потребовалось еще больше времени, чтобы добраться до уединенного рая, к которому они стремились. Подавляющему большинству британцев до сих пор неизвестно о существовании этой территории. Лодки компании Гудзона залива были ее единственным средством связи с внешним миром. До тех пор, пока долина Виннипега не будет открыта железной дорогой или пароходом, она должна оставаться бесполезной для любого лучшего использования, кроме как в качестве заповедника для диких животных, добывающих мех, и дома для преследующих их индейцев.

Но теперь появились необходимые средства передвижения; расстояние, которое отделяло человеческую семью от этого великолепного царства, теперь сокращается. Виннипег, ныне выросший в город с населением около двенадцати тысяч человек и быстро увеличивающийся, имеет прямое железнодорожное сообщение с Сент-Полом, главным городом Миннесоты. Северная часть Тихого океана — линия, продвижение которой было отложено на годы из—за финансовой катастрофы, — в настоящее время продвигается на запад от своей начальной точки на озере Верхнее и вскоре будет открыта до западного океана. Тихоокеанский регион Канады, в значительной степени субсидируемый правительством, продвигается на запад, к Колумбии и океану. Препятствия для судоходства по реке Нельсон были тщательно изучены с целью их устранения, с тем чтобы суда больших размеров могли проходить из озера Виннипег в Европу.

Эти улучшенные транспортные возможности дали ожидаемый результат. Большой приток поселенцев начался два или три года назад и продолжает увеличиваться год от года. В 1877-78 годах в долину Виннипега прибыло много тысяч иммигрантов. К настоящему времени занято более четырех миллионов акров богатых пшеницей земель — площадь, способная увеличить запасы продовольствия для людей в количестве, почти равном всему британскому импорту пшеницы. Новые поселенцы, по большей части, опытные фермеры, которых привлекли сюда исключительные преимущества почвы. Некоторые из них приезжают из Европы, но большее число приезжает из старых канадских провинций и из тех штатов Союза, которые расположены недалеко от границы. Большинство из них — мужчины, продавшие земли, которыми они ранее владели, и приехавшие с капиталом, достаточным для приобретения наиболее апробированной сельскохозяйственной техники. Цена, за которую можно получить землю, незначительна; и хотя среднее владение не превышает двухсот акров, многие люди приобрели большие участки.

Быстрое заселение этой центральной территории Канады является одним из важнейших социальных и политических факторов будущего Канады и Европы. Освоение огромных ресурсов Манитобы должно ускорить продвижение Доминиона к богатству и уважению. Производителям продуктов питания на ограниченных и высоко арендуемых полях Европы это дает разумный повод для беспокойства. Для тех, кто не является производителями, а только потребителями, это

дает более сильную уверенность, чем когда—либо прежде, в том, что эра голода осталась далеко позади, что человеческая семья на протяжении многих грядущих поколений будет наслаждаться благословениями изобилия продуктов питания по низкой цене.

Между Скалистыми горами и Тихим океаном раскинулся обширный участок плодородной земли, площадь которого в шесть раз превышает площадь Англии и Уэльса. Это Британская Колумбия — последний по рождению член конфедерации, в которую она вступила только в 1871 году. Воды Тихого океана оказывают на ее климат такое же смягчающее влияние, какое оказывает Гольфстрим на соответствующие широты Европы, и средняя температура Колумбии существенно не отличается от температуры Англии. Золото встречается в песках рек, стекающих со Скалистых гор; уголь в изобилии залегает у поверхности; большие участки покрыты сосновыми лесами, деревья которых достигают необычных размеров;^[22] многие острова усеяны спокойными водами, омывающими западные берега провинции; многие судоходные заливы уходят далеко вглубь страны — вглубь лесов, для транспортировки древесины которых они обеспечивают достаточное удобство. . В ручьях и на побережьях необычайно много рыбы; на берегах реки Фрейзер можно увидеть английского рудокопа и индийского рыбака, которые бок о бок с успехом занимаются своими делами. Богатство Колумбии обеспечивает ей процветающее будущее; но пока ее развитие только началось. Ее население составляет около двенадцати тысяч человек, не считая тридцати тысяч индейцев. В ее огромных сосновых лесах еще едва слышен стук топора; ее богатые долины остаются непаханными; ее уголь и железо ожидают прихода сильных рук, которые должны извлечь их сокровища; даже ее заманчивые золотые поля возделаны очень слабо. Колумбия должна стать домом для многочисленного и процветающего населения, но пока ее прогресс задерживается из-за удаленности и недоступности.

Сама Колумбия глубоко переживает это временное разочарование в своей судьбе. Ее недавняя политическая история была в значительной степени историей недовольства. 1871 год н.э. Когда она вступила в Конфедерацию, правительство Доминиона обязалось через два года начать, а через десять лет завершить строительство железной дороги, которая соединит морской совет Колумбии с железнодорожной системой Канады. В то время всеобщей инфляции такие обязательства заключались без особого труда. Немного позже, когда пришло время хладнокровно поразмыслить, стало ясно, что предприятие было слишком масштабным для отведенного времени. Канада не предприняла никаких действий, кроме организации обследований; Колумбия, находясь в изоляции, громко жаловалась на неверность своих сестер. Невыполнимый контракт был пересмотрен, и было заключено новое соглашение о том, что работы должны начаться сразу же, как только можно будет провести изыскания, и завершиться через шестнадцать лет. 1874 год н.э. Сейчас работа продолжается; и Колумбия, не без нетерпения и некоторого чувства неправильности, согласилась отложить начало той эры процветания, которая, как она совершенно точно знает, ее ожидает.

1881 год н.э. [В целях перспективного развития маршрута по Гудзонову заливу недавно был получен чартер на строительство железной дороги, которая пройдет вдоль реки Нельсон от Норвежского дома на озере Виннипег до Йоркской фабрики в Гудзоновом заливе, соединив таким образом морское судоходство, доступное из последнего пункта, с линиями пароходов, курсирующих вглубь страны из первого. Однако, по-видимому, среди людей на месте по-

прежнему существует значительное расхождение во мнениях относительно того, может ли рассматриваемый маршрут успешно конкурировать, по крайней мере, в течение многих последующих лет, с удобствами, которые вскоре будут предложены Канадской тихоокеанской железнодорожной компанией. Линия, которую сейчас строит эта предприимчивая группа капиталистов, уже проложена примерно в 250 милях к западу от Виннипега и, как ожидается, к концу следующего года достигнет восточных склонов Скалистых гор. В настоящее время из Манитобы есть выход по железной дороге в Дулут на озере Верхнее и в Чикаго на озере Мичиган; но открытие, которое теперь нельзя откладывать надолго, Канадской тихоокеанской линии между Виннипегом и западной оконечностью бывшего озера в сочетании с расширением канала Уэлланд, чтобы позволить большим судам проходить Ниагарский водопад, обеспечит новый железнодорожный и водный маршрут в Монреаль, по которому, как полагают, пшеницу можно будет перевозить на это расстояние по цене, меньшей, чем девять шиллингов и шесть пенсов в квартал, которые сейчас обходятся по железной дороге. Дулут. Строительство железной дороги вдоль северного берега озера Верхнее, которое Канадская тихоокеанская компания обязана завершить в течение десяти лет, в конечном счете обеспечит полностью железнодорожное сообщение вплоть до восточного морского побережья: и еще предстоит выяснить, будет ли при наличии в распоряжении таких транспортных средств сколько-нибудь значительная часть перевозок следовать маршрутом, на который, как утверждается, можно рассчитывать только в течение трех месяцев в году и который, по мнению некоторых моряков, иногда может оказаться труднодоступным даже в течение этого периода из-за наличия льда в Гудзоновом проливе. С другой стороны, конечно, возникает соображение, что, если развитие северо-запада оправдает общепринятые ожидания, со временем может образоваться достаточный избыток продукции для экспорта, чтобы поддерживать прибыльную работу железной дороги Гудзона залива и паровой линии, а также всех других практически осуществимых торговых точек этого обширного региона. - Прим. Ред.]

ГЛАВА XVI. ПРОГРЕСС КАНАДСКОЙ НАЦИИ.

По своим размерам Канада является самым благородным колониальным владением, над которым когда-либо господствовала какая-либо нация. Она занимает площадь в три миллиона триста тридцать тысяч квадратных миль. Наша великая Индийская империя едва ли превышает четвертую часть своей территории. Европа больше всего на полмиллиона квадратных миль; Соединенные Штаты меньше почти на столько же. Расстояния, которые мужчинам приходится преодолевать в Канаде, огромны. От Оттавы до Виннипега тысяча четыреста миль — путешествие, равное тому, которое отделяет Париж от Константинополя: искателю

приключений, который проложит свой путь из Виннипега на крайний северо-запад, предстоит преодолеть еще две тысячи миль. Представители острова Ванкувер должны преодолеть две тысячи пятьсот миль, чтобы добраться до резиденции правительства. Путешествие от Лондона до Уральских гор не больше по расстоянию и ни в коем случае не такое трудное. От Галифакса, столицы Новой Шотландии, до Нью—Вестминстера, столицы Британской Колумбии, расстояние в четыре тысячи миль - примерно такое же, как расстояние между Лондоном и Чикаго или между Лондоном и истоками Нила.

Людей, которым досталось это обширное наследие, насчитывается около четырех миллионов. Покорить континент, на окраинах которого они поселились, и овладеть им пока что далеко за пределами их сил. Тем не менее, их численность и промышленное развитие сейчас настолько стремительны, а богатство, которое лежит вокруг них, настолько велико, что год от года они должны занимать все большее место в глазах мира и оказывать все большее влияние на ход человеческих дел. В начале века их численность едва превышала четверть миллиона - медленный рост за двести лет плохого правления и раздоров. Двадцать пять лет спустя их число более чем удвоилось; в следующую четверть века оно утроилось. В течение десяти лет, с 1851 по 1861 год, ежегодный прирост составлял сто двадцать тысяч человек; в следующем десятилетии он составил шестьдесят тысяч, из которых менее половины приходилось на иммиграцию. Рост происходит в основном в сельской местности; нет никаких очень мощных факторов, способствующих росту крупных городов. Население Монреаля составляет сто семь тысяч человек; Квебека - шестьдесят тысяч; Торонто вырос до пятидесяти тысяч; Галифакса - до тридцати тысяч. На канадской земле представлены все европейские нации. Англичан, шотландцев и ирландцев более двух миллионов; французов - более миллиона. Немцы, русские, голландцы, швейцарцы составляют остальное. Слияние рас пока достигло несовершенного прогресса; характерные черты и привычки каждой национальности остаются с небольшими изменениями.

Канадский народ поддерживает крупную и растущую торговлю, половина которой приходится на метрополию. Их экспорт составляет 18 000 000 фунтов стерлингов; их импорт - 26 000 000 фунтов стерлингов. Они закупают железо в основном в Англии, поскольку еще не пришло время, когда их собственные обильные запасы этого товара могут быть доступны. Они ежегодно импортируют четыре миллиона тонн угля; но приближающееся прекращение этих перевозок уже предвещается тем обстоятельством, что они также экспортируют продукцию своих собственных шахт в количестве четырехсот тысяч тонн. Текстильное производство в Канаде неуклонно приобретает все большее значение, но пока что люди в значительной степени одеваются в шерстяные и хлопчатобумажные ткани старой родины.

Канада ежегодно продает продукции своих лесов на сумму в пять миллионов фунтов стерлингов, а своих полей - на сумму в четыре миллиона. Добыча в море оценивается более чем в два миллиона долларов, из которых половина отправляется за границу; пушнина, которую собирают ее охотники, оценивается в полмиллиона. Она извлекает из кленового дерева сахара на сумму в четыре миллиона долларов в год; ее бережливые дачники ежегодно собирают трудами пчел два миллиона фунтов меда.

Торговля пиломатериалами - наиболее характерная отрасль промышленности Канады. В восточной части Доминиона, простирающейся на север, к арктическим регионам, землю

покрывают бескрайние леса. По большей части они еще не потревожены человеком. Но в долинах ручьев, впадающих в реку Святого Лаврентия, особенно в живописной долине Оттавы, торговля пиломатериалами ведется энергично. Год за годом, по мере приближения осени, многочисленные отряды лесорубов отправляются на место своих бодрящих трудов. Удобное место выбирается рядом с рекой, воды которой приводят в движение лесопильный завод и со временем доставят срубленную древесину в порт отгрузки. Спешно возводится хижина, служащая мужчинам домом в зимние месяцы. Отбираются лучшие деревья в округе, и они тысячами падают под опытным топором лесоруба. Когда приближающееся летнее тепло освобождает воды замерзшего ручья, деревья сплавляют на лесопилку и там нарезают на приемлемые длины. Затем они формируются в большие плоты, на которых строятся деревни из хижин для размещения возвращающихся лесорубов. Зимние месяцы тратятся на вырубку леса; все лето часто уходит на доставку в Квебек или на Гудзон заготовленных бревен и досок. Леса Канады являются источником огромного и непреходящего богатства. Они также являются рассадником выносливого населения, к тому же населения с умеренным климатом, поскольку лесорубы обычно обходятся без предательской поддержки алкоголя и довольствуются тем, что набираются сил за счет обильного употребления крепкого чая и соленой свинины.

Сельское хозяйство является занятием примерно половины канадского народа. В старых провинциях почти пятьсот тысяч человек занимают сельскохозяйственные угодья. Из них девять десятых владеют землей, которую они обрабатывают; только одна десятая платит арендную плату за свои земли, и делают они это по большей части только до тех пор, пока не наберут достаточно денег, чтобы стать покупателями. Сельскохозяйственные рабочие — класс, столь многочисленный и столь малочисленный, которому можно позавидовать в Англии, — почти неизвестны в Канаде. Не более двух тысяч человек занимают эту должность, которая для них является всего лишь шагом на пути к скорейшему овладению ею. Землю легко приобрести; поскольку правительство, признавая, что главной потребностью Канады является население, предлагает землю каждому человеку, который будет занимать ее и обрабатывать, или продает по ценам, которые немногим превышают номинальные. Старые провинции заселяются неуклонно, если не быстро. За десять лет, с 1851 по 1861 год, обрабатываемых земель стало больше примерно наполовину. В течение следующего десятилетия рост был в той же пропорции. Правительство учредило сельскохозяйственные школы и образцовые фермы, а грубые методы, с помощью которых раньше велось земледелие, претерпели значительные улучшения. Сельское хозяйство стало менее расточительным и более продуктивным. Большое внимание уделяется молочной продукции. Большое внимание успешно уделяется улучшению лошадей и крупного рогатого скота. Производство и использование сельскохозяйственных орудий в значительной степени возросло. Короткое канадское лето предъявляет к фермеру настоятельную необходимость быстрого сбора урожая и делает помощь техники особенно ценной. В долине Святого Лаврентия усердно занимаются выращиванием фруктов, и яблоки, груши, сливы, персики и виноград этого региона пользуются высокой репутацией. Успех почти неизменно вознаграждает трудолюбивого канадского фермера. Богатые поля, сытый скот, удобные фермерские дома - все говорит о процветании и довольстве.

Рыболовство Доминиона является одной из его ценных отраслей. На восточных побережьях обитают мириады рыб, наиболее заметной среди которых является треска, чье предпочтение низким температурам сдерживает ее дальнейшее продвижение на юг. Шестьдесят тысяч человек и двадцать пять тысяч лодок находят прибыльное занятие в сборе этого обильного урожая. Министр рыболовства следит за этой великой отраслью. Семь национальных

учреждений занимаются разведением рыбы, особенно лосося, и проводят эксперименты по выведению новых сортов.

Торговый флот Доминиона больше, чем у Франции. В его состав входят семь тысяч судов общим тоннажем в миллион с четвертью, в то время как тоннаж Великобритании составляет шесть миллионов. Канада вложила в свои морские перевозки капитал в размере семи с половиной миллионов фунтов стерлингов. Она использует древесину своих лесов для строительства кораблей для себя и для других стран. Годовой объем продукции ее строительных верфей значительно превышает миллион фунтов стерлингов.

Налоговое бремя, возлагаемое на канадцев, не является подавляющим. Налоги взимаются почти полностью в виде таможенных и акцизных сборов и составляют четыре миллиона фунтов стерлингов. Это средняя ставка в один фунт на каждого члена населения; она существенно не отличается от ставки налогообложения в Соединенных Штатах, но значительно меньше половины той, которая сейчас преобладает в Великобритании.

Канада доверяет свою защиту от внешних врагов своему ополчению и добровольцам, численностью которых она номинально располагает. Но лишь горстка из них ежегодно вызывается на несколько дней учений, и Доминион тратит на свои военные приготовления не более 200 000 фунтов стерлингов. Ее флот столь же скромнен и состоит из нескольких небольших пароходов, которые курсируют по озерам и рекам и имеют всего около двадцати пушек.

Помимо расходов, связанных с ведением обычных государственных дел, крупные суммы, полученные в виде займов, ежегодно расходуются на общественные работы. Судостроение по великим рекам Канады прерывается многочисленными порогами и водопадами. Если эти препятствия не будут преодолены, великолепный водный путь, которым наделена Канада, будет бесполезен. Во многих местах на реках и озерах были построены каналы. Огромное препятствие, которое великий Ниагарский водопад создает для судостроения, преодолевается каналом Уэллэнд, протяженностью двадцать семь миль, на строительство которого вместе с его ответвлениями было затрачено два с половиной миллиона фунтов стерлингов. Большое внимание уделяется также углублению рек, удалению камней и других препятствий для судостроения. Огромные расстояния Канады делают железные дороги незаменимыми для ее развития. Правительство и народ Канады должным образом оценили эту необходимость. Они уже построили семь тысяч миль железной дороги и быстро приступают к дальнейшему расширению. Стоимость уже построенных железных дорог составляет восемьдесят миллионов фунтов стерлингов, из которых правительство выделило одну четвертую. Очень скоро протяженность железных дорог в Канаде будет равна половине протяженности железных дорог Великобритании. Но склонность к путешествиям не поспевала за возросшими удобствами, которые были предоставлены. Среднее количество поездок, совершаемых ежегодно каждым англичанином, составляет семнадцать, в то время как в среднем по Канаде - не более двух.

В различных провинциях Доминиона все еще остается около девяноста тысяч индейцев, представляющих расы, владевшие континентом, когда его обнаружил белый человек. Две трети из них находятся на безлюдных просторах Манитобы и Британской Колумбии; остальные расселены в старых провинциях. Индийская политика Канады с самого начала была справедливой и милосердной, и она принесла соответствующие плоды. Правительства

Соединенных Штатов потерпели явную неудачу в управлении своим индийским населением. Дикари не сохранили веры. Правительство снова и снова заключало договоры, которые люди нарушали. Земли были закреплены за индейцами и насильственно отняты у них, как только сколько-нибудь значительное число белых людей захотело ими завладеть. Правительство выделило крупные субсидии на продовольствие и одежду, которые бессовестные торговцы бессовестно перехватили. Подобные сделки породили ожесточенную ненависть, безжалостную резню, устраиваемую то краснокожими, то белыми, и такое состояние чувств, при котором западный американец при малейшей провокации застрелит индейца с таким же отсутствием угрызений совести, как если бы он убил оленя. Канада совершенно справедливо обращалась со своими индейцами. Она всегда признавала права коренных жителей этой земли. Она с непреклонной верой выполняла все договоры, в которые она вступала. Земли, выделенные индейцам, были закреплены за ними так же эффективно, как и за белыми поселенцами, или были приобретены у них путем честного процесса купли-продажи. Индейцы неизменно лояльно отвечали правительству, которое справедливо относилось к ним. Пока Канадой правили французы, с индейцами шла постоянная борьба, как и сегодня в Соединенных Штатах. Канада под властью британцев никогда не была потревожена войной с индейцами.

Индейцы старых провинций переняли оседлые привычки и занялись сельским хозяйством. В Онтарио их численность и интеллект неуклонно растут. Пьянство уменьшается; люди охотно ищут образования; охота уступает место земледелию; потомки варваров-ирокезов превратились в трудолюбивых и преуспевающих граждан. В Квебеке тоже наблюдается прогресс, но он менее стремителен, и старые привычки людей к пьянству не так полностью поддались влияниям, которые их окружают. Индейцы Британской Колумбии все еще очень пьяны и унижены, и их численность быстро сокращается. В Манитобе и на всем Северо-Западе положение индейцев весьма обнадеживающее. Пьянство почти неизвестно; преступность очень редка; потребность в школах и в людях, которые могут научить строить дома и обрабатывать землю, является всеобщей и неотложной. Буйволы были опорой северо-Западных индейцев. Его плоть была его пищей, его кожа - одеждой, сбруей для его лошади, собственностью, за счет продажи которой удовлетворялись все его оставшиеся потребности. Бесчисленные стада бизонов, часто посещавшие равнины, поддерживали в индейском лагере невообразимый достаток. Но буйволы уступают место развивающейся цивилизации, и индейцы в тревоге спешат найти новые средства к существованию.

Проблема, которую дикие оккупанты представляют для цивилизованных людей, поселяющихся на их землях, была решена в Канаде простым, но редким способом дружественных и совершенно честных отношений. Краснокожие Канады живут довольные жизнью под властью чужаков и доказывают, что они способны прокормить себя за счет промышленности белого человека. Они перенимают его язык, часто не используя свой собственный, его одежду, его обычаи, его религию. Мало того, что две расы живут в согласии; их кровь в значительной степени смешана. Коренная раса, вероятно, обречена на исчезновение, но это не будет результатом насилия или даже пренебрежения. История индейской расы в Канаде завершится ее мирным поглощением европейскими расами, которые владеют континентом.

Тридцать лет назад канадцы, в значительной степени заимствуя у своих соседей из Соединенных Штатов, усовершенствовали свою систему общего школьного образования. Имеются школы, соответствующие потребностям населения. Школьный бизнес округа ведет

Совет, выбранный народом. Расходы покрываются за счет местного налога, дополняемого субсидией из казны провинции. Как правило, плата не взимается; начальное образование абсолютно бесплатное. Французские канадцы проявляют меньшую заботу об образовании, чем их британские соседи, и еще не избавились от невежества, которое они принесли с собой из Европы и в котором им пришлось оставаться на протяжении поколений. В Торонто и приморских провинциях средств для получения образования предостаточно, и колонисты ими очень часто пользуются.

Канадскому народу было даровано благородное наследие. Сокровища моря и почвы, леса и мои собственные принадлежат им в огромном изобилии. Их климат, суровый, но и добрый, способствует росту физической и умственной энергии. Они наслаждаются свободой во всей ее полноте. Их мирное окружение освобождает их от пагубных последствий войны и зол дорогостоящей оборонительной подготовки. На протяжении поколений эти неоценимые преимущества были в значительной степени нейтрализованы ослабляющим соперничеством, разделявшим провинции. Но Конфедерация заглушила внутренние разногласия, и Канада начала консолидироваться в нацию. Религиозные и расовые различия все еще занимают место среди сил, определяющих ее будущее, но антипатии, которые они когда-то вызывали, почти прошли. Различия католика и протестанта, англичанина и француза объединяются в общее обозначение канадца, которым все гордятся. Благосостояние Канады, ее величие в грядущие годы обеспечиваются не только обширностью ее материальных ресурсов, но в еще большей степени духом, который одушевляет ее народ. Судьба, к которой стремится канадский народ, вполне уместно обозначена красноречивыми словами одного из самых способных их генерал-губернаторов. 1875 год н.э. “Какими бы пленительными, - сказал лорд Дафферин, - ни были прекрасные зрелища, созданные руками Природы, они бесконечно усиливаются при созерцании всего, что делает человек, чтобы наилучшим образом использовать дары, находящиеся в пределах его досягаемости. Повсюду вы видите, как человеческий труд и человеческая энергия углубляют фундамент, расширяют границы и отмечают нерушимые границы, на которых и в пределах которых одному из самых умных и счастливых потомков английской расы суждено развиваться в гордую и великую нацию. Сама атмосфера, кажется, пропитана бодрящим духом предприимчивости, удовлетворенности и надежды. Виды и звуки, которые ласкали чувства троянского странника в “Карфагене” Дидоны, повторяются и множатся в тысячах различных местностей Канады, где цветущие города, поселки и деревушки вырастают во всех направлениях со скоростью сказки. И что еще лучше, *параллельно* с развитием этих материальных свидетельств богатства и счастья следует наблюдать рост политической мудрости, опыта и способностей, вполне способных справиться с трудными проблемами, которые возникают в стране, где новые условия, чуждые европейскому опыту, и осложнения, возникающие из-за этнологических и географических обстоятельств, постоянно требуют применения государственной мудрости высочайшего порядка”.

СНОСКИ

[12] Франциск I. сказал, что он “был бы рад увидеть статью в завещании Адама, которая завещала огромное наследство” королям Испании и Португалии.

[13] “Человек должен быть готов, — писал этот набожный священник, полный веры, - отказаться от жизни и всего, что у него есть; довольствоваться, как своим единственным богатством, крестом - очень большим и очень тяжелым”.

[14] Отцы были мудры в своем поколении. Индейцы ненавидели бороды и искореняли свои собственные. Было разумно исключить эту неприятную черту из всех священных изображений.

[15] См. [страницу 77](#).

[16] К концу своего владычества в Канаде Франция потратила около миллиона фунтов стерлингов на свою убыточную колонию, главным образом на строительство фортов вдоль огромной линии от Квебека до Нового Орлеана, чтобы закрыть доступ английским колонистам.

[17] По лучшим оценкам, население Канады в то время составляло 100 000 католиков и 400 протестантов.

[18] См. [страницу 145](#).

[19] За три года долг вырос почти вдвое — с двадцати одного до тридцати восьми миллионов долларов. В 1859 году она еще больше возросла до пятидесяти четырех миллионов.

[20] “Именно здесь Канада, выйдя из своих лесов, впервые взглянула на свои холмистые прерии и неизведанный Северо-Запад и узнала, как неожиданное откровение, что ее исторические территории Канады — восточные побережья Нью-Брансуика, Лабрадора и Новой Шотландии; ее Лоурентийские озера и долины, кукурузные угодья”. а пастбища, хотя и сами по себе более обширные, чем полдюжины европейских королевств, были всего лишь вестибюлями к этому до тех пор немыслимому Владычеству, чьи безграничные размеры в равной степени ставят в тупик арифметику землемера и проверку исследователя. Именно поэтому, считая свои прошлые достижения всего лишь предисловием к своим будущим усилиям и расширяющейся судьбе, она предприняла новый шаг, получила прилив более имперского вдохновения и почувствовала себя больше не простой поселенкой на берегах одной реки, а владелицей половины континента; и по размаху своих владений, по богатству своих ресурсов, по силе своей материальной мощи она не уступала ни одной державе на земле”. —*Лорд Дафферин, генерал-губернатор Канады. Речь в мэрии Виннипега, сентябрь 1877 г.*

[21] При тщательном уходе получают гораздо лучшие результаты. Урожайность от сорока до пятидесяти бушелей является обычным явлением, и недавно была присуждена премия фермеру, чья земля давала сто пять бушелей!

[22] В присутствии лорда Дафферина была срублена сосна высотой двести пятьдесят футов, возраст колец которой свидетельствовал о правлении Эдуарда IV.

ГЛАВА I. ОТКРЫТИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ.

Колумб до конца жизни занимался великим делом открытия, к которому, как он никогда не переставал чувствовать, его предназначил Бог. Он почти все время проводил среди тех прекрасных островов, к которым Провидение направило его неуверенный путь, почти ничего не видя из обширных континентов по правую и по левую руку, которые он приобрел для использования цивилизованным человеком. Однажды, недалеко от острова Тринидад, ему довелось в единственный раз взглянуть на великолепный материк, столь щедро наделенный красотой и богатством. Он снова проплыл вдоль берегов перешейка и высадился на его земле. Но в своих исследованиях он едва ли заходил дальше многочисленных островов, которые окружали его со всех сторон. Он плыл среди них с сердцем, вначале полным глубокой, торжественной радости по поводу ни с чем не сравнимой победы, которая была ему дарована; ближе к концу его переполняло горькое чувство неблагодарности и вероломства. Он совершил свою первую высадку на маленьком острове Сан-Сальвадор. Отправившись оттуда, он быстро нашел Кубу, “самый красивый остров, который когда-либо видели глаза, полный превосходных портов и полноводных рек”. Затем он открыл Эспаньолу и Ямайку, а также множество более мелких островов. Ему оставалось еще тринадцать лет жизни, и Колумб был рад провести их среди видов и звуков, которые ласкали его восторженные чувства при первом появлении в этом зачарованном мире.

Но были и другие искатели приключений, привлеченные успехом, увенчавшим усилия Колумба, и спешившие теперь расширить сферу его исследований. Через пять лет после первой высадки Колумба Джон Кэбот исследовал северный континент от Лабрадора до Флориды. Многие мореплаватели, которые плавали с Колумбом в его первых путешествиях, теперь снаряжали небольшие экспедиции, чтобы совершить новые открытия на южном континенте. Сменявшие друг друга искатели приключений пересекли все его северные побережья. Один открыл великую реку Амазонку; другой направился на юг вдоль берегов Бразилии. К концу столетия было посещено и исследовано почти все северное и восточное побережье Южной Америки.

Через десять или двенадцать лет после открытия Колумбом материка в городе Дариен на перешейке возникло испанское поселение. Выдающимся среди авантюристов, которые осуществляли из этого операционного центра страстные и безжалостные поиски золота испанцами, был Васко Нуньес де Бальбоа — человек жестокий и беспринципный, как и остальные, но демонстрирующий более широкие взгляды и большую силу ума, чем почти любой из его собратьев. Однажды Васко Нуньес посетил дружественного вождя, от которого получил в подарок большое количество золота. У испанцев были определенные правила, которыми они руководствовались при распределении добычи, но при применении этих правил постоянно возникали споры. В этот раз случилось так, что возникла шумная перебранка.

Молодой индийский принц, с нескрываемым презрением относившийся к крикам жадных чужеземцев, сказал им, что, поскольку они так высоко ценят золото, он покажет им страну, где оно может быть в изобилии. К югу, за горами, простиралось великое море; на берегах этого моря была страна огромных богатств, где люди ели и пили из золотых сосудов. Это было первое сообщение европейцев о Тихом океане и земле Перу на западном берегу континента. Васко Нуньес решил стать первооткрывателем этого неизвестного моря. Среди его последователей был Франсиско Писарро, который несколько лет спустя стал первооткрывателем и разрушителем Перу.

1513 год н.э. Васко Нуньес собрал около двухсот хорошо вооруженных людей и несколько собак, которые были мощными союзниками в его войнах с индейцами. С большим трудом он взобрался на горный хребет, пересекающий перешеек. После двадцати пяти дней трудного путешествия индейцы сказали ему, что он почти на виду у океана. Он решил, что впервые должен посмотреть на это великолепное зрелище в одиночку. Сентябрь. 25. Он приказал своим людям остаться позади, в то время как сам, без присмотра, смотрел вниз на Южное море и упивался радостью этого незабываемого успеха. Стоя на коленях, он возблагодарил Бога и присоединился к своим последователям в благочестивом пении *Te Deum*. Он направился к побережью. Войдя в спокойные воды, он призвал своих людей в свидетели того, что он передал во владение королям Кастилии море и все, что в нем находится, — несомненно, крупное притязание, поскольку Тихий океан занимает более половины поверхности земного шара.

Многие авантюристы получили большую прибыль от торговли золотом и жемчугом с местными жителями. Но жажда испанцев к золоту все еще оставалась совершенно неудовлетворенной. На островах не было найдено значительного количества золота, но постоянные сообщения туземцев указывали на районы во внутренних районах, где драгоценных металлов было предостаточно. На материке, рядом с заливом Пария, первые путешественники смогли раздобыть более обильные припасы. Когда Колумб исследовал страну москитов и Коста-Рику, он обнаружил у туземцев массивные украшения из золота, которым они, по-видимому, не придавали особого значения. Тем не менее, местные жители говорили о стране далеко среди гор, где в изобилии было золото и драгоценные камни. Испанцы продолжали продвигаться в направлении, на которое указывали эти слухи. По мере того как они приближались к северным районам Центральной Америки, вокруг них множились свидетельства более высокой цивилизации и большего богатства. Местные жители жили в домах, прочно построенных из камня и извести, их храмы были богато украшены, почва здесь была более тщательно обработана, чем где бы то ни было; кроме того, здесь было много золота, которое можно было получить в обмен на ничего не стоящие безделушки, предлагаемые чужеземцами. 1518 Год н.э. Наконец испанцы прибыли к границам Мексики и вступили в сношения с вождем, правившим регионом, в который они пришли.

Когда испанский губернатор Кубы услышал о заманчивых богатствах Мексики, он решил послать экспедицию, достаточно сильную, чтобы осуществить завоевание страны. Эрнандо Кортесу, тогда молодому человеку тридцати трех лет, было доверено руководство этим трудным предприятием. Кортес был человеком среднего роста и стройной фигуры, с бледным цветом лица и большими темными глазами; серьезного вида и с видом повелителя, который требовал немедленного подчинения; решимости, которую не могла поколебать никакая опасность; неисчерпаемо богатого ресурса и, следовательно, в высшей степени пригодного для того, чтобы руководить людьми, которым предстояло столкнуться с неизвестными опасностями.

Кортес отдал свой флот под защиту Святого Петра и, разжег энтузиазм своих людей заверениями в славе, богатстве и божественной милости, отплыл к берегам Юкатана. 18 февраля 1519 г. н.э. Его силы насчитывали семьсот европейцев и двести индейцев. У него было четырнадцать артиллерийских орудий. Его враги еще не видели коня, и Кортес с тревогой искал способ внушить им благоговейный страх внезапной атакой кавалерии. Но лошадей было мало, так как их еще предстояло доставить из Европы, и в его рядах было всего шестнадцать всадников. Эти небольшие силы были погружены на одиннадцать маленьких судов, самое большое из которых не превышало ста тонн груза.

Кортес высадил свою армию на широкой песчаной равнине, где сейчас стоит город Вера-Крус, главный морской порт Мексики. Он находился менее чем в двухстах милях от столицы страны и послал потребовать допуска к королю. Рисунки, на которых были изображены корабли, пушки и лошади испанцев, были отправлены Монтесуме, который вместе со своими советниками размышлял над этими символами таинственной и ужасной силы. Совет не смог установить истинный характер незнакомцев и по-прежнему сомневался, были ли они сверхъестественными существами или просто посланцами какого-то далекого монарха. Монтесума пришел к выводу, что в любом случае их следует убедить уйти и оставить его страну в покое. Он отправил посольство, чтобы указать на опасности путешествия и попросить своих непрошенных гостей вернуться на свою землю. Но по роковой неосторожности послы подкрепили просьбу короля богатыми подарками: шлем, до краев наполненный золотом; две круглые пластины из золота и серебра “величиной с колеса кареты”; множество декоративных изделий из дорогих материалов прекрасной работы. Жадные глаза испанцев заблестели от восторга, когда перед ними были разложены сокровища простого монарха. С этого момента гибель Монтесумы была предрешена.

Кортес подготовился к наступлению на столицу Мексики, уничтожив все корабли своего флота, за единственным исключением. Среди его людей были малодушные и из страха советовали как можно скорее вернуться на Кубу. Кортес принял для себя альтернативу успеха или полного разорения и решил, что у его людей не должно быть ничего другого. Когда исчезла слабая возможность побега, он пробудил в них мужество, апеллируя к сложным мотивам, которые руководили испанцами того времени. Желание водрузить крест на храмах язычников, жажда славы и наживы воодушевили сердца воинов, которые теперь, доверившись мастерству своего предводителя и покровительственной заботе Божественного Провидения, отправились на завоевание великой империи.

Сначала их путь пролегал по равнинам, размокшим и ставшим почти непроходимыми из-за летних дождей. 16 августа 1519 г. н.э. Вскоре они покинули равнину и начали подниматься по длинному склону Кордильер, к большому плоскогорью, на котором стоит город Мехико. Они также покинули теплое побережье и пересекли унылый горный край, продуваемый холодными ветрами и бурями с мокрым снегом. Они прошли под сенью вулканических гор, огни которых давно погасли; они заглянули в отвесные глубины головокружительных пропастей и увидели далеко внизу пышную растительность, появившуюся из-за тропической жары. Наконец они вступили на плодородную и густонаселенную территорию тлашкаланцев — отважного республиканского народа, который с трудом сохранил свою независимость против превосходящей силы Монтесумы. Кортес искал союза с этим народом; но они неблагоразумно отвергли его попытки и напали на его армию. Только по истечении двух дней боев Кортес обратил нападавших в бегство. Отважные дикари выдержали ужасную атаку испанских

всадников, убийственный огонь испанской артиллерии; они подставляли свои незащищенные тела испанским мечам и пикам и были убиты тысячами, в то время как их слабое оружие почти не причинило вреда захватчикам. Униженные тлашкальцы поспешили заключить мир, и великий страх перед неотразимыми чужеземцами распространился повсюду среди населения плато. Монтесума снова прислал большие дары из золота, которое так любили испанцы, и тщетно умолял их воздержаться от посещения его столицы.

В пятнадцати милях от Тласкалы находился город Чолула, который Кортес теперь получил приглашение посетить. Кортес нашел Чолулу “более красивым городом, чем любой другой в Испании”, расположенным на хорошо возделанной равнине, со множеством высоких башен и с плотным населением. Монтесума заманил сюда испанцев, чтобы уничтожить их; и с этой целью он подготовил засаду из двадцати тысяч мексиканских солдат. Но Кортес разгадал заговор и, собрав большое количество вождов и их сторонников на большой площади, дал сигнал к беспорядочной и беспощадной резне. Беззащитный народ падал тысячами; и Кортес, удовлетворенный преподанным им страшным уроком, воздвиг алтарь и крест, обратился к священникам и вождям с речью о превосходстве христианской религии и возобновил свое наступление на Мексику.

На протяжении нескольких лиг дорога вела вверх по крутому склону огромной вулканической горы, находившейся тогда в состоянии извержения, хотя сейчас ее пламя потушено. Густой лес на какое-то время задержал их продвижение; затем, когда они поднялись, растительность прекратилась, и они оказались в пределах полосы вечных снегов. Наконец, обогнув горный отрог, великая долина Мехико, видневшаяся издали в этом прозрачном воздухе, раскинулась перед ними во всем своем великолепии: озера и города, сады, леса и возделанная равнина. Были испанцы, которые со страхом смотрели на свидетельства многочисленности населения и требовали, чтобы их отвели обратно в безопасное место на побережье; но по большей части солдаты, доверяя искусству своего предводителя и благосклонности Небес, с радостью думали об огромной добыче, которая лежала перед ними, и поспешили вниз по склону горы.

Население города Мехико составляло тогда, по оценкам испанцев, триста тысяч душ. Он был построен на мелководье соленого озера, и к нему вело множество широких и массивных дамб, по некоторым из которых восемь всадников могли проехать в ряд. Улицы иногда были полностью покрыты водой; иногда они были покрыты водой с твердыми пешеходными дорожками по бокам. Здесь было множество храмов; королевские дворцы превосходили по великолепию европейские; рыночная площадь вмещала пятьдесят тысяч человек, и гул торгов разносился далеко по городу; жилища и внешний вид простых людей говорили о комфорте и довольстве.

8 ноября 1519 г. н.э. Монтесума принял своих непрошенных гостей с щедрым, хотя и неохотным гостеприимством и назначил один из своих дворцов местом их проживания, пока им будет угодно оставаться. Кортес, чье желание обратить язычников было столь же настоятельным, как и его желание грабить их, воспользовался первой возможностью, чтобы познакомить Монтесуму с ведущими доктринами христианской веры и заверить его, что боги мексиканцев вовсе не боги, а “злые существа, называемые дьяволами”. Но неубежденный язычник отверг его учение и выразил удовлетворение своими богами такими, какие они есть.

Несколько дней Кортес мирно жил в качестве гостя Монтесумы, глубоко обдумывая следующий шаг, который он должен сделать в своей замечательной карьере. Он осознал всю опасность своего положения. Горстка захватчиков вторглась в среду огромного населения, первоначальные чувства удивления и страха которого быстро переходили в ненависть, и которое, вероятно, вскоре попытается их уничтожить. Против этой опасности не было такой непосредственной гарантии, как обладание личностью короля. Со спокойной решимостью, в которой заключалась большая часть его силы, Кортес в сопровождении опытного эскорта поехал во дворец и доставил изумленного, но не сопротивляющегося Монтесуму домой, в испанские покои. Мексиканцы почитали своего государя с почестями, едва ли не меньшими, чем божественные, и Кортес чувствовал, что, обладая королем, он способен повелевать народом. Еще через несколько дней Монтесума и его знатные вельможи объявили себя вассалами короля Испании.

Шесть месяцев Кортес правил Мексикой. Он сверг мексиканских богов и запретил человеческие жертвоприношения, которые мексиканские священники в изобилии приносили своим отвратительным идолам. Он строил корабли для обороны; он сеял кукурузу для пропитания; он уделял внимание добыче полезных ископаемых, чтобы иметь золото для удовлетворения потребностей короля Испании. Пока он был таким образом занят, он узнал, что восемнадцать кораблей прибыли к его маленькому поселению Вера-Крус. У них был отряд из восьмидесяти всадников, тысячи четырехсот пехотинцев и двадцати пушек, присланных губернатором Кубы, который завидовал его успеху, с приказом арестовать Кортеса и его спутников. Это было угрожающим прерыванием победоносной карьеры. Кортес передал управление страной Альварадо, суровому солдату, которому он доверял, и всего с семьюдесятью людьми поспешил навстречу своим новым врагам. Благодаря мастерству и отваге он добился решающего успеха, и через несколько недель после того, как покинул Мексику, он был готов вернуться, подкрепленный оружием тех, кого он покорил и кого теперь привлек на свою сторону.

Но в течение тех недель в Мексике произошли события серьезного значения. Отсутствие Кортеса привело к заметному ослаблению той кроткой покорности, с которой мексиканцы до сих пор унижались по отношению к своим завоевателям. Поползли слухи, что готовится восстание. Альварадо решил предотвратить ожидаемое предательство. Настало время ежегодного религиозного праздника, и великие лорды Мексики исполнили священный танец, который составлял церемониал закрытия. Внезапно сильный отряд вооруженных испанцев напал на беззащитных верующих, шестьсот из которых были убиты. Возмущенный город немедленно восстал против своих кровожадных тиранов. Испанцы выдержали от рук своих презираемых противников блокаду, которая, должно быть, быстро закончилась бы разрушением, если бы Кортес не поспешил им на помощь.

Кортес вернулся вовремя во главе тысячи трехсот солдат, из которых сто были всадниками. Он обнаружил, что город полностью ополчился против него. 24 Июня 1520 года н.э. На следующий день была предпринята мощная атака. Улиц и террасных крыш домов не было видно, так плотно они были покрыты нападавшими; камни летели в таком количестве, что казалось, будто идет каменный дождь; стрелы, выпущенные мексиканцами, так усеяли дворы крепости, что стало трудно передвигаться. Индейцы почти успешно попытались взобраться на стены, подставляя свои незащищенные груди, с безрассудным пренебрежением к жизни, ружейному залпу и артиллерии, чьи залпы сметали их сотнями. Их слабое оружие ранило, но почти никогда не

убивало; но к концу каждого дня Кортес обнаруживал, что его боевая мощь уменьшается из-за потери шестидесяти-восемидесяти человек. Продовольствие едва удавалось раздобыть, потому что люди отказывались от припасов. Жестокость их угнетателей до такой степени разожгла ненависть индейцев, что они были готовы пожертвовать тысячами собственных жизней, если бы дорогой жертвой они могли компенсировать смерть одного испанца. Кортесу было необходимо уйти. Однако сначала он попытается заставить нападавших подчиниться голосом их короля. Несчастный Монтесума вышел на балкон и умолял разъяренный народ прекратить сопротивление. Но заклинание утратило свою силу, и поверженный монарх был сражен и смертельно ранен градом стрел и камней. Кортес покинул город той же ночью. 1 июля 1520 года нашей эры его тайное отступление было обнаружено, и мстительные дикари застали его в ужасающе невыгодном положении. Они толпились на своих каноэ вокруг разрушенных мостов, по которым должны были пройти испанцы. В темноте отступление быстро превратилось в безнадежный и кровавый разгром. Погибло четыреста пятьдесят испанцев, большое количество их союзников-индейцев и половина лошадей. Артиллерия была полностью потеряна. Говорят, что когда Кортес узнал о произведенных разрушениях, он сел на большой камень в мексиканской деревне и горько заплакал.^[23]

Кортес удалился в Тласкалу, где его союзники, не знакомые с обычаями цивилизованной жизни, проявили непоколебимую преданность погибшему делу. Многие из его солдат стремились покинуть место своего сокрушительного поражения. Кортес решил сохранить контроль над страной, которую он завоевал. Он объединил многие штаты в великую лигу для свержения Мексики. Он отправил корабли на Эспаньола за лошадьми, людьми и оружием. Он приказал построить бригантины в Тлашкале. Через шесть месяцев после своего поражения он снова был перед Мексикой с силами почти в тысячу испанцев и ста тысячами союзников— туземцев - с всадниками, мушкетерами и флотом бригантин, чтобы контролировать озеро и подходы к городу. Однако активные операции были начаты только в мае.

Осада длилась почти три месяца. В течение многих дней Кортес постоянно прорывался в город, отступая с наступлением темноты в свои лагеря на окраинах. Он всегда устраивал ужасную резню индейцам, не щадя ни возраста, ни пола: время от времени храбрые дикари мстили, и испанцы, подняв глаза на вершину великого храма, с ужасом наблюдали, как товарищей приносили в жертву мексиканским богам. Непривычные ужасы сопровождали эту жестокую осаду. Индейские союзники Кортеса часто устраивали пиры на телах своих убитых врагов и часто поставляли материалы для такого же жуткого пиршества. Голод и болезни тяжело давили на обреченный город, но никакие страдания или опасности не подавляли героического сопротивления отчаявшихся людей. В конце концов Кортес решил разрушать прекрасный город, шаг за шагом по мере того, как он его завоевывал. Дома были снесены, а обломки выброшены в озеро. Мексиканцы отказались сдаваться; они желали только умереть. Ослабев от голода, они прекратили сражаться, и осада превратилась в не более чем безжалостную резню сопротивляющихся несчастных. 13 августа 1520 г. н.э. Наконец новый король был свергнут, и всякому сопротивлению пришел конец. Большая часть населения погибла. Озеро, дома и улицы были полны мертвых тел. Дворцы, храмы и частные жилища рухнули. Испанский историк,^[24] который присутствовал при этом и который в свое время был свидетелем многих ужасов, “не знает, как он может описать” их. Он читал ужасную историю разрушения Иерусалима, но сомневается, что ее ужасы сравнимы с теми, что сопровождали падение Мексики.

Слава об этом ошеломляющем успехе распространилась далеко по Центральной Америке. Посольства, направлявшиеся с юга издалека, искали завоевателя, чтобы снискать его расположение, предложить подчинение великому монарху, слуги которого повергли в прах власть ацтекских тиранов. За тысячу миль отсюда у Кортеса были союзники и вассалы. Еще дальше к югу находилась богатая провинция Гватемала с большими и хорошо построенными городами, родина народа, чей прогресс в искусстве цивилизованной жизни был немалым. Относительно этих людей Кортесу были переданы сообщения о том, что в последнее время они проявили по отношению к его союзникам менее сердечное расположение, чем существовало до сих пор. С момента завоевания Мексики прошло уже три года, и Кортес и его сторонники были готовы к новым начинаниям. Экспедиция, состоявшая из двухсот восьмидесяти человек, с четырьмя пушками, с “большим количеством боеприпасов и пороха”, была отправлена под командованием Педро де Альварадо, чтобы удостовериться в правдивости тех заявлений, которые были доложены Кортесу. Декабрь 1523 года н.э. Альварадо, доблестный, но безжалостный воин, пробился в плодородные долины Гватемалы. Он участвовал во многих битвах против великих местных армий и учинил огромную резню, сам почти невредимый. Он убил короля; он разрушал города; он собрал вместе вождей определенной провинции, “и поскольку это было для блага и умиротворения этой страны, он сжег их”. Люди были отданы в рабство испанцам, которые возжелали их. Занятый этими ужасными приготовлениями, набожный Альварадо не преминул умолять Кортеса назначить торжественную процессию мексиканского духовенства, чтобы Пресвятая Богородица могла даровать ему Небесную помощь в борьбе с насущными опасностями его предприятия. Под таким покровительством Гватемала стала испанским владением.

Среди последователей Васко Нуньеса был испанский воин средних лет, медлительный, молчаливый, но одаренный ужасающим упорством в достижении своих целей. Его звали Франсиско Писарро. Вероятно, он слышал, как молодой индеец рассказывал о богатствах Перу.^[25] Он был рядом с Васко Нуньесом, когда этот нетерпеливый первооткрыватель вошел вброд в воды Тихого океана. Чуть позже он арестовал своего начальника и привел его к насильственной смерти. Он принимал участие в экспедиции, в ходе которой испанцы, преследуемые превосходящими силами, зарезали своих пленников при отступлении и оставили их умирать по дороге, чтобы помешать преследованию. Он был совершенно необразован и не мог даже поставить свою подпись. В то время он жил недалеко от Панамы, на определенных землях, которые он получил вместе с обычным наделом индийских рабочих. Здесь он занялся скотоводством, и его труды и доходы делились с двумя партнерами — Альмагро, сыном рабочего, и Де Люком, школьным учителем. Партнеры процветали в своей отрасли, и казалось вероятным, что они будут жить в безвестности и умрут богатыми сельскими джентльменами. Но Писарро никогда не переставал размышлять над услышанными им десять лет назад заверениями в том, что на юге есть регионы, богатство которых превосходит все, что когда-либо открывали испанцы. Он хотел найти более короткий путь к величию, чем животноводство, и смог вдохновить своих коллег на те же амбиции. Масштабы совместного предприятия странным образом расширились. Разведение крупного рогатого скота было прекращено, и был заключен официальный контракт на открытие и завоевание Перу. Писарро должен был руководить предприятием; Альмагро должен был доставить ему подкрепление и необходимые припасы; Де Люк должен был обеспечить финансирование. Прибыль, полученную в результате их усилий, должны были разделить поровну. В Панаме их высмеивали как

сумасшедших, но мужества и упорства Писарро было достаточно, чтобы увенчать ужасающим успехом цели, которые по своему происхождению казались совершенно иррациональными.

Ноябрь 1524 г. н.э. Ранняя история экспедиции была катастрофической. Писарро отплыл из Панамы, начав свою завоевательную карьеру, в сопровождении восьмидесяти человек и четырех лошадей. Он крался вдоль побережья, время от времени высаживаясь, но находил только суровую и бесплодную местность. Его последователи умерли от голода. Индейцы атаковали их отравленными стрелами и некоторых убили. Леса были непроходимо густыми, климат нездоровым. Альмагро привел небольшое подкрепление, но работа стала невыносимой, и люди, пав духом, вернулись в Панаму. Писарро, имея всего четырнадцать последователей, искал убежища на необитаемом острове, “который те, кто видел его, сравнивают с адскими областями”. Здесь они провели три ужасных месяца, питаясь моллюсками и тем, что еще мог обнаружить обостренный голодный глаз. 1527 год н.э. Подкрепившись припасами, которые Альмагро смог прислать, они снова двинулись на юг вдоль побережья. И вот они нашли регион, о котором так долго мечтали. Они высадились в северной части Перу. Золото было повсюду. Они нашли храм, стены которого были облицованы золотыми пластинами; дворец, где каждый сосуд для использования или украшения был сделан из золота. Люди были добры и приняли их гостеприимно. Но с Писарро было не более четырнадцати человек — сила, совершенно недостаточная для завоевательных целей. В 1528 году нашей эры он вернулся в Панаму, а оттуда в Испанию, поведав королю захватывающую историю о своем чудесном открытии. Король предоставил удачливому авантюристу широкие права управления; и поскольку испанское правительство неуклонно преследовало цель обращения туземцев, епископство на новооткрытой территории было передано его партнеру Де Луке. Но Писарро не добился для Альмагро почестей или преимуществ — упущение, которое повлекло за собой долгую серию разрушительных распрей среди завоевателей.

Декабрь 1530 г. н.э. Писарро снова отправился завоевывать великое королевство, правителем которого он теперь утверждал, что является. Его силы состояли из ста восьмидесяти трех человек и тридцати семи лошадей. Он счел необходимым дождаться дополнительных сил; и он расположился лагерем в нездоровой местности, где его люди серьезно пострадали. Наконец к нему присоединилось подкрепление в пятьдесят шесть человек, половина из которых была верхом. Он потерпел семимесячную задержку, но время было потрачено не зря. Пока он ждал, перуанцы облегчили его задачу гражданской войной, в которой погибло множество людей. Чтобы обеспечить отступление в случае катастрофы, Писарро решил основать город. Он выбрал удобное место и возвел несколько прочных зданий, среди которых были церковь, здание суда и крепость. Он оставил пятьдесят человек для охраны своего поселения, которому дал название Сан-Мигель, в знак признания заслуг, оказанных ему этим святым в недавнем сражении. Он разделил соседние земли между своими гражданами и выделил каждому определенное количество индейцев — договоренность, которая, как его заверили, была не просто необходима для комфорта поселенцев, но и “послужила бы делу религии и в значительной степени способствовала духовному благополучию” дикарей, обеспеченных таким образом.

И вот его нехитрые приготовления были завершены. Он узнал, что на расстоянии двенадцати дней пути на восток, за огромным горным барьером Кордильер, перуанский монарх расположился лагерем с мощной армией, окрыленный победой в только что завершившейся гражданской войне. Идти со ста восьмьюдесятью людьми против врага численностью в пятьдесят тысяч человек казалось дикой авантюрой. Но Писарро знал, чего добился Кортес

средствами, явно недостаточными; он верил в хорошо зарекомендовавшую себя храбрость своих людей, огромное превосходство их вооружения и благосклонность святых. Он поставил себя туда, где колебания должны были привести к неизбежному краху. Но в твердой цели решительного, цепкого Писарро не было колебаний. Он твердо решил встретиться с победоносным инкой. 24 сентября 1532 года нашей эры Он вышел из ворот своего маленького городка на восток, к горам и неизвестным опасностям, которые лежали за ними.

В течение нескольких дней испанцы шли по плодородным равнинам, лежавшим между горами и морем. Их продвижение было легким и приятным, и они миновали несколько хорошо построенных и, по-видимому, процветающих городов, жители которых гостеприимно удовлетворяли их потребности. Наконец огромные высоты Анд отбросили свои тени на маленькую армию, и трудное восхождение началось. Тропа была такой крутой, что кавалеристы спешили и с трудом вели своих лошадей вверх; такой узкой, что там едва хватало места для ходьбы лошади; во многих местах она нависала над пропастями глубиной в тысячи футов, в которые люди и лошади со страхом заглядывали. Когда они поднялись, роскошная тропическая растительность осталась позади, и они миновали унылые леса из чахлых сосен. Люди и лошади, давно привыкшие к знойной температуре равнин, остро ощущали пронизывающий холод. Но вершина была благополучно достигнута, и начался спуск по восточному склону. Пока они спускались по тропинке, каждая ступенька открывала какую-нибудь новую сцену величия или красоты.

На седьмой день голодные глаза искателей приключений устремились вниз, на плодородную долину. Широкий ручей протекал по его хорошо возделанным лугам; белые стены маленького городка сверкали в лучах вечернего солнца; насколько хватало взгляда, по склонам окружающих холмов тянулись палатки, в которых укрывалась перуанская армия. Испанцы достигли своей цели. Они достигли города Кассамарка и оказались почти в присутствии инки Атауальпы, которого они пришли подчинить и уничтожить. В самом отважном сердце этого маленького отряда на мгновение воцарились “смятение и даже страх”. Но отступление теперь было невозможно. Писарро построил своих людей в боевой порядок и с невозмутимым видом зашагал к городу.

15 Ноября 1532 г. н.э. Инка знал о приезде своих гостей и сделал некоторые приготовления к их приему. Им были отведены помещения в ряде зданий, выходивших окнами на обширную площадь. Когда они прибыли, был уже вечер; но Писарро, не теряя времени, послал одного из своих братьев с Фернандо де Сото и небольшим отрядом всадников навестить инку и выяснить его расположение. Послы были допущены к королевскому присутствию и проинформированы, что на следующее утро монарх со своими вождями посетит Писарро. Возвращаясь в свои квартиры, солдаты мрачно думали о превосходящих силах, в присутствие которых они опрометчиво вступили. Их товарищи разделяли дурное предчувствие, вызванное посещением перуанского лагеря. Когда наступила ночь, они почти безнадежно смотрели на сторожевые костры перуанцев, которые казались им “многочисленными, как звезды на небе”.

К счастью для отчаявшихся воинов, храбрость их вождя не была поколеблена опасностями, которые его окружали. Писарро не скрывал от себя опасности, в которой он находился. Он ясно видел, что гибель неминуема. Но он видел также, что проявив отчаянную смелость, он может не только спасти свою армию от уничтожения, но и стать хозяином королевства. Он схватит инку в присутствии своей армии. Оказавшись во владении священной персоны, он мог выдвинуть

свои собственные условия. Он мог дожидаться подкрепления, которое, несомненно, принесет его успех; в худшем случае, он мог бы купить безопасное отступление к побережью. Он сообщил солдатам о своей цели и пробудил их слабеющее мужество заверениями в божественном благоволении и защите.

16 ноября 1532 г. н.э. На рассвете следующего утра Писарро начал свои приготовления. В залах, которые образовывали первый этаж зданий рядом с большой площадью, он расположил своих всадников и пехотинцев. Два его артиллерийских орудия были установлены в крепости, которая смотрела вниз на площадь. Оружие мужчин было тщательно осмотрено, и вождь лично убедился, что мечи остры, а аркебузы заряжены. Затем была отслужена месса, и люди, готовые совершить одно из самых гнусных преступлений в истории, благоговейно присоединились к скандированию: “Восстань, о Господь, и рассуди сам свое дело”. Около полудня часовой в крепости доложил, что инка выступил из своего лагеря. Самого его, восседающего на массивном золотом троне, несли на плечах его главные вельможи; перед ним двигалась толпа слуг, в обязанности которых входило сметать всякую нечистоту с пути, который вот-вот почтит своим появлением королевская особа; по обе стороны дороги собрались его солдаты, чтобы охранять своего короля. На небольшом расстоянии от города Атауальпа остановился, по-видимому, сомневаясь относительно меры, которую он принял, и послал сообщение Писарро, что отложит свой визит до завтра. Писарро боялся дольше держать своих солдат в том напряжении, которое навлекла на них приближающаяся опасность. Он послал умолять инку возобновить свое путешествие, и инка выполнил его вероломную просьбу.

На закате процессия достигла ворот площади. Слуги, расступившись, открыли аллею, по которой пронесли монарха. Вслед за ним на площадь хлынуло множество перуанцев всех рангов, пока не собралось пять или шесть тысяч человек. Ни одного испанца еще не было видно, ибо Писарро, очевидно, избегал смотреть в лицо человеку, которого он предал. Наконец его капеллан выступил вперед и начал объяснять изумленному монарху основные доктрины христианской религии. По мере того, как он излагал, было замечено, что перуанские войска приближаются к городу. Писарро поспешил нанести заранее подготовленный удар. Из крепости раздался пушечный выстрел. По этому условленному сигналу испанцы выскочили из своих укрытий. Мушкетеры пустили в ход свое смертоносное оружие. Кавалерия яростно прищпоривала безоружную толпу. Высоко над головой сверкнули мечи безжалостных нападавших. Земля быстро покрылась трупами, и даже бегство было невозможно до тех пор, пока часть стены, ограничивавшей площадь, не поддалась под напором толпы и позволила многим выбраться на открытую местность. Вокруг инки бушевала жестокая битва — такая битва, какая только возможна между вооруженными, закованными в сталь людьми и безоружными, подставляющими свою незащитную грудь стали убийцы в тщетной надежде, что таким образом они смогут купить безопасность своего господина. Носильщики Инки были повержены, а сам он взят в плен и немедленно взят под охрану. Кавалерия, дав полный простор свирепым страстям, которые вызвала битва, погналась за беглецами далеко за пределы города. Перуанская армия, охваченная паникой из-за этих ужасающих обстоятельств, сломалась и обратилась в бегство. Менее часа назад Атауальпа был великим монархом, чье желание было законом нации; обладателем огромных сокровищ; командующим могущественной армией. Теперь его трон был свергнут; его армия исчезла; сам он был пленником в руках чужеземцев, относительно которых он знал только, что их сила непреодолима, а сердца свирепы и безжалостны.

Падший монарх, видя ненасытную жадность к золоту, вдохновлявшую его похитителей, попытался вернуть себе свободу с помощью предложений, масштабы которых привели испанцев в замешательство. Он предложил заполнить золотом, высотой до девяти футов, комнату, площадь которой составляла семнадцать футов в ширину и двадцать два фута в длину. Комната меньших размеров должна была быть вдвое заполнена серебром; и он попросил всего два месяца, чтобы собрать этот огромный выкуп. Предложение было принято, и инка разослал гонцов во все свои города, приказав снять с храмов и дворцов все их украшения. Через несколько недель в Кассамарку начали прибывать индейские носильщики, до отказа нагруженные серебром и золотом. День за днем они прибывали, неся большие золотые сосуды, которыми пользовались во дворцах; большие золотые пластины, которыми украшали стены и крыши храмов; золотые короны, ошейники и браслеты, от которых отказались вожди в надежде, что они обеспечат свободу своему господину. Наконец комната была заполнена до красной линии, которую Писарро нарисовал на стене в качестве свидетельства этой необычной сделки. Когда было признано, что инка полностью выполнил свое условие,^[26] Писарро совершил Акт в присутствии нотариуса и провозгласил его под звуки трубы на большой площади Кассамарки. Этим документом он удостоверил, что инка заплатил оговоренный выкуп и, следовательно, теперь освобожден. Но на самом деле он не освободил плененного монарха. Напротив, он сообщил ему, что до тех пор, пока не прибудет большее число испанцев, чтобы удержать страну, для службы королю Испании необходимо, чтобы Атауальпа оставался пленником.

Тем временем в лагере распространились слухи о том, что Атауальпа приказал поднять большое восстание своего народа, чтобы уничтожить захватчиков. К испанцам недавно присоединился Альмагро со значительным подкреплением; но все же их было не более четырехсот человек, и они обладали сокровищами, которые внушали им опасения, которых не испытывал авантюрист без гроша в кармане. Утверждалось, что огромная армия собирается всего в ста милях отсюда; наконец сообщалось, что воображаемые силы находятся в пределах десяти миль. Поднялся крик о том, что инка должен предстать перед судом за свои предательские действия. Был сформирован суд с Писарро и Альмагро в качестве председательствующих судей; были назначены адвокаты для судебного преследования и защиты; были выдвинуты обвинения,^[27] и несчастный Инка был помещен в коллегия адвокатов. Собранные доказательства поступили в суд по сомнительным каналам индийского переводчика, который, как считалось, добивался уничтожения заключенного. Судьи занялись обсуждением не вины обвиняемого, а результатов, к которым можно было ожидать от его казни. Их приговором была смерть через сожжение, как и подобало идолопоклоннику. 29 августа 1533 г. н.э. Вся армия заявила о своем голосе при принятии великого решения. Некоторые осудили ход разбирательства и настаивали на том, что инку следует отправить в Испанию, чтобы он дождался соизволения короля. Но голоса большинства подтвердили приговор суда, и Атауальпе было намекнуто, что он должен готовиться к немедленной смерти. Павший монарх на мгновение утратил обычное спокойствие, с которым индейский воин привык встречать смерть. Со слезами на глазах он умолял Писарро пощадить его. Даже суровый завоеватель был тронут столь глубокими страданиями; но он был бессилен изменить судьбу, о которой говорила его армия. Через два часа после захода солнца Атауальпу вывели вперед в цепях по рукам и ногам. Огромная площадь была освещена факелами, и испанские солдаты собрались вокруг заключительной сцены среди разрушений, которые они устроили. Инка был привязан к столбу, и грубые руки высоко наваливали вокруг него хворост. Монах, который обучал его христианскому учению, умолял его принять веру, обещая в этом случае снисходительную смерть от веревки вместо пламени. Атауальпа принял

предложенную милость и отрекся от своего идолопоклонства. Он был немедленно крещен под именем Хуан, в честь Иоанна Крестителя, в день которого произошло это обращение. Из последних сил он умолял Писарро сжалиться над его маленькими детьми. Пока он говорил, тетива арбалета была натянута у него на шее, и под бормотание суровых солдат “credo” за упокой его души последний из инков подчинился смерти в ее самой позорной форме. На следующее утро они похоронили его по-христиански в маленькой деревянной церкви, которую уже построили в Кассамарке. Его знатные вельможи, как нас уверяют, “получили большое удовлетворение” от чести, оказанной таким образом их несчастному принцу.[28]

Сентябрь 1533 г. н.э. Почти сразу после этих событий Писарро двинулся на юг и легко овладел столицей Перу — “великим и священным городом Куско”. Хотя столица рассталась с большей частью своих сокровищ, повинаясь требованию плененного монарха, там все еще оставалась огромная добыча для обогащения грабителей. Особенно упоминаются десять или двенадцать женских статуй в натуральную величину, полностью выполненных из чистого золота, “красивых и хорошо сложенных, как если бы они были живыми”. Испанцы присвоили себе это и многое другое. Великий Храм Солнца был быстро разграблен, ибо благочестие завоевателей вступило в сговор с их алчностью, чтобы ускорить падение идолопоклоннических сооружений. В этом храме забальзамированные тела бывших инков, богато украшенные, восседали на золотых тронах рядом с золотым изображением Солнца. Почитаемые мумии были теперь раздеты и отброшены в сторону. Изображение Солнца стало призом простого солдата, который быстро проиграл его в азартные игры. Писарро заявил права на землю как для Церкви, так и для короля. Он разрушал храмы; он низвергал идолов; он установил кресты на всех дорогах; он воздвиг христианское место поклонения в Куско.

Куско был достойной столицей великой империи. Он был обширен, и его население, по разным оценкам, составляло от двухсот до четырехсот тысяч человек. Улицы регулярно пересекались под прямым углом; дома были построены в основном из камня, со светлыми соломенными крышами. Многочисленные дворцы[29] были огромных размеров и превосходили по великолепию все, что завоеватели видели в Европе. Могучая крепость, построенная на высокой скале, смотрела вниз на город. Она была сложена из огромных каменных блоков, подогнанных с такой тщательностью, что место соединения невозможно было обнаружить. Два ручья, спускающихся с гор, протекали через город по каналам, выложенным каменной кладкой. Этот благородный город был гордостью всех перуанцев. Для них это было все то же, чем Иерусалим был для древних евреев или Рим для римлян.

Местные жители не оказали существенного сопротивления вторжению завоевателей. Огромные толпы людей собрались из соседней страны. Они с удивлением и благоговением смотрели на ужасных чужеземцев, убивших их монарха, которые теперь непринужденно маршировали по стране, заявляя, что у них есть все, что они пожелают. Они слышали тяжелый топот боевого коня и странные волнующие звуки трубы. Они увидели таинственное оружие, перед разрушительной мощностью которого пало так много их соотечественников, и сверкающую кольчугу, под прикрытием которой испанец мог безопасно убить незащитного индейца. Вполне возможно, что они считали свирепых бородатых воинов существами сверхъестественной силы и сверхъестественной злобности.

Но пришло время, когда они больше не могли терпеть безмерные обиды, обрушившиеся на них; когда они были вынуждены броситься на закованное в доспехи войско своих победителей и

погибнуть под их ударами, если не смогут уничтожить их. Ни один вред, который человек мог нанести своим собратьям, не был упущен из их горького опыта. Их Царь был предан и позорно убит; их храмы были осквернены и разграблены; их имущество было конфисковано или уничтожено; их домашние отношения были опозорены; они сами были подвергнуты принудительной службе, к которой так безжалостно принуждали, что многие из них умерли от непривычного тяжелого труда. Теперь они должны были сделать одно величайшее усилие, чтобы сбросить это угнетение, которое уже зашло далеко и разрушило жизнь их нации.

Января 1535 года н.э. Писарро, возведенный в сан маркиза— удалился на побережье, где занялся основанием и украшением города Лима. Его брат Фернандо — храбрый и умелый капитан — был оставлен во главе Куско. Опасности никто не опасался, и гарнизон Куско насчитывал не более двухсот испанцев и тысячи туземных вспомогательных войск. В то время как испанцы наслаждались своим царственным покоем в великолепных дворцах павшей монархии, перуанские вожди организовали грандиозное восстание. Из всех провинций империи толпы вооруженных туземцев собрались вокруг Куско и заняли позиции на холмах, где они были в безопасности от нападения испанских всадников. Многие из них были вооружены копьями или топорами из меди, закаленными так, что они были едва ли менее эффективны, чем стальные. Каждый человек во всех этих темных рядах был готов потратить свою жизнь на то, чтобы спасти священный город от этого отвратительного вторжения. Февраль 1536 г. н.э. Они подожгли город; они ворвались на улицы и сражались врукопашную с испанцами, отчаянно игнорируя неравенство в вооружении. Они падали убитыми тысячами; но за шесть дней боев они овладели крепостью и почти всем городом, который пощадило пламя. Испанцы удерживали только большую площадь и несколько окрестных домов. Некоторые пришли в отчаяние и начали настаивать на том, чтобы они сели на коней и поскакали к побережью, пробиваясь сквозь ряды осаждающих. Но мужественное сердце Фернандо Писарро не дрогнуло перед лицом огромной опасности. В его сознании, сказал он им, не было и не могло быть никакого страха. Если бы его оставили в покое, он бы защищал город до самой смерти, а не говорил, что кто-то другой захватил город, а он его потерял. Испанец того времени был непревзойденным по храбрости, и его дух поднялся до высшей точки отваги в ответ на призыв лидера, которому доверяли. Солдаты отбросили всякую мысль о бегстве и занялись взятием великой крепости. Эта сильная позиция подверглась яростной атаке и защищалась с напрасным героизмом. Было убито много испанцев, среди которых был Хуан, один из братьев Писарро, чьей незащищенной голове большой камень нанес смертельную рану. Резня индейцев была очень велика. В конце концов, у них иссякли боеприпасы — камни, дротики и стрелы, с помощью которых они поддерживали оборону, были израсходованы. Их предводитель вызывал восхищение испанцев своим героическим поведением на протяжении всего боя. Когда он нанес свой последний удар за свою разоренную страну, он швырнул свою дубинку в сторону осаждающих и, бросившись вниз с высоты зубчатой стены, погиб при падении. “Ни об одном римляnine не написано о таком деянии, какое совершил он”, - говорит испанский хронист. Май 1536 г. н.э. Теперь оборона прекратилась; испанцы ворвались в крепость и безжалостно перебили полторы тысячи человек, которых они там нашли.

Еще несколько недель индейцы блокировали Куско, и испанцы время от времени испытывали трудности с припасами; но всегда во время новолуния индейцы отступали для совершения определенных религиозных церемоний, и испанцы могли тогда пополнить свои истощенные

закрома. Осада затягивалась и, наконец, прекратилась, но только после того, как испанцы некоторое время практиковали жестокую меру - предавали смерти каждую индианку, которую они захватывали.

Но теперь несчастье в новой форме обрушилось на эту несчастную страну. Ожесточенные раздоры возникли и среди самих завоевателей. Писарро добился более высоких почестей и большей добычи, чем выпало на долю его партнера Альмагро, и не похоже, что он был скрупулезен в выполнении контракта, условиями которого была установлена равная доля добычи. Альмагро появился на сцене с подавляющей силой, чтобы отстоять свои собственные права. В течение десяти или двенадцати лет с этого времени история Перу представляет нам страну, неуправляемую и пребывающую в смятении; коренное население, обращенное в рабство и истощающееся под гнетом безжалостных надсмотрщиков; ожесточенные войны между завоевателями, опустошающие землю. 1537 Год н.э. Спокойствие не было восстановлено до тех пор, пока не погибла значительная часть коренного населения и пока все вожди этого чудесного завоевания не умерли такой же жалкой смертью, как и уничтоженные ими индейцы. Альмагро вошел в Куско и взял в плен двух братьев Фернандо и Гонсало Писарро; которых, однако, вскоре освободил. В 1538 году н.э. Он, в свою очередь, попал в руки Фернандо, по приказу которого был предан суду трибунала, созданного по этому случаю в Куско. Он был приговорен к смерти; частично за его "печально известные преступления"; частично потому, что, по мнению совета, его смерть "предотвратила бы множество других смертей". В тот же день старик, немощный, дряхлый, жалобно просивший о пощаде, был задушен в тюрьме, а затем обезглавлен. Сразу же после этого Фернандо Писарро отплыл в Испанию, где его враги добились расположения короля. Фернандо был заключен в тюрьму и не выходил на свободу в течение двадцати трех лет, пока его долгая столетняя жизнь не подошла к концу. 1541 год н.э. Через три года после смерти Альмагро маркиз Писарро, ныне семидесятилетний мужчина, был атакован в своем собственном доме в Лиме и убит бандой солдат, недовольных выпавшей на их долю добычей. Завершение этой замечательной карьеры странно контрастировало с ее блестящим ходом. После стойкой защиты от превосходящих сил смертельная рана в горле повергла храброго старика ниц. Он попросил позвать духовника и получил в ответ удар по лицу. Своим пальцем он очертил фигуру креста на земле и прижался умирающими губами к священному символу. Так ушел из жизни суровый завоеватель и разрушитель перуанской нации. 1548 г. н.э. Через несколько лет после убийства маркиза его брат Гонсало был обезглавлен за сопротивление власти Испании; и он умер таким бедным, как он сам заявил на эшафоте, что даже одежда, которая была на нем, принадлежала палачу, который должен был отрубить ему голову. Товарищество, созданное в Панаме четверть века назад, принесло богатство и славу, но оно привело тех, кто был в нем главным образом заинтересован, к нищете и позорной смерти.

Из Перу волна испанских завоеваний потекла на юг, к Чили. Была исследована река Плейт; был основан Буэнос-Айрес; и было открыто сообщение от Атлантики до Тихого океана. Через сорок лет после высадки Колумба окраины континента, граничащие с морем, были покорены, и был достигнут определенный прогресс в изучении внутренних районов. К испанским владениям были присоединены обширные области, береговая линия которых на западе простиралась от Мексики на юг на расстояние шести тысяч миль, — области, равные по длине всей Африке и значительно превосходящие по ширине всю Российскую империю. Теперь следует показать, насколько плохо была подготовлена Испания к этому внезапному и огромному увеличению

своих обязанностей — насколько велико было зло, которое ее владение новым континентом причинило человечеству.

ГЛАВА II. ИНДЕЙЦЫ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ.

Коренное население, с которым испанцы вступили в контакт, сильно отличалось по уровню цивилизации, которого они достигли, от индейцев Северного континента. Первые колонисты Виргинии, Массачусетса и долины Святого Лаврентия обнаружили, что земля принадлежит свирепым племенам, совершенно не знакомым с искусствами цивилизованной жизни. Дикари севера почти полностью обеспечивали себя охотой, относясь к земледелию с презрением; их жилища представляли собой жалкие хижины; их одеждой служили шкуры зверей, которых они убивали; у них не было определенного места жительства, и они бродили туда-сюда по лесу, надеясь на успех в охоте. Они не оставили никаких следов своего присутствия на земле, которую населяли, — ни вырубленного леса, ни возделанного поля, ни фрагмента здания. Они все еще были дикарями и униженными почти до такой крайней степени, какой, как известно, когда-либо достигало человечество.

Жители островов, где впервые высадился Колумб, были наименее цивилизованной из южных рас. Но благоприятные климатические условия, в которых они жили, и изобилие, которым окружала их природа, казалось, смягчили их характер и сделали их мягкими, безобидными и добрыми. Они были почти не одеты, но жили в хорошо построенных деревнях и возделывали землю. Их потребности были невелики; и поскольку стихийная щедрость природы по большей части удовлетворяла их, они проводили свои дни в простой, безвредной лени. Земля среди них была “так же распространена, как солнце и вода”. Они охотно и без надежды на вознаграждение отдавали все, что хотели получить приезжие. Довольному глазу Колумба казалось, что они “живут в золотом мире без тяжелого труда; живут в открытых садах, не огороженных дамбами, не разделенных живой изгородью и не защищенных стенами”.

Уроженцы Центральной Америки отличались более свирепым характером и были более привычны к войне, чем жители островов. Они также достигли больших успехов в искусстве, и золотые украшения, которые испанцы получали от них, свидетельствовали о значительном мастерстве в обработке драгоценных металлов. Они носили плащи из хлопчатобумажной ткани и, следовательно, должны были владеть искусством прядения и ткачества. Их достижения в архитектуре и скульптуре до сих пор вызывают восхищение у антикваров. Тут и там, почти непроницаемо окутанные буйной лесной растительностью, были обнаружены разрушенные

города, некогда имевшие огромные размеры. Эти города, должно быть, были защищены огромными стенами — высокими, массивными, искусно построенными. В них были храмы, тщательно оштукатуренные и раскрашенные, а также многочисленные алтари и изображения, чьи богатые скульптуры до сих пор свидетельствуют о мастерстве варварского художника.

Однако именно в древних монархиях Мексики и Перу американская цивилизация достигла своего наивысшего развития. Мексиканский народ жил при деспотическом правительстве; но его права обеспечивались градацией судов, при этом судьи назначались короной или, в определенных случаях, избирались самим народом и занимали свои должности пожизненно. Показания давались под присягой, и судебные заседания регулярно протоколировались. Судья, который брал взятки, был приговорен к смертной казни. Церемония бракосочетания была окружена религиозными санкциями, и развод был разрешен только как результат тщательного расследования судом, созданным для этого особого дела. Рабство существовало; но оно не передавалось по наследству, и все мексиканцы рождались свободными. Налогообложение взималось по фиксированным ставкам, и регулярные счета велись офицером, назначенным на эту службу. Мексиканцы достигли немалого прогресса в производстве. Они ткали хлопчатобумажные ткани чрезвычайно тонкой текстуры и украшали их изумительной красоты вышивкой из перьев. Они производили бумагу из листьев мексиканского алоэ; они добывали сахар из стеблей индийской кукурузы. Они изготавливали и красиво украшали сосуды из золота и серебра; они в изобилии производили сосуды из хрусталя и фаянса для домашнего использования. Они не научились пользоваться железом, но они знали, как закалять медь сплавом олова, пока она не станет пригодной как для оружия, так и для механических инструментов. Сельское хозяйство было их самым почетным занятием, и им занималось все население, за исключением дворян и солдат. Оно проводилось с разумным мастерством — практиковалось орошение, земля оставалась под паром для восстановления ее истощенной энергии; были приняты законы, предотвращающие уничтожение лесов. Лучший класс жилья в городах представлял собой хорошо построенные дома из камня и извести; улицы были прочно вымощены; общественный порядок поддерживался эффективной полицией. Европа была в долгу перед мексиканцами за их знания о насекомом кошениль, чей насыщенный малиновый цвет широко использовался для окрашивания тонких хлопчатобумажных тканей. Мексиканцы не знали алфавита, пока его не принесли испанцы; но они с большим искусством применяли хитроумную систему иероглифической живописи, которая довольно хорошо служила им для передачи интеллекта. Монтесума узнал о приходе испанцев по картинам, изображавшим их корабли, лошадей и доспехи.

Несмотря на промышленный прогресс этого замечательного народа, их социальное положение в некоторых отношениях было невыразимо деградированным. У них был обычай приносить своим богам множество человеческих жертвоприношений. Их самым сильным мотивом, побуждавшим их идти на войну, было заполучить для этой цели пленных; а о доблести воина судили по количеству жертв, которые он добыл и принес жрецу, приносящему жертву. Богатые мексиканцы привыкли устраивать банкеты, на которых они стремились добиться общественного признания благодаря проявленному кулинарному мастерству и большому разнообразию представленных деликатесов. Одним из блюд, на приготовление которого повар приложил все свои силы, было мясо раба, зарезанного специально для этого случая.^[30] Цивилизации мексиканцев фатальным образом препятствовала их религия. Духовенство было многочисленным и обладало большой властью. Люди считали голос священника голосом божества, которому он служил, и жили под властью кровавого и унижительного суеверия. Здесь,

как и везде, религия, которая по своему происхождению была всего лишь отражением добра и зла, существующих в характере людей, наложила божественную санкцию на их заблуждения и таким образом сделала прогресс невозможным.

В течение двух или трех столетий до своего падения Перу постоянно распространяла свое господство на своих менее цивилизованных соседей. Ее верховенство было широко признано, и многие окрестные племена были убеждены мирно принять преимущества, которые давало ее сильное и мягкое правительство. Ее мудрой политикой было предоставить своим новым подданным, независимо от того, были ли они получены путем переговоров или силой, равные привилегии с остальными людьми, и предоставить стимулы, которые быстро привели к принятию ее собственной религии и языка. С помощью подобных мер империя укреплялась одновременно с расширением, и ее спокойствие редко омрачалось внутренним недовольством. Когда перуанская империя получила внезапный смертельный удар от испанских завоевателей, она делала ту полезную работу, которую Англия проделала в Индии, а Россия в Центральной Азии - покоряла дикие народы, чьи территории лежали вокруг, и передавала им блага цивилизации, более высокой, чем их собственная.

Перу управлялось в соответствии с принципами коммунизма. Часть земли была отведена Солнцу — национальному божеству, — а доходы от нее были потрачены на содержание храмов и жречества. Вторая часть принадлежала Инке — ребенку и представителю Солнца. Остаток ежегодно делился между людьми. Все делилось поровну. Когда молодой человек женился, он получал фиксированную прибавку; когда у него рождались дети, ему предоставлялась дополнительная прибавка. Он не мог продать свою землю или купить землю своего соседа; он не мог улучшить свое состояние и разбогатеть. Но он также не мог страдать от нужды, потому что правительство обеспечивало его поддержку, если он не мог обеспечить ее сам, а бедность была ему неизвестна. Точно так же невозможно было бездельничать, поскольку правительство принуждало к проявлению трудолюбивых привычек.

Сельское хозяйство было национальным занятием. Чтобы проиллюстрировать его достоинство, инка имел обыкновение по большим общественным поводам прикладывать свою божественную руку к плугу и являть себя своему народу в процессе переворачивания плодородного дерна. Перуанцы были знакомы с полезными свойствами гуано, которое горами складывалось на островах, расположенных вдоль их побережья, и тщательно охраняли строгими законами морскую птицу, которой они были обязаны драгоценными запасами. Между морем и горами простиралось ровное пространство, на котором никогда не выпадал дождь. Сложная система орошения придала этому в остальном бесплодному региону высокое плодородие. В горах цельная скала была вырублена в виде террас и покрыта почвой, с трудом поднятой снизу. В долинах процветали тропические бананы и маниока. На нижних хребтах гор росла кукуруза. На большей высоте появились американское алоэ, растение табака, и кока, любимый наркотик индейцев. Еще выше по склону горы европейцы впервые увидели картофель, который в то время широко культивировался в Перу, и которому было суждено в более позднее время приобрести огромное социальное и даже политическое значение в Старом Свете.

Общественные работы Перу являются ярким свидетельством трудолюбия народа и просвещенных взглядов его правителей. Две большие дороги пересекали страну с севера на юг. Один из них, длина которого оценивается в полторы тысячи миль, поднимался в горы и

проходил вдоль плато на высоте иногда двенадцати тысяч футов; другой шел параллельно равнине, окаймленной морем. Строительство верхней дороги неизбежно было работой огромной сложности. Обширные ущелья должны были быть заполнены прочной каменной кладкой; высокие массивы скал должны были быть прорезаны галереями или преодолеваться длинной чередой ступеней; мосты, сделанные из ивняка, скрученного в огромные канаты, должны были быть перекинuty через реки. Проезжая часть была выложена массивной брусчаткой и бетоном; и хотя по ней не проезжало ни одно колесное транспортное средство или вьючное животное, кроме ламы, испанцы с благодарным удивлением отмечали ее идеальную гладкость. В Европе не было дороги, которая была бы так хорошо построена и так ухожена. Со времен завоевания он пришел в упадок; но кое-где, где горные потоки вымыли почву снизу, все еще можно увидеть массивные фрагменты этого древнего сооружения, висящие в воздухе, настолько прочными были использованные материалы, настолько нерушимой была созданная конструкция.

Перуанцы приобрели немалые навыки в текстильном производстве. На знойных равнинах в изобилии произрастал хлопок. От перуанских овец были получены большие запасы шерсти исключительной тонкости. Две их разновидности — лама и альпака — были одомашнены и тщательно охранялись правительственными чиновниками. Две другие разновидности дико бродили по горам. Но раз в год по королевскому приказу устраивалась большая охота; странников ловили и стригли, а добытую таким образом шерсть относили в королевскую кладовую. Оттуда его раздавали людям, чтобы они соткали из него одежду для себя и для инки. Красота тканей, которые были произведены, вызвала восхищение испанцев, поскольку значительно превосходила лучшие изделия европейских ткацких станков.

Сыновья знатных людей обучались простым знаниям в сельской местности в семинариях, созданных для этой цели; за пределы узкого круга аристократии образование не выходило. Некоторым из этих молодых людей предстояло стать священниками, и их обучали сложным ритуалам национальной религии. Некоторым предстояло иметь дело с управлением государственными делами, и от них требовалось ознакомиться с законами. Многие из них стали подчиненными правительственными чиновниками, ведающими доходами; регистрирующими рождения и смерти — поскольку система регистрации перуанцев была кропотливой и точной; учитывающими полученные и выданные запасы в королевских журналах. Они были обучены перуанскому методу ведения записей — с помощью узлов, завязанных на связке нитей разных цветов. Образование знати не распространялось дальше, поскольку было известно немного; а поскольку перуанский интеллект был лишен энергии и способности к зарождению, границы знаний не расширялись. Массы людей жили в довольном невежестве; довольные правительством, которое направляло все их действия и удовлетворяло все их потребности; наслаждаясь полнотой комфорта, которой редко пользовалось какое-либо население; без амбиций, без прогресса, но также и без ропота; полностью удовлетворенные положением, в котором они родились и в котором жили; не испытывая ни взлетов, ни падений от поколения к поколению.

Таковы были люди, на которых теперь с ужасающей внезапностью обрушилось бедствие испанского завоевания. Их численность не может быть названа с какой-либо приблизительной точностью, поскольку оценки, оставленные завоевателями, весьма разнообразны. Население города Мехико оценивается некоторыми авторами в шестьдесят тысяч человек; другими, при равных возможностях наблюдения, в шестьсот тысяч; и расхождения, столь же сбивающие с

толку, сопровождают большинство представленных нам утверждений. Однако существует множество свидетельств того, что Южный континент был родиной очень многочисленного населения. Средства к существованию добывались легко; в Перу брак был обязательным; продолжительность жизни и прирост населения не ограничивались, как в Северной Америке, суровостью климата и тяжелым трудом, которому приходилось добывать пищу. Кортес, направлявшийся в Мексику, прибыл в долину, где на расстоянии двенадцати миль тянулся непрерывный ряд домов. Повсюду вблизи побережья испанцы находили большие деревни, а часто и города значительных размеров. Перу, несомненно, было густонаселенным государством, и на огромном плато, которым правила Мексика, находилось множество важных городов-данников. Один испанский писатель подсчитал, что сорок миллионов индейцев погибли в течение полувека после завоевания; несомненно, это экстравагантная оценка, но использование таких цифр разумным наблюдателем само по себе свидетельствует о том, что континент был населен огромным количеством людей.

Сила сопротивления этого огромного населения была совершенно незначительной. У людей не было недостатка в храбрости; перуанцы, по крайней мере, не были лишены грубой военной дисциплины; но они уступали нападавшим в физической силе; у них не было ни лошадей, ни железа; их единственная надежда заключалась в превосходящей численности. Они получили мощную поддержку от болезней, поразивших захватчиков; но их собственных жалких усилий по обороне, какими бы героическими и самоотверженными они ни были, было достаточно, чтобы нанести лишь незначительный вред их хорошо защищенным завоевателям. Огромный континент со многими миллионами людей, готовых умереть, защищая свои дома, пал под натиском врагов, численность которых никогда не превышала нескольких сотен.

Захватчики объявили континент и все, что на нем находилось, собственностью испанского монарха, которому эти огромные владения были щедро дарованы папой римским. В дар его Святейшеству передавались не только земли, но и неверные, которыми они были населены; и испанцы без колебаний предположили, что индейцы принадлежат им и по праву могут быть использованы для любых их целей. На этой доктрине были основаны их ранние отношения с туземцами. Спрос на местную рабочую силу был незамедлительным. В реках и горах островов можно было найти золото, и туземцы были вынуждены заниматься добычей полезных ископаемых — описание работы, ранее им неизвестное. На всем континенте не было ни одного вьючного животного, за исключением ламы, которую перуанцы приучили переносить вес около ста фунтов; но испанцам предстояла большая транспортная работа. Когда армия двигалась, ее тяжелые припасы приходилось перевозить на большие расстояния, и часто по дорогам, которые обильная тропическая растительность делала почти непроходимыми. Иногда случалось, что материалы для судов изготавливались вдали от тех вод, по которым они должны были плавать. Очень часто благородному чувству юмора завоевателей нравилось, когда их носили в носилках на плечах во время путешествий. Индеец стал вьючным животным испанца. Каждую маленькую армию сопровождал отряд индейских носильщиков, управляемых плетью, которую держали в жестоких руках. Когда Кортес готовил в Тласкале материалы для флота, с помощью которого он осадил Мексику, когда Васко Нуньес готовил в Атлантике материалы для кораблей, которые должны были быть спущены на воду в Тихом океане, смертельно опасную работу по транспортировке выполняли индейцы. Местные союзники были вынуждены восстанавливать город Мехико, таская камни и древесину на расстоянии, все это время страдая от голода. Часто можно было видеть, как индейцы несут на окровавленных плечах носилки

испанца — вполне возможно, какого-нибудь негодяя, только что вышедшего из кастильских тюрем.

Индейцы, особенно жители островов, слабые по телосложению и непривычные к труду, во множестве гибли от этих тяжких работ. Перевозка кораблей Васко Нуньеса через перешеек стоила пяти сотням жизней индейцев. Продовольствия стало не хватать, и несчастных рабов, работавших в шахтах Эспаньолы, кормили недостаточно. Потери жизни среди шахтеров были огромными. Повсюду вокруг огромных шахт непогребенные тела загрязняли воздух. Многие искали спасения в самоубийстве от невыносимых страданий. Матери уничтожали своих детей, чтобы спасти их от страданий, которые перенесли они сами.

И не только чрезмерный труд истощал местное население. Малейшее возмущение со стороны индейцев было отомщено беспорядочной резней. Из испанских поселений постоянно отправлялись экспедиции для разграбления маленьких индейских городков. Когда оказывалось сопротивление, жители убивались. Если люди отдавали свое золото и скудные запасы провизии, многие из них подвергались пыткам, чтобы добиться дальнейших разоблачений. Васко Нуньес, которого считали гуманным человеком, писал, что во время одной экспедиции он повесил тридцать вождей и повесит столько, сколько сможет схватить: испанцев, утверждал он, было так мало, что у них не было других средств обеспечить собственную безопасность. Сам Колумб, сознавая, что золото, которое он смог прислать, не оправдало ожиданий Испании, передал королю пятьсот индейцев, которых он приказал продать в рабство, а их цену направить на расходы его величества на войны. И еще: вслед за завоевателями пришло бедствие оспы, которое охватило отчаявшихся и ослабевших туземцев во множестве, численность которого невозможно оценить. Количество индейских сирот служило ужасным доказательством жестокости испанцев. “Они многочисленны, ” пишет один милосердный испанец, “ как звезды небесные и пески морские”. И все же завоеватели часто убивали детей и родителей вместе.

Впервые эти ужасающие бедствия обрушились на островитян. Они обрушились с сокрушительной силой, которая быстро привела к истреблению. Когда Колумб впервые увидел роскошную красоту Эспаньолы и воспользовался гостеприимством ее кротких и покладистых жителей, население этого злополучного острова составляло по меньшей мере миллион человек. Пятнадцать лет спустя их число сократилось до шестидесяти тысяч. Жители других островов были похищены и перевезены на Эспаньолу, чтобы продолжить труды ее несчастного народа и погибнуть так же, как они погибли. Еще через тридцать лет на этом острове осталось всего двести индейцев. Со многими другими дело обстояло не лучше. В более поздний период, когда большая часть этих владений перешла в руки англичан, от первоначального населения не осталось и следа. На материке также произошла огромная потеря жизни. Никогда не предлагалась оценка уничтожения туземцев в результате испанского завоевания ниже десяти миллионов, и это число, вероятно, далеко от ужасающей истины. История человечества, как никогда опозоренная беспричинно и бессмысленно пролитой кровью, не имеет более ужасной страницы, чем эта.

Но хотя среди завоевателей царило ужасающее единодушие в этом варварском обращении с туземцами, были и такие, кто с благородным мужеством и настойчивостью выступал в защиту гибнущих рас. 1502 Год н.э. Наиболее известным среди них был Бартоломью де Лас Касас, молодой священник, приехавший на остров Эспаньола через десять лет после того, как там высадился Колумб. Он был человеком нетерпеливым, пылкой натуры, но мудрым и добрым —

самоотверженным, красноречивым, смелым в нападениях на окружавшее его зло, благородно упорствующим в своих пожизненных усилиях защитить беспомощные нации, которые уничтожали его соотечественники. Он прибыл на Эспаньола в то время, когда остров стремительно обезлюдел, и стал свидетелем методов, с помощью которых был достигнут этот результат. 1511 год н.э. Несколько лет спустя его послали за помощью в умиротворении Кубы. Выполняя эту задачу, он много путешествовал по острову, крестя детей. Однажды утром он и его эскорт из ста человек остановились позавтракать в высохшем русле ручья. Мужчины точили свои мечи о камнях, которых там было предостаточно, пригодных для этой цели. Толпа безобидных туземцев вышла из соседнего города поглазеть на лошадей и вооружение незнакомцев. Внезапно солдат, находящийся, как считалось, под влиянием дьявола, выхватил свой меч и зарубил одного из индейцев. В одно мгновение дьявольское внушение распространилось на весь отряд, и сотня только что наточенных мечей обрушилась на полуголых дикарей. Прежде чем Лас Касас смог остановить эту безумную бойню, земля была усеяна горами мертвых тел. Добрый священник познал все ужасы испанского завоевания.

Когда работа по установлению мира на Кубе должна была быть завершена, Лас Касас получил от губернатора определенные земли с соответствующим наделом индейцев. Он признает, что в то время он не слишком заботился о духовном состоянии своих рабов, но стремился, как и другие, получать прибыль от их труда. Однако в его обязанности входило время от времени служить мессе и проповедовать. 1514 Год н.э. Однажды, готовясь к своей речи, он наткнулся на определенные места в книге Экклезиастикус, в которых говорится о притязаниях бедных и вине человека, обижающего беспомощных. Много лет назад он слышал похожие взгляды, отстаиваемые монахом-доминиканцем, чьи слова всплыли в его памяти и сейчас. Он стоял, признав себя виновным, обманщиком бедных. Он быстро подчинился новым убеждениям, которые овладели им, и отказался от своих рабов; он старался убедить своих соотечественников в том, что они подвергают опасности свои души, держа индейцев в рабстве. Его увещевания ни к чему не привели, и он решил перенести обиды индейцев в Испанию и изложить их королю. 1515 Год н.э. Фердинанд — старый и немощный, находившийся всего через несколько недель после смерти — слушал его с глубоким вниманием, когда он рассказывал, как индейцы гибнут толпами, без веры и таинств; как страна разоряется; как сокращаются доходы. Король попытался бы исправить эти огромные ошибки и назначил время, когда он выслушает более полное заявление; но он умер до того, как удалось провести повторное собеседование.

Мудрый кардинал Хименес, ставший регентом королевства после смерти Фердинанда, горячо разделял взгляды Лас Касаса. Он утверждал, что индейцы свободны, и разработал правила, которые были призваны обеспечить их свободу и обеспечить их наставление в вере. Он выбрал трех отцов-иеронимитов для исполнения этих предписаний, ибо лучших друзей индейцев можно было найти среди монахов и духовенства. Он отправил Лас Касаса с большими полномочиями и назвал его “Защитником индейцев”. 1516 Год н.э. Но через несколько месяцев кардинал лежал на смертном одре, и когда Лас Касас вернулся, чтобы пожаловаться на препятствия, с которыми он столкнулся, этот могущественный друг индейцев был почти не в состоянии слушать рассказ об их обидах. Молодой король Карл взял бразды правления в свои руки и был поглощен крупными, непрекращающимися, опустошительными европейскими войнами. Внутренние интересы Империи были неотложными; колонии были отдаленными; поселенцы были могущественными и упрямо отстаивали свое право поступать с индейцами так, как им заблагорассудится. Еще двадцать пять лет зло американских колоний оставалось

неизлечимым; жестокость, с которой уничтожались туземцы, не поддавалась эффективному сдерживанию.

ГЛАВА III.

ИСПАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НОВОГО СВЕТА.

Разорение, обрушившееся на коренное население Нового Света, ни в коем случае не было вызвано правителями Испании; оно явилось спонтанным результатом несчастливых обстоятельств, возникших в результате завоевания. В молодости Колумб был знаком с африканской работорговлей; и он принес с собой в открытый им мир убеждение, что не только земли, которые он нашел, но и все язычники, населявшие их, стали абсолютной собственностью испанских государей. В 1495 году н.э. Он недолго пробыл на Эспаньоле, пока не обложил всех индейцев старше четырнадцати лет данью золотом или хлопком. Но оказалось невозможным собрать эту дань; и Колумб, отказавшись от попытки взимать налоги со своих подданных, постановил, что вместо этого они должны лично обслуживать поля и рудники испанцев. 1496 Год н.э. Колумб имел полномочия от своего правительства награждать своих последователей земельными пожалованиями, но у него еще не было полномочий включать в свой дар тех, кто жил на этих землях. Но какой смысл было раздавать землю, если нельзя было найти рабочую силу? Колумб под свою личную ответственность предоставил своим последователям такие наделы индейцев, какие считал разумными. Он предполагал, что эти субсидии будут лишь временными, до тех пор, пока положение в стране не станет более стабильным; но так и не пришло время, когда те, кто их получил, согласились бы отказаться от них.

Несколько лет спустя, когда индейцы приобрели некоторый опыт в поведении испанцев, они начали избегать присутствия своих новых хозяев. Они избегали их, писал Лас Касас, “так же естественно, как птица избегает ястреба”. Губернатор Овандо сообщил, что эта политика препятствовала распространению веры, а также процветанию поселений. В 1503 году н.э. он получил от испанских монархов полномочия принуждать индейцев работать за ту плату, которую он назначит по своему усмотрению, а также посещать мессу и получать наставления. Свобода индейцев была провозглашена; но при тех условиях, в которых им теперь предстояло жить, свобода была невозможна. Овандо, не теряя времени, действовал по его указаниям. Он раздавал большое количество индейцев, не возлагая на тех, кто их получал, никаких других обязательств, кроме как обучать дикарей святой католической вере.

Ноябрь 1504 года н.э. В следующем году умерла добрая королева Изабелла. Она любила индейцев, и ее влияния было достаточно, чтобы сдерживать зло, которое готово было обрушиться на них. Ее смерть придала колонистам смелости в их жестоком обращении со своими несчастными слугами. Поиски золота стали чрезвычайно успешными, и возник острый спрос на рабочих. Король Фердинанд был достаточно гуманным человеком, но благополучие его индийских подданных его особо не заботило. Было много людей, оказавших ему услугу, которая требовала признания. У короля было мало свободных денег, но пожалование индейцев было приемлемой наградой. Это была та монета, которой теперь удовлетворялись требования будущих супругов. Король успокоил свою совесть, заявив, что такие субсидии не являются постоянными, но могут быть отозваны по его желанию. Тем временем население островов истощалось со страшной быстротой.

Со временем колонисты пожелали, чтобы их права были поставлены на более прочную основу, и они послали гонцов к королю с просьбой передать им индейцев навечно или, по крайней мере, на два или три поколения. 1512 год н.э. Их молитва не была удовлетворена; но король созвал хунту, и индейцы впервые стали субъектами официального законодательства. Законность системы, при которой их заставляли работать, теперь была четко установлена. В других отношениях законы были направлены, по большей части, на улучшение условий труда. Но новые правила могли быть применены лишь в нескольких местах. Большинство колонистов ими пренебрегали.

Прошло тридцать несчастных лет, в течение которых, хотя непрестанные труды Лас Касаса время от времени приносили успехи, колонисты изводили туземное население своим жестоким нравом. Острова почти обезлюдели, и негры ввозились из Африки, чтобы занять место уничтоженных рабочих. Мексика пала в результате резни, которая исчислялась миллионами. Из многочисленных городов, мимо которых проезжал Кортес на своем пути в Мексику, “ничего, - говорится в донесении, адресованном королю, - теперь не осталось, кроме достопримечательностей”. В Перу очевидец утверждал, что половина или две трети людей и скота были уничтожены. Выжившие после этих беспрецедентных бедствий впали в состояние апатии и безразличия, вывести их из которого было невозможно. Завоеватели еще не проникли глубоко в сердце континента, но они побывали на его берегах, и везде, куда бы они ни направлялись, их шаги сопровождались опустошением.

1542 год н.э. Испанское правительство приложило немало усилий, чтобы обуздать беззаконную жадность и жестокость завоевателей. Теперь была созвана хунта и принят новый свод законов. Снова была утверждена свобода индейцев, и любая попытка поработить их была запрещена. Колонисты предполагали, что выделенные им индейцами наделы отзыву не подлежат. Но теперь было объявлено, что все такие наделы предназначены только на всю жизнь первоначального владельца; после его смерти они возвращаются к короне. И еще: обязательная служба была отменена, и ее место заняла фиксированная дань.

Для обеспечения соблюдения этих законов в Мексику и Перу были направлены официальные лица. Но Хунта недостаточно учла настроения в провинциях. Было установлено, что Мексика не получит новых законов, которые поэтому были переданы правительству на повторное рассмотрение. Вице-король, который ввел законы в Перу, после того как страна оказалась на грани восстания, был взят в плен местными властями и отправлен домой, в Испанию. Законы,

которые своевольные завоеватели столь решительно отвергли, вскоре были отменены приказом короля.

Таким образом, испанское правительство потерпело неудачу в своих попытках покончить с разорительным контролем, который испанские колонисты осуществляли над местными жителями. Срок действия этого контроля постепенно продлевался. За семнадцать лет оно доползло до трех жизней. Пятьдесят лет спустя, после многих лет волнений, была обретена четвертая жизнь. Двадцать лет спустя все еще неудовлетворенные наследники завоевателей потребовали, чтобы в грант была включена пятая жизнь; но здесь они были вынуждены пойти на компромисс. Эта система просуществовала двести пятьдесят лет и была отменена только в конце восемнадцатого века.

Но хотя правительство уступило требованиям своих беспокойных подданных, в том, что касалось продления испанского контроля, оно было непреклонно в своей решимости изменить качество этого контроля. Строго соблюдался запрет на принудительный труд. Законное право завоевателей ограничивалось взиманием фиксированной дани с подвластных им индейцев. Эта дань должна быть выплачена деньгами или каким-либо продуктом земли, но не усугубляться личным служением. Индейцы могут наниматься в качестве чернорабочих по определенным правилам и за определенную плату, но это должно быть их собственным добровольным актом. В течение многих лет испанцы весьма несовершенно подчинялись этим благотворным ограничениям, но постепенно, по мере того как административный механизм распространялся по континенту, закон соблюдался все строже.

Правительство Испании имеет право на похвалу за то, что сделало все возможное для защиты коренного населения. В первые дни завоевания королева Изабелла заботилась об их интересах, проявляя особую заботу об их обращении в истинную веру. По мере того как шли годы и гигантские размеры зла, обрушившегося на индейцев, становились очевидными, ее преемники пытались с помощью непрекращающихся законодательных актов остановить развитие разрухи, опустошавшей континент. Ни одна из других европейских держав не проявляла столь искреннего стремления содействовать благосостоянию покоренного народа. Правители Испании постоянно принимали законы, которые ошибались только в том, что были более справедливыми и мудрыми, чем могла принять страна в ее беспорядочном состоянии. Они постоянно стремились защитить индейцев с помощью правил, простирающихся до мельчайших деталей и разработанных в духе вдумчивой и даже нежной доброты.^[31] Во всем, что правительство делало или пыталось сделать, оно получало горячую поддержку от Церкви, чьи записи на протяжении всей этой ужасной истории полны мудрого предвидения и благородного мужества в предупреждении и обличении могущественных злодеев. Сами папы использовали свою власть, чтобы спасти индейцев. Лас Касас, когда он стал епископом, приказал своему духовенству отказывать в отпущении грехов людям, которые держали индейцев в рабстве. 1520 г. н.э. Однажды королевские проповедники, которых было восемь, внезапно предстали перед Советом Индии и сурово осудили обиды, причиненные туземцам, в результате чего, по их словам, христианская религия была опорочена, а корона опозорена. Постепенно подобных усилий стало достаточно, чтобы смягчить страдания индейцев; но в течение многих лет их влияние едва ли ощущалось. Дух победителей был слишком высок, чтобы смириться с каким-либо ограничением прерогатив, которые они приобрели, подвергаясь столь великим опасностям; их сердца были слишком ожесточены, их ортодоксальность слишком строга, чтобы допустить какое-либо участие в страданиях неверующих. За ними последовали

толпы авантюристов — храбрых, жадных, беззаконных. Успех — неожиданный и ослепительный — сопутствовал поискам золота. Завоевание следовало за завоеванием с быстротой, которая оставляла безнадежно безуспешными попытки Испании обеспечить правительство для тех огромных территорий, которые внезапно оказались на ее попечении. Каждая маленькая туземная община была отдана на нежную милость человека, который равнодушно относился к человеческим страданиям; который был движим всепоглощающей жадой золота и который знал, что труд индейцев добудет для него золото, которое он искал. В течение многих лет настойчивые усилия правительства и Церкви обуздывали безмерную и беспощадную алчность испанских колонистов. Но это ограничение не было установлено до тех пор, пока на индейцев не обрушились руины, которые уже никогда нельзя было восстановить; до тех пор, пока миллионы людей не погибли, а дух выживших был совершенно сломлен.

Когда англичане начали колонизировать северный континент Америки, их зарождающиеся поселения пользовались благотворным пренебрежением со стороны метрополии.^[32] Первые колонисты выходили небольшими группами — безвестные люди, спасающиеся от угнетения или ищущие в новом мире увеличения того скудного состояния, которое они смогли найти дома. Они зарабатывали на свои скудные средства к существованию, обрабатывая землю. Местное население жило в основном охотой и не имело ничего, что можно было бы разграбить. Незначительности этих общин было достаточно, чтобы отвести от них внимание монархов, чьи владения они покинули. И таким образом они избежали бедствия институтов, навязанных им невежеством и эгоизмом; они обеспечили себе неоценимое преимущество институтов, которые выросли из их собственных требований и были сформированы в соответствии с их собственным характером и привычками.

Печальный опыт Испанской Америки показал, что все эти условия были изменены на противоположные. Были страны, в которых драгоценных металлов было предостаточно и многие из изделий которых можно было добывать без труда и легко превращать в деньги. Там было обширное местное население, в руках которого скопилось много золота и серебра и у которого, следовательно, можно было легко выжать богатую добычу. Существовали могущественные монархии, романтические обстоятельства завоевания которых привлекли внимание цивилизованного мира. Испания, немало удивляясь собственной удаче, поспешила тесно и неразрывно связать эти великолепные владения с собой.

Территории, которые Англия приобрела в Америке, рассматривались как собственность английской нации, в интересах которой они управлялись. Испанская Америка была собственностью испанской короны. Подарок папы был подарком не испанскому народу, а Фердинанду, Изабелле и их преемникам. Правительство Англии никогда не пыталось нажать на своих колониях; напротив, на эти владения были расточены большие суммы, и правительство не искало никакой выгоды, кроме той, которую приносила нации колониальная торговля. Монархи Испании стремились к прямой и немедленной прибыли от своих колоний. Земли и все люди, которые их населяли, были их собственностью; они обязательно были продуктами этих земель. Ни один испанец не мог ступить на американскую землю без лицензии Торговой палаты. Ни одному иностранцу не разрешалось въезжать туда ни на каких условиях. Даже испанские подданные еврейской или мавританской крови были исключены. Соверены заявили о своих правах на две трети^[33] всего золота и серебра, которые были получены, и одну десятую всех других товаров. Они установили абсолютную монополию на жемчуг и красильную древесину. Они взимали высокие пошлины на все товары, ввозимые в колонии. Они обложили

налогом *пульке* — опьяняющее средство, в котором индейцы черпали слабое утешение в своих страданиях. Они продали за хорошую цену Папскую буллу, которая давала право употреблять мясо в те дни, когда церковный закон ограничивал верующих более скромной пищей. Действуя строго в соответствии с подобными финансовыми методами, испанская корона получала от колоний доход, который в значительной степени превышал расходы колониальной администрации.

Результаты первых двух плаваний Колумба разочаровали ожидания публики, и интерес, который пробудило его открытие, почти угас. Но когда адмирал после своего третьего плавания прислал домой жемчуг и золото и восторженные отчеты о сокровищах, которые он наконец нашел, перед ним открылись безграничные возможности внезапного обогащения, и предприимчивая испанская молодежь поспешила воспользоваться беспрецедентной возможностью. Старые и богатые снаряжали корабли и загружали их недорогими безделушками, которые любят дикари; молодые и бедные искали при любых условиях возможности добраться до золотого мира, где богатство можно было нажить без труда: король выдавал лицензии таким авантюристам и, не разделяя их риска и расходов, забирал себе значительную часть их прибыли. Эмиграция была столь велика, что через несколько лет Испания с трудом смогла набрать людей для пополнения запасов своих европейских войн и оказалась во владении огромными территориями и многочисленным населением, для которого необходимо было предусмотреть методы управления и торговли.

Созданное правительство отличалось простотой чистого деспотизма. В 1511 году нашей эры король учредил Совет, который осуществлял абсолютную власть над новыми владениями и продолжал выполнять свои функции до тех пор, пока Южная Америка принимала правительство Испании. Этот орган разрабатывал все законы и нормативные акты, в соответствии с которыми управлялись дела колоний; назначал на все должности; контролировал работу всех должностных лиц. Были назначены два вице-короля^[34], которые поддерживали королевское государство и обладали высшей властью, которой их наделил король.

Ранняя колониальная политика всех европейских стран была основана на идее, что иностранные поселения существовали не для их собственной выгоды, а для блага нации, к которой они принадлежали. Согласно этой вере, колонисты были скованы многочисленными ограничениями, которые препятствовали их собственному процветанию, чтобы способствовать процветанию метрополии. Испания довела эту ошибочную и пагубную политику до крайности, примера которой больше нигде нет. Колонии были строго ограничены в своих отношениях друг с другом, и им было категорически запрещено вступать в торговые сношения с иностранными государствами. Все излишки продуктов их почвы и рудников должны быть отправлены в Испанию; их одежда, мебель, оружие, украшения должны полностью поставяться Испанией. Ни один их собственный корабль не мог участвовать в прибыльных перевозках, которые были строго зарезервированы для кораблей Испании. Кораблестроение не поощрялось, чтобы колонисты не стремились к обладанию флотом. Если иностранное судно предполагало зайти в колониальный порт, нелояльный колонист, торговавший с ним, подвергался наказанию в виде смертной казни и конфискации товаров. Колонистам не разрешалось выращивать какие-либо продукты, которые могла поставлять метрополия. В Перу процветали оливки и виноградная лоза; на Пуэрто-Рико выращивали перец; в Чили в изобилии выращивали коноплю и лен. Все это было подавлено, чтобы испанские производители могли избежать конкуренции. Чтобы торговля колоний могла более тщательно охраняться и ее доходы собирались более полно, она

была ограничена одним испанским портом. Ни одно судно, торговавшее с колониями, не могло заходить или отходить иначе, как в Севилье, а затем в Кадисе. В течение двух столетий интересы колоний и самой Испании страдали от этой бессмысленной тирании.

Те города, которые были наделены монополией на колониальную торговлю, пользовались исключительным процветанием. Севилья привлекла к себе большое торговое сообщество и процветающее производство товаров, необходимых колонистам. Она стала многолюдной и богатой, а ее торговцы напустили на себя княжеский блеск. И хорошо, что они могли. Внутренние коммуникации Испании, как и всегда, были крайне несовершенными, и выгоды от новых перевозок неизбежно в значительной степени извлекались районами, расположенными вокруг морского порта.

Раз в год на протяжении почти двухсот лет из гавани Севильи или Кадиса выходили флоты, поддерживавшие торговые отношения Испании с ее американскими владениями. Один предназначался для южных колоний, другой - для Мексики и севера. Их охраняли огромные силы военных кораблей. Каждая деталь, касающаяся груза и времени отплытия, регулировалась правительственными властями; в этой печально управляемой стране не оставалось места для свободных индивидуальных действий. Ни за один год тоннаж торговых судов не превышал двадцати семи тысяч тонн. Таким образом, объем торговли был незначительным, но он имел большое значение с точки зрения огромных прибылей, которые торговцы могли получать благодаря своей монополии. Южная ветвь экспедиции направилась в Картахену, а оттуда в Пуэрто-Бельо; корабли, направлявшиеся на север, искали Веракрус. К пунктам, в которые они должны были зайти, по горным тропам и по реке стекались бесчисленные мулы и лодки, груженные продуктами страны. Была открыта ярмарка, и в течение сорока дней шел энергичный обмен товарами. Когда все было закончено, колониальные покупатели перенесли в глубь страны приобретенные ими европейские товары. Погрузив золото, серебро, жемчуг и все остальное, что поставляли колонии, корабли встретились в Гаване и отправились домой под бдительным присмотром вооруженных судов, которые сопровождали их сюда.

Испанские корабли с сокровищами перевозили огромное количество золота и серебра; и когда Испания была вовлечена в войну, ее враги жадно охотились за ними. Много кровопролитных морских сражений велось вокруг этих драгоценных судов; и многие галеоны, фрахт которых срочно требовался в разоренной Испании, нашли в Темзе нежелательное завершение своего плавания. 1804 Год н.э. Однажды Англия в спешке, не дожидаясь даже объявления войны, завладела тремя кораблями с золотом и серебром на сумму в два миллиона фунтов стерлингов, собственностью нации, с которой она все еще находилась в мире.

Но ее враждебно настроенные соседи были не единственными врагами, которые подстерегали ее, чтобы завладеть денежными переводами Испании. В семнадцатом веке европейские авантюристы — англичане, французы и голландцы — стекались в Вест-Индию. Сначала они не помышляли ни о чем худшем, чем контрабанда; но быстро отдали предпочтение пиратству, как занятию более прибыльному и более соответствующему духу приключений, который одушевлял их. Они плавали на быстроходных кораблях с сильным экипажем и вооружением; они воссоздавали себя, охотясь на дикий скот, мясо которого они коптили над своими *буканами* или дровяными кострами — заимствовав от этой практики название пиратов, под которым они сделали себя такими ужасными. Они тысячами скрывались среди хитросплетений островов

Вест-Индии, готовые напасть на испанские корабли; время от времени они высаживались, чтобы осадить укрепленный город или разграбить и сжечь беззащитный испанский город. Со временем европейские правительства, которые когда-то поощряли их, теперь стремились подавить. Это оказалось настолько сложной задачей, что едва ли прошло шестьдесят лет с тех пор, как был повешен последний из ужасных вест-индских пиратов.

Испания стремилась сохранить зависимость своих американских владений путем продуманного разжигания разобщенности среди своих подданных. Испанца, уехавшего из метрополии, учили держаться особняком от испанца, родившегося в колониях. Первому были присвоены почти все официальные должности. Зависимыми землями управляли старые испанцы; все прибыльные должности в Церкви занимали представители того же класса. Они с некоторой долей презрения смотрели на испанцев, родившихся не в Испании, и были вознаграждены завистью и неприязнью своих обиженных собратьев. Существовали законы, тщательно разработанные для того, чтобы отделить негритянскую и индейскую расы друг от друга. Неразумные монархи Испании с одобрением смотрели на глубокое отчуждение, созданное их политикой, и радовались тому, что сделали невозможной любую обширную комбинацию против их власти.

Высшим желанием, которое воодушевляло Испанию во всех ее отношениях со своими колониями, было приобретение золота и серебра, и вскоре на нее пало проклятие исполненных молитв. Основы ее колониальной истории были заложены в разрушении невинных человеческих жизней, совершенно не имеющем аналогов; влияния, исходящие из колоний, ускорили упадок ее могущества и унижение ее народа. Но золота и серебра было добыто в таких количествах, о которых мир раньше и не мечтал. Рудники Эспаньолы были быстро истощены и заброшены. Но вскоре после завоевания были обнаружены огромные минеральные богатства Перу. Индеец, спешивший в гору в погоне за заблудившейся ламой, ухватился за куст, чтобы не упасть. Куст поддался его хватке, и он обнаружил прикрепленную к его корням массу серебра. Горы вокруг были богаты серебром. Слухи о богатстве Потоси привлекали множество искателей приключений и бедняков, и одинокая гора быстро стала домом для большого количества населения. Город, насчитывавший в конечном счете сто пятьдесят тысяч душ, возник на высоте тринадцати тысяч футов над уровнем моря: нетерпеливые толпы, поспешившие к этому месту, открыли несколько тысяч шахт. Чуть позже было открыто еще более удивительное богатство Мексики. В течение всего периода испанского владычества над Новым Светом производство драгоценных металлов, особенно серебра, продолжало увеличиваться, пока, наконец, не достигло крупной годовой суммы в десять миллионов фунтов стерлингов. В промежутке между открытием западных рудников и свержением испанской власти прошло два с половиной столетия. В тот период из рудников Нового Света было извлечено золота на сумму от полутора до двух тысяч миллионов фунтов стерлингов.

Когда этот поток богатств начал изливаться на страну, Испания находилась на пике своей силы. Разделения, которые на протяжении многих веков ослабляли ее, теперь были устранены, и Испания объединилась под властью одной сильной монархии. Ее народ, на протяжении многих поколений обучавшийся в постоянной войне со своими мавританскими захватчиками, был крепким, терпеливым, выносливым, невзирая на опасность. Их промышленное состояние едва ли уступало уровню любой страны Европы. В Барселоне производились изделия из стали и

стекла, которые соперничали с изделиями Венеции. Ткацкие станки Толедо, занятые шелковыми и шерстяными тканями, давали работу десяти тысячам рабочих; Гранада и Валенсия поставляли шелка и бархат; Сеговия производила оружие и тонкие ткани; вокруг Севильи, пока она еще была единственным портом отгрузки в Новый Свет, насчитывалось шестнадцать тысяч ткацких станков. Спрос, которым пользовались испанские производители, был настолько активным, что в свое время имеющиеся у них заказы не могли быть выполнены в течение шести лет. У Испании была тысяча торговых судов — несомненно, это был самый крупный торговый флот в Европе. Ее почва была тщательно обработана, и многие районы, которые сейчас представляют собой засушливые и бесплодные пустоши, давали тогда обильные урожаи.

Но Испания доказала, что недостойна тех беспрецедентных возможностей, которые были ей предоставлены. Ее короли обратили внимание нации на военную славу и растратили жизни и имущество людей в агрессивных войнах с соседними государствами. Ее Церковь подавляла свободу мысли и таким образом, шаг за шагом ослабляла и принижала национальный интеллект. В 1492 году н.э. Евреи были изгнаны из Испании, и страна так и не оправилась от раны, нанесенной потерей ее самых трудолюбивых граждан. Легко приобретаемые сокровища Нового Света воспламеняли умы людей беспокойными амбициями, которые никак не гармонировали с терпеливым трудолюбием. Бессмысленная трата жизней на войне и нетерпеливый порыв к чудесным золотым приискам Америки привели к тому, что населения Испании стало недостаточно для поддержания достигнутого ею промышленного положения. Ее мануфактуры начали приходить в упадок, пока в начале семнадцатого века число шестнадцати тысяч ткацких станков Севильи не сократилось до четырехсот. Сельское хозяйство разделило упадок родственных отраслей промышленности; и вскоре Испания с трудом смогла прокормить собственное уменьшившееся население. Ее военно-морской флот, некогда наводивший ужас на Европу, был разрушен. Ее торговые корабли стали добычей врагов, чья сила росла по мере того, как ее собственные приходили в упадок. Торговцы Англии и Голландии, бросая вызов законам, которые она больше не могла соблюдать, снабжали ее колонии изделиями, которые она в период своего упадка была уже не в состоянии производить.

Североамериканские владения Англии стали неоценимым благословением для Англии и для всего человечества, потому что они были медленными достижениями терпеливого трудолюбия. Их собственность была обеспечена не мечом, а плугом. Удача ничего не сделала для них; история их роста - это летопись труда, неослабевающего, неутомимого, непрерывного. Каждый новый поселенец, каждый акр, освобожденный от дикой природы, вносил свой вклад в огромную совокупность богатства и власти, которая создавалась медленно, но на нерушимом фундаменте.

Успех Испании был деморализующим успехом удачливого игрока. В течение жизни одного поколения десять или двенадцать миллионов испанцев получили такие преимущества, каких никогда прежде не было даровано ни одному народу. Обширный регион, в десять раз превышающий их собственную страну, блиставший роскошью тропической растительности, легко попал в их руки. Продукты поля и леса, которые были столь востребованы в Европе, поступали по их зову в неограниченном количестве. Для их собственного производства был открыт постоянный и прибыльный рынок. Миллионы покорных работников избавили их от необходимости прилагать личные усилия. Все, к чему нации стремятся как к своему главному благу — территориальное величие, власть, богатство, широкие возможности для коммерческой

деятельности, — внезапно стало желанным достоянием Испании. Но все это великолепие служило лишь иллюстрацией ее неспособности, ускоряло ее гибель, проливало свет, при помощи которого мир мог наблюдать за ее стремительным спуском в бездну безделья, обезлюдения, несостоятельности, презрения.

ГЛАВА IV. РЕВОЛЮЦИЯ.

В течение трехсот лет Испания управляла богатыми владениями, которые она так легко завоевала. В конце того периода население составляло около шестнадцати миллионов человек — число, очень меньшее, чем у завоевателей, населявших острова и континенты. Увеличение на три столетия не возместило потери тридцати лет. Из шестнадцати миллионов двое были испанцами; остальные были индейцами, неграми или лицами смешанного происхождения.

Испания правила в духе слепого эгоизма. Ее целью было получить от подчиненных ей провинций как можно больше преимуществ для себя. Ее администрация осуществлялась людьми, присланными для этой цели из Испании, и ни один мужчина не имел права занимать этот пост, если он не мог доказать свое происхождение от предков, исповедовавших незапятнанную ортодоксальность. Считалось, что люди, оказавшиеся в подобных обстоятельствах, должны всегда оставаться верными приятной системе, частью которой они являлись, и им не грозит опасность запятнать себя колониальными симпатиями. Это ожидание не было обмануто. За все годы ее грязного и неразумного правления слуги Испании почти никогда не испытывали искушения из-за какой-либо заботы о благополучии колонистов отклониться от традиционной политики метрополии. Коррупция, поощряемая системой правления, которая прививала мудрость быстрого обогащения и скорейшего возвращения в Испанию, была чрезмерной и дерзкой. Те испанцы, которые обосновались в колониях, не имели права участвовать в управлении. Многие из них накопили огромное состояние, но, поддавшись влиянию изнуряющего климата и репрессивного правительства, они превратились в роскошный, вялый класс, лишенный предприимчивости или интеллекта.

С течением лет бедные остатки местного населения, которые были отданы завоевателям на определенное количество жизней, вернулись к короне, и их ежегодная дань составляла значительную статью доходов.^[35] Индейцы уже давно были признаны законом свободными людьми, но в более отдаленных районах они все еще были подвергнуты обязательной службе на полях и в шахтах. Однако они больше не подвергались безудержной жестокости расы, которой

они были слишком слабы, чтобы противостоять. В каждом округе были назначены офицеры, которые расследовали их жалобы и защищали их от несправедливости. В своих деревнях они управлялись своими собственными вождями, которые получали жалованье от испанского правительства; и они жили в сносном довольстве, избегая, насколько это было возможно, неравного общения, которое принесло столько страданий их расе.

В первые годы завоевания негры были завезены из Африки по предложению Лас Касаса,^[36] и с целью прекращения уничтожения коренного населения. Вскоре выяснилось, что негритянский труд незаменим, и ввоз рабов превратился в прибыльную торговлю. Спрос был большим и постоянным, ибо негры гибли так быстро в своем безжалостном рабстве, что на некоторых островах ежегодно умирал один негр из каждых шести. Франция в течение многих лет пользовалась преимуществом, поставляя этих жертв. 1713 год н.э. Но Англия, одержав победу над Испанией в большой войне, вырвала у нее преступную привилегию добывать для нее рабов, которые должны были трудиться и умирать на ее жестокой службе. После Утрехтского мирного договора испанским колонистам было запрещено покупать негров, за исключением английских судов.

Вплоть до периода завоевания индейцам совершенно не удавалось установить господство над низшими животными. За исключением Перу, почти не предпринималось попыток одомашнивания, а в Перу это распространилось не более чем на овец. На континенте не было лошадей; не было крупного рогатого скота. Именно фатальный недостаток отсутствия конных солдат сделал покорение индейцев таким легким. Испанцы представили лошадь как главный инструмент своего успеха на войне. Время от времени, когда всадники погибали в бою или умирали, пораженные болезнью, их заброшенные лошади убегали в дикую местность. 1548 год н.э. Через пятьдесят лет после открытия Нового Света испанец завез крупный рогатый скот. На бескрайних равнинах южного континента численность обеих рас была огромной. С течением лет бесчисленные миллионы лошадей и крупного рогатого скота бродили без хозяев среди пышной растительности пампасов. Их присутствие внесло элемент, которого раньше не хватало населению. Скотоводческие аборигены пампасов, предкам которых лошадь была неизвестна, стали лучшими наездниками в мире. Можно сказать, что они почти живут в седле. Они поддерживают себя в основном охотой и забоем дикого скота. Покорность их отцов ушла в прошлое. Они грубы, страстны, свирепы; и, как убедились испанцы на собственном опыте, они представляют собой эффективную и грозную кавалерию для военных целей. Несколько тысяч таких всадников сделали бы испанское завоевание невозможным и дали бы совершенно иной ход истории континента.

Несмотря на праздность испанских колонизаторов и пагубные ограничения, введенные метрополией, торговля колоний значительно возросла. Особенно это было в том случае, когда были введены определенные улучшения, от которых даже Испания больше не могла отказываться. В 1748 году нашей эры ежегодный флот был упразднен; одиночные торговые суда, зарегистрированные для этой цели, отправлялись в плавание по мере того, как их владельцы находили поощрение отправлять их. В 1765 году нашей эры последовательными шагами торговля на островах была открыта для всех испанцев, торгующих из основных испанских портов; континентальным колониям было разрешено свободно торговать друг с другом, а в 1774 году нашей эры несколько лет спустя им было разрешено торговать с островами. Эти запоздалые уступки растущему уровню просвещения человечества привели к немедленной экспансии и увеличили колониальный трафик до масштабов огромной важности.

1809 год н.э. В то время, когда колонии подняли знамя восстания, их ежегодные закупки у Испании составляли пятнадцать миллионов фунтов стерлингов, а ежегодный экспорт их собственных товаров - восемнадцать миллионов. Колониальные доходы были настолько велики, что после покрытия всех расходов в масштабах чрезмерной и коррумпированной расточительности Испания обнаружила, что ее американские колонии приносят ей чистую ежегодную прибыль в размере двух миллионов фунтов стерлингов.

Испанцы, хотя в результате своей длительной религиозной войны против мавританских захватчиков они попали в унижительное подчинение своим священникам, сохранили наследственную любовь к гражданской свободе. Вестготы, от которых они произошли, принесли с собой в Испанию выборную монархию, большую меру личной свободы и даже зачатки представительной системы. Во время войны за независимость города пользовались привилегией самоуправления и были представлены в национальных советах. 1504 год н.э. Королева Изабелла в своем завещании говорила о “свободном согласии народа” как о необходимом условии законности налогообложения. Несколько лет спустя королевские проповедники в своих благородных мольбах в защиту индейцев утверждают, что “титул короля зависит от его служения своему народу или от того, что он был избран им”. Три столетия спустя испанцы представили неожиданные доказательства того, что унаследованная ими любовь к демократии не была угашена веками слепых суеверий и деспотизма. 1812 Год н.э. В то время как Европа все еще принимала практику и даже теорию личного правления, испанский народ издал демократическую конституцию, которая послужила объединяющим лозунгом для народов Южной Европы в ранний период их существования. борьба за свободу и представительство.

Успешное утверждение своей независимости тринадцатью английскими колониями северного континента воззвало к дремлющей демократии испанских колонистов и усилило общее недовольство политической системой, при которой они жили. 1780 г. н.э. Восстание в Перу послужило Испании предупреждением, которое она была недостаточно мудра, чтобы понять. Восстание было подавлено. Ее лидер, после того как ему пришлось стать свидетелем сожжения своей жены и детей, сам был растерзан дикими лошадьми на большой площади Лимы. Испанское правительство, удовлетворенное своим триумфом, не предприняло никаких усилий, чтобы устранить недовольство, которое отчуждало его подданных и угрожало свержением его колониальной империи.

Еще тридцать лет, хотя недовольство продолжало расти, вялое спокойствие испанских колоний не нарушалось. Но теперь в Европе возникла сила, которой было суждено разрушить приходящие в упадок политические системы Старого Света, и чье влияние, не ослабленное расстоянием, должно было внести столь же значительные изменения в институты Нового Света. Наполеон бросал жадные взоры на колониальные владения Испании и жаждал для своих щедрых расходов сокровищ, добытых на рудниках Перу и Мексики. 1808 год н.э. Он посадил своего брата на трон Испании; он пытался привлечь на свою сторону вице-королей. Испания теперь находилась в зависимости от Франции. Колонисты могли бы еще много лет оставаться в подчинении Испании, но они категорически отказались передать свою верность ее завоевателю. Они единодушно отвергли власть Франции и, не имея законного монарха, которому могли бы служить, создали правительство для себя. Сначала они не претендовали на независимость, но продолжали клясться в верности свергнутому королю и даже посылали деньги на укрепление патриотического дела. Но тем временем они вкусили сладость свободы.

Четыре года спустя узурпаторы были изгнаны, а старый король возвращен в Мадрид. Испания стремилась сбросить свое иго с освобожденных колоний, ясно давая понять, что у нее и в мыслях не было облегчать их бремя или расширять их свободы. Прошло время, когда испанский деспотизм смог восстановить свою опору на американской земле. Многие провинции уже заявили о своей независимости, а другие были готовы к такому же решительному шагу. Господство Европы над американским континентом прекратилось. Но Испания последовала за Англией в ее попытке принудить к верности подданных, чьей привязанности она лишилась. В своей глубокой бедности и истощении она вступила в дорогостоящую войну, которая, причинив в течение шестнадцати лет огромное зло как Старому, так и Новому Миру, закончилась ее позорным поражением.

Провинции, граничащие с Мексиканским заливом, имели более широкие связи с Европой, чем их родственные государства, и были первыми, кто проникся либеральными идеями, которые теперь получали распространение среди европейских народов. Они поддерживали постоянную связь с вест-индскими островами, на одном из которых они давно были знакомы с мягким правлением Англии, в то время как на другом они видели, как возникло свободное негритянское государство и отстояло свои свободы от власти Франции. 1797 г. н.э. Остров Тринидад, лежащий недалеко от их берегов, был завоеван Англией, которая использовала свое новое владение как центр, из которого революционные импульсы могли удобно распространяться среди подданных ее врага. Таким образом, граничащие с территориями, где царила свобода, колумбийские провинции быстрее, чем более отдаленные колонии, научились ненавидеть деспотизм Испании и первыми вступили на путь, ведущий к независимости.

1810 год н.э. Семь из этих северных провинций объединились в союз, который они называли Конфедерацией Венесуэлы. Они еще не заявили о независимости от Испании. Но они отменили налог, взимаемый с индейцев; они объявили торговлю свободной; они собрали испанского губернатора и его советников и, посадив их на корабль, решительно отправили из страны. Оставался всего один шаг, и он был быстро сделан. В следующем году Венесуэла провозгласила свою независимость и изо всех сил готовилась отстаивать ее с оружием в руках против войск Испании.

Одним из отцов независимости Южной Америки был Фрэнсис Миранда. Он был уроженцем Карачкаса, а сейчас мужчиной средних лет. В юности он сражался под началом французов за независимость английских колоний на Северном континенте. Когда он увидел победоносное завершение этой войны, он вернулся в Венесуэлу, унося с собой симпатии, которые не позволяли спокойно выносить деспотизм Испании. Несколько лет спустя Миранда подарил свой меч молодой французской республике и принял участие в нескольких ее сражениях. Но он утратил благосклонность новых правителей Франции и отправился в Англию, где пытался добиться поддержки англичанами усилий венесуэльских патриотов. Он собрал войско в пятьсот англичан и американцев и ожидал, что его соотечественники встанут под его знамена. Но его соотечественники еще не были готовы к столь решительным действиям, и его усилия на какое-то время оказались безуспешными. Именно этот человек заложил основы независимости, но ему самому не было позволено увидеть триумф великого дела. 1812 год н.э. Патриотическое оружие добилось некоторого прогресса, и на него возлагались большие надежды; но провинция была поражена землетрясением, которое разрушило несколько городов и унесло двадцать тысяч жизней. Священники истолковали это бедствие как Небесный суд над мятежниками, и доверчивый народ принял их учение. Дело независимости, таким образом

сверхъестественно дискредитированное, было на время оставлено. Сам Миранда попал в руки своих врагов и погиб в испанской темнице.

Его лейтенанту, дону Симону Боливару, было суждено защищать свободы Южноамериканского континента. Боливар был еще молодым человеком; он был благородного происхождения; его нрав был пылким и предприимчивым; среди военачальников он занимал высокое место. Его любовь к свободе, воспламененная великим освобождением, которого недавно достигли Соединенные Штаты и Франция, была великим вдохновляющим импульсом его жизни. Но его сердце не смягчилось под влиянием цивилизации. Под его жестоким руководством история войны за независимость становится хроникой не только умело и храбро ведущихся сражений, но и обычных безжалостных массовых убийств.

В течение десяти лет война, с переменным успехом, продолжала свое разрушительное течение. Испания, слепо цеплявшаяся за богатые владения, которые ускользали из ее рук, продолжала разбазаривать имущество своего народа в тщетных попытках отвоевать империю, которой ее короновали Колумб, Кортес и Писарро и которую разрушила ее собственная неспособность. Она была совершенно истощена затяжной войной, которую навязал ей Наполеон. Она была ужасно бедна. Ее солдаты, которым не платили, вдохновленные революционными симпатиями, подняли мятеж против службы, к которой они были предназначены. Но Испания по-прежнему продолжала безнадежную и опустошающую борьбу.

Когда ужасы землетрясения миновали, патриоты снова бросились в бой с энергией, которая обеспечила им окончательный успех. С обеих сторон постоянно практиковалась дикая и свирепая жестокость. Роялисты расстреливали как мятежников пленных, которые попадались им в руки. Боливар объявил, что “главной целью войны было уничтожение в Венесуэле проклятой расы испанцев”. Солдаты, подарившие определенное количество испанских голов, были возведены в офицерское звание. Указ об истреблении был приведен в исполнение в отношении множества ни в чем не повинных испанцев — даже в отношении мужчин в беспомощном возрасте, настолько немощных, что они не могли выдержать смертельной пули, и поэтому были посажены на стулья и таким образом казнены. В Южной Америке, как и во Франции, восстание против жестокого векового деспотизма само по себе не знало ни жалости, ни угрызений совести. Суровость, которую спокойно налагает деспотизм в соответствии с надлежащей формой закона, в свое время находит ответ в страстной и дикой вспышке ярости страдальцев. Прискорбно, что так должно быть; но пока остаются тиран и жертва, необходимо принять суровый метод избавления, установленный Природой.

Когда Миранда впервые обратился за помощью к Англии, он получил определенное поощрение. Англичане служили в рядах его первой армии, и английские деньги пошли на их оснащение. 1810 год н.э. Чуть позже Англия была в союзе с Испанией для свержения Наполеона, и ее правительство неодобрительно относилось к “любым попыткам расчленить испанскую монархию”. Но когда цели этого союза были достигнуты, неотъемлемая симпатия британского народа к людям, борющимся за свободу, проявилась открыто и энергично. 1819-20 гг. н.э. правительствам повстанцев были предоставлены обширные ссуды; в главных городах Англии были созданы вербовочные пункты; многие ветераны, сражавшиеся под командованием Веллингтона, оказали делу патриотов неоценимую помощь своей дисциплинированностью и опытным мужеством.

Подкрепленный таким образом Боливар смог оказать сильное давление на обескураженных роялистов. Затянувшаяся борьба подходила к концу. Июнь 1821 года нашей эры. Четыре тысячи испанцев, неспособных теперь встретить своих врагов в поле, заняли сильную позицию близ Карабобо. Боливар с восьмьютысячным войском в течение многих дней выжидал возможности для атаки. Из его войск тысяча двести были британскими ветеранами. Боливару, наконец, удалось расположить свои силы на фланге противника и вынудить его принять бой. Испанцы с самого начала получили важное преимущество и прорвали первую линию нападавших. Не подозревая о присутствии британских вспомогательных сил, они продвигались вперед, как к гарантированной победе. Но когда они увидели сквозь дым сражения наступающие ряды и нацеленные штыки британцев и услышали громкие и вызывающие возгласы людей, уверенных в собственном превосходстве, их сердца дрогнули, и они обратились в бегство. Победа Карабобо положила конец войне в северных провинциях. Отныне свобода Венесуэлы была обеспечена.

Революционное движение, зародившееся на берегах Мексиканского залива, быстро распространилось на все континентальные владения Испанской Америки. Свержение правительства в Испании поставило перед каждой провинцией необходимость самостоятельно определить политическую систему, при которой должны вестись ее дела. Курс, которого придерживались все, был по существу одинаковым. Сначала было учреждено местное правительство, управляемое от имени короля. Постепенно это неискреннее принятие отвратительного ига было отброшено, и колонии были единодушны в своем решении стать независимыми. В каждом из них был роялистский элемент, который храбро и ожесточенно боролся за сохранение древнего правления метрополии со всеми ее приятными злоупотреблениями и непостижимыми пороками. В каждом из них Испания заботилась о том, чтобы усилить роялистов и сохранить соперничество. В течение многих лет Испанская Америка была театром всеобщей гражданской войны. В результате продолжительной и ожесточенной борьбы произошло зло ужасающих масштабов. Численность населения сократилась во многих населенных пунктах до немногим более половины от того, что было раньше. Скудное сельское хозяйство континента стало еще более незначительным. Торговля потеряла более половины своего обычного объема. Поставки золота и серебра практически прекратились. Через несколько лет она упала до одной десятой, а за весь революционный период составила менее трети от того, что было в более спокойные времена. Никогда прежде война не причиняла больших страданий своим жертвам и не распространяла свои разрушения на более широкое поле.

Перу было последним оплотом испанской власти. Испания прилагала все усилия, чтобы сохранить контроль над минеральными сокровищами, которые были практически необходимы для ее существования. Стремление к независимости здесь проявлялось с меньшим энтузиазмом, чем в других провинциях; повстанческое движение было более порывистым и легче подавлялось. Когда независимость восторжествовала повсюду, Перуанская республика безнадежно боролась за существование. Испанцы овладели столицей; реакционный импульс распространился среди солдат, а многочисленные случаи дезертирства ослабили и обескуражили ряды патриотов. Дело свободы в Перу, казалось, было почти проиграно; старый деспотизм, изгнанный из других провинций, казалось, восстановил свою власть над землей инков и угрожал утвердиться там в качестве постоянной угрозы свободе и миру на континенте.

1820 год н.э. Но на этом этапе в Европе сложились обстоятельства, влияние которых укрепило дело патриотов и привело к его скорой и решительной победе. В Испании вспыхнуло революционное движение, набравшее такую силу, что король Бурбонов был вынужден принять всеобщее избирательное право. Восстановленная монархия Франции направила армию в Испанию, чтобы подавить эти беспорядки и восстановить привычный деспотизм. Экспедиция, возглавляемая французским принцем, достигла успеха, который был расценен как блестящий и который, естественно, значительно усилил влияние Франции в делах полуострова. Англия, не избавленная даже Ватерлоо от своей наследственной ревности к Франции, отнеслась к этому завоеванию с неудовольствием. Мистер Каннинг, который в то время руководил внешней политикой Англии, решил, что, поскольку Франция теперь преобладает над Испанией, это должно быть сделано над Испанией, лишенной своих американских владений. Как он высокопарно хвастался, он “призвал к существованию Новый Мир, чтобы восстановить равновесие Старого”. 1823 Год н.э. Простой прозой он признал независимость восставших испанских провинций и вступил с ними в отношения через консулов. В результате этого признания повстанцы получили большие запасы денег и оружия, и многие ветераны британских и французских солдат присоединились к их рядам.

1823 год н.э. Эти подкрепления позволили Боливару снарядить значительные силы и поспешить на поддержку тонущей республики Перу. Он прибыл в Лиму с армией в десять тысяч человек, многие из которых получили знания о войне под руководством Наполеона и Веллингтона. Здесь он готовился к трудному делу по переброске своей армии через Анды. Когда Писарро предпринял то же самое предприятие, он шел по равнине, ставшей плодородной благодаря трудолюбию народа; среди гор его продвижению способствовали большие дороги варваров и частые склады и укрытия, которые они предусмотрительно возвели. Но три столетия испанского владычества свели на нет труды инков и огромными шагами вернули страну к запустению. Дороги и каналы для орошения пришли в упадок; плодородная равнина превратилась в засушливую и бесплодную пустыню. Боливару пришлось прокладывать дороги, строить сараи, делать запасы продовольствия вдоль линии своего похода, прежде чем он смог рискнуть отправиться в путь. Подъем был очень тяжелым, и люди сильно страдали от холода, в который они продвигались. Роялисты не стали дожидаться их высадки, а встретили их среди гор на высоте двенадцати тысяч футов над уровнем моря. В течение многих месяцев шли бои без решающего результата. Наконец армии встретились для конфликта, который, как теперь понималось, должен был стать окончательным. 9 декабря 1824 года н.э. На равнине Аякучо двенадцать тысяч роялистов столкнулись с республиканской армией, насчитывающей теперь едва ли более половины сил противника. Превосходившие численностью независимые войска храбро сражались, но военная удача, казалось, была против них, и они были изгнаны с поля боя с поражением, которое вскоре должно было превратиться в бегство. В этот опасный момент английский генерал, командовавший республиканской кавалерией, ударил всеми своими силами во фланг победоносных, но дезорганизованных испанцев. Сопrotивляться атаке было невозможно. Испанцы бежали с поля боя, оставив свою артиллерию и множество пленных, среди которых был вице-король. Была одержана окончательная победа. Война прекратилась; Перу и Чили были переданы по договору друзьям свободы, и власть, которой Испания так гнусно злоупотребляла, больше не имела опоры на земле великого Южноамериканского континента.

Процесс, посредством которого Испания была лишена своих американских владений и завершение которого мы сейчас увидели, начался в течение ста лет после завоевания. Когда Испания перестала получать золото и серебро с островов Мексиканского залива, она перестала

заботиться об этих частях своей империи. Другие народы Европы, руководствуясь более здравым смыслом, стремились завладеть заброшенными островами. Вскоре после смерти королевы Елизаветы англичане обосновались на Барбадосе и начали усердно выращивать табак, индиго и сахарный тростник. Чуть позже французы основали поселения на Мартинике и Гваделупе, как англичане на острове Святого Христофора, и удерживали их вопреки всем усилиям Испании. Оливер Кромвель захватил Ямайку и населил остров “праздными и недовольными” людьми, которых выслали, пренебрегая их собственными желаниями.^[37] Пираты основали множество поселений, которые подвергались нападениям, но не могли быть уничтожены. с 1665 по 1671 год н.э. Одно из них, на острове Сан-Доминго, было взято под защиту Франции. Датчане овладели Святым Томасом. Во время непрекращающихся войн XVIII века Франция и Англия остро соперничали за господство в Мексиканском заливе, и морское превосходство Англии давало ей решающее преимущество в этом соперничестве. Немногие войны завершались без новой уступки колониальных земель Францией или Испанией Англии. В 1763 году на Северном континенте Флорида была присоединена к английским владениям. Обширная территория, известная как Миссисипи, перешла в руки Соединенных Штатов. Революционное движение девятнадцатого века отняло у Испании все богатые провинции, которыми она владела на Южном континенте, и битва при Аякучо оставила ей лишь незначительную часть тех безграничных владений, которые по странному стечению обстоятельств попали в ее недостойные руки.

Остаются только Куба и Пуэрто-Рико, которые хранят унижительную память о великольном колониальном владычестве, завоеванном и удерживаемом без труда; управляемом с бесстыдным эгоизмом; утраченном из-за полной неспособности. Пуэрто-Рико - незначительный остров, едва ли превышающий по размерам самое большое из наших английских графств, лежащий у северных берегов континента. Его население составляет шестьсот или семьсот тысяч человек, половина из которых - рабы.^[38] Его народ занимается выращиванием сахара и табака и до сих пор управляется Испанией в соответствии с традициями, которыми руководствовалась ее политика в самый мрачный период ее колониальной истории.

Куба - самый благородный из всех островов, которые Колумб открыл на Западе. Он расположен у входа в Мексиканский залив, где Юкатан на Юге континента приближается к Флориде на Севере, образуя обращенные к морю границы залива. Его площадь составляет примерно половину площади Великобритании. Его население составляет один миллион четыреста тысяч человек,^[39] из которых одна четверть - рабы. Плодородная почва дает два и даже три урожая кукурузы в год; благодаря вечному лету этого благодатного климата ароматические растения и деревья, украшающие его равнины, цветут круглый год. Сахарный тростник, выращивание которого является ведущей отраслью промышленности острова, является источником огромного богатства. Примерно половина его площади покрыта густыми лесами из ценной древесины, еще не тронутой топором. Апельсиновое дерево, цитрон, гранат спонтанно дают богатый урожай драгоценных плодов.

Но щедрость природы была нейтрализована недостойностью человека. Упадок испанского правительства тяжело сказался на этом прекрасном острове. Когда другие американские владения Испании сбросили иго, ведущие кубинцы собрались и торжественно поклялись вечно поддерживать власть метрополии. Они по-прежнему хвастаются своей лояльностью и с любовью отзываются о Кубе как о “вечно верном острове”. Но ни покорность Кубы, ни

восстание других колоний не побудили слепых правителей Испании смягчить зло, причиненное их властью. Древняя система была введена в действие на Кубе, когда она стала единственной заботой Испании, точно так же, как это было, когда она все еще была членом великого колониального доминиона. Все должности по-прежнему занимали выходцы из Испании; ко всем испанцам, родившимся на Кубе, по-прежнему относились с презрением их надменные соотечественники из-за моря. Губернаторы по-прежнему пользовались чисто деспотической властью; правительство метрополии по-прежнему претендовало на большую прибыль от колониальных доходов; все религии, кроме одной, по-прежнему были исключены. Потеря континента не преподала ни малейшего урока неспособной Испании.

После успешного утверждения независимости континентальными государствами частые восстания свидетельствовали о присутствии либерального духа на Кубе. Они были подавлены без труда, но не без особой ненужной жестокости. В 1868 году н.э. наконец вспыхнуло восстание, которое превзошло все остальные по размаху и продолжительности. Она бушевала в течение восьми лет; она стоила Испании ста пятидесяти тысяч ее лучших солдат; почти половина сахарных плантаций острова была уничтожена; население уменьшилось; торговля пришла в упадок; бедность и голод поразили несчастный остров.

1876 год н.э. Испания, наконец, смогла подавить восстание и сохранить контроль над этим жалким остатком своей американской империи. Куба вышла из тех несчастных лет в состоянии крайнего истощения. Многие из ее народа погибли от голода или меча; многие другие бежали из страны, разоренной правительством, которое они были не в состоянии ни отвергнуть, ни вынести. Испания стремилась заставить Кубу покрыть расходы, связанные с ее собственным порабощением, и налогообложение стало огромным. Расходы Кубы составляют пятнадцать фунтов стерлингов на каждого члена населения, или в шесть раз больше, чем в Великобритании. Только три четверти общей суммы можно выжать из обнищавших людей, даже за счет сурового налогообложения, которое неуклонно разрушает сельское хозяйство острова; а большой ежегодный дефицит быстро увеличивает государственный долг.^[40] Этот долг уже был утроен восстанием и его последствиями. Ни одно из средств, к которым привыкли прибегать терпящие бедствие государства, не было упущено, и неконвертируемая валюта, настолько крупная, что ею безнадежно не управлять, тяжело давит на падающую промышленность Кубы.^[41]

Испания является крупнейшим производителем и наименьшим потребителем сахара. Испанец употребляет лишь одну шестую часть того количества сахара, которое употребляет англичанин. Испания сделала это изделие дорогостоящим, полностью игнорируя колониальные интересы, с целью сохранения своего собственного производства. Кубинский сахар, обложенный высокими налогами перед отправкой и еще более обескураженный на рынках Испании чрезмерными импортными пошлинами на сахар, не в состоянии выдержать это несправедливо наложенное бремя, и эта великая отрасль промышленности приходит в упадок.

На Кубе шестнадцать тысяч государственных служащих - почти все испанцы; всем мало платят; всем разрешено зарабатывать на жизнь или состояния теми средствами, которые доступны самим. Они поддерживают себя, и многие из них богатеют, за счет коррупции, которую нет общественного мнения, способного осудить. Невежество людей непревзойденно — не более одной десятой их числа вообще получили какое-либо образование. Несколько бедных газет,

живущих под строгой цензурой, удовлетворяют литературные потребности Гаваны, города с населением в двести тридцать тысяч душ. Никакое религиозное учение, за исключением того, которое проповедует Римская церковь, не разрешено на острове. Правосудие вершится в соответствии с безответственным удовольствием невежественных испанских чиновников, постоянно жаждущих подкупа. Рабство сохраняется на Кубе после того, как его отвергли все американские и европейские государства, и здесь оно характеризуется особой жестокостью. Недавние английские путешественники были свидетелями порки молодых рабынь, у которых забирали недавно родившихся детей, чтобы можно было применить пытки.

Государства материковой Испании сильно пострадали в своей борьбе против власти метрополии, но получили достаточную компенсацию в виде независимости. Несчастливая Куба претерпевала не менее ужасные страдания, но так и не нашла избавления. Утешение в виде свободы было утрачено; ненавистный и увядающий деспотизм выживает, чтобы омрачать грядущие годы так же, как он омрачал прошедшие.

ГЛАВА V. НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Когда тринадцать английских колоний Северного континента обрели независимость, они вступили в политические условия, которым вполне соответствовали их душевные качества и опыт. Они были достаточно хорошо образованы; действительно, едва ли существовало какое-либо другое население, которое в этом отношении пользовалось бы столь большими преимуществами. Они принадлежали к расе, которая на протяжении веков привыкла осуществлять власть в управлении своими собственными общественными делами. С тех пор как они стали колонистами, они и их отцы в значительной степени пользовались привилегией самоуправления. Переход, посредством которого они превратились в суверенные государства, не требовал никаких приспособлений, кроме того, что они унаследовали от многих поколений предков и развили в обычном выполнении своих муниципальных и национальных интересов.

С испанскими поселениями на Южном континенте все было совсем по-другому. Люди были совершенно необразованны; нигде на континенте не было печатного станка, за исключением двух или трех крупных городов. Они принадлежали к многочисленным и враждебным расам. Были испанцы — европейцы и коренные жители. Были индейцы, классифицируемые как цивилизованные, получивилизованные и дикие. Были негры; были расы, образовавшиеся в результате объединения других. Единственные европейцы-испанцы имели какой-либо опыт в искусстве управления государством, и их изгнали с континента со всей возможной

скоростью. Остальные были совершенно неопытны в решении своих собственных национальных проблем. Испанские чиновники устанавливали, по своему собственному деспотическому усмотрению, те правила, которые они считали необходимыми, а колонисты даже не имели возможности наблюдать за принятыми мерами и обсуждать их.

Ни один народ никогда не брался за работу по самоуправлению под более тяжелым бременем невыгодных условий и дисквалификации. Неудивительно, что их успехи до сих пор были столь несовершенными. Не стоит отчаиваться и в их будущем, потому что их прошлое так полно напрасных усилий, непрекращающихся революций, крови, щедро пролитой в ходе гражданских беспорядков, которые, казалось, не имели ни рациональной цели, ни надежного результата. Человечество должно быть удовлетворено, если за этой неразберихой и страданиями можно будет проследить какие-то признаки прогресса в направлении к тому лучшему политическому и промышленному состоянию, которого в конечном счете никогда не удавалось достичь самоуправлению.

Раннее законодательство Южноамериканских штатов выражало искреннюю симпатию к делу свободы и бескорыстное желание, чтобы ее благами пользовались все. Рабство было отменено, и в течение многих лет отсутствие этого пагубного института в освобожденных испанских поселениях было постоянным упреком в беспринципной жадности, которая все еще поддерживала его среди более просвещенных жителей Северного континента. Были приняты Конституции, которые демонстрировали справедливое отношение к правам всех в сочетании, к сожалению, с полным пренебрежением к пригодности населения для осуществления этих прав.^[42] Были установлены всеобщее избирательное право и равные избирательные округа, и голосование проводилось путем тайного голосования. Были отменены дворянские ордена и некоторые несправедливые законы, которые до сих пор сохраняют свое место в своде законов Англии, как законы о наследстве и первородстве. Была провозглашена полная свобода вероисповедания, и вскоре вмешательство папы в такие церковные дела, как назначение епископов, вызвало возмущение и неприятие. Смертная казнь за политические преступления была отменена. Со временем в некоторых штатах была создана система образования, бесплатного и обязательного. Народы Южной Америки были воодушевлены в своем стремлении к независимости примером Соединенных Штатов и Франции, и они стремились построить свои политические институты в соответствии с моделями, которые предлагали эти страны.

Институты, которые были тогда созданы, остаются в своих общих чертах неизменными. Но мудрость и умеренность, необходимые для самоуправления, не даруются Небесами внезапно; это медленно накапливаемые достижения длительного опыта. Среди южноамериканцев не существовало того почтительного подчинения большинству, которое постепенно приобретают самоуправляющиеся нации. Здесь, как и везде, быстро проявились две противоборствующие стороны. Один был ревностным либералом и реформатором — стремился к прогрессу и желал в каждой стране федерации штатов в противовес сильному централизованному правительству; другой предпочитал централизацию и сохранение существующих условий. Среди народа, столь совершенно не искушенного в политической жизни, не нашлось другого способа уладить эти разногласия, кроме меча. В течение полувека континент был опустошен непрекращающимися войнами вокруг вопросов, которые среди наций с большим опытом были бы просто темой мирных споров. И в большом количестве случаев первоначальные основания

для соперничества были забыты — заменены позорной личной борьбой за получение или удержание преимуществ власти.

Южноамериканские штаты понимали желательность избранного народом законодательного органа, но их политические знания не продвинули их дальше. Они согласились с автократической исполнительной властью. Они наделили диктаторов высшей властью. Это была идея, которую в новое время выдвинул Наполеон и которую развил его племянник — идея деспотизма, основанного на всеобщем избирательном праве. Они доверили свои свободы эгоистичной олигархии. Когда борьба за независимость была победоносно завершена, им все еще предстояло завоевать свою свободу, и борьба была более длительной и кровопролитной, чем та, которую они вели против тирании Испании.

Три северных штата Венесуэла, Новая Гранада и Эквадор начали свою независимую карьеру с образования великой федеративной республики. Их владения простирались на территории, в шесть раз превышающей территорию Франции; малонаселенной людьми различных рас; разделенной горами, почти непроходимыми, без связи дорог или судоходных рек. Задача правительства в этих обстоятельствах была явно отчаянной. Но в то раннее утро свободы были большие надежды. В 1821 году нашей эры С конституцией, очень похожей на конституцию Соединенных Штатов, и с Боливаром, освободителем континента, на посту президента Республика Колумбия гордо приступила к выполнению своего предназначения. Пять лет спустя союз, который считался невозможным, был распущен. Боливар, великий солдат-патриот, проявил себя неспособным и деспотичным государственным деятелем. Он стал диктатором Новой Гранады, которой правил по своему произволу. 1830 год н.э. Возмущенный народ освободился кровавым, но успешным восстанием от ига, едва ли более терпимого, чем иго Испании; и человек, которому континент был обязан своей независимостью, умер с разбитым сердцем из-за того, что ему казалось неблагодарностью его соотечественников.

Теперь между партией священников и солдат, с одной стороны, и партией народа - с другой, бушевала непрекращающаяся борьба. В течение семнадцати лет страна жила под властью правительства клерикального авторитета и грубой силы. Но за эти годы численность и политическое влияние ремесленного класса в городах в значительной степени возросли; и далеко идущее влияние революций в Европе пробудило энергию народа. 1848 год н.э. Они смогли добиться от правительства больших обещаний реформ и указа об изгнании иезуитов. Последовало несколько лет, омраченных непрекращающимися восстаниями и чередованием побед и поражений противоборствующих сторон. 1854 год н.э. Наконец либералы вышли на поле боя с “возрождающейся армией” в двадцать тысяч человек и потерпели полное поражение. Консерваторы теперь были на подъеме. Но упорные либералы, отказываясь признать поражение, в течение семи лет вели войну, в которой после ста сражений они, наконец, одержали решительную победу. 1861 год н.э. С тех пор произошли революции и недолговечные победы консерваторов, но господство либералов никогда серьезно не поколебалось.

С 1826 по 1847 год нашей эры Венесуэла провела двадцать спокойных лет под военным деспотизмом генерала Паэса — одного из соратников Боливара по оружию. Но в конце этого периода раздался призыв к реформам. Даже индейцы и люди смешанной расы страстно стремились исправить злоупотребления, которые поддерживала правящая партия. 1849 год н.э. Генерал Паес был изгнан из страны. 1863 1868 1870 годы н.э. В течение нескольких лет он

беспокоил республику вооруженными попытками восстановить свою утраченную власть, но власть либерализма поколебать было невозможно. Однажды внезапное восстание консерваторов одержало недолгую победу. Но энергичный либерал Гусман Бланко разгромил врага и стал президентом Республики — должность, которую он занимал в течение восьми лет. За период его правления произошло не более одного значимого революционного движения. 1872 год н.э. Это восстание завершилось отчаянной битвой, в которой силы Консервативной партии были полностью сломлены.[43]

Под разумным правлением президента Бланко Венесуэла наслаждалась тем, что Южноамериканской республике должно казаться глубоким спокойствием. Власть священников сильно упала духом. Монастыри были упразднены; был установлен гражданский брак; подчинение Риму было отвергнуто.[44] Была создана обязательная система национального образования — не слишком рано, поскольку только один венесуэлец из десяти умеет читать или писать. Было положено некоторое начало разработке огромных минеральных ресурсов страны. Были построены многочисленные дороги, каналы и акведуки. Население увеличилось, и торговля республики, хотя и пока не значительная, растет из года в год. Трудолюбивые привычки людей не подкрепляются необходимостью, ибо на этой богатой почве и благоприятном климате труд одного месяца обеспечит семью комфортом в течение целого года. Тем не менее, люди здесь довольно трудолюбивы, они честны, жизнерадостны и гостеприимны. Тенденция исправлять политические ошибки насилием, по-видимому, теряет свою силу по мере того, как эти ошибки уменьшаются в количестве и интенсивности; и перспектива мирного будущего с ростом интеллекта и промышленного благосостояния неуклонно улучшается.

1822 год н.э. Когда мексиканцы обрели независимость, они возвели на трон популярного молодого офицера, которого они называли императором Августином Первым. Тогда это был народ, полностью одержимый священничеством и фанатичный; а духовенство, которого они суеверно почитали, было коррумпированным и униженным классом. Реформаторы открыто высказывали мнение, что Церковь была источником большинства зол, обрушившихся на страну. Император, предлагая равные гражданские права всем жителям Мексики, стремился привлечь духовенство на свою сторону, гарантируя существование католической церкви. Но монархия оказалась невозможной, и менее чем через год республиканское восстание, возглавляемое Санта-Анной, вынудило императора уйти в отставку. В 1824 году была организована Федеративная республика с конституцией, основанной на конституции великой Республики, территории которой примыкали к Мексике.

В течение следующих тридцати лет Санта-Анна является выдающейся фигурой в мексиканской политике. Это был высокий худощавый мужчина с загорелым лицом, черными вьющимися волосами и темными неистовыми глазами. Он не обладал государственной мудростью, и его полководческие способности никогда не оправдывали того доверия, с которым к ним относились его соотечественники. Но он был полон безрассудной храбрости и напора, и если его руководство было ошибочным, то его личная выправка во всех многочисленных сражениях была безукоризненной. Его популярность то убывала, то текла рекой в соответствии с требованиями времени. 1828-39 гг. н.э. Он отразил вторжение Испании и вторжение Франции, и эти триумфы вознесли его на высочайшую вершину общественного благоволения. Затем его власть пришла в упадок, и он был вынужден бежать из страны. Когда нестабильной стране

угрожали новые опасности, он был отозван из ссылки и назначен верховным командующим. В какой-то период одна из его ног, раздробленная в бою, была предана земле с торжественной заупокойной службой и пламенным патриотическим красноречием. Немного позже злополучную конечность извлекли из могилы и пинали ногами по улицам Мексики со всяческим оскорбительным сопровождением. Его общественная жизнь была прервана поспешным бегством в Гавану — второй частью этого описания, которую ему выпало исполнить.

Санта-Анна добивался благосклонности народа, даровав чрезвычайно демократические конституции, но на протяжении всей своей карьеры он оставался добровольным орудием клерикальной партии. Мексиканское духовенство обладало огромным богатством и огромным влиянием. Им принадлежала добрая половина земель страны, а значительная часть оставшейся части была им заложена. Их духовные прерогативы были призваны освободить их от налогов, и таким образом вся тяжесть национального бремени легла на более мелкий раздел национальной собственности. Этот могущественный интерес был озабочен сохранением своих собственных несправедливых привилегий и подавлением роста либеральных настроений в народе. До тех пор, пока они могли распоряжаться службой в Санта-Анне, они были в состоянии препятствовать общему желанию и направлять политику страны в соответствии со своим невежественным и тираническим удовольствием.

Но они не смогли отгородиться от городской демократии или от индейцев в их деревнях от политических идей, которым Французская революция 1848 года придала такое большое распространение в Европе. Влияние Соединенных Штатов, которое правящая партия стремилась исключить, продолжало усиливаться. Возникла радикальная партия, выступавшая против привилегий духовенства. С течением лет растущий спрос на реформы преодолел упорную защиту злоупотреблений со стороны священников, и мексиканцы сделали большой шаг к защите своих свобод.

Лидером этой революции был Бенито Хуарес, индеец-тольтек; один из той презируемой расы, которую ацтеки подчинили за столетия до испанского вторжения. Этот человек впитал либеральные и прогрессивные идеи, которые сейчас преобладают во всех цивилизованных странах; и его личные способности и мастерство в управлении делами дали ему возможность даровать Мексике самую полную меру политического благословения, которое она когда-либо получала. 1855 год н.э. Либералы теперь составляли большинство в Конгрессе, и началась гигантская работа по реформированию. Первым шагом было объявить о подчинении духовенства гражданскому праву. Два года спустя последовали отмена духовных привилегий, свобода вероисповедания, свободная пресса, сниженный тариф, открытие страны для иммиграции, начало коммерческих отношений с Соединенными Штатами. Папа с искренней доброжелательностью проклял всех, кто поддерживал такой закон; архиепископ Мексики добавил свое отлучение от церкви ко всем, кто подчинялся ему. Что еще более соответствовало цели, клерикальная партия поднялась в гражданской войне, чтобы сокрушить этот агрессивный либерализм, или, говоря их собственным языком, “возродить” Мексику. Хуарес и его правительство были на время изгнаны из столицы и отступили в Вера-Крус. Но это отступление не остановило поток либеральных мер. 1859 г. н.э. Из Вера-Крус Хуарес смог обнародовать свои Законы о реформе, упразднив монашеские ордена, установив гражданский брак, заявив для нации чудовищно разросшиеся владения Церкви,^[45] придавая более широкий размах многим законам о реформе, принятым двумя годами ранее. В следующем году либералы одержали победу над своими врагами, и правительство вернулось в свой настоящий дом, в город Мехико.

Но ресурсы побежденных клерикалов еще не были исчерпаны. Их цели совпадали с амбициями, которые в то время оживляли беспокойный ум императора Наполеона III. Император утверждал, что является главой латиноамериканских рас, чье положение на Американском континенте, казалось, находилось под угрозой из-за их собственных разногласий, а также из-за быстрой экспансии англосаксов. Мексиканское духовенство, поддерживаемое Римским двором, поощряло его праздную мечту. Была подготовлена экспедиция, в которой Англия и Испания приняли неохотное и колеблющееся участие и от которой они быстро отказались.

1863 год н.э. Французская армия вошла в столицу Мексики. Хуарес и его правительство ушли, чтобы продолжить патриотическую войну, в которой народная масса ревностно поддерживала их. Австрийский принц восседал на троне Мексики без поддержки, за исключением той, которую обеспечивали клерикальная партия Мексики и штыки Франции. Несколько лет раньше или позже на такие вещи никто бы не осмелился; но когда французские войска вошли на территорию Мексики, Соединенные Штаты вели, еще без явных перспектив на успех, борьбу, от результатов которой зависело их собственное существование как нации. Им и в голову не приходило учитывать опасения других американских штатов, и они мудро позволили Мексиканской империи идти своим печальным и глупым курсом. 1865 год н.э. Но теперь восстание южан было подавлено, и правительство Вашингтона, имея в своем распоряжении миллион солдат-ветеранов, наметило Наполеону, что дальнейшее пребывание его войск на Американском континенте стало невозможным. Император не ждал второго вызова. 1866 год н.э. Когда французы ушли, армии патриотов пронеслись по стране, и эта прискорбная попытка установить империализм подошла к позорному концу. 1867 год н.э. Император Максимилиан попал в руки своих врагов и был казнен в соответствии с условиями указа, составленного его собственным правительством.

Хуарес был снова избран президентом и вернулся со своим Конгрессом в Мехико. В течение всего срока своих полномочий ему приходилось с оружием в руках отстаивать дело либералов против упорствующего духовенства и его последователей. 1872 Год н.э. Когда он умер, его преемником был избран президент-либерал. Война никогда не прекращалась, и клерикальная партия время от времени получала важные преимущества. Однако очевидно, что ее власть постепенно истощается и что окончательный триумф либерализма уже недалек. В течение шестидесяти лет Мексика была позором христианского мира. Теперь можно тешить себя надеждой, что по прошествии многих лет эта несчастная страна, очищенная от тех клерикальных и военных элементов, которые были ее проклятием, начнет занимать подобающее ей место среди мирных, трудолюбивых и процветающих государств.

Площадь Мексики в шесть раз больше, чем у Великой Великобритании и Ирландии. Ее население составляет от девяти до десяти миллионов человек. Две трети из них - чистокровные индейцы, потомки людей, на которых почти четыреста лет назад обрушился удар молнии испанского вторжения. Два с половиной миллиона человек смешанного происхождения; пятьсот тысяч - чистокровные европейцы. Во времена завоевания среди мексиканцев было тридцать различных рас и языков, и эти различия сохранились до сих пор. Индейцы вновь обрели жизнерадостность, которая была вытравлена из их характера жестокостью испанцев, и под должным присмотром из них получают превосходные ремесленники и слуги. Работа в стране выполняется ими; и поскольку их честолюбие не пробудилось, а потребности невелики, рабочая сила дешева. Только недавно было сделано что-либо вообще для их образования, и

они все еще глубоко невежественны.[46] Но они предоставляют множество доказательств высоких возможностей. Раса, из которой вышел президент Хуарес, может разумно надеяться, что после всех ее невзгод ее ждет достойное будущее.

Белые - аристократия страны; смешанные породы - ее беспокойная стихия. Обычно они тихие и ленивые, но их легко воспламенить до бунта. В значительной степени они поддерживали постоянные революционные движения, опустошающие страну.

Реформирующие законы Хуареса хорошо соблюдались в крупных населенных пунктах. Не допускается ни один монах или монахиня, ни один иезуит; ни одного священника нельзя увидеть на улицах в одежде его должности; создаются исправительные учреждения и школы; молодежь Мексики освобождается от священника и передается школьному учителю. В отдаленных провинциях исполнение закона крайне несовершенно. Там все еще сильна клерикальная партия, и запрещенные налоги по-прежнему взимаются вопреки закону. Подчиненные чиновники правительства чрезмерно коррумпированы. Импортные пошлины чрезмерны, и соблазн уклониться от них непреодолим. Сотрудники таможни обычно вступают в сговор с торговцами, чтобы мошеннически получать доходы и делиться с ними незаконной прибылью. Финансовое состояние страны плачевно. Правительство признает лишь небольшую часть государственного долга, и по этой части проценты не выплачиваются. Расходы постоянно превышают доходы. Обычно расходы на гражданскую войну поглощают более половины национального дохода; часто они поглощают весь.

Страна чрезвычайно богата, но ее прогрессу препятствует нехватка средств связи. Самым настоятельным требованием этого внутреннего региона было то, чтобы он находился в пределах легкой досягаемости от морского побережья. Давление этой необходимости привело еще в 1852 году к попытке строительства железной дороги из города Мехико в Вера-Крус. Но работы были остановлены обычными национальными потрясениями; и когда Максимилиан вззошел на трон, он не обнаружил ничего законченного, за исключением нескольких миль с обоих концов проектируемой линии. Пока он царствовал, работы продолжались, и они были остановлены, когда приблизилось его падение. Они были возобновлены Либеральным правительством, но в стране, охваченной непрекращающейся революцией, любая полезная работа продвигается медленно. Прошло еще семь лет, прежде чем железная дорога была достроена на всем протяжении в двести шестьдесят три мили. Помимо этой линии, в Мексике еще открыто не более трехсот-четыре-хот миль железных дорог.

Серебряные рудники Мексики, прекратившие добычу во время войны за независимость, вновь приобрели былое значение. Сейчас они дают серебра на сумму до трех миллионов фунтов стерлингов в год. Помимо экспорта этого товара, Мексика ежегодно экспортирует два миллиона видов кошенили, индиго, шкур и красного дерева. Весь ее импорт составляет не более пяти с половиной миллионов. Ее внешняя торговля, составляющая две трети ее стоимости, осуществляется с ее некогда ненавистным соседом Соединенными Штатами.

Если Мексике повезло меньше всего из всех испанских провинций Америки, то Чили представляет собой лучший пример упорядоченного, оседлого и процветающего государства. Его площадь составляет всего пятую часть, а население - четвертую часть Мексики, но его внешняя торговля почти вдвое больше.[47] Для этого бизнеса его ситуация особенно

благоприятна. Чили, длинная и узкая страна, лежит на Тихом океане, с которым она сообщается более чем через пятьдесят морских портов. Таким образом, его развитие лишь в малой степени зависит от железных дорог и судоходных рек.

В течение шестнадцати лет после свержения испанского ига,^[48] Чили управлялся деспотически, без конституции. В те годы царили постоянные беспорядки. Наконец общее желание нации было удовлетворено. В 1833 году нашей эры была обнародована конституция, согласно которой избирательное право предоставлялось каждому женатому мужчине двадцати одного года и каждому неженатому мужчине двадцати пяти лет, умевшему читать и писать. Этой конституцией народ остался доволен. Правительство все это время находилось в руках умеренной консервативной партии, которая твердо и мудро управляла государственными делами и проявляла рвение в исправлении злоупотреблений. Противоборствующие партии в Чили, как в соседних штатах, не опустошали страну своей ожесточенной борьбой за господство. Проявляя мудрую, но редкую умеренность, взгляды одной из сторон были изменены мнениями другой. Таким образом, был достигнут метод правления, который смогли принять люди всех оттенков мнений и при котором процветающее развитие страны продвигалось с удивительной быстротой.

За последние тридцать лет население Чили увеличилось в четыре раза, а ее доходы выросли еще больше. Успешно поощряется иммиграция из Европы, особенно из Германии. Раньше почти вся земля принадлежала крупным владельцам. Эта пагубная система была в значительной степени разрушена. Поместья были разделены, и в настоящее время широко распространена система мелкой собственности. Государственный долг Чили составляет двенадцать миллионов фунтов стерлингов; но поскольку она, в отличие от своих сестринских республик, пунктуально выполняет свои обязательства, ее имя высоко котируется на фондовых биржах Европы. Образованию ее народа уделяется достаточное внимание. Из своего дохода в три с половиной миллиона долларов она тратит четверть миллиона на школы — пропорция, не имеющая аналогов в Европе. Но эти щедрые расходы появились недавно и еще не успели принести должных результатов. Только каждый четвертый житель посещает школу; только каждый седьмой умеет читать. Даже в городах эта доля составляет не более одного к четырем.

Площадь соседнего штата Перу в четыре раза превышает площадь Чили, но его население едва ли больше. И хотя в Чили проживает очень незначительная доля индейцев, по оценкам, их пятьдесят семь процентов. население Перу принадлежит к аборигенным расам, а индейцев - двадцать три процента. имеют смешанное происхождение. Остальные - коренные испанцы, негры, китайцы, очень мало немцев и итальянцев. Вряд ли можно надеяться на мудрое управление государственными делами со стороны столь сплоченной нации. Правительство Перу с эпохи независимости было укором человечеству. В других частях континента было обнадеживающее зрелище народа, недостаточно просвещенного, но воодушевленного искренней любовью к свободе и борющегося с огромными препятствиями на пути к более счастливой политической ситуации. Непрекращающиеся междоусобицы, опустошившие Перу, не имеют такого оправдания. Они вообще не имеют политического значения; они никоим образом не связаны с национальными интересами. Мятежные военные вожди постоянно сменяли друг друга и с бесстыдным эгоизмом боролись за власть и грабежи. Униженный и ленивый народ, полностью лишенный политического разума, стал бессмысленным оружием, с

помощью которого велись эти постыдные распри. Огромные богатства, которыми природа наделила землю, остались неосвоенными; рабочая сила, которой страна так недостаточно обеспечена, была поглощена войнами из-за вульгарных и расточительных амбиций: Перу остается почти бесполезным для человечества.

После беспорядков в Перу Испания набралась смелости задуматься о восстановлении своей утраченной колониальной империи. Она напала на Перу; но ее флот был наголову разбит после тяжелого сражения. 1866 год н.э. Эта победа подняла дух перуанского народа, и на короткое время показалось, что были переданы импульсы, которые откроют эру прогресса. В течение нескольких лет был достигнут реальный промышленный прогресс. Но прекрасная перспектива была быстро омрачена. Были убиты два президента, которые проявили патриотическое желание начать работу по реформированию. Началась безумная война против Чили. Чили ввела определенные пошлины на продукты, импортируемые из Боливии; и Перу, не одобряя эти пошлины, начала войну, чтобы отомстить или аннулировать судебное разбирательство. Удача в этой войне была решительно направлена против агрессора. Чили доказала, что не просто способна постоять за себя; она победила своего врага во многих битвах; она захватила часть его территории; она захватила свой самый мощный, закованный в железо военный корабль. Прогресс Перу полностью прекратился. 1880 год н.э. Ее финансы в диком беспорядке. Ее бумажная валюта стоит не более одной десятой от номинальной стоимости. Ее порты блокированы, ее торговля практически прекращена. Но ее введенные в заблуждение правители не прислушиваются ни к каким предложениям о мире и, похоже, полны решимости продолжать это позорящее их соперничество до крайней степени упадка сил и страданий.

Считается, что Перу добывает серебра на своих рудниках на сумму миллиона фунтов стерлингов в год; количество несколько меньшее, чем было добыто на этих рудниках во время войны за независимость. Перу экспортирует в основном товары, которые можно получить без труда и раздумий. Гуано, скопившееся миллионами тонн на островах, которые усеивают ее побережье, было продано европейским спекулянтам и увезено европейскими кораблями. Но эти огромные запасы, похоже, подходят к концу. К счастью для этого расточительного правительства, несколько лет назад были обнаружены крупные залежи нитрата соды, продажа которого приносит значительный доход.

Для Перу, расположенного главным образом между высокими горными хребтами, удаленными от моря, железнодорожное сообщение имеет первостепенное значение. Во времена одного из ее лучших президентов был разработан план исключительной смелости; и с помощью заемных денег, по которым не выплачиваются проценты, он был частично реализован. Железнодорожная ветка, идущая из Лимы на Тихом океане, пересекает бесплодную равнину, примыкающую к побережью, взбирается на западный хребет Анд на высоту почти шестнадцати тысяч футов и пересекает плоскогорье, лежащее между высокими горными хребтами. Когда строительство будет завершено, он достигнет некоторых притоков Амазонки в местах, где они станут судоходными, — таким образом, соединив Тихий океан с Атлантикой, где континент имеет наибольшую ширину. Всего в Перу открыто для движения около тысячи четырехсот миль железных дорог, три четверти из которых - государственные.

1811 год н.э. Парагваю, государству с площадью почти вдвое большей, чем в Англии, и населением в полтора миллиона человек, посчастливилось обрести независимость без какого-либо сопротивления со стороны метрополии и, следовательно, не потребовав жертв войны.

Почти тридцать лет ею правил деспотизм, не менее абсолютный, чем в Испании. Доктор Франсия стал пожизненным диктатором. Он получил образование богослова и был молчаливым, суровым, безжалостным человеком, который внушал своему народу такой страх, что даже после его смерти они едва осмеливались произносить его имя. Франция сделала кое-что для развития ресурсов государства. Но прогресс был медленным, поскольку диктатор не разрешал никаких контактов с другими странами. Парагвай должен был удовлетворять все свои потребности, ни в чем не завися от внешнего мира. Всякий, кто входит в ее пределы, должен оставаться; тот, кто получил разрешение выйти, может не вернуться. 1840 Год н.э. Когда этот странный правитель умер, его власть перешла к Карлосу Лопесу, который в течение двадцати двух лет поддерживал деспотизм, не менее абсолютный, но руководимый политикой, значительно более просвещенной. Он поощрял сношения с иностранцами; он строил автомобильные и железные дороги; он заботился об образовании; он создавал оборонительные сооружения и приносил доход. 1862 год н.э. Перед смертью он завещал свою власть своему сыну.

Этот новый правитель был послан молодым человеком в Европу, чтобы усвоить идеи, которые вдохновляли просвещенные державы Старого Света. Он прибыл сюда во время Крымской войны и обнаружил, что любовь к славе и империи овладела общественным сознанием Англии и Франции. Он не смог противостоять пагубному влиянию. Он вернулся домой с твердым намерением повторить карьеру императора Наполеона. Он тоже стал бы завоевателем; он тоже основал бы империю. Он занялся формированием большой армии, накоплением военных припасов. 1865 год н.э. Когда смерть его отца возвысила его до абсолютной власти, он, не теряя времени, напал на Бразилию, которую наметил своей первой жертвой. Аргентинская Республика и Уругвай объединились с Бразилией против нарушителя мира, в амбициях которого они усмотрели общую опасность.

Война продолжалась пять лет. Она обрушила на Парагвай бедствия более ужасные, чем обрушивались в наше время на какое-либо государство. Ее территория была оккупирована победоносным врагом, и половина ее была отнята у нее навсегда. Ее долг увеличился до суммы, которая совершенно исключала надежду на выплату.^[49] Ее население сократилось с полутора миллионов до двухсот двадцати тысяч. Из них, по оценкам, четыре пятых составляли женщины. Война и сопутствующие ей бедствия почти уничтожили взрослое мужское население.^[50] Парагвай стал основным инструментом безумных амбиций, и он был уничтожен.

Буэнос-Айрес, город, основанный в первые годы завоевания, был резиденцией одного из вице-королевских округов, с помощью которых испанцы управляли континентом. Он стоит на правом берегу реки Плейт, недалеко от океана. Плита и ее притоки протекают по обширным безлесным равнинам, где мириады лошадей и крупного рогатого скота вольно разгуливают среди травы, достигающей высоты, равной их собственной. Когда испанское владычество прекратилось, Буэнос-Айрес, естественно, приобрел преобладающее влияние в новом правительстве. Провинции, в состав которых входила старая вице-королевская власть, объединились в Конфедерацию с конституцией, созданной по образцу конституции Соединенных Штатов. Буэнос-Айрес был единственным портом отправки для внутренних провинций. Ее коммерческая значимость, а также столичное достоинство вскоре вызвали зависть, которую невозможно было унять. В течение нескольких лет от Конфедерации отказались почти все ее члены, и в течение некоторого времени каждая из провинций управляла самостоятельно, независимо от других.

1821 год н.э. Следующим экспериментом стала представительная республика под руководством президента генерала Ривадавии с Буэнос-Айресом в качестве резиденции правительства. Ривадавия был человеком просвещенных взглядов. Он поощрял иммиграцию, установил свободу вероисповедания, предпринял некоторые шаги по просвещению народа, заключил торговые договоры с иностранными державами. 1827 год н.э. Но его либеральная политика была негативно воспринята людьми, недостаточно мудрыми, чтобы понять ее; и он ушел в отставку со своего поста, проработав на нем шесть лет.

Влияние Буэнос-Айреса теперь пошло на убыль, и внутренние провинции получили то, чего лишилась столица. Эти провинции были населены полудикой расой смешанного происхождения, которая жила за счет отлова дикого скота. Эти свирепые охотники были приучены к седлу почти с младенчества и жили верхом. Превосходство в верховой езде было достаточным основанием для их благосклонности. В 1829 году правительство страны перешло в руки генерала Росаса, вождя гаучо, с подвигами которого в седле, вероятно, никогда не сравнятся самые искусные цирковые наездники.^[51] В течение двадцати трех лет этот человек - жестокий, вероломный, но полный несгибаемой энергии — поддерживал над четырнадцатью провинциями деспотизм, который вскоре перешел в абсолютное царство террора. Одним из методов правления этого несчастного человека было систематическое использование банды наемных убийц, которые убивали по его приказу и под ножами которых погибли многие тысячи невинных людей. Его войска захватили соседнюю провинцию Уругвай; но Монте-Видео, столица этого государства, была успешно отбита у него, главным образом благодаря мастерству и мужеству Гарибальди. Франция и Англия объявили войну тирану и в течение нескольких лет тщетно блокировали город Буэнос-Айрес. Наконец (1848 г.) вспыхнуло решительное восстание, бушевавшее четыре года. 1852 г. н.э. Произошла великая битва; армия Росаса была рассеяна; столица, обезумев от радости, получила волнующую новость о том, что тиран бежал^[52] и что страна свободна.

Двадцать три года деспотизма ничего не сделали для решения политических проблем, которые все еще требовали решения от аргентинского народа. Теперь надо было возобновить утомительную и болезненную работу. Провинция Буэнос-Айрес объявила о выходе из Конфедерации и начала самостоятельную карьеру. Единое государство управлялось мудро и добилось быстрого прогресса во всех элементах процветания. В частности, оно скопировало систему общих школ Новой Англии. Тринадцать государств, от которых она отделилась, пытались подавить ее растущее величие или соперничать с ним. Но их максимальные усилия едва ли могли предотвратить распад. 1859 год н.э. Они объявили войну в варварской надежде сокрушить своего слишком процветающего соседа. Буэнос-Айрес был достаточно силен, чтобы нанести поражение своим противникам. 1861 год н.э. Теперь она на своих собственных условиях вновь вошла в Конфедерацию, столицей которой снова стал ее главный город.

1865 год н.э. Деятельность восстановленной Конфедерации до сих пор не была полностью мирной. Война с Парагваем затянулась. Произошло восстание гаучо, подавить которое было нетрудно. 1870-72 гг. н.э. Важная провинция Энтре-Риос восстала с оружием в руках и была возвращена к своим обязанностям после двух лет войны. Еще позже (1874) вспыхнуло восстание в связи с выборами нового президента. Но энергия, которая раньше вдохновляла революционные движения, кажется, приходит в упадок, и этот последний беспорядок был

подавлен в ходе кампании продолжительностью не более семидесяти шести дней. Сейчас преобладают более мягкие настроения, особенно в городах Конфедерации. Мнения по-прежнему расходятся. Одна партия стремится способствовать сплоченной и эффективной национальной жизни; другая хотела бы сохранить и усилить разделение провинций; третья - партия беспорядка, силы которой подтачивает растущее процветание страны, — стремится разжечь революционные движения в надежде на выгоду или просто из-за беспокойства духа. Но эти антагонизмы в значительной степени утратили ядовитый характер, который они когда-то носили. Единственными постоянными нарушителями национального спокойствия являются индейцы, которым принадлежит почти половина территории Аргентины и против которых непрерывно ведутся кровопролитные пограничные войны.

Однако очевидно, что объединение четырнадцати провинций не опирается на удовлетворительную или постоянную основу и что окончательное урегулирование едва ли может быть осуществлено иначе, чем обычным методом применения силы. Провинция Буэнос-Айрес, хотя в ней проживает всего одна четвертая населения, содержит три четверти богатства,^[53] и полностью несет девять десятых налогов провинций конфедерации. Остальные тринадцать провинций имеют абсолютный контроль над правительством; и расходы в значительной степени увеличились, как и должно быть, когда лица, пользующиеся привилегией расходовать средства, освобождены от бремени их предоставления. Такое положение дел весьма и не без оснований не нравится богатой провинции Буэнос-Айрес; и представляется вероятным, что жители этой провинции рано или поздно силой выберутся из Конфедерации, бремя и преимущества которой распределены столь неравномерно.

Четырнадцать провинций Аргентинской конфедерации занимают площадь в 515 700 квадратных миль и, таким образом, почти равны шести странам размером с Великобританию. Население, занимающее эту огромную территорию, насчитывает всего два миллиона человек. В пределах их границ преобладают самые разные температуры. В Южной Патагонии холод почти такой же сильный, как на Лабрадоре. На юге Буэнос-Айреса климат Англии; дальше на север - восхитительный климат юга Франции и севера Италии. Еще дальше на север приходит свирепая жара тропиков. На западе, на склонах Анд, выпадает мало осадков; на востоке, в направлении моря, их выпадает слишком много.

Аргентинские штаты настолько успешно содействуют иммиграции, что за несколько лет к ним присоединились от шестидесяти до девяноста тысяч человек — британцев, итальянцев, французов, немцев и швейцарцев. Таким образом, в них присутствует большой европейский элемент, который придает энергию каждому либеральному и прогрессивному импульсу. Великий город Буэнос-Айрес, в котором проживает половина населения (220 000 человек), является городом европейцев. В большинстве других городов этот европейский элемент присутствует и оказывает влияние. Далеко в глубине страны находится множество маленьких колоний, состоящих из европейцев, поселившихся на землях, дарованных правительством, занимающихся разведением овец или крупного рогатого скота, богатейших за счет быстрого увеличения своих стад на этой плодородной почве. Здесь царит полная свобода вероисповедания, и все различные оттенки протестантизма представлены в часовнях Буэнос-Айреса или в сельских колониях внутренних районов страны. Действуют две тысячи пятьсот миль железных дорог; налажена прямая телеграфная связь с Англией; провинции все теснее

сближаются благодаря строительству дорог и мостов; обширные речные системы Конфедерации пересекает множество пароходов. Люди, по-видимому, со всей серьезностью взялись за решение задачи освоения безграничных ресурсов огромной территории, которую Провидение вверило их заботам.

Наш обзор истории Южной Америки со времен обретения независимости раскрывает многое прискорбное. Однако это не раскрывает ничего такого, что могло бы удивить, и мало такого, что могло бы обескуражить. Мы видим, как руководимые священниками и, следовательно, совершенно невежественные люди сбрасывают ярмо отвратительной тирании. Мы видим, как они берут на себя функцию самоуправления без единой квалификации для выполнения этой задачи. Мы видим, как они становятся добычей незаконных и буйных вождей, эгоистичной военной и священнической олигархии. Мы наблюдаем за их борьбой, когда они идут ощупью в слепой ярости, но все еще руководствуясь здоровым инстинктом, после того как у них обманом отняли свободу. Наконец нам позволено с радостью отметить, что они начинают преодолевать беспрецедентные трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Путь, по которому они должны достичь положения упорядоченных и процветающих государств, все еще долг и труден. Однако сейчас, по крайней мере, можно поверить, что они на него вступили.

[Тревожное состояние Западных штатов продолжается без ослабления и без перспективы урегулирования. И Перу, и Боливия практически во власти Чили. Война окончена, но мир стал невозможен из-за анархии, царящей в побежденных государствах. Президент Перу находится в бегах. Президент Боливии скрылся. Ни в одной из стран нет стабильного правительства, с которым чилийцы могли бы безопасно заключить соглашение. Что кажется наиболее несомненным, так это то, что провинции, которые в наибольшем количестве производят нитрат соды, из-за экспорта которого разгорелась война, будут навсегда присоединены к Чили. Действительно, сейчас этими округами управляют чилийские функционеры.

Консервативная контрреволюция в Мексике под руководством Диаса продолжалась до 1880 года, когда президентом был избран генерал Гонсалес. Восстание в столице должно было быть подавлено до того, как могло состояться его назначение.

В Буэнос-Айресе национализм вновь вступил в борьбу с провинциализмом и одержал над ним очередную победу. В августе 1880 года национальные войска силой проникли в Провинциальное собрание и изгнали депутатов острием меча. Несколько дней спустя генерал Рока, новый президент, въехал в столицу. — Прим. Ред.]

ГЛАВА VI.

РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ.

В то время, когда испанцы открыли Новый Свет и овладели им, Римская церковь оказывала на этот народ влияние, не имевшее аналогов нигде во всем ее обширном владычестве. Религиозная война, длившаяся почти восемь столетий, наконец завершилась победой. Двадцать поколений испанцев провели свою жизнь во власти жгучего желания изгнать неверующих с земли Испании и одержать триумфы истинной веры. Служители этой религии, за которую они были готовы отдать свои жизни, снискали их безграничное почтение. Для рядового испанца религия еще не имела связи с моралью; она не осуществляла контроля над поведением. Это была совокупность верований; прежде всего, это была безрассудная преданность определенной церковной организации. Расширение власти Церкви и, если бы это было возможно, истребление всех ее врагов составляло теперь великие побуждения испанской нации.

Ни один испанец из них не находился под таким сильным влиянием этих мотивов, как добрая королева Изабелла. По настоянию своего духовника она учредила инквизицию для уничтожения еретиков; она согласилась на изгнание евреев из Испании и фактическую конфискацию их имущества. Она поощряла предприятие Колумба в надежде распространить империю Церкви на отсталые народы. Позже сам король заявил, что обращение индейцев было главной целью завоевания. Королева отправила миссионеров начать эту великую работу, как только услышала об открытии. Во всей своей официальной переписке она открыто заявляет, что ее главная забота - духовные интересы ее новых подданных. Колумб рассказывает о своем втором путешествии, что его послали “посмотреть, каким образом следует обратить индейцев в нашу святую веру”. Ему было поручено “трудиться всеми возможными способами, чтобы привести жителей Индии к познанию святой католической веры”. С ним были посланы двенадцать священнослужителей, чтобы разделить эти благочестивые труды. Чуть позже, когда его враги добивались свержения Колумба, одним из их самых смертоносных орудий было обвинение в том, что он не крестил индейцев, потому что желал рабов, а не христиан.

Поддержанная таким образом общим настроением метрополии, Церковь быстро распространилась по колониям и присвоила немалую долю их богатств. В течение четырех лет здесь уже были основаны монастыри.^[54] В течение ста лет насчитывалось тысяча двести женских монастырей. Там было полное снаряжение патриархов, архиепископов, епископов, пребентов, настоятелей, капелланов, а также приходских священников. Здесь были монахи всех мастей — францисканцы, доминиканцы, иеронимиты, Отцы Милосердия, августинцы, иезуиты. Утверждалось, что в Лиме монастыри занимают больше территории, чем во всем остальном городе. В 1644 году нашей эры из Мексики к королю пришла петиция с просьбой не допускать создания новых монастырей, поскольку эти учреждения, если им будет позволено

увеличиваться, вскоре поглотят всю собственность страны. Куда бы ни направлялись испанцы, они спешили возводить церкви. Когда завоевание Перу было еще не завершено, в Кашамалько существовала церковь, которой набожные испанцы выделили щедрую долю золота, которое они так злодейски награбили у несчастного инки. Великолепие церквей и монастырей с годами стало настолько ослепительным, что европейский ум, как говорили, не мог составить о нем никакого представления. Десятина, которая принадлежала короне, была почти полностью передана Церкви. Добровольные жертвоприношения суеверного народа, требующего искупления исключительно большого количества личных грехов, разрослись до огромной совокупности. Богатство Церкви продолжало расти до тех пор, пока, как мы видели, в Мексике она не овладела половиной всей земли в провинции.

Среди множества священнослужителей, которые поспешили на эти новые поприща предприимчивости и заработка, было очень много тех, чьи характеры были унижены, а жизнь - скандальна. Очень скоро после поселения расточительность церковников привлекла всеобщее внимание. Часто живя в уединенных местах, без контроля или наблюдения со стороны начальства, они давали волю дурным наклонностям и занимались алчностью или распущенностью.

Но мы бы жестоко ошиблись в отношении Римской церкви, если бы предположили, что все ее служители в Новом Свете соответствуют этому недостойному описанию. Внезапное знакомство со многими миллионами язычников, о существовании которых ранее никто и не подозревал, пробудило в монастырях Испании мощный импульс к миссионерской деятельности. Людям, проводившим свои праздные дни в бесполезном покое религиозного уединения, теперь открылись безграничные возможности облагораживающей полезности. Среди них было много тех, чья целеустремленность, чье полное самораспятие, чья героическая отвага и стойкость сделали бы честь самой чистой Церкви. Особенно это было верно в отношении иезуитов. Этот внушающий страх и в целом пагубный Орден в ранние дни отличался как проницательностью и административными способностями своих членов, так и их всепоглощающей преданностью интересам веры.

Индейцы с полной готовностью приняли новую религию, предложенную их завоевателями. Монахи, которые жили среди них, быстро приобрели огромное влияние. Францисканцы, отправившиеся по приглашению Кортеса, сообщили, что они нашли мексиканцев мягким народом, несколько склонным ко лжи и пьянству и нуждающимся в сдержанности, но хорошо расположенным к религии и исповедующимся настолько хорошо, что не было необходимости задавать им вопросы. Дети уже многое знали о монастыре и учили других, которые были в менее счастливом положении; они хорошо пели и грамотно аккомпанировали на органе.

Этот кроткий народ любил святых людей, которые, одеваясь просто и питаясь самой скромной пищей, неустанно трудились, делая им добро. Они охотно приняли крещение, чтобы угодить своим учителям. Действительно, единственным ограничением для увеличения числа крещеных были физические возможности миссионеров. Один отец крестил до тех пор, пока больше не мог поднимать руки. О другом утверждалось, что он совершил это таинство для четырехсот тысяч новообращенных. 1531 год н.э. Через десять лет после падения Мексики епископ сообщил, что в его епархии сейчас миллион крещеных; что пятьсот храмов и двадцать тысяч идолов были разрушены; что в их помещениях теперь находятся церкви, молельни и скиты отшельников; что, в то время как раньше идолам ежегодно приносились в жертву двадцать тысяч сердец юношей

и девушек, сердца мексиканской молодежи теперь приносятся с бесчисленными жертвами хвалы Всевышнему Богу.

Среди многих народов Индии с незапамятных времен существовала удивительная любовь к исповеданию грехов. Несмотря на все тяжелые приступы болезни, они спешили признаться в старых грехах любому, кто соглашался выслушать их рассказ. Когда они столкнулись в дикой местности с пантерой, они начали, под влиянием какого-то необъяснимого суеверия, раскрывать свои беззакония дикому зверю. Люди, столь склонные к этому, приветствовали религию, которая предлагала им свободный доступ к пользованию их заветной привилегией. В отношении этого церковного таинства они проявили “голубиную простоту, невероятное рвение”. Устное исповедание было для этих простых душ недостаточным облегчением. Они приносили исповеднику наглядное представление об особых прегрешениях, которые отягощали их. Позже, когда многие из них научились писать, они носили с собой подробные списки своих злодеяний.

Монахи пытались дать детям, находящимся на их попечении, элементы простого образования. При каждом монастыре была школа. Питер из Гента, фламандский брат-мирянин благородной преданности, построил большое здание, в котором научил шестисот мексиканских детей читать, писать и петь.^[55] Этот хороший человек хорошо знал мексиканский язык и при необходимости мог проповедовать. Пятьдесят тяжелых лет он провел в трудах по наставлению покоренного народа; и многие из его братьев были столь же усердны.

Но среди миллионов жителей Южной Америки эти усилия, столь замечательные по качеству, были совершенно незначительными по объему. Они также были сорваны убийственной жестокостью, которую проявляли испанцы, и народ остался совершенно необразованным. Обращение страны происходило так быстро, что через несколько лет местные религии исчезли, и казалось, что индейцы повсеместно приняли христианство. Но перемена в значительной степени основывалась на страхе перед тиранами, или любви к своим учителям, или авторитете вождей, которые сочли целесообразным принять веру людей, всегда побеждавших в битвах. Лишь в нескольких случаях это было результатом разумного убеждения. Священники с готовностью крестили всех местных жителей, которые разрешали проводить церемонию, потому что это было верным залогом их вечного благополучия. Но с самого раннего периода бытовало мнение, что туземцы были неспособны постичь первые принципы веры. Руководствуясь этим убеждением, собор в Лиме постановил исключить их из таинства Евхаристии. Вплоть до упадка испанского владычества немногим индейцам разрешалось общаться, становиться членами какого-либо религиозного ордена или быть рукоположенными в священники. Под маской исповедания христианства индейцы всегда сохраняли тайную любовь к языческой вере своих отцов и до сих пор тайно практикуют ее обряды.^[56]

Монахи повсюду были горячими друзьями и защитниками индейцев. В очень ранний период доминиканцы проповедовали против индийского рабства “очень пронзительными и ужасными словами”. Они отказывались исповедовать людей, которые были жестоки по отношению к индейцам, — лишение, которое тяжело переживалось, ибо для испанца того времени, с его перегруженной совестью, исповедь была жизненной необходимостью. 1537 год н.э. Сам папа римский отлучил от церкви всех, кто обращал индейцев в рабство или лишал их имущества. Мы видели, как благородно и как тщетно добрый Лас Касас вступился за индейцев. Усилия благонамеренных отцов были безуспешны почти во всех направлениях. Но эта неудача не была

результатом недостатка ни в усердии, ни в осмотрительности. История Римской церкви омрачена многочисленными преступлениями против благополучия человеческой семьи; но она может с справедливой гордостью вспоминать героические усилия, которые ее сыновья прилагали во имя глубоко обиженных коренных народов.

Служители Церкви в двух памятных случаях имели возможность продемонстрировать свои способности к управлению, разительно отличаясь от гражданских правителей, которых поставляла метрополия.

На границе с провинцией Гватемала находился участок лесов и гор, населенный индейским народом, отличавшимся исключительной свирепостью. Трижды испанцы пытались подчинить себе этот народ, и трижды они были отброшены назад. Они не решались возобновить вторжение, которое принесло только поражение и потери, и храбрые дикари продолжали наслаждаться ненадежной независимостью. В 1537 году н.э. Лас Касас сделал предложение губернатору, что он передаст эту территорию королю Испании при условии, что она не будет передана ни одному испанцу, и что, действительно, ни одному испанцу, за исключением самого губернатора, в течение пяти лет не будет позволено въезжать на нее. Предложение было принято, и храбрый монах, уверенный в силе правды и доброты, приготовился выполнить свой контракт.

Посвятив несколько дней молитве и посту, Лас Касас и его спутники приступили к составлению изложения великих доктрин христианской религии. Они рассказывали о сотворении мира, о грехопадении человека, о его изгнании из прекрасного сада, в котором он был помещен. Затем они рассказали о его восстановлении, о смерти и воскресении Христа и о грядущем суде. Они закончили решительным осуждением идолов и человеческих жертвоприношений. Произведение было написано в стихах и на языке народа, для которого оно было предназначено. Затем отцы заручились сотрудничеством четырех местных торговцев, которые по коммерческим соображениям привыкли посещать страну воинственных дикарей. Этих дружелюбных торговцев научили сначала повторять стихи, а затем петь их под аккомпанемент индийских инструментов.

Купцы были приняты вождем в его собственном доме; и они оплатили ему за гостеприимство и снискали его расположение, преподнеся ему в дар ножницы, ножи, зеркала и тому подобные предметы, которыми заботливые отцы снабдили их. Закончив день торговли, они позаимствовали музыкальные инструменты и продолжили петь свое послание толпе, которая их окружала. Они привлекли немедленное и пристальное внимание дикарей, которые приветствовали их как посланцев новых богов. Каждый день из следующих семи песня повторялась по желанию вождя, и каждое повторение, казалось, усиливало произведенный эффект. Затем купцы рассказали о добрых отцах, которые их послали, — об их одежде, об их образе жизни, об их любви к индейцам, об их равнодушии к золоту, которому поклонялись другие испанцы. Было отправлено посольство с просьбой о визите кого-нибудь из отцов церкви. Просьба была немедленно удовлетворена; но, зная непостоянство ума дикарей, благоразумные монахи пока не стали рисковать потерей более чем одного из своего числа. Отец Луис вернулся с послом. Мгновенно была построена церковь: вождь за короткое время объявил о своем обращении в новую веру, и его люди преданно последовали за ним. Перемены были длительными, и меры, принятые Лас Касасом для защиты индейцев, осуществляемые королем, были в значительной степени эффективными. 1630 год н.э. Столетие спустя город Рабиналь,

основанный монахами, был описан посетившим его испанцем как находящийся в самом цветущем состоянии, с населением в восемьсот индейских семей, которые наслаждались “всем, чего только может пожелать сердце в удовольствиях и жизни человека”.

Спустя столетие после завоевания иезуиты проникли в обширные внутренние области Парагвая. Они прибыли как религиозные учителя, но им было разрешено торговать с туземцами, чтобы они могли за счет своей коммерческой выгоды покрывать расходы на свою миссионерскую деятельность. В обеих провинциях своего предприятия они оказались разочарованными бесчинствами своих соотечественников. Дикари неохотно вели торговлю с такими беспринципными людьми, как коммерческие испанцы; они отказались принять новую веру по предложению людей столь алчных и распущенных, как духовные испанцы. Иезуиты, чья проникательность и умение управлять делами были тогда непревзойденными, добились от короля исключения всех иностранцев с территории Парагвая; в обмен на эту привилегию они были обязаны платить его величеству ежегодный налог в размере одного доллара за каждого крещеного индейца, жившего под их властью. Защищенные таким образом, миссионеры приступили к обучению дикарей и формированию из них общин. Их жизнь была безукоризненно чиста; искренность их доброты подтверждалась их явным самоотречением; мудрость введенных ими мер быстро получила одобрение растущего благосостояния населения. Всего за несколько лет иезуиты завоевали доверие индейцев, над которыми они отныне осуществляли абсолютный и неограниченный контроль.

Они объединили в небольшие поселения несколько, не менее пятидесяти, кочующих семей, которым они передали искусство земледелия. Детей учили читать, писать, петь. В каждом населенном пункте судья, выбранный жителями, поддерживал общественный порядок и вершил правосудие. Дикари охотно приняли веру, которую добрые отцы рекомендовали им перенять. Они были снисходительны к суевериям своих подданных, и принятие новой веры ускорило благодаря ее готовности существовать в гармоничном сочетании со многими обрядами старой. Со временем власть иезуитов распространилась на население в один миллион пятьсот тысяч человек, все из которых приняли христианское крещение; и они могли выставить на поле боя шестьдесят тысяч отличных солдат.

Отцы регулировали все заботы своих подданных. Все имущество было общим. Каждое утро, отслушав мессу, люди выходили на работу в соответствии с наставлениями отцов церкви. Собранный урожай хранился для общего блага и распределялся в соответствии с потребностями каждой семьи. Никакие одурманивающие вещества не разрешались. Строгая дисциплина поддерживалась нашивками, которые раздавались на общественной рыночной площади, и принимались безропотно покорными туземцами. Когда чужаки непрошеным гостем проникали в страну, миссионеры вставали между своими новообращенными и предполагаемым загрязнением окружающей среды. Незнакомца гостеприимно принимали и вежливо сопровождали от одной станции к другой, пока он не достиг границы, при этом ему не было предоставлено никакой возможности вступить в сношения с местными жителями.

С 1640 по 1770 год нашей эры правление иезуитов было в высокой степени выгодно парагвайцам. Почва была достаточно обработана, чтобы обеспечить достаточное содержание для всех. Образование было широко распространено; церкви были многочисленными и богато украшенными; люди были миролюбивы, довольны, жизнерадостны. Во всех условиях, которые делают человеческую жизнь желанной, поселения иезуитов в течение периода, длившегося

значительно более столетия, резко и красиво контрастируют со всеми другими колониальными владениями Испании.

Но в то время как парагвайские иезуиты были столь благородно заняты восстановлением упавшего положения дикарей, которыми они правили, их собратья в Европе навлекли на себя ненависть человечества своими злыми и опасными интригами, в которые им доставляло удовольствие ввязываться. 1767 г. н.э. Римская церковь сама изгнала их. Они были изгнаны из Испании. Орден был распущен папой римским. Падение этой беспринципной организации стало в большинстве стран избавлением от постоянного раздражения и опасности; в Парагвае это было катастрофой. 1773 год н.э. Страна приняла новых и недееспособных правителей и была разделена на новые провинции. Она быстро упала с высоты, на которую возвели ее отцы, и погрузилась в анархию и нищету, которыми были характеризованы ее соседи.

ГЛАВА VII.

Бразилия.

Король Португалии Иоанн, которому Колумб первым предложил свой проект открытия, был глубоко огорчен, когда успех великого мореплавателя показал великолепие упущенной возможности. До тех пор Португалия занимала ведущее место как исследователь неизведанных регионов. Она уже добилась открытия всех западных берегов Африки и теперь собиралась открыть новый маршрут на Восток мимо мыса Доброй Надежды. Внезапно ее слава была омрачена. В то время как она занималась мелкими и бесплодными открытиями, Испания нашла, почти не утруждая себя поисками, новый мир огромных размеров и безграничных богатств.

Португалия получила от папы римского пожалование всех земель, которые она должна была открыть в Атлантическом океане, с дополнительным преимуществом полного прощения грехов всех лиц, которые должны были умереть, участвуя в исследовательской работе. Монархи Испании были столь же предусмотрительны в отношении новой территории, которую они сейчас приобретали. Они обратились к папе Александру Шестому, который, как наместник Христа, обладал признанным правом распоряжаться по своему усмотрению всеми территориями, населенными язычниками. У этого способного, но в высшей степени распутного понтифика они попросили буллу, которая должна была подтвердить их право владения всеми прошлыми и будущими открытиями в западных морях. Уступчивый папа, желая угодить обеим державам, разделил мир между ними. В 1493 году н.э. Он протянул воображаемую линию от полюса до полюса на сто лиг к западу от островов Зеленого мыса: все открытия на восточной стороне этой границы были переданы Португалии, в то время как те, что на западе, стали

собственностью Испании. Португалия, недовольная огромным подарком, предложила провести другую линию, протянувшуюся с востока на запад, и чтобы она могла свободно владеть всеми землями, которые она сможет найти между этой линией и Южным полюсом. Испания возражала против такого огромного вычета из ее ожидаемых владений. 1494 г. н.э. В конечном счете Испания согласилась с тем, что папская граница должна быть перенесена на запад на расстояние двухсот семидесяти лиг от островов Зеленого мыса; и таким образом спор был благополучно прекращен.

1500 г. н.э. Через шесть лет после этой странной сделки, в результате которой два небольших европейских государства разделили между собой все неизведанные части Земли, португальский мореплаватель Педро Альварес Кабрал отплыл с Тежу в поисках новых открытий на Востоке. Он вышел далеко в Атлантику, чтобы избежать штилей, которые обычно затрудняли навигацию у берегов Гвинеи. Его расчеты были неточными, и океанские течения отнесли его корабли на запад, в регионы, которые он не собирался искать. После сорока пяти дней плавания он увидел перед собой незнакомую и неожиданную землю. В поисках мыса Доброй Надежды он достиг берегов великого Южноамериканского континента и поспешил заявить права на найденную им территорию для короля Португалии, но относительно размеров которой у него пока не было никаких предположений. Три испанских капитана уже высадились в этой части континента и заявили о праве Испании на ее владение. В течение многих лет Испания вяло отстаивала право, предоставленное приоритетом открытия. Но Португалия, для которой интерес к богатствам Нового Света был предметом страстного вождения, вступила в фактическое владение этой землей. Она посылала солдат; она строила крепости; она усмиряла диких туземцев; она основывала колонии; она учреждала правительства провинций. Хотя Испания формально не отказалась от своих притязаний, она постепенно отказалась от попыток навязать их; и огромная территория Бразилии стала признанным уделом маленького европейского государства, площадь которого едва превышала сотую часть того, что она так легко приобрела.

В течение трехсот лет Бразилия оставалась в колониальном подчинении Португалии. Ее границы были в полном беспорядке, и ни один человек на всей этой обширной границе не мог определить границы португальского владычества. Ее индейцы были свирепы и с нетерпением переносили набеги чужеземцев на их владения. Французы захватили залив Рио-де-Жанейро. Голландцы завоевали обширные территории на севере. Но с течением лет эти трудности были преодолены. В 1654 году нашей эры иностранцы были изгнаны. Местные жители были укрощены, частично с помощью оружия, частично благодаря учению ревностных миссионеров-иезуитов. Был достигнут определенный прогресс в открытии обширных внутренних районов страны и установлении ее границ. На побережье увеличилось население и возникли многочисленные поселения. Было введено выращивание кофе, которое с тех пор стало ведущей отраслью промышленности Бразилии. В 1750 году нашей эры было создано несколько простых производств, и страна начала экспортировать излишки своей продукции в Европу. Было много плохого правления, ибо деспотические наклонности генерал-капитанов, правивших страной, едва ли смягчались авторитетом отдаленного Лиссабонского двора. Вражда Испании никогда не прекращалась и время от времени выливалась в расточительные и кровопролитные пограничные войны. Иногда жители городов поднимали восстания против монополий, которыми нечестивые правители причиняли им зло. Время от времени между различными провинциями вспыхивали ссоры, и не было найдено никакого способа унять их, кроме войны. 1711 Год н.э. Однажды город Рио-де-Жанейро был разграблен французами. Бразилия в полной

мере испытала на себе страдания, которые во все века были вызваны глупостью и злобным характером людей. Это препятствовало, но не полностью препятствовало освоению ее огромных ресурсов.

В течение восемнадцатого века бразильский народ начал более справедливо, чем раньше, оценивать элементы национального величия, которые его окружали, и понимать, насколько неразумно, что страна, почти такая же большая, как Европа, должна оставаться в довольной зависимости от одного из самых незначительных европейских государств. Английские колонии в Северной Америке сбросили иго метрополии. Воздух был полон тех идей свободы, которые годом или двумя позже принесли плоды во Французской революции. Стремление к независимости распространилось среди бразильцев и выразилось в непродуманном восстании в провинции Минас-Жераес. Но движение было легко подавлено, и португальское правительство еще некоторое время сохраняло свою власть над этим благороднейшим из колониальных владений.

В первые годы Французской революции Португалии было позволено в безмятежном спокойствии наблюдать за дикими беспорядками, от которых страдали другие европейские нации. В конце концов императору Наполеону показалось, что обладание португальским королевством, и особенно португальским флотом, было подходящим шагом в его смелом продвижении к мировому господству. 1807 год н.э. Французская армия вошла в Португалию; единственная фраза в *Moniteur* сообщила миру, что “Дом Браганса прекратил правление”. Французские войска так сильно пострадали на своем марше, что еще до того, как они достигли Лиссабона, они были неспособны к наступательным операциям. Но правительство было настолько робким, нация была так основательно подавлена страхом перед Наполеоном, что она была полна решимости не оказывать сопротивления. Столица Португалии с трехсоттысячным населением и четырнадцатитысячной армией открыла свои ворота полутора тысячам оборванных и голодающих французов, желавших свергнуть трон и превратить страну во французскую провинцию.

Прежде чем это унижительное подчинение было завершено, королевская семья собрала свои самые ценные вещи и с длинной вереницей последователей,^[57] отплыла в Бразилию. Безумную королеву сопровождали к месту посадки принц-регент и все принцы и принцессы семьи, все в слезах: толпы людей, собравшихся посмотреть на отъезд, громко кричали и плакали. Люди героического склада были бы готовы удержать столицу государства или погибнуть в ее развалинах; но малодушные жители Лиссабона довольствовались тем, что оплакивали самих себя. Бросив последний взгляд на удаляющиеся корабли, они поспешили встретить своих победителей и удовлетворить их нужды.

Присутствие правительства ускорило промышленный прогресс Бразилии. Принц-регент (который через несколько лет стал королем) начал свое правление с открытия бразильских портов для торговли всех дружественных стран.^[58] 1815 год н.э. Семь лет спустя было официально постановлено, что колониальное существование Бразилии должно прекратиться. Теперь она была возведена в достоинство королевства, объединенного с Португалией под одной Коронай. Ее торговля и сельское хозяйство росли; она начала считать низшей страну, от которой еще недавно находилась в зависимости.

1820 год н.э. Изменившиеся отношения двух государств вызвали недовольство народа Португалии. Совет, которым управлялись дела королевства, стал непопулярен. Требование

конституционного правления распространилось из Испании в Португалию. Португальцы желали снова увидеть своего короля в Лиссабоне и громко требовали его возвращения. Король неохотно согласился с желанием своего народа; ибо, помимо других, более серьезных причин, по которым ему не следовало покидать Бразилию, его величество очень опасался неудобств морского путешествия. 1821 год н.э. Его сын, наследник его трона, стал регентом в Бразилии.

Бразильцы были возмущены уходом короля. Португальцы замыслили еще более глубокое унижение для государства, чье недавнее обретение достоинства все еще было для них оскорблением. От кортесов поступил приказ о том, что принц-регент также должен вернуться в Европу. Теперь бразильцы жаждали, чтобы узы, связывавшие их с метрополией, были разорваны. Принцу-регенту было настоятельно рекомендовано проигнорировать призыв вернуться. После некоторых колебаний он исполнил общее желание и намекнул на свое намерение остаться в Бразилии. 1822 год н.э. Несколько месяцев спустя он был провозглашен императором, и союз двух королевств прекратился. Было создано конституционное правительство. Но администрация императора не была достаточно либеральной, чтобы удовлетворить желания своего народа. 1831 г. н.э. После девяти лет растущей непопулярности он отказался от короны в пользу своего сына, тогда пятилетнего ребенка, а сейчас (1881 г.), хотя все еще находится в среднем возрасте, старейшего монарха в мире.

Бразилия занимает почти половину Южноамериканского континента и, следовательно, имеет площадь, почти равную площади восьми штатов испанского происхождения, которыми она ограничена. Она такая же большая, как британские владения в Северной Америке; она больше Соединенных Штатов, за исключением нехоженных пустошей Аляски. Одна, и то не самая крупная, из двадцати ее провинций в десять раз больше Англии. Наконец, ее площадь равна пяти шестым площади Европы.^[59] Длина морского побережья составляет четыре тысячи миль. У нее великолепная система речного сообщения; только по Амазонке и ее притокам можно судоходствовать на протяжении двадцати пяти тысяч миль в пределах территории Бразилии. Ее минеральные богатства настолько велики, что губернатор одной из ее провинций имел обыкновение во время религиозных процессий ездить верхом на лошади, подковы которой были из золота; а бриллианты королевской семьи оцениваются в три миллиона фунтов стерлингов. Ее почва и климат сговорились наделить ее сельское хозяйство непревзойденным богатством, которому, вероятно, нет равных. Урожайность хлопка с акра в Бразилии в четыре раза выше, чем в Соединенных Штатах. Пшеница дает отдачу в тридцать-семьдесят раз; кукуруза - в двести-четырееста раз; рис - в тысячу раз. Бразилия поставляет почти половину кофе, который потребляет человечество. На ее благодатной почве произрастает бесконечное разнообразие растений. Сахар и табак, а также хлопок, кофе и чай являются основными продуктами производства. В тропиках нет недостатка ни в чем, что дает урожай, и во многих частях империи растительность умеренных зон чрезвычайно продуктивна. Энергия растительной жизни повсюду избыточна. Семена мангровых деревьев пускают побеги до того, как упадут с родительского дерева; поникшие ветви деревьев пускают корни, когда касаются земли, и начинают самостоятельное существование; древесина, расщепленная для заборов, спешит пустить листья; травы и другие растения переплетаются и образуют мосты, по которым путешественник может безопасно ходить.

Но малочисленного населения Бразилии совершенно недостаточно, чтобы подчинить себе огромную территорию, на которой они поселились, и использовать ее огромные возможности для обеспечения благосостояния человека. По самым высоким оценкам, население Бразилии

составляет от одиннадцати до двенадцати миллионов человек.[60] Таким образом, на каждую квадратную милю ее поверхности приходится едва ли четыре жителя, в то время как в Англии их более четырехсот. Обширные леса все еще затемняют ее почву, а буйство тропического подлеска делает их почти непроницаемыми для человека. Здесь простираются бескрайние просторы дикой природы, недостаточно исследованные, по которым все еще бродят дикие и часто враждебно настроенные индейцы. Предпринимались настойчивые, но не слишком успешные усилия по привлечению европейской, а теперь и китайской иммиграции. Однако население продолжает увеличиваться такими темпами, что оно почти на два миллиона больше, чем было десять лет назад. Но эти присоединения тривиальны, если рассматривать их применительно к работе, которую еще предстоит выполнить. Говорят, что до сих пор не освоено и даже не обнаружено не более ста пятидесятой части сельскохозяйственных ресурсов Бразилии. Сельскохозяйственная продукция страны, насколько ее количество можно определить по объему экспорта, не демонстрирует никакой тенденции к увеличению.[61]

Бразилия страдает не только от нехватки населения, но еще больше от нежелания ее народа подвергаться изнурительному сельскохозяйственному труду в изнуряющей жаре ее знойных равнин. Цветное население выбирает другие профессии и стекается в города. Когда-то их принуждали к полевым работам. Рабство сохранялось в Бразилии после того, как от него отказались все другие христианские государства. Только в 1871 году Бразилия с позором избавилась от этой незаконной системы. В том же году было постановлено, что дети рабынь должны быть свободными, при условии, однако, прохождения ученичества продолжительностью в двадцать один год, в течение которого они должны работать на хозяев своих матерей. С тех пор как был принят этот закон, в значительной степени произошла добровольная эмансипация; и рабов в Бразилии, которых когда-то насчитывалось два с половиной миллиона, сейчас около миллиона.[62] Вольноотпущенники избегают полевых работ, а места, которые они покидают, едва заполняются за счет иммиграции или естественного прироста. Таким образом, нарушается сельскохозяйственный прогресс — зло, которое, вероятно, будет ощущаться еще острее по мере того, как эмансипация негров будет приближаться к своему завершению. Нельзя надеяться на достаточное средство от этого зла до тех пор, пока на земле сохраняются какие-либо остатки рабства.

Законодательный орган Бразилии избирается народом, при этом обязательным условием для избирателя является годовой доход в размере двадцати фунтов стерлингов. Три кандидата на должность сенатора избираются каждым избирательным округом, и император определяет, кто из трех получит назначение. Члены Нижней палаты избираются путем не прямых выборов. Каждые тридцать избирателей выбирают выборщика, и выбранные таким образом выборщики назначают депутатов. Осуществление права голоса является обязательным; пренебрежение правом голоса наказывается наложением штрафных санкций. Каждая из двадцати провинций, на которые разделена империя, имеет свой собственный законодательный орган с президентом, назначаемым правительством общей юрисдикции. Полномочия, которыми обладают правительства провинций, обязательно велики.

Конституция наделяет императора “сдерживающей властью”, которая позволяет ему, когда он пожелает, нарушать желания своих Палат. Он может уволить министра, имеющего значительное большинство в обеих палатах; он может не санкционировать меры, которые были приняты Законодательным собранием. В Бразилии нет наследственного дворянства, но существует щедрое распределение знаков отличия, которые сохраняются только на всю жизнь

получателя. Считается, что право даровать эти желанные почести наделяет императора определенной властью, которая не чревата опасностью для общественных свобод.

Но жизненный путь Бразильской империи был в значительной степени отмечен спокойствием и прогрессом, и массы народа не проявляют никакого стремления к переменам. Они пострадали от иностранной войны[63] и от внутренних раздоров; но их страдания были незначительными по сравнению с страданиями соседних с ними испанских государств. До сих пор их тихое и лишенное приключений правительство давало им покой, и до сих пор они довольны. Три четверти населения Бразилии принадлежат к смешанной расе, ведущими элементами которой являются индейцы и негры. Они глубоко невежественны, ибо, хотя введено обязательное образование, его прогресс пока незначителен.[64] То, чего может потребовать пробужденный интеллект бразильской нации в будущие годы, выходит за рамки человеческих прогнозов. Маловероятно, что политические комбинации, которые невежественный и ленивый народ принял от рук своих правителей, будут продолжать приносить удовлетворение, когда национальный разум отбросит свою апатию. Бразилии повезет больше, чем другим государствам, если она достигнет стабильного политического состояния иным путем, чем привычным путем гражданских раздоров и кровопролития.

Мистер Брайт сказал, что в истории, древней или современной, нет события, которое по величию и постоянству могло бы сравниться с открытием Американского континента Христофором Колумбом. Это крупное утверждение, но, бесспорно, справедливое. Открытие Америки положило начало эпохе, совершенно отличной от всех предшествовавших ей. Почти треть территории нашего мира была практически бесполезна для человечества — ее населяли дикари, которые поддерживали свою никчемную жизнь за счет убийства животных, едва ли более свирепых, чем они сами. Внезапно затерянный континент обнаруживается, и его неисчислимы богатства добавляются к сумме человеческих владений. Европа с трудом поддерживала своими грубыми методами ведения сельского хозяйства даже то немногочисленное население, которое она содержала; здесь были дома и средства к существованию, достаточные для всех. Европа управлялась методами, еще более варварскими, чем ее сельское хозяйство; здесь была арена, достойная великого эксперимента человеческой свободы, на которую жаждали выйти лучшие представители ее народа. Европа была привержена множеству старых и пагубных институтов — наследию самых мрачных веков, — ни один из которых не мог быть свергнут иначе, как путем расточительной борьбы; здесь, свободные от затруднений, созданных временем и ошибками, могли быть установлены институты, которых требовали потребности новых поколений, и Европа могла ознакомиться с их качеством, прежде чем приступить к их принятию. Человеческая семья была очень бедна; ее низшие классы были раздавлены нищетой до состояния убожества и порока. Сразу же общее наследие было значительно увеличено, и перед всеми открылись возможности благополучия, о которых раньше и не мечтали. Храброе сердце Колумба учащенно билось, когда он смотрел с палубы своего маленького корабля на берега нового света и испытывал торжественную благодарность за то, что Бог избрал его для совершения великого дела. Мы признаем в этом одином, стойком человеке величайшего благодетеля человечества, которого когда-либо знала раса. За ним стояли столетия угнетения и страданий, невежества и унижения. Перед ним, невидимая человеческому глазу, в результате его триумфа простиралась медленная, но неуклонная эволюция влияний, которым суждено преобразовать мир.

На долю трех европейских государств, объединенная площадь которых едва превышала сороковую часть Американского континента, выпало завершить работу, начатую Колумбом; руководить масштабной революцией, которую его труды сделали неизбежной. Англия, Испания и Португалия смогли завладеть землями, лежащими между Атлантическим и Тихим океанами; и они взяли на себя ответственность за формирование будущих наций, которые в конечном итоге должны будут заселить эти земли. Они приступили к выполнению важной задачи под влиянием мотивов, которые были исключительно эгоистичными. В их руки попал великолепный приз; их единственной заботой было извлечь из него как можно большую выгоду для себя. Этим огромным владениям суждено было навсегда остаться колониальной зависимостью; их обитатели должны были навсегда остаться в несовершенном положении колонистов — людей, которые трудятся отчасти для собственного блага, но еще больше для блага метрополии. Европейские хозяева Америки были схожи в эгоизме своих целей, в своем полном непонимании оказанного им доверия. Но они сильно различались в отношении методов, с помощью которых стремились осуществить свои цели; и разница в результатах была соответственно велика.

Американские колонии Англии были основаны лучшими и мудрейшими людьми, которые у нее были, — людьми, проникнутыми страстной любовью к свободе и решительными в ее защите. Эти люди отправились искать пристанища в Новом Свете и зарабатывать себе на жизнь честным трудом. Англия наложила несправедливые ограничения на их торговлю и подавила их мануфактуры, чтобы она сама могла извлекать выгоду из удовлетворения их потребностей. Но до тех пор, пока ее торговцы наживались на торговле с колониями, она позволяла правительству колоний руководствоваться свободным духом ее собственных институтов. Колонисты сами вели свои общественные дела и таким образом приобрели навык и умеренность, которых требует работа самоуправления. С течением лет они отказались от верности метрополии и основали независимое правительство, при котором не существует привилегированного класса, а утверждается и поддерживается равенство прав человека. Сегодня английские колонии образуют одну из величайших наций на Земле, с населением в пятьдесят миллионов человек, образованную, пользующуюся всеми политическими правами, более богато обеспеченную элементами материального благосостояния, чем когда-либо был какой-либо другой народ.

Прогресс, с помощью которого английские колонии в Америке продвинулись к главенствующему положению, которое они сейчас занимают, преподал Европе уроки неоценимой ценности. В очень ранний период ее истории из Америки вернулись могущественные силы, чтобы свергнуть зло, от которого люди бежали туда, чтобы избежать. Свобода совести, которой никогда не переставали восхищаться первые Паломники, не только привлекла многих последовать за ними, но и придала смелости тем, кто остался, для успешного отстаивания своих прав. Отстаивание колонистами своей политической независимости ускорило все свободные порывы в Европе и подготовило падение деспотического правительства. Европа наблюдала за растущим величием нации, в которой все люди принимали участие в разработке законов, по которым они жили; в которой все пользовались совершенной свободой и равенством возможностей; в которой религия укреплялась благодаря спонтанной щедрости отдельных верующих; в которой постоянные армии были практически неизвестны, а средства народа не тратились впустую на военные приготовления. На протяжении долгого и ожесточенного противостояния, в котором Западная Европа победила деспотизм, пример Америки подтверждал растущую веру в то, что свобода необходима для благополучия человека, и укреплял сердце каждого патриота в стремлении к усилиям и жертвам, которых требовало это благородное предприятие.

История Испанской Америки представляет собой почти во всех отношениях разительный и мрачный контраст с историей Северного континента. Испанские завоеватели были людьми, обладавшими непревзойденными боевыми способностями, но они были жестоки, суеверны и глубоко невежественны. Они отправились в Новый Свет с целью силой или обманом завладеть золотом и драгоценными камнями, которыми был богат континент, а затем поспешить домой, чтобы роскошно жить в Испании. В своих алчных поисках они топтали коренное население с убийственной жестокостью, которая является поношением имени человека. С другой стороны, местные жители подвергались угнетению со стороны правительства метрополии. Их торговля была скована; им не разрешалось оказывать никакого влияния на ведение их собственных общественных дел; не предпринималось никаких действий, чтобы рассеять невежество, царившее на злополучном континенте. Они научились ненавидеть правительство, которое таким образом злоупотребило своим доверием; и когда они поднялись с оружием в руках для его свержения, они проявили неукротимую свирепость, которую едва ли превзошли сами завоеватели. Их полвека независимости были наполнены разрушительными гражданскими войнами, которые препятствовали прогрессу и почти запрещали его.

В руках Испании этот прекрасный регион не смог внести сколько-нибудь существенного вклада в благосостояние человечества. Эта часть подарка, привезенного Колумбом, попала в неподходящие руки и пришла почти в негодность. Можно разумно надеяться, что Испанскую Америку ждет лучшее будущее; но ее прошлое следует рассматривать как гигантский провал. Ее народ ничему не научил мир. Они послужили миру историей, богатой предупреждениями, но лишенной примеров.

КОНЕЦ.

СНОСКИ

[23] Огромный кипарис, за которым Кортес прятался в какой-то период во время Ночи Триста, все еще сохраняет некоторую долю жизнеспособности. Рядом с ним стоит “Церковь печальной ночи”. Трамвайная линия ведет к храму в Такубе, где, как говорят, на следующий день он проводил смотр своим войскам. Часть храма была снесена, чтобы освободить место для трамвайных путей.

[24] Берналь Диас.

[25] См. [страницу 434](#).

[26] Было подсчитано, что выкуп, уплаченный инкой, был бы равен, если допустить большую ценность денег в то время, трем или четырем миллионам фунтов стерлингов в настоящее время. Это дало сумму, равную для каждого пехотинца 4000 фунтам стерлингов, а для каждого всадника - 8800 фунтам стерлингов.

[27] Заключенному были предъявлены обвинения в узурпации короны и убийстве своего брата; в растрате доходов страны; в идолопоклонстве и многоженстве; в попытке подстрекательства к восстанию против испанцев.

[28] Доблестный Де Сото, в последующие годы открывший Миссисипи, отсутствовал в лагере, когда Атауальпа был казнен. Вернувшись, он упрекнул своего вождя в неудачной сделке и утверждал, что инка был подло оклеветан. Писарро, по-видимому, раскаявшийся, признал, что поступил опрометчиво.

[29] Ни один инка не жил во дворце своего предшественника; каждый строил для себя.

[30] В этом, однако, мексиканцы были ненамного более свирепыми, чем испанцы. После падения Мексики Кортес отпустил своих союзников-индейцев с различными подарками, среди которых было множество тел убитых врагов, тщательно засоленных для сохранения.

[31] Постановление, установленное королевским указом от 1601 года, иллюстрирует дух, которым проникнуто испанское законодательство. Отпуск предоставляется для того, чтобы нанять индейцев на выращивание коки. Но поскольку кока выращивается в дождливых районах и на влажной почве, и вследствие этого индейцы заболевают, хозяину плантации запрещается под страхом наказания разрешать индейцам приступать к работе, пока им не предоставят сменную одежду.

[32] Это пренебрежение продолжалось почти до конца. Герцог Ньюкаслский, отвечавший за колонии во время правления сэра Роберта Уолпола, настолько пренебрегал своими обязанностями, что перестал даже читать письма, приходившие к нему из Америки. “Никто не поверит, какие кипы бумаг, представлений, мемориалов, петиций из этой части света лежали заплесневелыми в его кабинете”.

[33] Это невыносимое взыскание со временем сократилось до одной пятой и, наконец, до одной двадцатой.

[34] Их количество было увеличено до четырех и, наконец, до шести, поскольку колонии становились более густонаселенными.

[35] Эта дань уважения варьировалась в разных провинциях. В Мексике он составлял около четырех шиллингов в год и взимался с каждого мужчины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет. За последнее время со всех колоний было собрано около полумиллиона фунтов стерлингов, и собрать их удалось с трудом из-за крайней бедности индейцев.

[36] Предположение, в котором добрый человек горько раскаялся, когда огромное зло, проистекающее из него, начало проявляться само собой.

[37] Кромвель очень интересовался благосостоянием этого острова. Через тридцать лет после того, как Отцы-пилигримы обосновались в Массачусетсе, он пригласил их переехать на Ямайку. Но Отцы отказались возобновить свое паломничество; они мудро решили остаться там, куда привело их Провидение и где их потомкам было суждено стать великой нацией.

[38] Однако в 1873 году был принят законопроект об отмене рабства в Пуэрто-Рико.

[39] Это было население по переписи 1867 года. Она была серьезно уменьшена войной, начавшейся в следующем году; но размер потерь точно не установлен.

[40] Расходы 1878 года составили 16 000 000 фунтов стерлингов, в то время как доходы не превысили 11 000 000 фунтов стерлингов.

[41] Кубинская бумажная валюта составляет 13 000 000 фунтов стерлингов. Великобритания оказалась бы в таком же положении, если бы у нее была неконвертируемая и обесценившаяся валюта в размере 450 000 000 фунтов стерлингов.

[42] В Венесуэле, где письменность была почти неизвестна, необходимо было разрешить устное голосование. За несколько недель до выборов священники в качестве школьного упражнения знакомили индейцев и других невежественных людей, находившихся под их влиянием, со своим списком кандидатов.

[43] Инцидент с этим поражением напоминает нам об одном из замечательных условий тропической войны. Разгромленные консерваторы были оттеснены к широкой реке, кишасей аллигаторами. Эти дикие существа, вероятно, были менее ужасны, чем победившие либералы. Беглецы направились к реке, где, как рассказывают, понесли тяжелые потери от аллигаторов.

[44] Президент Бланко требует от своего Конгресса (май 1876 г.) принятия закона, который “объявляет Церковь Венесуэлы независимой от Римского епископата и предписывает, чтобы приходские священники избирались верующими, епископы - настоятелями приходов, а архиепископы - Конгрессом, возвращаясь к использованию первоначальной Церкви, основанной Иисусом Христом и его апостолами”. Конгресс отвечает: “Верные нашим обязанностям, нашим убеждениям и святым доктринам религии Иисуса, мы без колебаний освободим Церковь Венесуэлы от епископата, который претендует на то, чтобы как непогрешимая и всемогущая сила поглощать жизненные силы свободного народа”. Ведущая газета Венесуэлы с одинаковой точностью проводит различие между папством и христианством — между “подлинной религией Христа и теми искажениями его закона, которые заменяют господство тщеславия, гордыни и презрения к человечеству доктриной мягкости, кротости и любви”.

[45] Стоимостью в сорок миллионов фунтов стерлингов.

[46] Глубину этого невежества иллюстрирует то обстоятельство, что мексиканское почтовое отделение ежегодно отправляет по одному письму на каждые пять человек населения. Английское почтовое отделение отправляет тридцать пять писем на каждого жителя страны.

[47] За двадцать два года (с 1855 по 1877 год) ее внешняя торговля - импорт и экспорт вместе взятые — удвоилась, увеличившись с семи с половиной до пятнадцати миллионов фунтов стерлингов.

[48] Чили была достаточно мудра, чтобы предложить командование своим флотом во время этой борьбы английскому герою, которого менее мудрое, но едва ли более неблагодарное английское правительство обидело и изгнало. Лорд Кокрейн, который в исключительной степени сочетал благоразумие с отвагой, совершил так много удивительных подвигов, что ужас перед его именем, казалось, парализовал врага. В конечном счете, имея под своим

командованием незначительные силы, он отбросил испанский флот и занял господствующее положение на побережье Чили.

[49] Долг Парагвая составляет 117 000 000 фунтов стерлингов.

[50] Сам диктатор погиб от копья бразильского солдата.

[51] Некоторые из его достижений были в высшей степени пригодны для того, чтобы привлечь к своему делу грубых и дерзких людей. Однажды, стоя над воротами, через которые на полной скорости гнали табун диких лошадей, он вскочил на спину одной из них, выбранной ранее. В руке он держал кожаный повод, который надежно закрепил вокруг пасти перепуганного и бешено скачущего коня; и через полчаса он поскакал обратно, животное теперь дрожало и было покорено.

[52] Росас отправился в Англию, где провел оставшиеся двадцать шесть лет своей жизни.

[53] Было сказано, с простительным преувеличением, что “Аргентинская Республика состоит из провинции Буэнос-Айрес и тринадцати глинобитных хижин”. Тринадцать провинций настолько бедны, что в течение многих лет им регулярно ежемесячно присылались денежные переводы из Буэнос-Айреса для покрытия расходов местных органов власти.

[54] Как только в 1524 году было завершено восстановление города Мехико, Кортес обратился к императору с просьбой прислать ему благочестивых людей, которые должны были наставлять местных жителей в истинах религии. Он обращается с особой просьбой, чтобы к нему не причинили вреда роскошным священнослужителям, которые растратили все средства Церкви на разгульную жизнь. Были посланы двенадцать доминиканских и двенадцать францисканских монахов, и Кортес смог созвать синод из тридцати одного человека, чтобы посоветоваться о духовном благополучии своих подданных.

[55] Петр сообщал о своих учениках, что “они быстро учатся, точно постятся и усердно молятся”.

[56] То же самое с огромной массой цветного населения Хайти. Хотя они и являются откровенными католиками, на самом деле они верны суевериям, которые их предки привезли из Африки. Они поклоняются великому змею без яда и тайно удаляются в лес, чтобы отмечать религиозные праздники, на которых приносятся в жертву и съедаются человеческие жертвы.

[57] Всего их было пятнадцать тысяч человек; и было сказано, что они привезли с собой половину монет, находившихся тогда в обращении в Португалии.

[58] Он также приказал приобрести печатный станок в Англии стоимостью 100 фунтов стерлингов. До сих пор на территории Бразилии такого аппарата не существовало.

[59] Площадь Европы составляет 3848 000 квадратных миль; площадь Бразилии - 3 287 000 квадратных миль, хотя по некоторым оценкам она намного выше.

[60] По официальным оценкам, один миллион из них - дикие индейцы без определенного места жительства.

[61] Импорт Бразилии составляет 19 000 000 фунтов стерлингов; ее экспорт - 21 000 000 фунтов стерлингов.

[62] Это заявление, сделанное правительством. Аболиционисты, однако, обвиняют правительство в недобросовестных действиях в отношении эмансипации и утверждают, что количество рабов не уменьшилось.

[63] Парагвайская война обошлась Бразилии в 50 000 000 фунтов стерлингов.

[64] В 1874 году государственные школы посещали всего сто сорок тысяч учеников.